

"Шпионские страсти"

Читайте больше **БЕСПЛАТНОЙ** литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org

Ольга Куно

ШПИОНСКИЕ СТРАСТИ

Часть первая

Глава 1

В кабинете было полутемно несмотря на то, что часы лишь недавно пробили полдень. Плотные бордовые шторы мягкими волнами спускались до самого подоконника, надёжно охраняя кабинет от нашествия ярких солнечных лучей. Горящие канделябры создавали два световых пятна, выхватывая из полумрака поверхность письменного стола и часть заполненного книгами шкафа.

Я бесшумно вошла и застыла, почтительно дожидаясь внимания хозяина кабинета. Обстановка не смущала меня и не удивляла. Я хорошо знала, что кардинал Монтерей предпочитает обдумывать дела государственной важности именно в таком мягком полумраке, где внешние раздражители не отвлекают внимание от полученных сведений и поставленных целей.

— А, это ты. Проходи, присаживайся.

За столом кардинала не было. Голос раздался из тёмного угла, где у одной стены стоял мягкий, удобный диван, а у другой — очередной книжный шкаф. Конечно же, я сразу заметила, где именно стоит его высокопреосвященство, но виду не подала.

Теперь кардинал вышел мне навстречу и сел за стол, где и полагается принимать подчинённых. Я же, благодарно склонив голову, всё так же бесшумно скользнула в кресло для посетителей.

Мягкое сияние свечей выхватило из полутьмы лицо моего собеседника. Зелёные глаза, цвет которых не слишком гармонирует с высокой церковной должностью, занимаемой хозяином кабинета. Проницательный взгляд, напротив, идеально этой должности соответствующий. Широкие скулы, прямой нос. Интересное лицо, лишь немного тронутое морщинами, невзирая на возраст собеседника.

Я отвела глаза, чтобы не смотреть прямо на кардинала больше, чем это допустимо.

— Отдохнула? Готова к новому заданию? — осведомился Монтерей.

— Разумеется, ваше высокопреосвященство, — дала я единственно возможный ответ.

В нашем деле устал не устал, значения не имеет. Агент для каждого задания подбирается очень тщательно, с учётом умений, знаний, опыта и прочих нюансов. И если уж выбор пал на тебя, изволь выполнять свою работу. В противном случае ты зря получаешь своё весьма немаленькое жалованье, к которому также добавляются весьма внушительные, пусть и не афишируемые, связи. Ещё неизвестно, что более существенно.

— Лавар сообщил тебе, в чём будет заключаться задание?

— Только в общих чертах. Насколько я понимаю, речь идёт о поездке в Ристонию? — Я замолчала и опустила руки на колени, устремив на кардинала полный уважительного внимания взгляд.

— Верно, — подтвердил он. — Я хочу, чтобы ты отправилась в ристонийскую столицу для сотрудничества с лордом Кэмероном Этли.

Я склонила голову. Чуть приподнятые дуги бровей были единственным знаком удивления, который я себе позволила. Последние годы лорд Этли был, по сути, вторым человеком в Ристонии после его величества Анри Пятого. Похоже, дело предстояло по-настоящему важное. И возможно, весьма рискованное.

— Знает ли лорд Этли о факте «сотрудничества»? — осведомилась я, стремясь проверить последнее предположение.

Однако ответ кардинала оказался не таким, как я ожидала:

— Да. В данном случае наши интересы совпадают. Более того, не исключено, что это дело станет первым камнем в фундаменте нашего дальнейшего сотрудничества по некоему вопросу... Однако об этом рано пока рассуждать.

Монтерей вышел из-за стола и, как нередко бывало, принялся неспешно прохаживаться по комнате, сцепив перед собой длинные пальцы рук. Я немного поменяла положение, чтобы и дальше видеть лицо говорящего.

— Помнишь ли ты Сольера Малонго, прозванного также Паромщиком?

Кардинал остановился, устремив на меня внимательный взгляд, острый, как идеально отточенный кинжал. Казалось, этот взгляд проникает столь глубоко в сознание удостоившегося его человека, что отвечать на поставленный вопрос уже не требуется: всю информацию кардинал черпает самостоятельно, лишь через зрительный контакт. Впрочем, я достаточно давно знала его высокопреосвященство, чтобы предположить: порой кардинал смотрит так без далеко идущих намерений, просто в силу профессиональной привычки. Монтерей может быть расслабленным и благодушно настроенным и всё равно заставить неискущённого человека трепетать, встретившись с ним взглядом.

Однако сама я уже давно таким неискущённым человеком не была.

— Да, ваше высокопреосвященство. — В последнюю секунду я одёрнула себя и удержалась от не слишком уважительного в данном контексте «конечно», заменив его на более нейтральное «да».

— Расскажи про него. В общих чертах.

По интонации кардинала я прекрасно поняла, что от меня требуется. Краткое изложение основных фактов, призванное восстановить некоторые события в памяти его высокопреосвященства и — главное — моей собственной и подготовить почву для последующего разговора.

Я задумалась. С чего начать? Пожалуй, с сути.

— Паромщик — эркландский преступник, занимается торговлей сиреневым порошком. Вернее, не столько торгует сам, сколько перевозит запрещённый товар из города в город, доставляя в подпольные лавки и притоны. Получает за это большие деньги, поскольку виртуозно избегает любых проверок. Знает, кому заплатить, кого припугнуть, а к кому не приближаться. Быстро ориентируется в новых местах, умеет находить нужных людей, малоизвестные тропы, редко проверяемые пути. Очень ценный человек в своём кругу. Имеет весьма неплохой доход,

поскольку торговля сиреневым порошком в Эркландии процветает.

— Продолжай, — одобрительно кивнул кардинал.

Это означало, что мне следует развить тему, поднятую в самом последнем предложении.

— В нашем королевстве борьба с распространением дурманящих средств вроде сиреневого порошка ведётся весьма жёстко. В Ристонии — тоже, особенно с тех пор, как место главного королевского советника занял лорд Кэмерон Этли. А вот в Эркландии с законностью дело обстоит плохо. После войны... — Я замялась, но кардинал ободряюще улыбнулся.

— Продолжай, — призвал он. — Собственные грехи и просчёты можно скрывать от окружающих, дочь моя. Скрывать же их от себя есть верный путь к падению.

— После войны с нашим королевством дела в Эркландии идут неважно, — кратко усмехнувшись, продолжила я. — Король Клавдий пока держится на троне, но власть его ослабла. Казна не разорена полностью, и всё же опустошили её основательно. Народ недоволен. Люди бедствуют, к тому же условия, на которых был заключён мирный договор, многие считают унижительными. Словом, властям не до того, чтобы бороться с такой мелочью, как сиреневый порошок.

— Всё верно, — подтвердил Монтерей. Он ненадолго остановился, а затем вновь принялся прохаживаться по кабинету. Сцепив пальцы, как истинный священнослужитель... с взглядом истинного политика. — Те трения, которые были у нашего государства с Эркландией, с некоторых пор сошли на нет. И мы заинтересованы в том, чтобы наших соседей не потрясло такое бедствие, как внезапная смена династии. К тому же беспорядки вблизи от нашей границы, пусть и по другую её сторону, не могут не внушать опасений. Именно поэтому положение дел в Эркландии вновь требует нашего пристального внимания. Хоть это внимание и иного рода, чем четыре года назад.

Я склонила голову в знак понимания. Упомянутый кардиналом срок недавно истёк с момента подписания мирного договора между нашим королевством, Эрталией, и Эркландией.

Меж тем кардинал, достаточно неожиданно для меня, вернулся к столу и сел на своё место.

— Лорд Кэмерон Этли обратился к нам с просьбой, — совершенно иным тоном заговорил Монтерей. Не задумчиво и размеренно, а сосредоточенно и по-деловому. Казалось, он полностью позабыл разговор о сложных отношениях Эркландии с Эрталией и напряжённости во внутренней эркландской политике. — Как тебе известно, граф — непримиримый борец с сиреневым порошком. Но в последнее время в Ристонии вновь началась подпольная торговля этим средством. Порошок привозят из Эркландии, но где именно преступникам удаётся пересечь границу, выяснить пока не удалось. Однако возникло подозрение, что некий эркландский господин, ныне проживающий в Ристонии и производящий впечатление добропорядочного иностранца, как раз и есть небезызвестный тебе Паромщик. Приметы совпадают, но этого недостаточно: слишком многие подходят под словесное описание. Поэтому ты отправишься в ристонийскую столицу и поможешь опознать этого человека — или, напротив, сообщишь своим собратьям по ремеслу, что это не он. Тебе ведь доводилось видеть Паромщика, не так ли?

— Да, ваше высокопреосвященство, — подтвердила я.

— Видел ли тебя он?

— Нет. Он не являлся тогда нашей основной целью. Я лишь наблюдала за ним со стороны. Он не имел возможности увидеть меня.

— Вот и хорошо. Стало быть, ты идеально подходишь для этого задания. Твоя задача — подтвердить или опровергнуть предположение ристонийцев о том, что заинтересовавший их человек является Паромщиком. Взять его — дело их тайной стражи.

Кардинал умолк, но я не спешила нарушать тишину. Признаться, я пребывала в недоумении. Только за этим меня посылают в Ристонию? Опознать? Это было весьма необычно. И странно. Да, я действительно видела так называемого Паромщика, когда выезжала на задание в Эркландию. Но я была там не одна. И, право слово, ни за что не поверю, будто я — единственный человек, способный выполнить столь пустяковое поручение (да-да, такое даже заданием трудно назвать). И для чего-то ведь кардинал затеял в качестве предисловия разговор об эркландской политике. Ни за что не поверю, что он просто отвлекся, непроизвольно сменив тему. Однако пока ответа на эти вопросы у меня не было, и я просто, склонив голову, произнесла:

— Да, ваше высокопреосвященство. Когда я выезжаю?

— Чем скорее, тем лучше. Путь в Ристонию не короткий.

— Я отправлюсь сегодня же. Есть ли у меня дополнительные поручения?

— Будь внимательна, — без малейшей паузы последовал ответ кардинала. — Смотри и слушай. Особенно находясь во дворце Анри Пятого. Однако будь осторожна и не переусердствуй в этом направлении. Мы заинтересованы в сотрудничестве с лордом Этли и не хотим вызвать гнев ристонийских властей. Также присмотри к своим братьям по ремеслу, вместе с которыми будешь выполнять задание. Вполне возможно, что это не последнее наше сотрудничество с Ристонией в вопросах, связанных с эркландской ситуацией.

Я в очередной раз склонила голову и, благословлённая кардиналом в дорогу, покинула кабинет.

Далеко, впрочем, не ушла, так как в соседней комнате столкнулась с племянником кардинала, графом Ринопольдом Этьеном Монтереем. Друзья, к коим и я полагала возможным себя причислить, как правило, звали его сокращённо — Рэм.

— Ну что, совсем загонял тебя дядя? — с добродушной усмешкой осведомился он, поднявшись мне навстречу из глубокого кресла, в котором прежде вольготно устроился.

— Да нет, — откликнулась я, коротко коснувшись протянутой руки скорее в мужском, чем в женском, приветствии. — Всё хорошо. Нормальное служебное задание.

— Да ладно, уж мне-то можешь сказать правду, — по-свойски подмигнул Рэм. — Государственные дела для дяди прежде всего. А о том, что в итоге хрупкой леди приходится мотаться по всему свету, наверняка не задумывается.

— Хрупкой леди? — Я весело рассмеялась. — Я, красавец, не леди и уж тем более не хрупкая.

Улыбка никак не сходила с губ.

— Хрупкая-хрупкая, — отмахнулся Рэм. — В зеркало на себя давно смотрела? Худая, как тростинка. Кажется, на ветру сломаешься.

Ну да, худая. Но что поделывать, пышные формы даны не всем. Зато балансировать где-нибудь на карнизе намного удобнее так.

— Не бойся, не сломаюсь, — заверила я. — Я не хрупкая, я гибкая. Меня можно складывать вдвое и даже вчетверо — и ничего, разогнись и пойду дальше как ни в чём не бывало. Я не тростинка, Рэм. Скорее, змея.

— Знаю-знаю, — скептически отмахнулся тот, явно считая моё последнее заявление не заслуживающим внимания. — Очкастая и с капюшоном.

Он насмешливо щёлкнул меня по носу, а я опасно прищурила глаза и сжала губы в тонкую линию.

— Послушай, Монтерей, не буди во мне леди, — зловеще предупредила я.

— Даже пытаться не буду, — шутливо отпрянул Рэм. — Иначе меня жена убьёт. А дяде потом скажет, что это на неё постродовая депрессия так подействовала.

— Разве у графини постродовая депрессия? — удивилась я.

Конечно, мне редко доводилось появляться в высшем свете (да что там, я и в Эрталии-то бывала лишь время от времени), но леди Аделина Монтерей совсем уж не производила впечатления страдальцы.

— Нет, — вернул мне веру в собственную проницательность Рэм. — Но она не упустит случая воспользоваться столь удобным оправданием.

— Решай свои семейные вопросы самостоятельно, — хмыкнула я. — А мне пора собираться, я сегодня уезжаю.

— Далеко?

— За границу.

Не думаю, что он ожидал точного ответа, к тому же, если действительно хотел его получить, всегда мог обратиться к кардиналу. Племянник занимался политикой значительно меньше, чем дядя (не тот у него был склад характера), но ширма недоверия этих мужчин не разделяла.

— Вот я и говорю, — нарочито вздохнул Рэм, — совсем тебя дядя загонял.

— Слушай, не поминай своего дядю всуе. Таких, как он, почти не бывает.

— Дети мои, долго ещё вы собираетесь обсуждать мою скромную персону? — Голос кардинала, раздавшийся из-за двери кабинета, заставил нас обоих вздрогнуть от неожиданности. — Ринольд, я жду тебя уже давно.

Мои плечи затряслись в беззвучном смехе. Подарив приятелю прощальный щелчок по носу (в отместку за его собственный), я направилась к казначею, получать необходимые для путешествия деньги. Если потороплюсь, то успею одолеть сегодня двадцать, а то и все тридцать, миль.

В резиденцию его величества короля Ристонии Анри Пятого меня пропустили, хоть и, конечно же, не без проволочки. Надо же было позвать начальство, показать ему мои верительные

грамоты, потом продемонстрировать их следующему начальству и так далее, выше и выше по служебной лестнице. Потом меня пригласили подождать в небольшой гостиной, обставленной со вкусом, но без изысков. Потом появившаяся без стука придворная дама попросила обождать «ещё немного». В общей сложности ожидание затянулось часа на полтора, но я была к этому готова. Как-никак принимать меня должен был один из первых людей государства, а я, хоть и прибыла с посланием от кардинала, гонцом со срочной депешей всё-таки не являлась. Так что полтора часа — это очень даже по-божески, могло бы быть и все пять.

Когда меня провели в кабинет, на город уже опустились сумерки. Я имела возможность наблюдать за этим процессом через закрытое окно. Темнело очень быстро. Вот, кажется, красному солнечному диску ещё далеко до кирпичных крыш окружающих дворец зданий. А вот, буквально за несколько мгновений, он, кажется, приблизился к ним вплотную. Моргнёшь раз — и кусочек солнца уже исчез за чёрным прямоугольником трубы. Моргнёшь снова — и только самый краешек светила виднеется над крышей. А в следующее мгновение о его существовании напомнят лишь жёлто-оранжево-малиновые оттенки облаков.

За мной пришли как раз в это время — когда солнце уже зашло, но за окном ещё не успело окончательно стемнеть. Я скромно остановилась, немного не дойдя до письменного стола. В комнате обнаружилось двое мужчин. Один стоял возле высокого и весьма функционального бюро, из тех, где главный акцент делается не на изяществе линий и красоте узоров, а на удобстве, многообразии всевозможных ящичков и прочих отделений и эффективной системе замков. Второй расположился в кресле в тёмном, не освещаемом канделябрами углу. Сидел ровно, держа руки на подлокотниках, и, вне всяких сомнений, внимательно за мной следил.

Стоявший у бюро вельможа шевельнулся, повернул голову, и это послужило мне сигналом к действию.

— Ваша светлость. — Я сделала реверанс, благо выбранное платье позволяло исполнить сие действие достойно. Когда не приходилось путешествовать совсем уж налегке, мои вещи непременно включали в себя по меньшей мере три смены одежды: платье, подходящее для посещения дворцов, более простой наряд горожанки и костюм для верховой езды, который в крайнем случае мог сгодиться и для другой работы. Всё остальное — в зависимости от конкретного задания и допустимого размера багажа. — Я прибыла к вам с поручением от его высокопреосвященства кардинала Монтерея.

Ставку я сделала правильно. Впрочем, я с самого начала в этом не сомневалась. В мою сторону шагнул именно тот мужчина, что стоял у бюро:

— Добро пожаловать в Ристонию.

На его губах играла не широкая улыбка радушного хозяина, а скорее усмешка, но, учитывая, что знатный вельможа приветствовал сейчас простого (пусть и тайного) агента, фактически мне был оказан весьма тёплый приём.

К слову, второй мужчина за всё это время даже не шелохнулся. Надеюсь, они не рассчитывали, что я его не замечу. Впрочем, если надо, я, конечно, приложу все силы, дабы притвориться, будто так оно и есть. Нехорошо всё-таки расстраивать гостеприимных хозяев.

Меж тем лорд Этли несколько секунд поразглядывал меня, прищурившись, после чего осведомился:

— Кобра, если не ошибаюсь?

Я снова сделала реверанс, на этот раз в облегчённом, укороченном варианте:

— Именно так, ваша светлость.

Он едва заметно кивнул, после чего указал мне на кресло:

— Прошу садиться.

Дождавшись, пока я займу предложенное место, он также опустился в кресло, стоявшее наискосок от моего. За рабочий стол не сел. Эффект получился двойной: во-первых, обстановка обозначена как неофициальная, а во-вторых, мужчина в тёмном углу имел возможность и дальше наблюдать за мной без всяких помех.

— Полагаю, кардинал посвятил вас в детали нашего дела? — осведомился Этли.

— Да, ваша светлость, — подтвердила я, скромно опуская глаза. — Как я понимаю, моя задача будет заключаться в том, чтобы опознать некоего нарушителя закона.

— Удостовериться в том, что этот нарушитель и тот, кого мы вам покажем, — одно и то же лицо, — уточнил Этли. — Либо опровергнуть наше предположение. — Он ненадолго опустил голову и постучал пальцем о палец, собираясь с мыслями. — Мы потратили немало сил на то, чтобы с продажей сиреневого порошка на территории Ристонии было покончено раз и навсегда. Эркландские преступники неверно оценили ситуацию, сочтя, что могут занять освободившуюся нишу. Их порошок уже начал появляться в Ристонии, однако надолго они здесь не задержатся. Впрочем, это наша забота. Ваша задача — разобраться с неким господином, производящим впечатление порядочного, зажиточного иностранца, который недавно поселился в нашей столице. Невзирая на эту личину, у нас возникли некоторые подозрения. И есть основания предполагать, что этот человек не кто иной, как Сольер Малонго, он же Паромщик. Видимо, страсть к перемене мест подвигла его на приезд в Ристонию. Большая ошибка. — По искривлённым губам, по прищуренным серым глазам, по общему выражению красивого лица графа легко верилось в то, что Паромщик и правда совершил большую ошибку, перебравшись на территорию Этли. — Однако он ведёт себя осторожно. И даже от слезки сумел уйти.

— Стало быть, его непросто будет разыскать? — встрепелась я.

— Искать не придётся, — покачал головой Этли. — Есть место, которое он посещает регулярно. Трактир на окраине города. Вероятнее всего, там он ожидает встречи с кем-то из местных сообщников. А может быть, передаёт сообщения. Так или иначе, в скором времени он наверняка снова там появится. Но мы не знаем, когда именно. Возможно, это произойдёт завтра, а может быть, через неделю. Поэтому мы поступим следующим образом. Завтра вы вселитесь в этот самый трактир. Кстати, вам есть где остановиться на ближайшую ночь?

— Да, я уже сняла комнату в отеле «Дом и сад».

Этли одобрительно кивнул. Отели, в отличие от трактиров, существовали исключительно в городах и предназначались для приличной публики. В трактире же простого портного можно было встретить рядом с дворянином. Зачастую среди лесов и долин другого места для ночлега было просто не найти, так что крутить носом аристократам не удавалось.

— Отлично. Постарайтесь завтра не покидать отеля. За вами приедет мой человек, который будет вашим напарником в этом деле. Он отвезёт вас в интересующий нас трактир и по дороге изложит легенду и прочие детали. Нужно доработать последние штрихи, поэтому мы и

откладываем начало операции на завтра. Когда предполагаемый Паромщик прибудет в трактир, вам дадут знать. Кстати, вот ваш напарник.

Он, кажется, даже не посмотрел в сторону стоявшего в тени кресла, но сидевший там человек словно заранее знал, когда настанет его время. Он встал и вышел на свет в нужную секунду, так что в разговоре не возникло заминки. Двигался бесшумно (как и я сама) и почти с кошачьей грацией.

Что ж, значит, напарник. Ладно, посмотрим. И я принялась откровенно разглядывать того, кто за прошедшее время, вне всяких сомнений, имел возможность изучить меня во всех подробностях.

Лет тридцать на вид. Пожалуй, даже немного меньше. Но в нашем деле опытен, это тоже видно. Не первый год, не второй и даже, думаю, не пятый. Красив, но не изнеженной красотой, а по-мужски, с чертовщинкой. Для нашего рода занятий это и хорошо, и плохо. Хорошо, потому что красивому агенту проще вызвать к себе доверие окружающих. Плохо, потому что труднее затеряться в толпе. Уж если тебя приметили, то запомнят и где надо подробно опишут. Впрочем, он, без сомнения, обо всех этих тонкостях хорошо знает и, продумывая свою игру, делает ставку на обаяние, а не неприметность. Чёрные волосы до плеч. Прямой нос, глубоко посаженные глаза, не слишком тонкие губы. Сейчас они сомкнуты, и уголки лишь самую капельку приподняты в мою честь. На щеках появился лёгкий намёк на ямочки.

Хорош, отлично это осознаёт и умеет пользоваться. Что ж, молодец. Но всё равно пижон. Одет с иголки, костюм сидит идеально. По чёрному камзолу скользит шитьё цвета летней листвы. В итоге доминирует именно этот оттенок серо-зелёных глаз. Хотя не исключено, что, оденься он в синее, глаза покажутся голубыми.

— Познакомьтесь: это Нарцисс. — Эстли даже не повернулся в сторону своего агента, продолжая наблюдать исключительно за моей реакцией.

Я усмехнулась. Воистину пижон. Очень правильное имя. Интересно, как ему удаётся бесшумно ступать в таких внушительных сапогах? Впрочем, должно быть, так же, как и мне в туфлях на каблуках.

— Леди. — Агент подплыл ко мне и галантно поцеловал руку, что при знакомстве людей нашего рода деятельности совершенно необязательно. Я усмехнулась во второй раз.

— Если у вас возникли какие-нибудь вопросы, задавайте, — предложил Эстли.

Знакомство было сочтено законченным, Нарцисс занял пустовавшее до сего момента кресло, на этот раз не в тени, а рядом с нами.

— Насколько я понимаю, мне не следует вмешиваться в задержание преступника? — Я решила проверить, совпадает ли позиция кардинала с мнением нашего ристонийского партнёра.

— Всё верно. Ваша задача исключительно опознать Паромщика. Остальное мы сделаем сами.

Я молча кивнула, подтверждая, что приняла информацию к сведению и никаких возражений не имею. Ещё бы они у меня были! Не такая у меня скучная жизнь, чтобы настаивать на дополнительной работе там, где её любезно берутся выполнить за меня.

Я полагала, что на этом наша встреча завершится, но Эстли позвонил в колокольчик, и в кабинет тут же вошёл лакей. В руках он нёс поднос с тремя пустыми бокалами, откупоренной

бутылкой вина и парой тарелочек с лёгкими закусками — тонко нарезанными сырами и какими-то экзотическими соленьями. Подошёл к низкому круглому столику на одной ножке, которая лишь в самом низу разветвлялась, словно пускала корни в пол. Водрузил поднос, затем подхватил столик и переставил поближе к нам.

Разлив вино по бокалам, лакей молча удалился. Этли взял в руки свой бокал и взглядом пригласил меня угощаться. Что ж. Того, что в вино что-нибудь подмешали, я не опасалась. Не те люди и не те обстоятельства. Разве что они захотели бы таким образом оскорбить кардинала и создать напряжение в отношениях между нашими государствами. Мягко говоря, странный способ. Скорее, мне просто дают понять, что официальная часть встречи закончена и мы перешли к части «неофициальной». Хотя назвать атмосферу лёгкой и расслабленной всё равно было нельзя.

Какое-то время мы пили и закусывали в молчании. Затем Этли нарушил его обращённым ко мне вопросом.

— Не расскажете, за что получили такое имя? — любопытствовал он. — Если, конечно, это не государственная тайна.

— За хороший характер, — с милой улыбкой ответствовала я.

Государственной тайной подлинная причина в целом не являлась, но и излагать её лишний раз я не стремилась.

— Могу я задать такой же вопрос вам? — Я обратилась к коллеге, дабы переключить внимание со своей персоны на другой объект. — За что вас нарекли Нарциссом?

— За то же самое, — вернул мне улыбку он.

И, отсалютовав бокалом, пригубил вина.

— Вы уже бывали в Ристонии, госпожа Кобра? — осведомился Этли.

— Граф, вы ставите меня в непростое положение! — Я устремила на него жалобный взгляд.

Этли рассмеялся:

— Простите... Задал традиционный вопрос гостеприимного хозяина и не учёл некоторых нюансов.

Ну да, не учёл он, конечно. Так я и поверила, что человек вроде Этли способен не учесть нечто подобное. Но и на то, что я, забывшись, дам честный ответ, он тоже вряд ли рассчитывал. В чём же тогда цель вопроса? Вероятнее всего, он просто хотел посмотреть на мою реакцию.

Все эти размышления на моём лице, конечно же, не отразились, я лишь весело рассмеялась в ответ.

— Ну что ж, главное, будьте осторожны, когда станете выполнять дополнительные задания, полученные в Эрталии. — По-прежнему вежливый тон, светская улыбка, но вот в глубине глаз уже появилось нечто жёсткое, и смотрит он испытывающе.

— Что вы, лорд Этли! Я ведь приехала сюда для сотрудничества. Его высокопреосвященство —

человек высоких моральных принципов и никогда не стал бы нарушать подобным образом ваше доверие.

Я профессионально вру с кристально честными глазами. Долго тренировала эту способность перед зеркалом.

Понимающая усмешка.

— Ну что ж. Надеюсь, что вы не станете проявлять в этом вопросе собственную инициативу.

Отчаянно честный взгляд «Да никогда!».

В скором времени мы разошлись, и я с чувством немалого облегчения прошествовала к выходу. Правда, по дворцу всё-таки немного прогулялась, задерживаясь, чтобы рассмотреть те или иные панно и полотна. Здесь было много работ Пабло Эскатто. В наших, эрталлийских, дворцах они тоже встречаются, но существенно реже: всё-таки этот гениальный художник — подданный Ристонии. Послушать параллельно с приобщением к прекрасному, о чём сплетничают придворные, — тоже дело полезное, хоть и менее прекрасное. Впрочем, в данном конкретном случае особо полезным оно не оказалось: ничего мало-мальски интересного я не услышала. А настроение было совсем не рабочим: недавняя «неофициальная беседа» выпила все силы. На официальных хотя бы чётко прописано, что, когда и как следует говорить. А тут — сиди и просчитывай, как именно в голове собеседников отзовется каждое произнесённое слово. А уж в том, что в случае малейшей оплошности оно будет использовано против тебя, — и вовсе не сомневайся. Так что допустить оплошность ты просто не имеешь права.

Передёрнувшись, будто от холода, я поспешила покинуть дворец. В отель решила отправиться пешком. Мы находились в самом центре города, «Дом и сад» располагался неподалёку. А мне полезно как проветриться, так и осмотреться.

Осмотрелась. Притом очень быстро. Нет, в целом это было предсказуемо, но я с трудом удержалась от позыва рассмеяться, когда определила, что за мной ведут слежку. Причём ни больше ни меньше мой новый знакомый Нарцисс! Правда, скрадывающий фигуру плащ, обмотанный вокруг шеи шарф и надвинутая на лоб треуголка почти не позволяли его опознать, но я всё-таки профессионал.

Нет, держался парень очень осторожно. Но на какую-то секунду позволил себе попасть под свет равнодушного к шпионским делам фонаря, отбросив слишком длинную тень, и это сыграло роковую роль. Дальше определить, что за мной следят, и выяснить, кто именно, было делом техники.

Вот, значит, как, лорд Этли? Доверяй, но проверяй? Ну что ж. Мне как раз не помешает небольшая разминка.

Нет, я вовсе не рассердилась ни на Нарцисса, ни на пославшего его вельможу. И даже не обиделась. Повторюсь, такой ход был вполне предсказуем. Надо быть тупицей, чтобы позволить шпиону соседнего государства разгуливать по твоей столице без присмотра. А уж тупицей граф Кэмерон Этли точно не являлся. Нет, дело вовсе не в отрицательных эмоциях. Просто мною овладел азарт. Сама не знаю, с какой радости.

Момент я поймала идеально. Карета только-только начала набирать скорость, поэтому вскочить на запятки оказалось довольно легко. Счастье, что платья нынче, пусть и не слишком удобные, всё же не такие, как носили лет пятьдесят назад. Тогда, по слухам, дамам и в дверь-то пройти было сложно. Что уж говорить о прыжках вроде моего нынешнего?

Карета уже ехала быстро. Насколько это допустимо посреди города, конечно. То есть гораздо медленнее, чем где-нибудь на открытой местности, среди степей, но и ощутимо быстрее, чем бегают некоторые двуногие. Впрочем, долго кататься за чужой счёт я и не собиралась. После первого же поворота спрыгнула на мостовую и поспешила нырнуть в ближайшую подворотню.

Немного быстрой ходьбы — и я уже на очередной шумной улице. Цокот копыт, окрики кучеров, переговаривающиеся прохожие — обычное звучание большого города. Так, и что тут у нас? Ага, кажется, это Водный квартал, Речная улица. Сейчас свернём на Озёрную, а оттуда рукой подать до Морского переулка...

В Ристонию я всё-таки приехала не впервые. А кроме того, долгая дорога не была потрачена впустую, на бездумное созерцание открывающегося из окошка кареты пейзажа. В частности, я изучала карты. В том числе очень подробные карты столицы, в которых были обозначены такие детали, каких в обычной карте, какую можно купить в любой географической лавке, вы никогда не найдёте. Сейчас меня интересовала как раз одна из таких деталей. А именно — табачная лавка, хозяин которой не отличался болтливостью и которую можно было очень удобно покинуть через чёрный ход.

Ага, а вот и она, судя по вывеске «Кольца дыма». Дёрнув на себя дверь, проскочила внутрь. Звяканье колокольчика проигнорировала, бросила на стол монету за молчание и метнулась дальше, к чёрному ходу. Хозяин лавки, явно много на своём веку повидавший, отнёсся к моему манёвру с философским спокойствием. А пять минут спустя я уже поднималась по ступеням, ведущим на крыльцо отеля.

На этом я, конечно же, не расслабилась. Оказавшись в своей комнате, вызвала горничную, быстро разделась с её помощью, затем самостоятельно повывёрнула из волос основную часть заколок и булавок — и, наконец, нырнула в постель.

Воистину пунктуальность — похвальное качество для джентльмена. Долго ждать мне не пришлось. Едва одеяло коснулось оголённых плеч (лямки камизы прикрывали их лишь самую малость), как за дверью послышался громкий топот мужских сапог. Ещё пара секунд — и дверь распахнулась так резко, что ударилась о стену.

— И это всё?!

На пороге стоял ОН. Нарцисс собственной персоной, только в данный момент он значительно меньше походил на пижона. Идеально уложенная некогда причёска растрепалась, камзол сидел неровно после продолжительного бега, сапоги были заляпаны грязью, а в глазах вместо самодовольства пылала злость. Ну и пара морщин на перекошенном от этого чувства лице тоже делала его как-то живее. Я лежала и прямо любовалась. Определённо, таким он мне нравился больше. Красавец.

— Простите, вы о чём? — «удивилась» я, позёвывая напоказ.

Ох, как гневно сдвинулись брови! Просто прелесть.

— Не ломайте комедию. Какого чёрта вы устроили?

Я недоумённо развела руками. Приподнялась повыше, позволяя одеялу основательно сползти.

— Если не ошибаюсь, вы должны были заехать за мной завтра. Вероятно, что-то случилось? Паромщик объявился? Вас прислал лорд Этли?

— Значит, не понимаете. — Тяжёлый взгляд, кажется, был призван придавить меня к кровати. — Хотите сказать, что вы зигзагами скакали по городу просто для того, чтобы проветриться перед сном?

Ну, в некотором смысле можно сказать и так. Я невинно похлопала глазками:

— А вы откуда знаете?

Нарцисс нехорошо прищурился. Я соскользнула с кровати, нисколько не стесняясь своего вида, и прошла к столику. Но по дороге, как бы между делом, захлопнула дверцу предоставлявшегося постояльцам сейфа.

— Хотите воды? — гостеприимно осведомилась я.

— Что там? — не оценил моё гостеприимство мужчина.

— В воде? — удивилась я.

— В сейфе, — спокойно поправил Нарцисс.

Вообще самообладание вернулось к нему достаточно быстро.

— Не знаю, о чём вы, — отрезала я, перебираясь поближе к сейфу и как бы ненароком его загораживая.

— Откройте.

Я покачала головой.

— Ладно, в таком случае я открою его сам.

В один момент оказавшись рядом, Нарцисс довольно бесцеремонно сдвинул меня в сторону.

— Я не отдам вам ключ, — заявила я с волнением в голосе.

— Значит, мне придётся обойтись без него, — нисколько не расстроился незванный гость.

— Держите себя в руках! — возмутилась я.

Но снова перебралась в постель и даже, приличия ради, прикрылась одеялом. Борьба с Нарциссом смысла в любом случае не имела: совершенно очевидно, что чисто физически он сильнее меня.

— Это вам следовало держать себя в руках и, приехав на чужую территорию по приглашению, не крутить интриг у хозяев за спиной.

— С чего вы взяли, будто я кручу интриги?

— Если нет, почему вы тогда не соглашаетесь открыть сейф? Вы ведь только вселились.

Я вздохнула. Крыть было нечем. А Нарцисс уже уселся на пол возле сейфа и, вполне удобно устроившись, принялся ковыряться в замке. Инструмент, который он использовал, напоминал шпильку. Откуда незванный гость его извлёк, неизвестно, но явно не из волос.

— Ладно, — буркнула я, сдаваясь. — Чего вы хотите?

— Вы это о чём? — поинтересовался Нарцисс, не отвлекаясь от своего нелёгкого дела.

— Я могу дать вам пятьдесят золотых, с условием, что вы не будете открывать этот ящик.

В моём голосе сквозило раздражение «непонятливостью» собеседника.

— Простите, леди Кобра, но не пойдёт.

Вот, значит, как. Интересно: торгуется или действительно неподкупен?

Я сжала руки в кулаки и задержала дыхание, а через несколько секунд более спокойно произнесла:

— Сто золотых. И мы не открываем этот ящик.

— Нет, — последовал ответ.

— Тогда назовите свою цену. Чего вы хотите? Чтобы я расплатилась натурой?

Такое предложение всё-таки заставило его оторвать глаза от замка. Неужели я нашла его слабое место?

— Что вы имеете в виду?

— Не разыгрывайте ребёнка. Вы находитесь в комнате у полуобнажённой женщины и не знаете, о чём она говорит, когда упоминает плату натурой?

Замок щёлкнул, и дверца сейфа приоткрылась.

— Сожалею, леди, но, боюсь, я не смогу принять ваше щедрое предложение, — сказал Нарцисс, поднимаясь на ноги. — Ну и что это такое? — спросил он, извлекая содержимое сейфа.

На сей раз он не злился, просто вздохнул.

— Шоколад, — озвучила очевидное я, в то время как агент вертел в руках совершенно стандартную плитку.

— И как это понимать?

В этот момент он был похож на наставника, расстроенного тем, что ученица ведёт себя слишком по-детски.

— Понимаете, — я перешла на интимный шёпот, — я очень люблю шоколад. Это моя страшная тайна. Можете его съесть, — я вновь заговорила громче. — В качестве компенсации за доставленные неудобства. Заодно и проверите, не спрятано ли там какое-нибудь секретное письмо.

Эх, жаль, что у меня не нашлось под рукой горшочка с мёдом! Вот там можно было бы очень долго искать несуществующий документ.

Нарцисс повертел плитку в руках и небрежно кинул её на столик.

— Я требую компенсацию, — заверил он. — Но сам решу, когда и чем.

После чего покинул комнату. Что ж, весьма эффектно.

Глава 2

Солнечные лучи то падали на днище кареты прерывающейся местами полосой, то вновь исчезали за подрагивающими занавесками. Нарцисс, расположившийся напротив, излагал планы на наше ближайшее совместное будущее.

— Вселишься в трактир под вымышленным именем, на твоё усмотрение. — Теперь он обращался ко мне исключительно на «ты», словно подчёркивая тем самым, что с сегодняшнего утра мы стали напарниками. — Ты — молодая вдова, приехала уладить кое-какие не слишком обременительные дела покойного мужа, а заодно поглазеть на столицу. На заведение попрличнее твоего состояния не хватает, но кое-какие деньги всё же есть. Собираешься остаться всего на одну ночь. Но встречаешь меня. Я сам подойду к тебе, главное, спустись к ужину в общий зал.

— И что дальше?

— Дальше мы с тобой уходим в загул. Дня на два, а может, на пять или на неделю. По обстоятельствам. Большую часть времени торчим у тебя в комнате. Периодически спускаемся вниз, чтобы выпить, или перекусить, или просто немного проветриться. Менестрелей послушать. Словом, найдётся предлог. Теперь самое главное. Когда будешь вселяться, пожалуйся трактирщику, что тётка подарила тебе слишком тёплый плащ. Кстати, вот он.

Нарцисс вручил мне чёрный плащ, подбитый мехом. Я приняла этот предмет одежды и оценивая его оглядела. Хм, а почему так мрачно? Ах да, у меня же траур. И загул. Своеобразно. Но, учитывая, что траур по супругу надлежит соблюдать целый год, ничего из ряда вон выходящего в этом нет.

— И что тогда будет?

Я поймала себя на том, что разговариваю эдаким пренебрежительно-скептическим тоном. Будто приехала из столицы в глубинку и потому сомневаюсь в профессионализме коллег. Странно, никогда раньше не замечала за собой подобного позёрства. Старее, что ли? Начала зазнаваться? Надо будет обдумать на досуге. Однако досуг — это не сейчас.

— Трактирщик — наш человек, — объяснил Нарцисс. — Поселит тебя в нужную комнату. А когда Паромщик явится, кто-нибудь из наших агентов (кто будет на тот момент дежурить) даст знать.

— Хм, — я нахмурилась, — трактирщик, что же, подсадной?

Такой вариант не слишком сильно мне понравился. Постояльцы и завсегдатаи не могли не заметить смену хозяина. И какую бы достоверную легенду ни придумали люди Этли, опытный Паромщик вполне мог заподозрить неладное.

— Нет, просто сотрудничает, — успокоил меня напарник.

— И что, вы так-таки в нём уверены? — Я снова вернулась к прежнему скептическому настрою.

— Была возможность убедиться, — уклончиво отозвался Нарцисс.

Что ж, ладно. Подробности — не моё дело.

— Как насчёт одежды? — Я решила перейти к тому, что моим делом всё-таки являлось. — А то вид у меня сейчас не так чтобы траурный.

Я окинула выразительным взглядом своё платье. Особенно ярким оно, конечно, не было (если нет другой потребности, я предпочитаю одеваться для работы неброско), но и за траурное тоже не сошло бы.

— Сейчас заедем в одну лавку, там всё устроят, — ответил Нарцисс. — Оттуда тебя отвезут в трактир. А я появлюсь ближе к вечеру.

Крыша — крыша — окна второго этажа — крыша — труба. Именно такой жизнеутверждающий вид открывался из комнаты, которую мне сдал хозяин трактира. Счастливой обладательницей заветного ржавого ключа я была уже вторые сутки. Красную черепицу и прохлаждающихся на ней голубей рассматривала, кажется, лишь немногим меньше.

— Скукота, — честно констатировала я, отрываясь от зрелища.

Напарник сидел на полу, вытянув ноги, и от нечего делать подкидывал на ладони игральные кости.

— Может, хоть чем-нибудь займёмся? — выдвинула предложение я, не желая снова устремлять взор на ничем не примечательную улицу.

Нарцисс в последний раз подкинул кости и ловко поймал их в кулак.

— Сыграем в карты? — предложил он.

— В карты? — без особого энтузиазма протянула я в ответ.

Что ж, за неимением другого занятия можно и в карты.

— Ладно, а во что? В истанс вдвоём неинтересно. Тогда в шута?

Нарцисс возражений не имел. В один момент приняв вертикальное положение, он передвинул квадратный столик так, чтобы нам удобнее было играть, и принялся тасовать колоду.

Я лениво приблизилась и, опершись о стул, принялась следить за раздачей. Садиться пока не торопилась: грубо сколоченные стулья были жёсткими и неудобными.

— На что играем? — любопытствовала я.

— На золотой? — внёс предложение Нарцисс.

Я поморщилась:

— Неинтересно.

— На желание?

— Ага, нашёл дуру!

— Ну, тогда на раздевание.

Хм, а вот эта идея мне понравилась.

— Почему бы и нет?

Во всяком случае, какое-никакое, а развлечение. А то пока будешь ждать знака местной агентуры, состариться можно.

— Сдавай.

Играть я решила честно. Вообще-то супруга Рэма, графиня Монтерей, имеющая довольно бурное прошлое, в том числе и по части азартных игр, обучила меня кое-каким приёмам. Однако в данном случае игра шла на интерес, и я не видела причин прибегать к особым методам. Тем более что и мой партнёр тоже играл, насколько я могла судить, вполне честно. И проиграл, кстати сказать, первым.

— Давай. — К этому моменту я уже всё-таки сидела на стуле и теперь выжидающе подалась вперёд, опираясь локтями о стол.

Нарцисс усмехнулся и преспокойно стянул с себя кожаную куртку.

Чёрт, как же так? Надо было изначально договориться, что верхняя одежда не в счёт. Я-то небось без плаща сажу! Хотя, с другой стороны, учитывая, сколько наши женщины носят нижнего белья... Можно считать, что у меня и так имеется фора.

Словом, возмущаться я не стала, вместо этого перетасовала карты и начала сдавать. На этот раз выигрыш остался за Нарциссом. Я хмыкнула и скинула туфли, которых под пышной юбкой даже не было видно. Что ж, так даже удобнее. Пусть ноги отдыхают.

— Твоя очередь сдавать.

Настроение стремительно поднималось. Вечер обещал стать увлекательным.

На сей раз Нарцисс проиграл. Чёрный жилет пошёл следом за курткой. Теперь сверху на напарнике оставалась лишь белая рубашка со стоячим воротником да кожаные наручи, если, конечно, считать их за одежду. Когда напарник избавлялся от жилета, под тканью уже обозначилась мускулатура. Я приложила все усилия для того, чтобы победить повторно. Очень хотелось снять с него рубашку. В том, что недостатками фигуры Нарцисс не страдает, сомнений не возникало и так. Но... хотелось в этом убедиться, если можно так выразиться, на практике.

Однако удача мне не улыбнулась. Проигрыш был мой.

— Приступай, — с требовательной ухмылкой скомандовал Нарцисс, намекая на то, что сейчас на очереди явно оказалось платье.

Если он рассчитывал меня смутить, то очень напрасно. Я так давно состою на службе и столько всякого успела за это время перевидать, что, право слово, такой пустяк, как остаться при малознакомом мужчине без платья... Это сущая ерунда, в особенности учитывая, что я нахожу этого мужчину привлекательным, а белья на мне чуть ли не тонны.

Поэтому я плавно, спокойно и эдак неспешно взялась за шнуровку платья. Шнуровалось оно на

груди. Потихонечку, неторопливо повозилась с завязками. Всё это с застывшей на губах полуулыбкой, не сводя безмятежного взгляда с партнёра, что сидел с противоположной стороны стола. И отвечал мне столь же безмятежным — и столь же пристальным — взглядом.

Зрительный контакт прервался лишь на секунду, когда снимаемое через голову платье скрыло от меня окружающий мир. Но стоило моему лицу вновь обрести свободу от тёплой, мешавшей дышать ткани, и я возвратила напарнику всё тот же безмятежный немигающий взгляд. А платье всё так же спокойно отшвырнула на кровать.

— Ну как? — вежливо полюбопытствовала я.

Имевшаяся одежда по-прежнему прикрывала наготу. Так, разве что обнажилась шея, которую прежде прикрывал воротник вдовьего платья. Блузка, надетая поверх корсета, эту функцию не выполняла. Да ноги, упакованные в чёрные чулки, обнажились до лодыжек. Платье всё же будет подлиннее нижней юбки и камизы.

— Неплохо, — признал Нарцисс. — Бельё, стало быть, тоже чёрное? Нестандартно.

— Ну как же, вдова — значит, вдова. Я серьёзно готовлюсь к работе. Мелочей в нашем деле не бывает.

— Ну что ж, играем дальше? — поинтересовался напарник, благосклонно выслушав моё нравоучение. — Или боишься?

— С чего бы это? — фыркнула я.

— С того, что ещё немного, и я сниму с тебя всё до последней тряпочки, — предупредил он. При этом в глаза смотрел взглядом удава, и даже голос его прозвучал чуть ниже обычного, с эдакой завораживающей хрипотцой.

— Попробуй, — приняла вызов я. — Но прежде лучше подумай сам, готов ли продолжать. Потому что играю я лучше тебя. И в ближайшее время одеру как мальчишку. Так что, если у тебя там, под одеждой, что-нибудь не в самой лучшей форме, сейчас как раз подходящий момент придержать коней. Я, так и быть, даже большой штраф с тебя не стребую. Так, самую малость.

Я сперва окинула жадным взглядом его рубашку, а затем опустила глаза и ненадолго задержалась на брючном ремне.

Н-да, кажется, сейчас мне бы не помешало искупаться в очень холодном озере. А то что-то в комнате стало жарко. Но в этом есть свои бесспорные плюсы. В частности: мне уже не скучно.

— Играешь лучше меня? Кто ввёл тебя в такое заблуждение, дитя? — парировал Нарцисс. — Ещё немного, и на тебе ничего не останется. И знаешь, что будет дальше? Дальше тебе придётся расплачиваться за каждый проигрыш натурой.

— Ох, прямо-таки за каждый? — с издёвкой протянула я. — И долго тебе силёнок хватит на такую... игру? Не слишком ли вы высокого о себе мнения, а, господин Нарцисс?

— Играем? — с напором повторил он.

— Играем, — не секунды не колеблясь, откликнулась я.

И мы продолжили играть.

Я проиграла. Плавно повела оголившимся плечом, извлекая руку из рукава блузки. Теперь ничто не скрывало от взора мужчины такую пикантную деталь одежды, как корсет... Кстати, вот от неё я избавляться не собиралась. Во-первых, некоторым слишком жирно будет, а во-вторых, попробуйте-ка снять эту штуку самостоятельно. Придётся просить этого зазнайку о помощи. А негласные правила у нашей игры чёткие. Смотри, но не трогай. Пожирать взглядом можно и даже приветствуется. Прикасаться — нет.

Поэтому следующий проигрыш оставил меня без нижней юбки. Итог: чёрная шёлковая камиза, длинные полупрозрачные чулки и корсет.

М-да, похоже, мне скоро придётся прибегнуть к урокам графини Монтерей.

Я как следует сосредоточилась на запоминании карт и была вознаграждена: на сей раз проиграл Нарцисс. Расположившись поудобнее, я внимательно наблюдала за тем, как он расстёгивает пуговицы рубашки. Начиная с самой верхней — и дальше, всё ниже и ниже. Впрочем, нет: верхняя и так была расстёгнута, так что он начал со второй.

Мужские пальцы ловко перемещались от пуговицы к пуговице, без труда заставляя прорези приоткрыться, выпуская очередную застёжку. Вырез рубашки становился при этом глубже, открывая всё более интересный вид. Смотреть на тело мужчины, не пренебрегающего физическими нагрузками, всегда приятно. Наконец последние пуговицы были расстёгнуты, а рубашка — распахнута, в результате чего окончательно оголился плоский живот. Я никуда не торопилась, но на партнёра по картам взглянула требовательно. Пуговицы в условия игры не входили. Так что раз проиграл, изволь избавиться от всей рубашки.

Нарцисс ухмыльнулся в ответ на моё невысказанное требование и дразнящими, неторопливыми движениями стянул с себя проигранный предмет одежды. Сначала обнажились ключицы, потом внушительные плечи, а затем и спина.

Я тут же приняла деловитый вид:

— Играем дальше?

И мы, конечно же, продолжили.

Это была уже не партия в карты. Это была проверка на выдержку, на самоконтроль, и неизвестно, кого из нас двоих проверяли более сурово. Главная игра происходила уже после того, как выполнившие свою задачу карты оказывались отброшены на стол. Кто первым сдастся? Кто не выдержит и, больше не готовый только смотреть, переступит невидимую грань, мысленно прочерченную между нашими половинами стола? Каждый старался добиться такого проигрыша от другого. Я томно вздыхала, позволяя негромкому стону сорваться с губ, когда, поставив ногу на стул и задрав камизу до самого верха бёдер, стала медленно стягивать чёрный чулок. Взгляд Нарцисса внимательно следовал за скольжением тонкой ткани, по мере спуска которой постепенно обнажалось колено, голень и, наконец, ступня. Черёд второго чулка пришёл лишь после следующего проигрыша.

А дальше два раза подряд проиграл Нарцисс. В первый ушли короткие сапоги из мягкой кожи (ничего похожего на те, тяжёлые и высокие, что были на нём вчера). Во второй настал черёд брюк. Красивый мужчина с обнажённым торсом, у которого выше пояса из одежды лишь кожаные наручи, нарочито медленно расстёгивающий брючный ремень, — это, скажу я вам,

зрелище не для слаонервных.

Конечно, нижнее бельё имелось не только у меня. Под основными брюками обнаружили нижние, традиционно белые. Из тонкой ткани, отлично демонстрировавшей тот факт, что напарник не остался равнодушен к моей части представления.

Скука была позабыта напрочь. Глаза обоих лихорадочно блестели. Следующий проигрыш, выпади он мне или Нарциссу, обещал перевести игру на новый уровень. Но не успели мы раскрыть последние карты, как звук гулких ударов заставил нас синхронно повернуть головы к камину. В комнате под нами некто стучал кочергой по каминной стенке, и мы оба отлично знали, что это означает.

Реакция, к счастью, у нас обоих профессиональная, и на дальнейшее потребовалось не более пятнадцати секунд. Те предметы одежды, в которых не возникало подлинной необходимости, остались нетронутыми. Так, блузка, которую следовало носить под платьем поверх корсета, продолжила валяться на кровати. А вот на нижнюю юбку я пару лишних секунд потратила: всё же без неё платье смотрелось бы слишком неестественно. Нарцисс, со своей стороны, пренебрёг жилетом и нацепил кожаную куртку прямо поверх рубашки. Думаю, не стоит уточнять, что таким образом при нём осталось всё то же оружие и прочее снаряжение, что было по внутренним карманам этой самой куртки распихано.

Не говоря друг другу ни слова, мы стремительно вылетели за дверь и только там позволили себе двигаться неспешно. В обнимку, со смешками и повторяющимися изредка поцелуями, спустились по ступенькам и ввалились в общий зал. Беспорядок в нашей одежде и причёсках вряд ли мог кого-нибудь удивить. Крайний трактир есть крайний трактир, а завсегдатаи и вовсе уже успели вдоволь насплетничаться о нашем загуле.

Всё так же, в обнимку, проплыв мимо трактирщика, мы, конечно же, обратили внимание на его осторожный знак, после чего остановились возле самого края стойки. Якобы всецело погружённый в смелые ласки и не замечая ничего вокруг, напарник тихонько развернул меня в нужную сторону. Человека, сидевшего за третьим слева столиком в ожидании заказа, я узнала сразу. Паромщик собственной персоной, только волосы стали покороче и существенно темнее, видать перебрал. Но меня сложно сбить с толку подобными мелочами.

Сладко улыбнувшись напарнику, я утвердительно кивнула. На этом игра заканчивалась. Почти.

Мы продолжали миловаться, пока, выкрикнув трактирщику пару пожеланий на предмет напитков, продвигались к столику, соседнему с тем, за которым расположился Паромщик. Продолжали в том же духе, когда Малонго принесли заказанный портвейн. Что характерно, закуски он не заказал, поэтому к выпивке получил лишь стандартный в этом заведении ломоть выпекавшегося по соседству хлеба. Очень, кстати сказать, свежего и вкусного, — это я успела оценить. Ведь и нам с Нарциссом тоже приходилось что-то есть, а заодно и — якобы — выпивать, дабы оправдать своё присутствие в зале. В сторону Паромщика лишний раз даже не смотрели: незаметно от нас он теперь не улизнёт, зато лишнее внимание такого осторожного и опытного человека вполне могло спугнуть.

Малонго просидел за столом ровно десять минут. Ни с кем не разговаривал, ничего больше не заказывал. Затем встал и, бросив на стол крупную монету, направился к выходу. Лишь когда он потянул на себя тяжёлую дверь, мальчишка-половой, возившийся в дальнем углу, оставил свою тряпку и выскользнул на улицу следом. Ещё один агент, насколько я знала, должен был присоединиться к компании уже снаружи.

— Вот и всё, — шепнул мне Нарцисс, поднимаясь и отодвигая стул. — Отдыхай. Дальше наша работа.

— Непременно, — улыбнулась я, мысленно фыркнув в ответ на проскользнувшее в его тоне самодовольство. Нарцисс, он Нарцисс и есть. Прозвища даются не просто так. В моём случае тоже.

Я проводила теперь уже бывшего напарника спокойным взглядом. Лениво потянувшись, встала и последовала за покинувшими трактир посетителями, предварительно положив на столик пару монет. Необходимости в этом не было: с трактирщиком люди Этли, вне всяких сомнений, расплачивались отдельно. Так что это были просто чаевые от души, за гостеприимство и вкусный хлеб.

До ближайшего тёмного переулочка было рукой подать. Собственно, здесь, на окраине, все они тёмные. Будь то столица или мелкий городок, Эрталия или Ристония, такие районы всегда выглядят одинаково. По пути я наклонилась и сорвала пару одуванчиков, выросших на краю дороги.

Из переулочка уже доносился шум. Как выяснилось, Паромщик не напрасно потратил в трактире десять минут своего драгоценного времени. Прежде я предполагала, что он ожидал появления кого-то из сообщников, но тщетно. Теперь же выяснилось, что сообщник на встречу пришёл. Только, соблюдая осторожность, подходить к Малонго прямо в трактире не стал. Вместо этого эркландец, выждав положенное время, отправился в переулочек, где и должна была состояться встреча. Она и состоялась. Вот только оказалась, стараниями агентов Этли, более многочисленной, чем ожидал Паромщик.

Самого Малонго взяли с лёгкостью. Он попытался бежать, но Нарцисс с ходу перехватил его, и больше эркландец попыток сопротивления не совершал. Он был торговцем, конспиратором, но никак не воином. А вот со вторым оказалось сложнее. Тот сопротивлялся изо всех сил. Извивался, вырывался, бил наугад припасённым под курткой ножом. В итоге ранил одного агента, от другого увернулся и стрелой припустил прочь из переулочка.

На девушку с цветочками внимания не обратил. А зря. Девушки — они разные бывают. Одной вовремя выставленной ножки хватило, чтобы парень загремел носом о дорогу. Нож выпал из руки и отскочил, звонко ударившись о близлежащий камень. Агенты тут же навалились на беглеца, вывернули ему руки, и дальше я за процессом ареста уже не наблюдала.

— У меня будет небольшая просьба, — обратилась я к Нарциссу, который приблизился ко мне, продолжая удерживать эркландца. — Будь добр, скажи лорду Этли, что я всего лишь вышла понюхать цветы. — И я демонстративно поднесла к носу свои чахлые и совершенно не пахнущие одуванчики. Нарцисс слушал, явно позабавленный демонстрацией. — А этот сам на мою ногу наткнулся.

Я кивнула в сторону поверженного преступника.

— Договорились, — усмехнулся Нарцисс и озорно мне подмигнул.

И в тот момент в его улыбке не было ни капли самолюбования.

На следующий день тайный агент лорда Этли, известный в узких кругах под кличкой Нарцисс, получил анонимное письмо следующего содержания: «Если вас интересует информация о действиях эрталийской агентурной сети на территории Ристонии, приходите сегодня в восемь

часов вечера в трактир „Кедровый орех“. Второй этаж, вторая дверь справа. Если приведёте „хвост“, останетесь без информации».

Вечером Нарцисс прибыл по указанному адресу. Под кожаной курткой скрывался арсенал, о каком недоброжелатели могли в лучшем случае догадываться. В голенищах высоких сапог были спрятаны готовые скользнуть в руку кинжалы. Под хохот спускающихся навстречу девиц он плавным, неспешным шагом поднялся по плохо освещённой лестнице. Вошёл в совсем уж тёмный коридор и, лишь убедившись, что тот пустует, приблизился ко второй двери по правую руку. И, тщательно подготовившись, постучал. Раздался звук отпирающегося замка. Больше ничего не происходило. Агента приглашали самостоятельно войти в комнату. В последний раз убедившись, что всё готово, он осторожно толкнул дверь.

Стоило Нарциссу оказаться в комнате, как я тенью выскользнула из-за двери и прижала кинжал к его горлу. В ту же секунду лезвие его собственного кинжала коснулось моей груди.

— Ты разве не знаешь, что верить анонимным посланиям глупо? — зловещим шёпотом осведомилась я. — В девяти случаях из десяти это — путь в ловушку.

— Отлично знаю, — отозвался он. — Но я умею выходить сухим из воды.

— Думаешь, в данном случае тебе это удастся? — фыркнула я, погладив его шею плоской стороной лезвия.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь. — Кинжал Нарцисса скользнул чуть выше по моему платью.

Я в свою очередь опустила кинжал пониже, задержавшись на мгновение совсем близко от трепещущей на шее жилки. Взясась свободной рукой за рубашку Нарцисса, выглядывающую из-под расстёгнутой куртки, и провела лезвием сверху вниз, заставив пуговицу со звоном брякнуться об пол.

— Для начала рубашки ты уже лишился, — сообщила я.

— Как и ты — платью, — парировал он.

И доли секунды не прошло после того, как были произнесены эти слова, — и ткань моего платья затрещала, поддаваясь напору безжалостного клинка. Лезвие еле-еле касалось моей кожи, ещё не рая, но уже холодея. Ткань сползла, приоткрывая плечо.

В этот момент мы словно сорвались с цепи. И, заключив друг друга в объятия, принялись неистово целоваться. Можно было считать это взаимным проигрышем во вчерашние карты. Или взаимным выигрышем, тут уж кто разберёт?

Губы Нарцисса мимолётно коснулись моей шеи, после чего впились в плечо. Порванное платье сползло достаточно низко, чтобы продемонстрировать отсутствие камизы и корсета. Свободная рука агента проникла в вырез и почти добралась до не скованной бельём груди. Но выигранного прежде пространства всё-таки не хватало, и, вытащив руку, Нарцисс снова взялся за кинжал. Объятия объятиями, но оружия ни один из нас не выпустил. Лезвие резко скользнуло вниз, продолжая делить платье на две половины. Ткань порвалась до самого живота. С неистовством дикого зверя разведя две части платья в стороны, Нарцисс наклонил голову к моей груди и сжал губами сосок. Я откинула голову назад, запустила руку в его волосы и с силой вцепилась в них, рискуя вырвать клоч, в то время как мужчина с

остервенением впивался в мою грудь, лаская то пальцами, то губами, то языком.

Наконец я с силой оттолкнула его, заставив выпрямиться, и, задействовав собственный кинжал, принялась кромсать рубашку. Сама стянула её с плеч, но задержалась, когда надетыми оставались лишь самые края рукавов. Не удержалась от того, чтобы посмаковать эти мгновения мужской беспомощности, пока его руки были скованы за спиной его же собственной одеждой. Прикусила плечо Нарцисса, медленно провела пальцем по его груди, рисуя на ней невидимые узоры. Наклонилась, чтобы коснуться кончиком языка его живота, и стала медленно подниматься вверх, ощущая солёный привкус. Потёрлась о его грудь собственной обнажённой грудью. И уж тут услышала, как с треском рвётся мешавшая ему рубашка.

Обрывки белой ткани так и остались висеть у Нарцисса на руках, плотно обхватывая запястья. Но руки эти уже были свободны и поспешили доказать сей факт, творя с моим телом чёрт знает что. То глядя мягко-мягко, то сжимая до боли, то нежно, смиренно лаская, то доказывая свою власть. Потом взяли за моё платье и без помощи отброшенного кинжала разорвали его до конца.

Окончательно убедившись в полном отсутствии на моём теле белья, Нарцисс стремительно сорвал платье, вернее сказать, то, что от него осталось. Фигура у меня хорошая, кость узкая, рост высокий, но не излишне, кожа светлая, грудь небольшая, зато высокая. Кажется, мой обнажённый вид произвёл на недавнего напарника впечатление, поскольку он даже застыл без движения на несколько мгновений. А я воспользовалась этой заминкой, чтобы наклониться и подхватить с пола кинжал Нарцисса. Впрочем, его хозяин, кажется, даже в этот момент не слишком интересовался целью моих движений, сосредоточившись в основном на изгибах моего тела.

— Ложись, — хищно сверкнув глазами, посоветовала я, когда оба клинка сразу коснулись шеи Нарцисса, каждый со своей стороны.

Он усмехнулся, охотно выполняя приказ. Мягкий, пушистый ковёр перед камином, немного в стиле охотничьих домиков, но более современных, из тех, что украшены не только шкурами животных. По-моему, отличное место для тесного знакомства, ничем не хуже кровати.

Нарцисс лёг на спину, я села сверху. Смерила взглядом брючный ремень, а затем безжалостно разрешила и его. Быстро избавившись от одежды, Нарцисс воспользовался моей невнимательностью и повалил меня на ковёр, прижимая тяжестью своего тела. Собственный кинжал он сумел при этом отвоевать. Мой по-прежнему оставался у меня в руке.

Тело у Нарцисса действительно было отличное — и на вид, и на ощупь. Опыт тоже имелся (странно было бы, если бы не так!). После продолжительных стонов, метаний, криков и объятий мы улеглись на ковре, откинув головы назад и выпустив кинжалы из ослабивших хватку рук.

Уходя под утро, Нарцисс не стал возиться с остатками рубашки и вместо этого накинул куртку на голое тело. Выглядело странно, но весьма привлекательно. Впрочем, в такое время никто и не углядит.

— Увидимся, — уже знакомо подмигнул мне Нарцисс.

— Кто бы сомневался, — хмыкнула я.

Часть вторая

Глава 3

На этот раз шторы были немного приподняты, позволяя комнате наполниться дневным светом. Его высокопреосвященство занимался бумагами и не счёл целесообразным обойтись неверным мерцанием свечей. Я сидела в том же кресле, что и в прошлый раз, ожидая слов работавшего за столом кардинала.

— Как прошла твоя поездка в Ристонию, дитя моё?

Мы с кардиналом не виделись со времени моего прошлого отъезда. Подробный отчёт я представила по возвращении своему учителю и непосредственному начальству, Лавару, а уже он докладывал непосредственно Монтерейю. Дело было не таким уж важным, поэтому вызывать меня, чтобы лично расспросить о деталях, кардинал не стал. Но вот теперь, две недели спустя, тема моей поездки всё-таки всплыла в этом кабинете.

— Благополучно, ваше высокопреосвященство. Не считая дополнительной информации о положении дел во дворце. Лорд Этли был чрезвычайно внимателен и ни на миг не оставлял меня без присмотра. А от более решительных мер вы посоветовали мне воздержаться.

— Всё верно, дитя моё. От лорда Этли и не следовало ожидать ничего иного. Тем не менее... внимательность и любознательность — полезные качества, и нам не всегда дано предугадать, в какой именно момент они принесут плоды. Однако же мой вопрос был не об этом.

Я удивлённо приподняла брови, пытаюсь понять, что же в таком случае могло заинтересовать кардинала.

— Люди, с которыми ты сотрудничала на территории Ристонии, — внёс в вопрос ясность Монтерей. — Какое они произвели на тебя впечатление? Станут ли они достойными союзниками в случае, если мы решим возобновить сотрудничество?

— Мне довелось тесно сотрудничать лишь с одним человеком. — Я не испытывала чувства стыда и не покраснела, но взгляд всё же на миг отвела. Успел ли кардинал заметить эту деталь и правильно её истолковать, сказать было трудно. — Он произвёл на меня впечатление профессионала. Я видела ещё двоих агентов, но лишь непродолжительно, и делать выводы касательно их уровня не рискну.

Трактирщик и женщина, помогавшая мне подобрать вдовью одежду, не в счёт. Они сотрудничают с ведомством Этли, но не являются непосредственной его частью.

— Ну что ж. — Кардинал ничего больше не сказал по этому поводу, однако его кивок в сочетании с задумчивым взглядом не оставлял сомнений, что мои слова приняты к сведению и восприняты со всей серьёзностью. Не удивлюсь, если, как и во многих других случаях, Монтерей сумеет извлечь из крупиц предоставленной мной информации гораздо больше, чем я сама.

— Итак, перейдём к твоему новому делу.

Я наострила уши. Тот факт, что о сути поручения я узнавала не от Лавара, а лично от кардинала, означал, что дело предстоит чрезвычайно важное или сверхсекретное. Либо и то и другое. Единственным исключением из этого правила до сих пор оставалось моё предыдущее посещение кабинета Монтерейя. Пршное дело по-прежнему представлялось мне недостаточно

важным для вызова агента к первому человеку из тех, что творят судьбу Эрталии. Впрочем, сейчас, в свете намёка кардинала на будущее сотрудничество, я, кажется, начинала понимать. Моя поездка в Ристонию была не слишком важна сама по себе, но являлась первым пробным шагом на пути к дальнейшему сотрудничеству между нашим ведомством и коллегами из ведомства Этли. И вот этому сотрудничеству предстояло сыграть важную роль в эрталейской внешней политике.

— Знаешь ли ты что-нибудь о некоем лорде Гатто из Эркландии?

Опять Эркландия. Интересно.

— Только то, что это дворянин, если не ошибаюсь, барон. Женат. Боюсь, что это всё.

— Он действительно эркландский дворянин. Но значительно важнее то, что он является приближённым Фернана Ромеро.

— Это не было мне известно, — призналась я.

Немаловажная информация. Фернан Ромеро являлся одним из самых видных аристократов Эркландии, хотя его род и был в некоторой степени в опале. Однако в последнее время королевская власть в этой стране слишком ослабла для того, чтобы неблагосклонность монарха стала серьёзным препятствием на пути к богатству и влиятельности.

— В данный момент Альберто Гатто с супругой находятся в нашем королевстве, — продолжал кардинал.

— Есть основания предполагать, что они шпионят по приказу Ромеро? — позволила себе предположить я.

— Такие основания безусловно есть, — усмехнулся кардинал. — Однако они не имеют отношения к нашему разговору. Этой стороной дела занимаются другие люди. Да и нечего шпионам разведывать в Нардике, где Гатто сейчас находится.

Нардик лежал на юге Эрталии, в провинции, где мало чего можно почерпнуть интересного, не считая разве что многочисленных светских сплетен. Светских, но не политических.

— В таком случае в чём будет заключаться моя задача?

— Ты что-нибудь слышала о так называемом Перстне Могущества?

Весьма в духе кардинала вместо того, чтобы ответить на вопрос, задать собственный. Впрочем, приходится также признать и то, что его вопросы, как правило, оказываются информативнее иных ответов.

— Предмет из сказок, — немного озадаченно откликнулась я. — Кольцо, наделяющее своего обладателя могуществом сильного мага. Я полагала, его не существует.

Я постаралась облечь свои мысли в наиболее мягкую форму. Говоря откровенно, я и сейчас, во время разговора, ни секунды не сомневалась в том, что такое кольцо существовать не может. Есть границы между сказкой и реальностью, в исчезновение которых я никогда не поверю.

— Разумеется, не существует. — Слова кардинала заставили вздох облегчения вырваться из моей груди. — Однако, — он чуть усмехнулся, позабавленный моей реакцией, — подобные

легенды зачастую возникают не на пустом месте. В нашем случае кольцо с определёнными магическими свойствами действительно существует. Конечно, сделать своего обладателя великим магом только за счёт того, что он наденет его на палец, оно не может. Великие силы никогда и никому не даются просто так. В этом одно из различий между действительностью и сказкой. Однако кольцо и в самом деле помогает многого достичь — тому, кто обладает нужными знаниями. Думаю, тебе хорошо известно, что сильных магов в мире наперечёт. После скоропостижной кончины нашего придворного мага нам так до сих пор и не удалось подыскать ему достойную замену. Да, должность не свободна, — добавил он, предупреждая мой вопрос, — но занимающий её человек не обладает и половиной способностей своего предшественника. В Эркландии должность придворного мага и вовсе давно отсутствует. Правда, в их государстве проживает один очень сильный маг, Орландо Ибарра, однако он предпочитает воздерживаться от участия в государственных делах. Итак, на свете очень мало людей, обладающих большим магическим потенциалом. Но именно такой потенциал предоставляет упомянутое мною кольцо. Само по себе оно не сделает своего обладателя магом, ибо маг — это в первую очередь знания и навыки, приобретаемые на протяжении многих лет. Ни один амулет не способен заменить подобное. Однако магический потенциал оно предоставляет, и потому человек, не получивший такого потенциала при рождении, но обладающий соответствующими знаниями, действительно может стать с его помощью весьма могущественным магом. Думаю, ты понимаешь, насколько опасен этот предмет. Тем более он опасен, когда находится в руках возможного врага.

Я медленно кивнула, лишь на миг отведя от кардинала внимательный взгляд. Ясно было, что его высокопреосвященство ещё не закончил.

— По имеющимся у нас сведениям, лорд Гатто находится в Эрталии проездом и везёт кольцо в Эркландию, дабы доставить его своему сюзеру.

— Можем ли мы быть уверены, что сам Гатто не способен воспользоваться перстнем по назначению? — решила уточнить я.

— Вполне. — В голосе кардинала я не уловила и тени сомнения. — Гатто — птица не того полёта. Если бы кольцо работало, как в сказках, тогда, конечно, он бы стал всемогущим, наделал массу разрушительных глупостей и в итоге уничтожил сам себя. Но, к счастью, в жизни дело обстоит несколько иначе. И, к несчастью, лорд Ромеро, которому Гатто и должен доставить кольцо, вполне может оказаться способен воспользоваться этим подарком. Не сразу: на необходимое обучение непременно уйдёт время. Но такой результат всё равно крайне нежелателен. А тот факт, что перстень провозят через нашу территорию, возмутителен сам по себе. Это почти то же самое, как если бы представители не слишком дружественного государства стали провозить через нашу территорию многочисленные пороховые бочки. Такой поступок — не из тех, на какие мы можем позволить себе смотреть сквозь пальцы.

— В чём заключается моя задача? — Я почувствовала, что теперь время для этого вопроса уже подошло.

— Желательно, чтобы это кольцо не покинуло пределы Эрталии. Раз уж его имели неосторожность привезти в наше королевство, пусть оно останется здесь.

— Понимаю, ваше высокопреосвященство, — склонила голову я.

— В Нардике проживает маркиз Лерби, — перешёл к более прозаическим деталям Монтерей. — В ближайшую субботу, то есть через три дня, он даёт бал в честь именин своей старшей племянницы. Лорд Гатто с супругой приглашены на этот бал. Советую тебе начать

именно с него.

— Я покину столицу в течение часа, — пообещала я, вставая.

— Благословляю тебя, дочь моя.

Кардинал, тоже поднявшись, приложил руку к моей склонённой голове.

— И не забудь зайти к казначею.

За что люблю нашего кардинала: к его благословениям всегда прилагается нечто весомое. Впрочем, я также ценю его и за многое другое.

Путь в Нардик занял два дня. Граница Эркландии лежит значительно ближе к нашей столице, чем граница Ристонии. Быть может, именно по этой причине наши отношения со вторым королевством куда как более тёплые? Кроме того, зная, что время не ждёт, я отправилась в путь верхом. Вечером второго дня я уже остановилась в небольшом придорожном трактире, располагавшемся неподалёку от летнего дворца маркиза Лерби. У меня оставались почти сутки на то, чтобы обзавестись необходимой одеждой и прочими предметами, которые никак нельзя провезти в чересседельной сумке. Задача была реализуема, учитывая, что в кошеле позвякивали выданные казначеем золотые, а люди, всегда готовые помочь человеку моей профессии, были рассредоточены по всей территории Эрталии. Да и не только Эрталии, говоря откровенно, но только об этом не всем следует знать.

На балу я назвалась вдовствующей графиней Реньи. Вдовой я вообще представлялась довольно часто. Причина весьма прозаична: в наш век вдовы могут позволить себе значительно больше, нежели просто незамужние дамы. Вдова вправе вести дела своего покойного мужа; для прочих женщин подобные сферы закрыты. Вдова вправе появиться на балу, на ярмарке и вообще в любом общественном месте без сопровождения мужчины. Для других женщин это проблематично. Вдова может свободно заводить себе любовников. Незамужние женщины... Тут всё зависит от их социального положения и места обитания. Большие города отличаются от маленьких, нравы дворцов не совпадают с моралью купечества.

Итак, я представилась дворянкой, вдовой графа Реньи, большую часть времени проживающей за границей, на родине мужа, и лишь иногда возвращающейся в Эрталию. Поскольку мне уже доводилось прикрываться этим именем, кто-то из гостей мог даже вспомнить, что да, такая графиня действительно существует и появлялась там-то и там-то.

Маркиз оказался весьма гостеприимен, и в скором времени я была представлена многим гостям. В том числе лорду и леди Гатто, которые, как и я (вернее, как и графиня), приехали из-за границы. И потому хозяин предположил, что нам будет интересно познакомиться. В некотором смысле он оказался прав.

Лорд Гатто, бесспорно, меня порадовал. Полный мужчина среднего роста, сорока с небольшим лет, с формой губ, говорящей о чувственности, и формой лба, характерной для посредственного интеллекта. Внешне совершенно непривлекательный, но и не так чтобы отталкивающий. Его супруга, высокая и тощая, выглядела старше по меньшей мере лет на десять. Из непродолжительного общения я сделала вывод, что о большой любви речи не шло. Так что, по-видимому, мы имели дело с браком, заключённым по расчёту. Можно было не сомневаться, что на сегодняшний день барон не в восторге от своей супруги (а она, вероятнее всего, от него) и не прочь полюбоваться на других женщин, а то и завести интрижку на

стороне. Для меня такой расклад был весьма удачным.

Следовало пообщаться с Гатто поближе. Было два варианта того, где он мог держать кольцо: либо в каком-нибудь сейфе в своём временном жилище, либо при себе. Я бы выбрала второй вариант, но Гатто — не я, и он мог счесть, что каменные стены надёжнее. Если же в данном вопросе мы совпадали, тут открывалось несколько очередных вариантов. Либо барон носил кольцо на пальце, либо хранил на висящей на шее и спрятанной под одеждой цепочке, либо держал в кошельке. Последнее было бы наименее разумно, но исключать такую возможность нельзя. Для меня не составило бы труда проверить все три варианта, но для этого, как я уже упомянула выше, требовалось чуть более тесное общение. Танец подходил идеально — для всего, кроме кошелька. Что ж, оставим денежный мешочек на потом.

Ставку я сделала правильно: барон вовсе не горел желанием провести весь вечер в обществе супруги. Так что пара обронённых между делом слов, несколько кокетливых взглядов — и вот мы уже танцуем мазурку. Я говорю всякие милые глупости, а заодно проверяю то, ради чего, собственно, приехала в эту часть страны. Увы, на пальце кольца нет. Вернее, перстней полно, на мой вкус, так больше чем достаточно. Но это всё не то. У меня есть описание искомого, и я точно знаю, что интересующий меня предмет выглядит иначе. Перстень Могущества сделан из серебра особого сплава, без крупного камня, но с узором из бриллиантовой крошки.

Когда в ходе танца Гатто встал на одно колено, а я обежала вокруг него сперва в одном направлении, а затем в противоположном, мне удалось заглянуть в вырез его рубашки и выяснить, что никакой цепочки на шее нет. Признаться, я испытала укол разочарования. Неужели он всё-таки рискнул оставить столь ценную вещь дома? Или... Есть ведь и другой вариант. Ценное украшение вполне может носить не муж, а жена. Тот факт, что супруги не испытывают взаимной страсти, ещё ничего не значит. Как деловые партнёры они вполне могут понимать друг друга с полуслова и, главное, всецело друг другу доверять.

Придя к такому выводу, я принялась искать глазами леди Гатто... и, обнаружив её, чуть не выругалась вслух. Моему возмущению не было предела! Нет, тот факт, что баронесса танцует с посторонним мужчиной, в то время как её собственный муж посвящает себя тому же занятию в моём обществе, меня нисколько не смутил и не шокировал. Да и вообще, моральный облик леди Гатто никак меня не беспокоил. Но вот тому человеку, что вёл её в танце, я бы с удовольствием сказала пару «ласковых» слов. Впрочем, почему «бы»? Вот сейчас танец закончится, я подойду к нему и ка-а-ак скажу!

Словно по заказу, отзвучали последние звуки мелодии, и танец завершился. Гатто галантно поцеловал мне руку и повёл туда, где мы встретились, прежде чем отправиться в танцевальную часть зала. Точно так же провожали своих партнёрш и прочие кавалеры.

— Что это за бессовестный молодой человек танцевал с вашей супругой? — в шутку подначила я.

— А, этот? — Гатто беззлобно засмеялся. — Виконт Жермон из Энкатты, это в Ристонии. Маркиз познакомил нас полчаса назад. Думаю, нет ничего дурного в том, что молодой человек решил развлечь баронессу.

— Ну конечно же нет, я просто пошутила. — Я жеманно улыбнулась. — Подойдём к ним?

— Если вам так будет угодно.

И мы воссоединились с леди Гатто и нагло улыбающимся во все тридцать два зуба Нарциссом.

— Леди Реньи, позвольте представить вам виконта Жермона, — приступил к обязанностям светского человека Гатто. — Виконт совсем недавно прибыл из Ристонии. Виконт, перед вами графиня Реньи. Хотя графиня и уроженка Эрталии, на сегодняшний день все мы иностранцы, поэтому нам следует держаться вместе, — интимно улыбнулся он.

Мы ответили такими же улыбками. Улыбка баронессы была адресована главным образом Нарциссу. Похоже, леди Гатто была из тех женщин, что предпочитают мужчин помоложе.

— Вы совершенно правы, барон, — поддержала Гатто я, обмахиваясь веером. — Кстати, виконт, — мой веер на миг замер, чтобы затем в прежнем темпе продолжить своё движение, — вам несказанно повезло. Меня ещё не ангажировали на следующий танец.

— Я просто счастлив, графиня, — заверил Нарцисс, и врёт этот мерзавец или нет, было не определить.

Вскоре музыканты заиграли менуэт, он взял меня под руку, и мы вместе с другими парами прошествовали в танцевальную часть зала.

— Итак, леди Реньи? — насмешливо произнёс Нарцисс, приступая к танцу.

— Лорд Жермон? — столь же выразительно произнесла вымышленное имя я.

— Давно вы прибыли из Ристонии?

— Вы отлично знаете, что две недели назад, — прервала обмен ироничными репликами я. — Хотелось бы поинтересоваться, что здесь делаете вы.

Менуэт — танец неспешный, плавный, грациозный и весьма располагает к разговорам. Особенно учитывая, что зал, в котором маркиз принимал гостей, был воистину огромен, и потому расстояния между парами выходили весьма приличные.

— Если я скажу, что хотел увидеть вас, вы не поверите?

— Нет, учитывая, что с графиней Реньи вы никогда прежде не встречались, — отрезала я.

— Ну хорошо, предположим, что я здесь действительно по делам службы, — не стал увливать он. — Однако беспокоиться вам не о чем. Моё задание не имеет отношения к делам Эрталии.

Кривит душой, ох, как кривит! Прекрасно он всё понимает.

— Бросьте. Мы оба знаем, зачем вы здесь. Вы ищете некий предмет, который находится как раз на территории Эрталии. Здесь он и останется.

— Однако принадлежит он вовсе не эрталийскому подданному.

Хорошо хоть не стал вопрошать «Какой предмет?!».

— Но и не ристонийскому, — напомнила я. — А подданному Эркландии, который, подчеркну на случай, если намёк не дошёл до вас в прошлый раз, находится в данный момент на территории Эрталийского королевства.

— Видите ли, у Ристонии тоже есть граница с Эркландией...

— Намного меньшая по протяжённости, чем наша.

— ...И нас тоже беспокоит то, что может произойти на территории этого королевства.

— В таком случае наши интересы целиком и полностью совпадают. Вы можете с чистой совестью возвращаться домой. Передайте лорду Этли: кардинал позаботится о том, чтобы искомый предмет не попал в неправильные руки.

— Почему бы, наоборот, именно вам не отправиться в столицу и не передать аналогичное сообщение кардиналу?

— Да потому, что вы, лорд Жермон, находитесь на чужой территории. Извольте уважать законы принимающего вас государства.

— Это того, которое в вашем лице так гостеприимно предложило мне убраться восвояси? — ухмыльнулся Нарцисс.

— Надеюсь, вы ничего не успели прикарманить, танцуя с великовозрастной дамой? — осведомилась я, отлично понимая, что пытаться пробудить в этом типе совесть бессмысленно.

— Судя по вашему вопросу, вам тоже не слишком повезло с лордом Гатто?

— Судя по вашему ответу, и вы остались пока ни с чем.

— Уверяю вас: это временно.

— Посмотрим.

Музыка смолкла. Мы направились к стульям, но так ими и не воспользовались. Взяв бокал с подноса, который держал в руках обходивший гостей лакей, я повернулась к Нарциссу и решительно заявила:

— Нам следует поговорить в более уединённом месте.

— Годится, — не стал возражать он.

Когда мы покидали зал, я успела заметить два разочарованных взгляда: один — барона Гатто и второй — его супруги. Любопытно, станут ли они жаловаться друг другу на то, как несправедлива жизнь?

Мы прошли в ближайшую свободную комнату, убедились в том, что она действительно пуста (всё же помещения здесь были просторными, да и на предметах мебели хозяева не сэкономили), после чего Нарцисс предусмотрительно запер дверь.

— Про нас сейчас подумают чёрт знает что, — сурово предупредила я.

— Это очень печально, — посетовал Нарцисс. — Люди в последнее время измелъчали и склонны видеть в окружающих лишь самое худшее. Однако мы можем немного смягчить их вину.

— Каким же образом?

— Сделав их подозрения обоснованными.

И без малейшего предупреждения он обжёг мои губы поцелуем. Причём нет бы каким-нибудь

поверхностным и целомудренным. Так нет, этот наглый шпион целовал меня долго, страстно и со вкусом, обхватив руками мою голову с немалым риском испортить причёску. А я... а что я? Если бы я была по-настоящему против, он бы до меня так легко не добрался.

— Можешь тысячу раз не верить, но я действительно по тебе соскучился, — заявил он, наконец предоставив мне возможность нормально дышать. — И не говори, что не испытываешь того же.

— Не скажу, — улыбнулась я. — Я тоже по тебе соскучилась, дорогой. А теперь почему бы тебе не взять ноги в руки и не отправиться обратно в Ристонию? Я с удовольствием буду и дальше по тебе скучать.

— Фи, какая ты вредная!

— Разве я не говорила, что получила своё прозвище не зря?

— Мне будет очень интересно узнать, за что ты его получила на самом деле.

— Как-нибудь в другой раз. Сейчас не хочу тебя задерживать: наверняка тебе уже не терпится сесть в карету.

— Я предпочитаю путешествовать верхом.

— Отлично. Подержать тебе лошадь, пока ты будешь запрыгивать в седло?

— Может быть, ты ещё снесёшь меня вниз на руках?

— Если ты пообещаешь после этого уехать, то я готова.

— Обязательно передам это обещание лорду Кэмерону. Он любит, когда агенты готовы идти на жертвы во имя службы. Уверен, такую огромную жертву он непременно оценит.

— Отлично. Давай, передай ему это поскорее.

И я принялась толкать Нарцисса к выходу. Ясное дело, он не сдвинулся с места.

— Неужели ты выгонишь меня прямо сейчас? Как насчёт того, чтобы я немного задержался?

Он провёл пальцем сверху вниз по моему платью, обводя контур затянутой в корсет груди. Я задумчиво закусила губу.

— Совсем немного? — решила уточнить я.

— Самую капельку. — Эти слова были произнесены мне в ухо чувственным шёпотом.

— Ну ладно, уговорил.

На сей раз я набросилась на него с поцелуем, и, скажем к чести джентльмена, кочевряжиться он не стал. Не отрываясь друг от друга, мы постепенно преодолевали расстояние, отделяющее нас от дивана, задевая по пути всякие никому не нужные предметы вроде низкого столика и неудачно поставленной напольной вазы. Я уже стянула с Нарцисса камзол, однако отбрасывать его не спешила. Так, что там у нас в карманах? Нет, вроде бы ничего, напоминающего по форме кольцо. В длинном жилете лишь один неглубокий кармашек, и он пуст. На рубашке карманы отсутствуют, но тем не менее не помешает немного её пощупать, тем более что она пока ещё надета на Нарцисса.

Не прерывая поцелуя, я прогнулась под его руками, которые тоже, вне всяких сомнений, шарили по мне сейчас с двойной целью. Да на здоровье, мне что, жалко, что ли? Всё равно же никакой ценной находки при мне нет.

Впрочем, руки продолжили шарить и тогда, когда одежды на мне не осталось вовсе. Вот любопытно: сейчас у него цель одна или он по-прежнему рассчитывает где-то что-нибудь отыскать? Но вскоре я закусила губу и перестала раздумывать над подобными вопросами.

Следует отдать молодому человеку должное: после произошедшего он честно помог мне и с корсетом, и со шнуровкой корсажа. Можно сказать, взял на себя ответственность за собственные поступки.

Разгладив оборки платья и поправив причёску, я взяла оставленный на табурете бокал с недопитым вином и вместе с Нарциссом направилась к выходу.

— Итак, ты возвращаешься в Ристонию, — тоном, полным оптимизма, объявила я.

— Немного погода, — предсказуемо возразил Нарцисс.

Мы почти дошли до двери, когда мой бокал опрокинулся, и всё его содержимое вылилось на жилет агента. Хотя нет, не всё. Кое-что досталось камзолу и рубашке.

— Ах, какая я неловкая! — всплеснув руками, покаялась я. — Ужасно сожалею. Боюсь, теперь вам придётся покинуть бал. Не можете же вы появиться в обществе в таком виде.

И я с победоносной улыбкой покинула комнату.

Возвратившись в зал, я отыскала глазами чету Гатто (барон и баронесса сидели на соседних стульях) и направилась к ним.

— О, леди Реньи! — Погрустневший по сравнению с нашим предыдущим общением барон поднялся мне навстречу. — Не желаете присесть? А где же лорд Жермон?

— Увы. — Я развела руками. — Боюсь, милорд, у меня нет ответа на ваш вопрос. Мы с виконтом разошлись, едва покинув зал. Я вышла в сад, подышать свежим воздухом — кстати, сад просто прекрасен! А куда отправился виконт, по правде сказать, не знаю. Но если он до сих пор не вернулся сюда, то, возможно, решил покинуть бал?

— Покинуть? Непохоже, — лукаво заметила баронесса, не юное лицо которой внезапно озарила улыбка.

Я обернулась, стараясь определить, куда она смотрит... И обнаружила у распахнутых дверей Нарцисса собственной персоной, нагло плящегося в нашу сторону! На нём был вполне приличный камзол, жилет и рубашка, совершенно незапятнанные вином! Про брюки я с такого расстояния ничего утверждать не могла. Быть может, они и остались прежними, просто длинные камзол и жилет скрывали пятна. Но всё остальное... Кого, скажите на милость, он успел раздеть, да ещё и так быстро? И произошло ли это добровольно или же какой-то незадачливый гость валяется сейчас связанный в одной из закрытых комнат? В этом случае бедолагу, вероятнее всего, найдут только завтра.

Откланявшись, я не стала садиться вместе с супругами Гатто. На данный момент искать у них было нечего, и всё, что мне требовалось, — это сохранить тёплые отношения. Недоразумение, вызванное моим уходом вместе с «виконтом», было сглажено, и теперь я могла со спокойной

совестью понаблюдать... за вышеупомянутым недоразумением, которое, как и я, подошло к супругам Гатто, немного с ними побеседовало, поулыбалось, после чего направилось... ко мне. Я же восседала на удобном стуле прямо напротив небольшого столика с закусками и гадала, как объяснил барону своё отсутствие Нарцисс и не заявил ли, будто всё это время прогуливался по саду.

— Леди Реньи, — сияя, отвесил поклон Нарцисс.

Я подозрительно покосилась на его руки — нет ли в них бокала с вином или, к примеру, сочного помидора, который может в ближайшую секунду оказаться на моём платье? Вроде бы ничего такого. А на стоявшем передо мной столике — всего лишь безобидное печенье.

— Лорд Жермон, — оптимистичным тоном откликнулась я. — Я вижу, вы ещё здесь?

— Я вижу, и вы ещё здесь, леди Реньи.

— А у меня нет причин уезжать. Я, можно сказать, у себя дома.

— Ладно, давайте не будем препираться. Посмотрим на ситуацию с другой стороны. Раз мы оба столь целеустремлённо трудимся над выполнением известного вам задания, значит, можно с высокой степенью уверенности утверждать, что один из нас достигнет цели. Но исключительно в том случае, если мы сами не сорвём себе всю игру, ставя друг другу палки в колёса. Поэтому я считаю необходимым принять некоторые меры.

Каюсь: я пропустила тот момент, когда он в процессе рассуждения зашёл мне за спину. Да и, казалось бы, что он может позволить себе на балу? Словом, я внезапно почувствовала, что что-то не так. Хотела посмотреть, что делает Нарцисс, но полноценно повернуться уже не смогла. Меня словно приковали к спинке стула. Собственно, почти так оно и было. Правда, к спинке прикрепили не непосредственно меня, а верхнюю часть моего платья. Судя по всему, Нарцисс воспользовался каким-то специфическим предметом из своего шпионского инвентаря. Очень короткий нож или даже нечто наподобие гвоздя, весьма острого и крепкого. Что бы это ни было, Нарцисс загнал его в спинку по самую шляпку или рукоять. Если это была рукоять, то очень короткая, поскольку держать спину ровно она мне практически не мешала. Зато платье, а в результате и я сама, оказалось надёжно зафиксировано.

Нарцисс же исчез, чтобы спустя несколько мгновений снова появиться, на этот раз с полным бокалом в руке. Я ожидала, что сейчас моё платье ждёт мести за то, что недавно случилось с его костюмом, но вместо этого агент поставил бокал передо мной на столик.

— Прости, дорогая, но до конца этого вечера тебе придётся посидеть на этом стуле, — интимно прошептал он, склонившись к самому моему уху. — Освободиться ты можешь, только порвав себе платье, а я не думаю, что ты пожелаешь щеголять в таком виде перед здешними придворными. Так что сиди и отдыхай. В твоём распоряжении вино и закуски. — Он широким жестом указал на столик, который действительно не пустовал. Дотянуться до предложенных блюд было несложно. — Торжественно обещаю, что по окончании вечера лично тебя освобожу. Но до тех пор, прости, ты слишком сильно мне мешаешь.

И он удалился. А я осталась сидеть, прикидывая, как быть дальше. Паники не было. Право слово, по сравнению с теми неприятностями, в какие мне доводилось попадать, это нельзя было назвать даже переделкой. Так, детские шалости. Однако решить проблему следовало. До окончания бала — как минимум пара часов. Я обязана была освободиться, чтобы не дать Нарциссу столь продолжительной форы. Да что там, освободиться следовало хотя бы только

ради того, чтобы утереть ему нос! Так что я принялась спокойно и сосредоточенно обдумывать варианты собственного «спасения». Полагаю, что точно так же некоторое время назад повёл себя и облитый вином Нарцисс. Он быстро нашёл решение, а чем я хуже?

Самой мне гвоздь, или чем там он меня приколол к стулу, аки бабочку, не вытащить. Это очевидно, на это Нарцисс и сделал ставку. Но, право слово, глупо было с его стороны предполагать, будто я постесняюсь обратиться за помощью к постороннему. Да, положение деликатное, но ведь и я девушка, как бы это сказать, не самая стеснительная. Так что вопрос заключался лишь в том, кого выбрать на роль освободителя. Идеальная кандидатура — это, конечно, барон. Заодно в процессе освобождения можно было бы проверить его кошель. Но, увы, в данный момент бароном и его супругой плотно занимался Нарцисс. В этой ситуации мне вряд ли удастся настроить Гатто на нужный лад. Разве что закатив скандал на весь зал, но такое было крайне нежелательно.

Я продолжила оглядывать гостей в поисках подходящей кандидатуры и наконец остановилась на виконте Деворро. Во-первых, мы были представлены друг другу лично маркизом. Во-вторых, виконт обладал достаточной физической силой, чтобы справиться с «гвоздём», не привлекая всеобщего внимания и не разорвав моё платье. И в-третьих, он стоял достаточно близко, чтобы я могла привлечь его внимание.

Теперь оставалось как следует сосредоточиться. Губы задрожали, веки затрепетали, в уголках глаз появились солёные капли. И, когда виконт повернулся более-менее в мою сторону, я резким движением поднесла к глазам платок, неприменный атрибут каждой чувствительной знатной дамы.

— Леди Реньи! Что-то случилось? — тут же подскочил ко мне виконт.

Я всхлипнула и отвернулась, прижимая платок к векам.

— В чём дело? Графиня! Что произошло? — допытывался Деворро.

— Ах, виконт, я даже не знаю, как об этом сказать... Я попала в беду. Но... Словом, это так стыдно!

— Леди, если вы попали в беду, тут ровным счётом нечего стыдиться, — уверенно возразил Деворро. Но голос при этом понизил, разумно предположив, что я не захочу делать разговор достоянием гласности. — Скажите мне, что случилось, и я постараюсь вам помочь.

Я немного помялась, делая вид, что не решаюсь признаться в происходящем. Леди из высшего света просто не вправе вот так вот запросто рассказать мужчине о проблеме деликатного свойства. Поэтому неписанные законы обязывают её поиграть в ту игру, в которую вступила сейчас я. Впрочем, надолго затягивать лицедейство я не стала. Утирая покотившиеся по щекам слёзы, указала на свою спину.

В причине моих страданий Деворро разобрался быстро. Чуть больше времени потребовалось на то, чтобы извлечь из стула пригвоздивший меня к спинке предмет, не привлекая при этом особого внимания. Однако виконт справился молодцом. Освободившись и окончательно разрыдавшись, я буквально повисла у него на шее.

— А теперь скажите мне, леди Реньи, кто так поступил с вами и почему?

В голосе виконта послышался лёд, предназначавшийся, однако, не мне, а обидчику. Я повела ладонью из стороны в сторону, намекая на то, что предпочла бы не отвечать, однако Деворро

такой ответ не удовлетворил.

— Простите, леди, но я настаиваю, — твёрдо заявил он.

Что ж, ладно, настаиваете, значит, настаиваете.

— Это лорд Жермон, — шмыгнув носом, ответила я. — У нас были когда-то... отношения. И вот теперь он решил таким жестоким способом мне отомстить!

А что, ведь ни разу не соврала. Отношения у нас действительно были, во всяком случае, смею предположить, что время, совместно проведённое на ковче в трактире, можно считать таковыми. И нынешний поступок Нарцисса, вне всяких сомнений, являлся, среди прочего, мстью. Правда, мстью не за какие-либо прошлые обиды, а за недавно пролитое вино, но, строго говоря, я этого в своих словах не уточняла. Конечно, такую мечь лишь с огромной натяжкой можно было назвать жестокой (мне вон даже вино и закуски предоставили). Но, в конце концов, «жестоким» — это не более чем эпитет, отражающий душевное состояние говорящего.

— Понятно. — Нехорошо прищурившись, Деворро развернулся и собирался уже зашагать на поиски моего обидчика, но я остановила его, повиснув у него на локте:

— Умоляю вас, виконт! На кон поставлена моя честь. Огласка меня погубит.

Во взгляде Деворро мне почудилось неудовольствие. Возможно, виконта раздосадовал тот факт, что попранная женская честь помешает ему хорошенько выпустить пар, сцепившись с другим гостем под благовидным предлогом. Так или иначе, он пообещал мне, что позаботится о сохранении секретности. И явно отправился на поиски «Жермона».

Я посмотрела ему вслед и удовлетворённо хмыкнула. В том, что никто всерьёз не пострадает, сомнений не возникало. Даже если дело дойдёт до дуэли, Нарцисс достаточно профессионален, чтобы не позволить себя убить. Более того, он достаточно профессионален, чтобы обойтись без ненужных жертв, в данном случае Деворро. Скорее всего, никакой дуэли, конечно, не будет. Думаю, Нарцисс сумеет просто отговориться от виконта. Да хоть бы и расскажет ему какую-нибудь трогательную историю о том, какая я лживая стерва и как ему тяжело приходилось, когда мы были вместе. Но главное то, что в ближайшее время Нарциссу придётся сосредоточить своё внимание на виконте и, соответственно, оставить в покое чету Гатто.

Именно этим фактом я и воспользовалась, присоединившись к барону и баронессе и поболтав с ними о том о сём.

— Бал скоро закончится? — осведомилась я позднее, провожая взглядом две уходящие пары.

— Да, — подтвердил барон. — Ещё полчаса, и все разъедутся по домам.

Я изобразила напряжённую работу мысли.

— А вы давно в этом городе? Не подскажите, возможно ли в это время суток поймать фиакр? [1]

— Не думаю, — проговорил барон. — А вы что же, без кареты?

— Я путешествую на наёмных экипажах, — виновато улыбнулась я. — Поэтому моя карета осталась дома. Чтобы приехать сюда, я наняла фиакр, но имела глупость его отпустить. Однако ничего страшного, если в такое время экипажа не найти, я обращусь к нашему

гостеприимному хозяину. Уверена, маркиз не откажет мне и одолжит одну из своих карет.

— Ну что вы, графиня! К чему такие сложности? — воскликнул барон. — Мы с супругой с радостью подвезём вас до дома. Не так ли, дорогая?

— Конечно, — ответила «дорогая» без особого энтузиазма. — Правда, виконт Жермон тоже поедет с нами, и леди Реньи, возможно, покажется, что в карете немного тесно...

— Ну что вы, ни в коем случае! — «не поняла» намёка я. — Буду чрезвычайно вам благодарна. Вы буквально меня спасаете. — И я одарила барона тёплой улыбкой.

— Дорогая, а разве виконт едет с нами? — в некотором недоумении спросил у супруги Гатто.

— Да, — ничуть не смутившись, ответствовала та. — Он тоже оказался в похожей ситуации, — она взглянула на меня, давая понять, что ситуация похожа на мою, — и я, конечно же, предложила ему нашу помощь.

— Понятно, — кивнул барон.

Кажется, он был не в восторге, но оспаривать решение супруги, отказывая человеку в помощи, всё-таки не стал.

— Я отлучусь ненадолго, если вы не возражаете.

Послав супругам извиняющуюся улыбку, я встала и отправилась прочь из зала. В таком поступке не было ничего подозрительного. Леди регулярно удалялись, чтобы поправить причёску и макияж, глотнуть свежего воздуха, спасаясь от вызываемого тугим корсетом удушья, ну, или по иной надобности. Моя же надобность носила несколько нестандартный характер. Меня совершенно не устраивало общество Нарцисса в карете барона, и в этой связи было необходимо принять кое-какие меры.

Я вышла за ворота, кутаясь в шаль, и завернула за угол, где в действительности дожидалась моя карета. Забрав из неё кое-какие предметы и спрятав их под шалью, я отпустила кучера и тем же путём возвратилась во дворец.

Нарцисс к этому времени успел отделаться от виконта, и я обнаружила его в соседнем с танцевальным зале. Бросив короткое «Нам надо поговорить», повернулась к нему спиной и, не оглядываясь, направилась в пустующую комнату.

— Итак, насколько я понимаю, мы оба собираемся возвращаться с бала в экипаже, любезно предоставленном супругами Гатто? — прямо осведомилась я, едва за нами закрылась дверь.

— Судя по твоему вопросу, так оно и есть, — расплылся в улыбке Нарцисс.

— Мне это не нравится, — заявила я.

— Я тоже предпочёл бы обойтись без твоего общества. — Его улыбка стала ещё шире.

— А говорил, что скучал, — попеняла я.

— Я не лгал. Но сердечные дела отдельно, а работа отдельно.

— Правильный подход... — Я кашлянула и недоверчиво покосилась на Нарцисса. — Так-таки

сердечные?

Он пожал плечами, не отрывая от меня взгляда и предоставляя мне трактовать такой ответ на собственное усмотрение.

— Ну что ж, отношения отдельно, работа отдельно, — признала его правоту я, слегка подкорректировав формулировку. — Гости уже расходятся, так что на отношения у нас остаётся разве что пара минут. — И я прильнула к его губам.

Поцелуй был более чем страстным. Я прильнула к Нарциссу всем телом, извиваясь, глядя его по голове, по спине, по рукам, словно используя этот поцелуй как своего рода замену всему тому, на что у нас катастрофически не хватало времени. И когда мои пальцы в очередной раз коснулись его запястья, в этом не было ровным счётом ничего неожиданного. До того момента, пока на запястье не захлопнулась холодная сталь.

Нарцисс отреагировал мгновенно, дёрнулся, но было поздно: второе кольцо кандалов было приковано к огромной, тяжеловесной статуе, возвышавшейся слева от камина.

— Прости, дорогой, но с бароном и баронессой я поеду одна, — сообщила я, отстраняясь. — Мне очень не хочется затыкать тебе рот, и если ты пообещаешь в ближайшее время не кричать с просьбой о помощи, я не стану этого делать. Впрочем, даже если ты закричишь... Я всё предварительно проверила. Эти стены отлично скрадывают звуки, от лестницы, по которой спускаются гости, мы находимся далеко, да и шума там и без тебя более чем достаточно.

— Можешь не волноваться: посторонняя помощь мне не потребуется, — хмыкнул Нарцисс.

— Именно на это я и рассчитывала, — мягко улыбнулась я. — Ты абсолютно прав: отношения отношениями, а работа — работой. Счастливо оставаться.

— Счастливого пути, — кисло отозвался он. — Ещё увидимся.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь.

Барон и баронесса уже вышли из танцевального зала и как раз оглядывались в поисках напросившихся к ним попутчиков.

— О, леди Реньи! — обрадованно воскликнул Гатто. — Вы случайно не видели виконта Жермона?

— О да, — откликнулась я, подходя ближе. — Он только что уехал. Одна из гостей предложила ему свою карету, и он не стал отказываться. Полагаю, не счёл возможным обижать даму. Не помню точно, как её имя, кажется, графиня Оттанио. Но я могу ошибаться.

Графиня Оттанио была чрезвычайно красивой женщиной, к тому же вдовой, поэтому отъезд «виконта» в её компании никому не показался бы удивительным. Втроём мы прошествовали вниз по лестнице, получили из рук лакея свои плащи и направились к карете. Пока шагали к выходу в толпе прочих гостей, пока стояли на пороге, ожидая, чтобы освободилось место для нашего экипажа, я успела благополучно снять с пояса барона кошель, изучить его содержимое и вернуть денежный мешочек на место. Кольца не обнаружилось. Трясаясь в карете напротив четы Гатто, я обдумывала свой следующий ход.

Глава 4

Визит в дом, ставший временной резиденцией четы Гатто, пришлось отложить до следующей ночи. Проблема заключалась в том, что бал у маркиза, как водится, закончился ближе к утру. А стало быть, между укладыванием хозяев и пробуждением слуг прошло лишь немного времени. Недостаточно для того, чтобы приличный вор смог проникнуть в дом и беспрепятственно покопаться в имевшемся там сейфе.

И вот, следующей ночью, повыше подняв воротник, чтобы скрыть своё лицо как от случайных прохожих, так и от усилившегося после заката ветра, я приблизилась к интересовавшему меня дому. Остановившись на углу, окинула стены оценивающим взглядом. План здания на всякий случай хранился у меня в потайном кармане, однако пока доставать его не было нужды. Как мне удалось выяснить, в доме имелся только один приличный сейф, и находился он на втором этаже. Вычислить окно нужной комнаты было несложно.

Я засучила рукава и, ухватившись рукой за плечо, полезла наверх. Добравшись до карниза, покинула гостеприимное растение и продолжила путь от окна к окну. Карниз был очень узким, а стены довольно-таки ровными, но мне сохранять равновесие было несложно. По сравнению с туго натянутой верёвкой — полная ерунда.

Добравшись до нужного окна, отдышалась. Всё-таки сноровка сноровкой, а сил такие упражнения требовали порядочных. Напрягла зрение, вглядываясь в тёмную комнату за стеклом. Ни единого огонька, ни малейшего движения. Никаких признаков чьего-либо присутствия. Я облегчённо вздохнула. Стало быть, вероятнее всего, на сей раз всякие Нарциссы не будут путаться у меня под ногами. В комнате его нет, внизу тоже. Не с неба же он на меня свалится, в самом деле!

Накаркала. Свалился. Совершенно ошалев, я подняла глаза. С крыши вниз тянулась верёвка, второй конец которой крепился к некой конструкции, странным образом обматывавшей туловище Нарцисса. Агент быстро спустился ко мне, касаясь стены всеми четырьмя конечностями, и остановился на моём карнизе.

— Ого! — присвистнул он. — А я не знал, что кобры умеют ползать по стенам! Теперь мне будет страшно засыпать по ночам, и я стану непременно запирать окно.

— И это тебя не спасёт, — сообщила я.

Я как раз убедилась в том, что окно заперто и просто так его снаружи не откроешь. Пришлось извлечь специальный инструмент, изготовленный не без помощи магии (а также не без помощи алмазов), и взяться за работу. Отвечая Нарциссу, я как раз прикидывала, где лучше начать резать стекло.

— Что ты здесь делаешь?

Одной рукой я держалась за выступ, другой — работала, но абсолютная сосредоточенность при этом не требовалась, так что поддерживать разговор я была в состоянии.

— Только не говори, что просто прогуливался перед сном, — предупредила я. — Не поверю.

— Не скажу, — согласился Нарцисс. — Я не прогуливался. У меня тренировка.

— Какая ещё тренировка? — поморщилась я.

Шаги у агента не было даже на поясе.

— Готовлюсь к восхождению на горные вершины, — заговорщицким тоном сообщил он. — По-научному это называется «альпинизм».

— Просто чудесно, — обрадовалась я. — Стало быть, ты перепутал направление. Восхождение — это туда. — И я указала пальцем вверх. — Можешь начинать восходить прямо сейчас.

— Отдышаться-то дай! — И он поосновательнее устроился на карнизе.

— Если ты сейчас же не отправишься откуда пришёл, я напишу на тебя донос, — пообещала я, осторожно вытаскивая кусок стекла, по форме отдалённо напоминающий круг. — Сообщу властям, что ты незаконно проник в чужое жилище. И будут у тебя большие проблемы.

Я просунула руку в образовавшуюся в окне дыру и стала медленно нащупывать щеколду.

— Справедливо, — хмыкнул Нарцисс. — Но ведь и я, со своей стороны, могу написать точно такой же донос на тебя.

— И кому же этот донос будет адресован? — хохотнула я. — Надеюсь, не его высокопреосвященству? Впрочем, ты можешь обратиться в жандармерию. С удовольствием понаблюдаю, как глава их ведомства — малоприятный, кстати, тип — станет требовать у кардинала, чтобы тот предал меня справедливому суду.

Я наконец нащупала вожделенный засов и отперла окно. Извлекла из дыры руку и попыталась его открыть. Тьфу ты! Открывалось оно наружу. Вот ведь какие негостеприимные люди, даже не подумали о том, насколько это неудобно для вора. Пришлось требовать от Нарцисса, чтобы посторонился, перебираться по карнизу подальше и уже тогда открывать.

И тут этот наглец схватился за раму и попытался проникнуть в комнату вперёд меня!

— А ну-ка отодвинься! — возмутилась я. — Я пришла сюда первой!

— А я — вторым, — бодро отозвался Нарцисс, полностью игнорируя приведённый мною аргумент.

— Вообще-то джентльмены пропускают дам вперёд, — с ехидцей в голосе напомнила о правилах этикета я.

— Не в том случае, если впереди опасно, — нашёлся агент. — Тогда мужчина идёт первым, дабы взять огонь на себя.

— Очень любопытно! И какая же опасность нас там поджидает, не мог бы ты уточнить? — Язвительности в моём тоне стало ещё больше. — Может быть, трёхглавый дракон, охраняющий сейф?

— Может быть, — с напусковой важностью подтвердил Нарцисс. — Вот я сейчас пойду и узнаю. А ты пока подожди здесь.

— Ага, нашёл дурочку!

В этот момент он протиснулся между мной и рамой и, воспользовавшись тем, что полноценно бороться я не могла (ведь у меня, в отличие от некоторых, не было верёвочной страховки), нырнул внутрь. Полная возмущения, я скользнула следом.

К тому моменту, как я тихонько соскочила с подоконника на ковёр, Нарцисс уже зажигал свечу. Затем зажёл от неё вторую и на этом остановился. Я задёрнула занавеску, после чего агент приподнял канделябр, чтобы оглядеться. Комната была обставлена как кабинет, но впечатление складывалось такое, что ею особенно не пользовались. Слишком идеальный порядок.

— Ты — стены, я — бюро, — постановила я.

Нарцисс, как и я, решивший, что пререкаться сейчас было бы непродуктивно, занялся делом. Он проверял стены, заглядывая за картины и гобелены, я осматривала многочисленные ящики бюро.

В итоге повезло именно мне. За дверцей, скрывавшей очередное отделение, обнаружился сейф. Самый что ни на есть стандартный, железный, наверняка с непростым замком. Впрочем, познакомиться с последним мне не дали. Нарцисс поставил свой канделябр на бюро и, бросив «Посторонись!», отгеснил меня от сейфа. А сам извлёк из кармана связку ключей, весьма напоминавшую инвентарь заправского вора. Я тихонько хмыкнула. Что ж, если он хочет возиться самостоятельно, не вижу причин ему в этом отказывать.

Нарцисс возился несколько минут. Я всё это время с интересом наблюдала за его работой. Ювелирной, надо сказать. Ни одного лишнего движения. Пожалуй, мне бы потребовалось на пару минут больше. Однако интерес мой был, признаюсь, не только теоретическим. Чисто практическая подоплёка тоже имелась: если кольцо обнаружится в сейфе, Нарцисс не должен его унести. Вопрос того, кто именно взломал замок, в данном случае второстепенен. Перстень должна унести я — и точка.

Однако в итоге мы оказались на равных. Поскольку, когда после всех приложенных агентом усилий дверца сейфа открылась, выяснилось, что он пуст.

— И что теперь? — кисло поинтересовалась я после того, как мы обменялись многозначительными взглядами. — Отправляемся с дружеским визитом по супружеским спальням? Ты к леди, я к лорду?

Перспектива воодушевления не вызвала.

Нарцисс уже приоткрыл было рот для ответа, но сказать ничего не успел. Из коридора до нас донёсся громкий женский голос:

— Да ладно, Донки, ты всё врёшь!

Женщина пьяно захихикала.

— Вот и не вру! — подключился мужской голос, хозяин которого явно успел выпить не меньше.

— Нет, Эльза, ты только на него погляди! Не врёт он!

— Да ты что, Рита, мужиков не знаешь? Они все так «не врут»! — ответила первой женщине вторая, которая тоже явно не ограничивалась в выборе напитков одной только водой.

Последовал дружный хохот, затем шлепок и женский визг.

Мы с Нарциссом переглянулись.

— Понимаешь, что это означает? — осведомилась я, впрочем, не сомневаясь в положительном ответе.

Если слуги (а разговаривали сейчас явно не супруги Гатто) позволяют себе пьяно орать в доме посреди ночи, означать это может только одно. Хозяев дома нет, и их возвращение в ближайшее время не ожидается.

Мы дружно ринулись в коридор.

Две женщины — судя по одежде, скорее кухарки, чем горничные, — и один здоровый мужчина, широкий в плечах, застыли при виде нас в немом недоумении.

— Тайная жандармерия Эрталии! — рявкнула я, не давая им опомниться, и предъявила извлечённый из кармана жетон. Спустя секунду спрятала его обратно. — Когда уехали лорд и леди Гатто?

Стоит упомянуть, что такого ведомства, как тайная жандармерия, в Эрталии сроду не существовало. Ведомство, в котором служила я, называлось иначе. Но вот как раз его название произносить предпочитали шёпотом, а всуе и вовсе не поминали. Именно поэтому я предпочла использовать бессмысленное, в сущности, словосочетание, долженствующее внушить уважение людям малообразованным, да к тому же ещё и пьяным. Предъявленный жетон тоже особенной ценности не имел.

— Так вечером, — отозвалась женщина с густыми золотистыми волосами, у которой дар речи прорезался быстрее, чем у прочих. — Как стемнело, так, почитай, сразу и уехали.

— Куда? — включился в допрос Нарцисс.

— Так не сказали.

Мужчина широко развёл руки в извиняющемся жесте, в результате чего упёрся одной из них в стену, а другой — в потолок.

— Вещей много взяли? — вновь перехватила инициативу я.

Раз уж слугам не сообщили направление, будем делать выводы окольными путями. Тем более что предположение у меня было, и оно мне сильно не нравилось. Судя по напряжённому и сосредоточенному лицу Нарцисса, его мысли приняли то же направление, что и мои.

— Два сундука, кажется, — потеряв переносицу, сообщил мужчина.

— Да все свои вещи вроде забрали, — добавила блондинка.

Мы с агентом многозначительно переглянулись.

— Возвращаться, стало быть, не собираются? — озвучила напрашивающийся вывод я.

— Ну, они нам так прямо не сообщали, но нет вроде бы, — подтвердила другая служанка, темноволосая. — Они ж ненадолго въехали, а на той неделе хозяева наши из-за границы возвращаются.

Дальше расспрашивать особого смысла не имело.

— Уехали на своей карете? — на всякий случай уточнил Нарцисс.

И хорошо, что решил уточнить. Я уже старательно воспроизводила в памяти карету барона — цвет, форму дверей, наличие гербов... — когда услышала неожиданное:

— Да нет, карета во дворе осталась.

— То есть как? — вскинула брови я. — Это что же, не их карета, а хозяев дома?

— Да нет, карета как раз их, Гатто, стало быть, — покачал головой мужчина. Зря он это сделал: видимо, от выпитого голова закружилась, и ему потребовалось приложить немало усилий, чтобы удержаться на ногах. — Но только они на другой уехали.

Глянув на Нарцисса, я словно отчётливо услышала зубовой скрежет. Ещё бы. Супруги Гатто здорово нас провели. Прикидывались простаками, а сами, по-видимому, вычислили причину нашего интереса и сумели сбежать у нас из-под самого носа.

— На какой другой? — требовательно спросил Нарцисс.

— Так Длинноногий Ричард на соседней улице живёт, — принялась объяснять тёмненькая. — Ну, прозвище у него такое. Он экипажи сдаёт кому далеко ехать надо. Вот с ним и договорились. Как стемнело, его кучер экипаж подогнал. Наши ребята вещи загрузили, хозяева и уехали. Ну, временные хозяева то есть.

— Барон и баронесса Гатто? — на всякий случай уточнил Нарцисс.

— Они, — охотно кивнула служанка.

— Где этот длинноногий живёт? — осведомилась я.

Нам дали адрес и объяснили, как пройти. Выходило, что до дома этого самого Ричарда было не больше пяти минут ходьбы. Выйти за ворота, добраться до первого же поворота направо, а там — вниз по улице, почти до самого конца. Не утруждая себя объяснениями, мы с Нарциссом помчались прочь. Слуги вновь остались предоставлены самим себе, но на сей раз — с отличной темой для пересудов.

Всё-таки глубокая провинция всегда чем-то напоминает деревню. Ни тебе мощёных улиц, ни высоких башен с часами, ни внушительных соборов, возвышающихся над многочисленными домами, ни привычных круглых окошек мансард. Дома, конечно, побогаче, чем в деревнях, и зачастую двухэтажные, но в большинстве своём бревенчатые, огороженные выкрашенными в разные цвета заборами. Их разделяют приличные расстояния, отводимые, как правило, под сады и огороды. Дороги паршивые, с тянущимися по обеим их сторонам канавами.

В общем, оценить внешний вид здешних улиц мы успели, благо ночь была звёздная. И всё-таки времени дорога заняла не много. Меньше положенных пяти минут, так как преодолели мы её бегом. И постучались в ворота нужного дома, с огромным двором и выкрашенной в синий цвет крышей, используя предназначенное для этой цели металлическое кольцо. Собачий лай пришёлся даже очень кстати, поскольку гарантировал, что хозяин нас услышит. В противном случае, учитывая расстояние от ворот собственно до дома и ночное время, в этом могли возникнуть сомнения.

Минут пять тем не менее пришлось подождать. Но по истечении этого срока к нам всё-таки подошёл мужчина, по всей видимости, и являвшийся хозяином дома. Правда, ноги его особенно длинными не были, но, может, его не за это так прозвали. А, к примеру, за то, что

обеспечивает клиентов возможностью быстро передвигаться на большие расстояния.

Появление посетителей поздней ночью хозяина, кажется, не удивило, хотя и не порадовало.

— Свободных карет нет! — зычным голосом сообщил он, приближаясь к воротам.

После чего принялся успокаивать собак.

Пришлось вновь представляться офицерами из таинственной жандармерии. Ричард был, по видимому, человеком законопослушным, либо очень хотел произвести такое впечатление. Поэтому сотрудничать с нами стал легко. Объяснил, что заказ на экипаж поступил от барона Гатто ещё вчера. Договорились на сегодняшний день сразу после заката. Он, Ричард, отправил кучера к дому, в котором проживал Гатто, как и было условлено. Названное клиентом направление — юг, но точного адреса барон не указал. Обещал отпустить карету через два дня. Заплатил хорошо. Настолько, что Ричард, кажется, не сильно бы страдал, даже если бы экипаж вовсе не вернулся.

— Нам понадобятся две лошади, — заявил Нарцисс, когда стало ясно, что больше полезной информации мы от хозяина дома не получим.

— Так нету, — развёл руками тот. — Говорю же: свободных экипажей не осталось. Их у меня всего два, каждый запряжён парой лошадей. Оба сняли. Так что в конюшне только одна лошадь и осталась, моя.

— Значит, давайте одну, — милостиво разрешил Нарцисс, уже шагая широким шагом в сторону конюшни.

Её несложно было опознать по характерному виду постройки.

Длинноногий Ричард не солгал: лошадь в конюшне действительно была одна. Её оседлали и вывели во двор. А вот в дальнейшем заключалась загвоздка. Я схватила лошадь под уздцы, Нарцисс занял стратегическую позицию возле седла.

— Я поеду за ними, а ты раздобудь ещё одну лошадь и догоняй, — распорядилась я, надеясь, что деловой тон сделает своё дело.

Не сработало. Что называется, раскатала губу.

— Нет уж, лучше поеду я. А ты спокойно, не торопясь, собери вещи и выезжай следом.

Я покрепче перехватила поводья:

— Я лучше тебя знаю здешние дороги.

Нарцисс вцепился рукой в седло:

— А мне с бароном и баронессой по пути. Ты ведь всё равно собираешься возвращаться в столицу? А это совсем в другую сторону.

— Я скорее их найду, — не сдавалась я.

— А я быстрее их догоню, — упорствовал Нарцисс.

— Если ты настоящий мужчина, то не сможешь заставить женщину идти пешком! —

возмутилась я. — А стало быть, уступишь лошадь.

— Тебе-то? Да даже не подумаю! С такой «хрупкой женщиной», как ты, только дай слабину! Проглотишь — и не подавишься.

Я судорожно сглотнула, невольно представив себе эту картинку отнюдь не в метафорическом смысле. А этот наглец воспользовался моим кратковременным замешательством и вскочил в седло. Конечно, я попыталась удержать лошадь, но, после того как Нарцисс её пришпорил, вынуждена была отступить.

Проводив спину Нарцисса и лошадиный зад мрачным взглядом, а также парочкой смачных ругательств, я неспешно зашагала назад, вверх по улице. Торопиться, в сущности, уже было некуда. Барон с баронессой получили несколько часов форы. Нарцисс, который не трясётся в карете, а едет верхом, да к тому же скакать будет, без сомнения, во весь опор, расстояние, конечно же, сократит. Я же, как бы ни старалась, от него отстаю. На то, чтобы раздобыть в такое время суток лошадь, потребуется время. К тому же, если говорить совсем откровенно, моя обувь, идеально подобранная для лазанья по стенам, плохо подходила для верховой езды. А это тоже означало потерю времени. Вывод: оптимальным вариантом сейчас будет спокойно вернуться домой (точнее говоря, на тот постоянный двор, где меня дожидались вещи и лошадь) и выехать уже оттуда. А по дороге спокойно обдумать сложившуюся ситуацию.

Итак, Гатто решили пуститься в бега. Нарцисс следует за ними. Его задача сейчас — просчитать их планы и найти способ их перехватить. Ещё один агент в моём лице скромно поспешает за Нарциссом. Моя задача — просчитать ходы не только Гатто, но и Нарцисса. Ну что ж, начнём.

Барон заявил хозяину экипажа, что едет на юг. Но направление он, вне всяких сомнений, назвал ложное. Притом заплатил достаточно, чтобы истинный пункт назначения не слишком Ричарда интересовал. А в случае необходимости приплатит и лично кучеру, чтобы тот не заартачился. Итак, куда могли в действительности поехать супруги Гатто? Ну, это вполне очевидно. У них на хвосте — агенты тайных служб двух государств, Эрталии и Ристонии. Конечно, знать это наверняка они не могут, но, вероятнее всего, подозревают. Как следует поступить в этой ситуации? Усыпить бдительность агентов, ускользнуть и как можно скорее возвратиться в Эркландию, дабы доставить перстень по назначению. Стало быть, направились они не на юг, а на восток. Ехать до эркландской границы примерно два дня, что соответствует сроку, названному бароном Длинноногому Ричарду.

Хорошо, примем это за рабочую гипотезу. Идём дальше. Бегство бегством, но рано или поздно Гатто остановятся на ночлег. Пусть не ночью, пусть утром, но остановятся. Они — аристократы, люди довольно-таки изнеженные, к лишениям не привыкли. Кроме того, они уверены, что их исчезновение мы обнаружим не раньше завтрашнего утра. Так что с этой точки зрения фора есть именно у нас. Так...

Я воспроизвела перед своим мысленным взором одну из хорошенько заученных в своё время географических карт, каковых было немало. Конкретно на этой, помимо прочего, были отмечены трактиры. На интересующем меня участке таковых имелось всего два: «Плакучая ива» и «Три берёзы». Такие в этих местах названия в ходу, древесные. Останавливаться на ночлег прямо в лесу наши аристократы точно не станут, так что... Нет, «Ива» отсюда слишком близко, всего четыре — четыре с половиной часа пути. Так что ночевать они всё-таки будут в «Трёх берёзах».

Нарцисс наверняка будет рассуждать так же, как я, и придёт к тем же выводам. Догнать

карету барона он не сможет, а вот перехватить чету Гатто в трактире — запросто. И в данной ситуации церемониться уже не станет. Полную секретность сохранить не удалось, перстень вот-вот уплывёт в ту страну, извлечь его из которой будет затруднительно. Так что терять нечего. Отсюда вывод: к тому времени, как некая эрталлийская агентесса доберётся на своей лошади до «Трёх берёз», Нарцисс уже будет таков. Притом с перстнем.

Стало быть, моя задача не в том, чтобы нагнать лорда и леди Гатто. Эту работу мы предоставим Нарциссу. В его профессиональных качествах я нисколько не сомневаюсь. Моя задача — перехватить самого Нарцисса.

Итак, куда он направится после того, как заполучит перстень? Нетрудно догадаться: в Ристонию. Именно туда он должен доставить трофей. Более того, на территории родного государства Нарцисса мне будет куда как труднее его переиграть. А до границы с Ристонией от «Трёх берёз», увы, не так уж и далеко. Впрочем, и не рукой подать: скакать часов десять придётся. Так что мы ещё повоюем...

Добравшись до постоянного двора, я всё-таки раскрыла одну из имевшихся в моём распоряжении карт. Надо было как следует рассмотреть интересовавший меня участок. Так-так... Нарцисс мог выбрать две дороги, которые сходились лишь вблизи от границы. Зато вот этот удобно расположенный холм позволит увидеть, куда он поедет, и подготовить достойный приём. Форса по времени у меня есть: ведь я не стану кружить, заезжая в трактир, а двинусь к холму напрямик.

Ну что ж, господин Нарцисс, до скорой встречи!

Стандартный приём с древесным стволом, преграждающим лесную дорогу, хорош, когда требуется остановить карету. С одиноким всадником сложнее. Один ствол он просто-напросто перепрыгнет (ну, строго говоря, не он, а конь) — и будет таков. Поэтому в данном случае пришлось хорошенько попотеть, сваливая поперёк тропинки, а также по бокам от неё целую кучу брёвен. К счастью, обзор с вершины холма открывался отличный, и времени на подготовку хватало. Зато в итоге никакой конный в здравом уме не попытался бы преодолеть возникшее аккурат после поворота дороги препятствие в один прыжок. А уж со здоровьем ума у Нарцисса всё было в полном порядке.

Поэтому остановиться ему всё-таки пришлось, хотя неладное он, конечно же, заподозрил сразу. Но развернуть коня или аккуратно объехать препятствие, пробираясь между деревьями, уже не успел. Семеро не слишком раскормленных, но тем не менее весьма крупных мужчин окружили его за несколько секунд. Одеты они были как придётся (старые обноски перемежались с идеально новыми вещами), вооружены тоже кто во что горазд. Но, самое главное, оружие имелось у всех, и у некоторых — огнестрельное. Поэтому расстояние в десяток шагов, всё ещё отделявшее большинство из них от Нарцисса, счесть безопасным было нельзя.

— Значит, так, — с ленцой протянул главарь банды, — я — человек честный, поэтому врать про «кошелёк или жизнь» не буду. Жизнь, конечно, при желании можешь отдать, но кошелёк мы возьмём по-любому. Так что сопротивляться не советую.

Надо сказать, внешность атамана производила двоякое впечатление. Высокий рост, крепкое телосложение и шрам на щеке вызывали ассоциации с матёрым волком. Но огненно-рыжие волосы, завивающиеся внизу очаровательными колечками, и многочисленные веснушки, напротив, наводили на мысль о шепутном мальчишке, а из животного мира ассоциации возникали почему-то с молодым оленёнком. Впрочем, я отвлеклась.

— Значит, вам нужен мой кошель? — решил уточнить Нарцисс, державшийся, надо отдать ему должное, молодцом.

Я даже предполагаю, что при иных обстоятельствах он бы вполне мог попытаться справиться с этим количеством противников. Но не тогда, когда несколько человек одновременно держали его на прицеле, готовые в любой момент спустить курок пистоля или арбалетную тетиву.

— Не только. — Атаман оценивающе оглядел жертву ограбления. — Ещё твоя лошадь, камзол (за него неплохие деньги можно выручить), ну и всякие побрякушки — кольца, подвески и тому подобное.

— Я так понимаю, ради «тому подобного» всё и затевалось. Верно?

Последний вопрос Нарцисса был обращён в пространство, причём агент почти сразу и вполне обоснованно поднял голову, оглядывая густую листву близлежащих деревьев. Пришлось раздвинуть ветки и, аки лешему, явиться людским взорам. Правда, я пока не спешила спрыгивать на землю с сука, на котором сидела.

— Привет, — невинным тоном произнесла я.

Оставалось только добавить «Какая неожиданная встреча!», но я сочла, что это будет перебором.

— Я смотрю, эрталийские агенты сотрудничают с весьма законопослушными подданными, — фыркнул Нарцисс.

— Ох, не пытайся казаться моралистом! — поморщила носик я. — Это тебе не к лицу. Да, мы сотрудничаем с этими подданными, и, к слову сказать, сотрудничество бывает весьма плодотворным. Как, например, сейчас.

Разбойники, внимательно прислушивавшиеся к разговору, довольно заушмылялись.

— А мой кошель? — продолжал любопытствовать Нарцисс. — Тоже твоя идея?

— Нет, — призналась я. — Кошель — это их творческая инициатива. Но не могу же я душить на корню порыв вдохновения.

Насчёт кошеля я разбойникам и правда ничего не говорила. А вот идея с лошастью принадлежала мне. Увести её у Нарцисса я считала делом чести.

— А-а-а, — протянул агент. — А я-то думал, ты таким образом расплачиваешься с подданными за помощь. Как же тогда? Неужели натурой?

Пытается разозлить. Надеется, что в порыве эмоций я допущу какую-нибудь оплошность, а он сумеет на этом сыграть. Не дождётся.

— Послушай, давай говорить напрямик, — щедро предложила я. — Сейчас сила на моей стороне. Ты же давно в деле и знаешь правило: проигрывать тоже нужно уметь. Смотри на это философски. Сейчас я тебя обошла. Это неудивительно: тут, как-никак, моя территория, а это изрядно помогает. В другой раз первенство останется за тобой. А теперь просто отдай мне кольцо. В Ристонии можешь рассказать такую историю, какую сочтёшь нужным, я ничего оспаривать не стану.

— Звучит, конечно, красиво, — усмехнулся Нарцисс. — Но как быть, если у меня нет при себе кольца?

И он хитро прищурился.

Блефует. Куда бы, интересно знать, он мог его задевать, в Эрталии-то?

— Отдай кольцо, — настойчиво посоветовала я.

— Простите, леди, но это уже наша работа, — вмешался атаман.

Я развела руки, развернув их ладонями вперёд, — дескать, я у вас под ногами не путаюсь.

— Кошель, — распорядился разбойник.

Нарцисс со смешком бросил требуемое к его ногам. Один из разбойников поднял мешочек и перебрал мне. Сделал он это со спокойной душой, прекрасно зная, что кроме интересующего меня предмета я ничего забрать не попытаюсь.

Тщательно обыскав кошель, я не обнаружила там ничего, мало-мальски напоминающего нужное (да и какое-либо другое) кольцо, после чего перебрала кошель обратно разбойнику. Ни на что другое я и не рассчитывала. Нарцисс не такой идиот, чтобы носить столь ценный перстень в кошеле, то есть в самом первом месте, где он и станут искать.

— Лошадь, — продолжил ничуть не встревоженный атаман.

Поводья возмутительным образом отобранного у меня животного перекочевали к разбойнику. Спешиться Нарцисс успел ещё раньше.

— Камзол.

Спокойная отстранённость атамана впечатлила даже меня. Камзол мне тоже перекинули, я внимательно его изучила, но кольца не обнаружила.

— Что-нибудь ещё?

Нарцисс наглядно продемонстрировал длинные пальцы, которые, если можно так сказать о данной части тела, были абсолютно обнажены. То есть никаких колец на них не наблюдалось.

Я соскочила с ветки и приблизилась к разбойникам. Они немного расступились, чтобы мы с Нарциссом могли друг друга видеть.

— Раздевайся, — заявила я, скрестив руки на груди.

Агент покосился на меня с откровенной насмешкой.

— Что, прямо здесь и сейчас? — осведомился он. — Дорогая, я настолько тебе нравлюсь?

Кое-кто из разбойников захихикал. Не особенно напрягаясь по этому поводу, я настойчиво произнесла:

— Снимай рубашку.

— Зачем? — тут же отозвался Нарцисс. — Может быть, сразу штаны?

Смешки стали громче.

— Ру-баш-ку, — по слогам повторила я, окончательно уверившись в том, что моё предположение верно.

Теперь стало очевидно, что Нарцисс снял бы брюки со значительно большей охотой. Ну в самом деле, чего мы с разбойниками там не видели? А вот под рубашкой явно пряталось нечто, чего действительно не видели, притом никогда.

Нехотя агент начал расстёгивать пуговицы.

— Достаточно! — прервала действие я, когда после третьей пуговицы стала отчётливо видна уходящая под одежду цепочка. — Меня интересует то, что висит у тебя на шее.

Кольцо действительно оказалось там. После того как Нарцисс вынужденно перекинул мне цепочку с висящим на ней трофеем, я поспешила откланяться.

— На твоём месте я бы не стал радоваться прежде времени, — бросил мне агент. — Ещё не вечер, а до столицы путь неблизкий.

— Неблизкий, — подтвердила очевидное я. Не сказать чтобы сей факт совсем уж меня не тревожил, но тревога порождала желание поскорее тронуться в путь, а не болтать на данную тему неопределённое количество времени. — Поэтому мне пора. А с этими милыми людьми я обо всём договорилась, они не откажут тебе в гостеприимстве. Дня на два. Потом ты будешь волен ехать в любом направлении. Лично я рекомендую ристонийскую границу.

Путь и вправду лежал неблизкий. Первое время я то и дело невольно оглядывалась, проверяя, нет ли за мной погони. Но её не было, да и быть не могло, так что постепенно я расслабилась. В меру, конечно. Настолько, насколько вообще можно позволить себе расслабиться при выполнении важного задания. Но самое забавное заключалось в том, что мне стало скучно. Даже почти тоскливо. Привыкла я за последние насыщенные дни к постоянному противостоянию, зримому или незримому присутствию конкурирующего агента.

Придя к такому выводу, я поспешила напомнить себе, что расслабляться рано. Нарцисс Нарциссом, но есть и другие люди, заинтересованные в том, чтобы заполучить кольцо, и они могут оказаться куда как опаснее. В конце концов, от ристонийского агента ничего, кроме мелких (ну, в крайнем случае, крупных) пакостей, я не ожидала. Да и, положила руку на сердце, даже попади кольцо в Ристонию, вряд ли это имело бы трагические последствия. Просто в очередном витке соревнования между тайными ведомствами двух государств победу одержала бы не наша сторона. Неприятно, но не смертельно. А вот если перстень попадёт в Эркландию, тем более в руки такой мутной и подозрительной фигуры, как Фернан Ромеро, это может закончиться катастрофой.

Так что, подъехав к придорожному трактиру незадолго до заката, я отказалась от соблазна задержаться там на ночь. Вместо этого, перекинув расторопному мальчишке поводья и велев покормить лошадь, зашла отдохнуть и перекусить. Какое-то время «отдыхала», сидя на неудобной скамье и давась плохо прожаренным мясом, а затем продолжила путь. Надеялась лишь, что лошади больше повезло с ужином.

Когда совсем стемнело, искать место для ночлега всё-таки пришлось. Однако трактиров поблизости уже не было: не настолько часто они в этих краях встречались. На такую роскошь я

и не рассчитывала, но надеялась хоть на какое-нибудь скромное жилище, где хлебосольные хозяева всегда рады приютить путника за хорошие деньги. Увы. Ни одной избушки всё никак не попадалось.

Углубившись в лежавшее на пути редколесье, я уже смирилась с перспективой ночевать под открытым небом, когда завидела одинокий домик, вероятнее всего охотничий. Спешилась, намотала поводья на осиновую ветку и постучала. Ответом была тишина. Огоньков в окнах тоже не наблюдалось. Собственно, оно и неудивительно, если это охотничий домик, который лишь изредка используется хозяевами.

Дверь была заперта, но подобные мелочи меня уже давно не останавливали. Тем более что замок оказался совершенно несерьёзный: видимо, красть в доме особо нечего. Я вошла. Постояла, привыкая к темноте: снаружи благодаря лунному свету видимость была неплохая, а вот сюда даже звёзды не заглядывали. Затем сделала пару шагов вперёд... И во вспыхнувшем свете свечи увидела перед собой дуло пистоля. Я глядела на него, оно — на меня. А потом эту идиллию нарушило остриё шпаги, осторожно, но красноречиво коснувшееся моей спины.

— Я протестую, — заявила я, инстинктивно передёрнув лопатками. — Это плагиат и вообще нечестно.

— А честной игры никто и не обещал, — заметил Нарцисс, несколько не обиженный.

Чувство раздражения я, конечно, испытывала, но, как ни странно, не слишком сильное. Всё же поначалу я предположила, что столкнулась с эркландцами, а на таком фоне ристонийского агента можно было считать, по сути, старым добрым товарищем.

— Как ты умудрился выбраться от разбойников? — осведомилась я и из любопытства, и ради того, чтобы потянуть время, оценивая ситуацию. — Я, конечно, понимаю, что вы с ними одного поля ягоды, но всё-таки?

— И это говорит женщина, которая наняла их с целью меня ограбить!

— Это ты первым ограбил меня. А я исключительно вернула себе украденное.

— По-моему, у тебя я ничего не украл. — Моя претензия Нарцисса явно повеселила. — Если на то пошло, ограбил я барона Гатто, а лошадь — ту и вовсе взял у доброго господина Ричарда взаймы и, заметь, с его согласия.

— Ну да, и согласился он исключительно потому, что ты назвался представителем несуществующего ведомства.

— Которое придумала ты.

— Вы так что, всю дорогу общаетесь? — поинтересовался мужской голос за моей спиной.

Спиной, к которой, к слову, уже не прикасалось никаких лезвий.

Я позволила себе оглянуться, чтобы увидеть молодого невысокого мужчину достаточно приятной наружности. Шпагу он по-прежнему держал в руке, так что расслабляться было рано.

— Более или менее, — не слишком охотно ответил Нарцисс.

— Что ж, в таком случае я понимаю, почему задание заняло у тебя столько времени, — хмыкнул тот.

— Посмотрел бы я на тебя, — отозвался Нарцисс, поморщившись.

— Ты так и не ответил на мой вопрос, — настойчиво напомнила я.

Агент передёрнул плечами.

— Как я ушёл от разбойников? Заплатил им, естественно.

— Чем?! Они же и так отобрали у тебя все деньги!

Моё возмущение буквально-таки зашкаливало.

Нарцисс самодовольно усмехнулся.

— Сотрудничать с этими людьми тоже нужно уметь, — туманно объяснил он. — А я как раз обладаю соответствующими навыками.

— Это какими? — подозрительно прищурилась я. — Не считая, конечно, пристрастия к грабежу? — Я поспешила всыпать в вопрос щедрую порцию сарказма.

— Игры в кости, — снисходительно сообщил Нарцисс. — Сначала я выиграл всё, что они у меня отобрали, потом ещё кучу денег. А дальше мы сторговались на том, что они отпускают меня и дают лошадь взамен той, которую увела ты. А я прощаю им остальной долг. И вот я здесь! — торжественно завершил рассказ он.

— Чёрт знает что такое, — посетовала я, ни к кому определённого не обращаясь. Вряд ли напарник Нарцисса (или кем там он ему приходится) проявит сочувствие к моей персоне.

И действительно, не проявил. Во всяком случае, именно его стараниями (хоть и по знаку Нарцисса) мои руки были заведены за спину, и на запястьях сомкнулись браслеты кандалов.

— Прости, но ближайшие несколько часов тебе придётся провести здесь, — сообщил Нарцисс, снимая с моей шеи хорошо знакомую ему цепочку с кольцом. Украшение, уже успевшее набить оскомину нам обоим.

Меня подтолкнули в сторону стоявшего у самой стены кресла. Пожав плечами, я опустилась на мягкое сиденье. Мягкое-то оно мягкое, но сидеть с руками за спиной всё равно не слишком удобно.

— А мне что делать? — поинтересовался напарник Нарцисса, в то время как тот застёгивал цепочку у себя на шее.

— Караулить, — ответил агент. — Причём — Крепыш, запомни! — внимательно и ежесекундно. Не выходить, не отворачиваться, не покушаться ни на какие увёртки. Ты меня понял? — Он выдержал многозначительную паузу, как бы дожидаясь, чтобы его напарник — или скорее подчинённый? — в полной мере осознал смысл сказанного. — Это не какой-нибудь мелкий преступник. Или даже крупный. Это наша коллега, высококлассный профессионал своего дела.

— Я так тронута, что сейчас разрыдаюсь, — мрачно сообщила я.

— Так вот, — мои слова Нарцисс проигнорировал начисто, — никаких уступок, даже в мелочах.

Твоя задача — гарантировать, что в течение пяти часов она не сдвинется с этого места. Потом можешь отпускать. Нет, для верности всё-таки выжди шесть. В Ристонии меня встречают, так что отобрать кольцо там будет, мягко говоря, затруднительно. — Эти слова предназначались уже для меня.

— Ладно, я всё понял, — проворчал Крепыш.

Забавное, кстати сказать, прозвище. Парень действительно был коренастый, не толстый, но явно с широкой костью, и телосложением обладал крепким.

— Надеюсь, — всё так же многозначительно проговорил Нарцисс. — Всё, я поехал, — продолжил он, напоследок похлопав себя по карманам. — Как закончишь здесь, можешь возвращаться домой.

Один кивок мне на прощанье, и он вышел из дома. Холодный ветер ворвался в помещение и почти сразу прекратился, стоило двери снова захлопнуться.

Мы с Крепышом смотрели друг на друга. Я на него, он на меня. Оба молчали. Потом парень скинул куртку и уселся за небольшой стол, так, чтобы находиться ко мне лицом. На столешницу перед ним лёг заряженный пистоль.

Я немного поиграла с агентом в гляделки, затем для достоверности попялилась в стену и наконец прикрыла глаза. Что остаётся делать, если в течение ближайших часов придётся сидеть на месте? Только дремать, отдыхая по мере возможности от праведных трудов.

Впрочем, всё это — лишь видимость. Агенты на задании не отдыхают, а моё задание пока не выполнено. И сидящий напротив мужчина, конечно же, это понимает. И продолжает следить за мной пристальным взглядом, который я ощущаю даже сквозь опущенные веки. Придётся пожертвовать драгоценным временем, дабы усыпить его бдительность. Час, полтора — и он перестанет столь ревностно исполнять полученный приказ. Устанет, заскучает, начнёт рассматривать потолок. А я получу возможность воспользоваться шпилькой, которую спрятала в рукав прежде, чем мне сковали руки.

Раздавшиеся со стороны стола звуки заставили меня приоткрыть глаза, но лишь ненадолго. Агент просто достал флягу и отпил из неё воды. Во всяком случае, я так предполагаю, что воды. Вряд ли он бы позволил себе пить алкоголь, выполняя столь ответственное поручение.

Вообще, вероятнее всего, прозвище Крепыш свидетельствует не только о телосложении. Подозреваю, что мой тюремщик — человек недалёкий. Иначе прозвали бы его как-то иначе, за другие таланты. Потому и выполняет он здесь роль второстепенную, скорее подчинённого, чем полноценного напарника. Ну что ж, подождём, посмотрим.

Спросите у агентов, что самое трудное в нашем деле. Предполагаю, что каждый даст свой собственный, отличный от прочих ответ. Моя точка зрения в данном вопросе однозначна. Труднее всего — ждать. Долго и терпеливо, не делая ровным счётом ничего, в идеале даже не шевелясь, но при этом не теряя бдительности и не позволяя расшалиться нервам. Всеми остальным можно научиться. То, что тяжело вначале, по окончании многочисленных тренировок превратится в дело техники. Но ожидание станет всякий раз пробовать на прочность натянувшиеся до предела нервы.

Я справилась. Выждала даже не полтора часа, а добрых два. Правда, за это время успела кое-что сделать, а именно — открыть замки кандалов. Справиться с этим со скованными за спиной

руками — штука трудная, но как раз из тех, достижимых благодаря богатому опыту. А опыт у меня и вправду богатый. И овладела я этой наукой задолго до того, как поступила на свою нынешнюю службу. Собственно говоря, отчасти поэтому меня на неё и взяли. Я обладала немалым числом полезных для агента навыков.

Ожидания дали свои плоды. Необходимый мне момент относительной свободы настал. Крепыш долго ёрзал на стуле, барабанил пальцами по столу и наконец, посверлив меня подозрительным взглядом, всё-таки позволил себе выскочить на порог. Вот не следовало ему несколько раз прикладываться к фляге. И уж если естественные природные последствия дали о себе знать, не стоило выходить на улицу. Общественные нормы, равно как и личный комфорт, должны были отступить перед необходимостью добросовестно выполнить приказ. Но нет: нормальные человеческие привычки взяли верх, и он позволил себе выпустить меня из виду. Всего на несколько секунд, при этом прихватив с собой пистоль, хоть я и была, с его точки зрения, скована. И тем не менее этого хватило.

Я быстро выудила из кармана одну маленькую, но очень полезную пилюлю, закинула её в рот и, когда Крепыш возвратился, на ходу застёгивая брючный ремень, раскусила. Препарат являлся плодом совместных трудов лекарей, магов и алхимиков и разработан был специально для эрталийской разведки.

Выждав три минуты, я закашлялась, широко выпучив глаза и шевеля губами, будто тщетно сиюсь что-то сказать. Крепыш отнёсся к моим действиям, как и следовало, то есть как к тщательно разыгрываемому представлению.

— Ну-ну, — ничуть не обеспокоенно хмыкнул он, — и что там у нас дальше?

Я принялась отчаянно вращать глазами и захрипела нечто невнятное.

— Меня про вас предупредили, — напомнил Крепыш. — Так что давайте без всего этого. — В его голосе послышались просительные нотки. — Ну в самом деле, просто подождите ещё четыре часа. И всё, разойдёмся как культурные люди.

Культурным человеком я, по-видимому, не являлась, поскольку ждать целых четыре часа совершенно не планировала. Из глаз потекли слёзы — результат вовсе не моих актёрских данных, а начавшегося действия принятого препарата.

— Слушайте, я всё равно вам не верю, — с напором произнёс Крепыш, но чувствовалось, что он начинает нервничать.

Ещё чуть-чуть похрипев, не столько из необходимости, сколько в порыве вдохновения, я сникла в кресле и застыла без движения. В крайне неудобной позе, но на что не пойдёшь ради эффекта?

— Ой, ну в это я уж никак не поверю, — протянул Крепыш. Немного подождав, окликнул меня: — Эй! Ну, хватит притворяться! Садитесь уже, неудобно же так лежать. Всё равно я вас освободить не собираюсь.

Я не шевелилась. Судя по звукам, агент снова заёрзал на стуле, на сей раз от беспокойства. А теперь, кажется, встал на ноги. Наверняка перегибается через стол и вглядывается в моё лицо. А посмотреть есть на что. У принятого мною средства несколько отличных эффектов. Так, например, моя кожа приобрела сейчас приятный трупный оттенок, а тело на ощупь стало холодным, приблизительно комнатной температуры.

Скрипнул отодвигаемый стул. Сквозь полуопущенные ресницы я видела, как Крепыш направляется ко мне, предусмотрительно сжимая в руке пистоль. Снова полноценно закрыла глаза.

— Эй, что с вами? — Агент нервничал всё сильнее. — Ну, ответьте же мне! Да хватит вам, честное слово... — Тон его был уже практически умоляющим. — Откройте глаза! Вам что, правда плохо? Может, воды?

Я не шевелилась и никак не реагировала на его возгласы.

— Да что ж такое?! Ну что за невезение, честное слово! Пальцем ведь её не тронул!

А вот это неправда, мысленно прокомментировала я. Когда кандалы надевал, очень даже трогал!

— А скажут, будто я уморил иностранного агента! — продолжал сетовать Крепыш. Его поведение чрезвычайно мне нравилось. Разговаривая вслух сам с собой, он фактически признавал, что я вовсе не хитрила, а действительно по меньшей мере упала в глубокий обморок. — И Нарцисса подставлю! Эй, милочка, ну же, просыпайтесь скорее!

Его рука потянулась к моей шее. А вот теперь самое главное — задержать дыхание, будто нырнула под воду. Пульс-то он не почувствует, об этом моя пилюля заботится, а вот заметить, что я дышу, так близко ко мне склонившись, может вполне.

Задерживать дыхание я умела на две минуты, на сей раз продержалась чуть поменьше, поскольку как следует подготовиться возможности не было, но этого всё равно хватило. Теперь Крепыш, не обнаруживший у меня пульса, метался по комнате в состоянии истерики.

— Что делать? Лекаря звать? Да где же я лекаря найду в этом чёртовом лесу?!

Снова позволив себе взглянуть на мир сквозь полуопущенные ресницы, я обнаружила, что бедолага вцепился свободной рукой себе в волосы. Затем, отложив в сторону пистоль, он бросился ко мне и принялся отчаянно хлопать меня по щекам, в надежде, что я всё-таки приду в себя.

— Право слово, что за неуважение к трупу? — возмутилась я, резко открывая глаза. — Воскресить таким образом нельзя, поднять зомби — тоже. Чему вас там учат, в этой вашей Ристонии?

Заступить за честь отчизны, равно как и полноценно обрадоваться, Крепыш не успел. Один удар ногой немного ниже пояса заставил его, обиженно застонав, согнуться пополам. Следующий пришёлся в более приличную зону, зато заставил агента на продолжительное время потерять сознание.

Я, извиняясь, развела руками. Нехорошо, конечно, так с коллегой, но куда деваться? И вообще, если на то пошло, двое мужчин на одну слабую, хрупкую женщину — это тоже не слишком корректно.

Оседлав предсказуемо обнаружившуюся снаружи лошадь, я помчалась навёрстывать упущенное.

Увы, наверстать было проблематично. Всё же я потеряла больше двух часов. Приходилось признать очевидное: Нарцисс доберётся до границы раньше, чем я, если только не надумает сделать мне приятное и проторчать пару часов в какой-нибудь харчевне. Но для того, чтобы поверить в такой ход событий, мне отчаянно не хватало оптимизма.

Лес давно остался за спиной, местность с одной стороны от дороги стала холмистой. Более того, некоторые холмы были настолько высокими, что я, право, весьма смутно представляла себе, отчего географы не называют их горами. Я проехала, чтобы не сказать «пролетела», приличную часть пути, но до границы всё ещё было далеко. Утешало одно: по моим подсчётам, Нарцисс тоже не успел ещё добраться до Ристонии. Но утешало слабо: по тем же самым подсчётам, он должен был оказаться там если не на два, то на полтора часа раньше, чем я.

Мой взгляд скользнул по окрестностям и зацепился за ступени, выдолбленные в каменистой почве там, где склон холма становился особенно отвесным. Я нахмурилась. Об обычных любителях красивых видов подобным образом не заботятся. И тут меня осенило. Ну конечно же! Ведь граница расположена в районе той же цепи холмов!

Свернув с дороги, я устремилась к подножию холма, а затем погнала лошадь вверх по склону, пока он не перестал быть достаточно пологим для путешествия верхом. Спешившись и накинув поводья на основную ветку, устремилась к ступеням. Вверх, вверх и вверх. Ступени сменялись узкой, едва виднеющейся тропинкой, тропинка — снова ступенями. Добравшись до вершины, я испустила радостный вопль, благо что никто не мог бы услышать меня в данный момент. Как я и предполагала, здесь всё было заготовлено для сигнального костра. Огниво имелось у меня при себе.

Костёр разгорелся быстро. Пламя взметнулось, дым поднялся высоко в небеса. Я подошла к самому краю и стояла, напряжённо вглядываясь в сине-зелёную даль. И снова вскрикнула от радости, увидев, как вдалеке, на грани возможностей моего зрения, вспыхнул казавшийся крохотным огонёк.

Теперь информация в считанные минуты дойдёт до границы. И охрана перекроет выезд в Ристонию, дожидаясь дополнительных пояснений касательно объявленной мною тревоги.

Разумеется, кто попало взобраться на вершину не смог бы. Я не ощущала магическую защиту (как-никак сама ни малейшими колдовскими способностями не обладаю), но не сомневалась ни секунды: защита была. Однако не зря надо мной, как и над некоторыми другими моими коллегами, колдовал в своё время королевский маг. Доступ в подобные стратегические места у меня был. Возможно, не во все, но в основную их часть, исключая, должно быть, самые секретные.

Спускалась осторожно. Разумеется, не спала на ходу, но и не мчалась сломя голову (а то на крутом спуске её недолго сломать в прямом смысле слова). Что могла, я сделала; теперь оставалось надеяться на профессионализм и сознательность пограничной службы. Надеюсь, они с задержанными в кости не играют.

В том, что мои надежды оправдались, я смогла убедиться, собственно добравшись до заставы. Огромной очереди здесь, конечно, не наблюдалось, но с полдюжины ожидающих накопиться успело, и одним из первых был мой старый знакомый. Точнее сказать, особенно старым знакомым Нарцисс не являлся, но за последнее время в моей жизни его оказалось так много, что создавалось чувство, будто мы знакомы вечность.

К чести агента надо сказать, что моё появление ни капли его не удивило. Оказавшись в

устроенной мной ловушке, он быстро оценил ситуацию и, судя по поведению, достойно проигрывать действительно умел. Так что кольцо вновь перешло в моё распоряжение, остальные ожидающие отпущены, а Нарцисс после обыска выдворен из страны без разрешения на обратный въезд на протяжении ближайшего месяца. Попрощался он со мной, весело помахав рукой, что насторожило, но лишь чуть-чуть. Пронести через границу нечто важное он никак не мог: обыск произвели по всем правилам. Оставалось сделать вывод, что Нарцисс либо действительно умеет проигрывать, либо планирует очередную пакость, возможно, руками своих сообщников. Так что расслабляться я не стала и, поблагодарив служителей закона и пообещав замолвить за них слово перед властями, поспешила в столицу.

Вопреки ожиданиям, доехала я без каких-либо сложностей. Добравшись до дворца, вручила кольцо кардиналу в собственные руки. Наша встреча долго не продлилась: у его высокопреосвященства имелись другие дела, да и я была только-только с дороги. Подробный доклад сделала в тот же день, но немногим позже, Лавару — своему учителю и непосредственному начальству. А более продолжительный разговор с кардиналом состоялся на следующий день.

— Лавар рассказал мне о ваших приключениях, — сообщил Монтерей, знаком предлагая мне садиться. Я воспользовалась приглашением. — Стало быть, невзирая на все помехи, в конечном счёте вам удалось обойти своего конкурента.

— Да, ваше высокопреосвященство, — не без чувства гордости подтвердила я. Но тут же справедливости ради добавила: — Однако должна признать, что этот человек — знаток своего дела, и обыграть его было нелегко. Я не могу с уверенностью утверждать, что преуспела бы в этом на его территории.

— Что ж, меня радует твоя честность в этом вопросе, равно как и то, как протекало ваше сотрудничество на данном этапе.

Я непонимающе нахмурилась: одно из произнесённых кардиналом слов неприятно зацепило.

— Сотрудничество? — переспросила я.

— Своего рода, — подтвердил Монтерей, вставая, чтобы подойти к высокому бюро. — Согласись, что ваше противодействие в охоте за кольцом больше походило на сотрудничество, переплетённое с дружеским соревнованием, нежели на противостояние врагов.

Я молчала. Сказанное кардиналом, бесспорно, являлось правдой, но сейчас меня терзало то, что я услышала между строк.

— Ваше высокопреосвященство, — слова произносились медленно, тягуче, словно я плыла против течения, с трудом рассекая руками воду, — правильно ли я понимаю, что... — Ох, не задают кардиналам такие вопросы! Но и остаться в неведении, мучаясь лишь догадками, я была не готова. — ...Вы с самого начала знали, что за кольцом, кроме меня, будет охотиться агент лорда Эстли?

Монтерей повернулся ко мне, продолжая держать руку на интересовавшем его ящике бюро.

— Это было достаточно предсказуемо, не так ли, дочь моя? — с едва заметной улыбкой ответил он.

— А личность этого агента вам тоже была известна?

Наглеть так наглеть. Буду спрашивать до тех пор, пока меня не осадят.

— И её также возможно было предугадать.

Я сидела, чувствуя, как душу охватывает смятение. В чём же заключалась подлинная причина этой поездки? Отправил ли меня кардинал в провинцию для поисков кольца или ради очередного «сотрудничества» с Нарциссом?

Я не была уверена, что решусь напрямую задать этот вопрос: всё-таки при общении с такими людьми, как кардинал Монтерей, во всём следует знать меру. Однако его высокопреосвященство избавил меня от внутренних метаний, ибо сам неожиданно ответил на терзавший меня вопрос.

— Цель твоего задания была двойной, — просветил меня он, словно сумел прочесть мои мысли. — Кольцо действительно очень опасно и может стать важным козырем в политической игре, а следовательно, крайне нежелательно, чтобы им воспользовалась эркландская сторона. Но нам, безусловно, было важно увидеть, какие возможности откроются в ходе твоей совместной работы с Нарциссом. Ведь согласись, что ваше первое совместное задание было чрезвычайно лёгким.

Я вновь погрузилась в молчание. «Нам». Вряд ли кардинал случайно употребил это слово. Не «мне», а «нам». Стало быть, кроме кардинала, было и другое заинтересованное лицо. И что-то подсказывает мне, что этим лицом являлся лорд Кэмерон Эстли. Стало неприятно, словно по груди пробежал холодок. Значит, всё было подстроено заранее? Наша отчаянная борьба с Нарциссом, все силы, брошенные на то, чтобы перехитрить друг друга... Всё это просто ради того, чтобы двое великих государственных мужей смогли понаблюдать, как именно мы будем себя вести? Конечно, я понимала: всё делалось вовсе не для того, чтобы поразвлечься, а было нужно для очередной далеко идущей и важной для обоих государств цели... И всё равно меня не покидало чувство, будто я только что поучаствовала в тараканьих бегах, притом отнюдь не в роли зрителя.

— Что ж, я рада, что смогла выполнить сразу два ваших задания.

Это было максимальное выражение недовольства, какое я могла себе позволить. Впрочем, возможно, и оно было чрезмерным, но кардинал не возмутился и даже не поморщился. Просто совершенно спокойным тоном сообщил:

— Ты выполнила только одно.

Я в удивлении нахмурила брови. Нарцисса я переиграла, кольцо привезла. Что же тогда?

— Перстень оказался поддельным, — ответил на невысказанный вопрос кардинал.

Всё тем же ровным, спокойным тоном. Таким спокойным, что можно было бы подумать, будто и этот поворот запланирован им заранее, однако я знала его высокопреосвященство достаточно, чтобы разглядеть эмоции, спрятанные на самом дне чуть прищуренных глаз. Подмена кольца стала для кардинала неприятной неожиданностью.

— Но Нарцисса обыскали на границе! — От волнения я начала рассуждать вслух и совершенно забыла о недавнем чувстве обиды. — Он не мог пронести кольцо на территорию Ристонии!

— Судя по тому сколь активно этот молодой человек старался перехватить у тебя перстень, он

тоже пребывал в неведении, — снисходительно качнул головой кардинал. — Возможных вариантов — два. Первый: барон Гатто подменил перстень, догадавшись о том, что его преследуют. Позаботился об этом прежде, чем бежать из города.

Я прикусила губу. То, что Гатто догадался о внимании нашего ведомства, — бесспорно, мой просчёт. Правда, весьма вероятно, что не заинтересуешься им два ведомства сразу, происходящее не стало бы для него столь очевидным.

Осторожно посмотрела на кардинала. Упрёка по этому поводу не увидела.

— Однако при таком варианте барону пришлось бы действовать чрезвычайно быстро, — продолжал Монтерей. — А полученная нами подделка — весьма высокого качества. Поэтому мне представляется более вероятным второй вариант. Нам с самого начала подсунули ложную информацию. Настоящего перстня у Гатто никогда не было. Он хранил копию для того, чтобы сосредоточить на себе наше внимание. А настоящее кольцо вывез кто-то другой.

Не сказать чтобы такой поворот событий был совсем уж нереалистичным или из ряда вон выходящим. И тем не менее я была несколько шокирована. В первую очередь, наверное, масштабом нашего просчёта.

— Это не твоя вина, — с лёгкостью прочитал мои мысли Монтерей. — Ошибку совершили другие люди. Этим вопросом я займусь отдельно, но тебя он беспокоить не должен.

Я мысленно посочувствовала «другим людям», однако не слишком сильно. Во-первых, ещё неизвестно, не с умыслом ли они совершили эту «ошибку». Во-вторых, кардинал, при всей своей суровости, справедлив. А в-третьих, если сверх меры сочувствовать всем незнакомцам, можно прежде времени скончаться от сердечного недуга.

Припомнился также и излишне весёлый взгляд Нарцисса, когда он отдавал мне кольцо в последний раз. У разбойников он отреагировал совсем иначе. Похоже, к моменту обыска на границе он успел догадаться, что с перстнем что-то неладно. Хотела бы я знать, каким именно образом.

— Со своей стороны, ты всё сделала правильно, — отметил Монтерей, завершая беседу. — Я доволен твоей работой. Вознаграждение ждёт тебя у казначея. Ступай.

Пройдя мимо бдивших возле очередной двери стражников, я столкнулась в коридоре с Рэмом.

— Как дела? — бодрым тоном осведомился он.

— Не знаю, — честно ответила я, так и не выйдя из состояния глубокой задумчивости. — Вроде бы в целом всё хорошо. Но, понимаешь ли, участие в политических играх оставляет иногда странное ощущение.

— Поговори об этом с моей женой, — усмехнулся Рэм. — Ей точно будет что сказать тебе на этот счёт.

Часть третья

Глава 5

Снова опущенные шторы и огоньки свечей, послушные малейшему колебанию воздуха, наподобие марионеток, которые всецело зависят от рук хозяина. Я сижу в привычном кресле и

привычно жду, готовая внимать речам того, кто возглавляет далеко не только эрталийскую церковь.

— Всё ли готово к твоему отбытию в Ристонию, дочь моя? — начинает разговор с вопроса кардинал.

— Да, ваше высокопреосвященство. Я готова выехать незамедлительно. Но... признаюсь, пока мне не до конца ясна суть моего задания.

Кардинал кивнул в знак того, что на данном этапе именно так и должно быть. И взглядом предложил мне обозначить ситуацию точнее.

— Я знаю, что мне следует прибыть в ристонийскую столицу, отправиться ко двору и по возможности не упускать из виду ристонийскую принцессу, — принялась перечислять известные факты я. — Однако мне неизвестна цель этих действий либо более точная задача. — Немного помявшись, всё-таки решила добавить: — Кроме того, проведённые для этой поездки приготовления... Признаюсь, они показались мне несколько... чрезмерными.

— Отнюдь, — возразил кардинал. — Для того чтобы максимально приблизиться к иностранной принцессе, такая мера весьма важна. Что же касается причин столь своеобразного задания... Полагаю, ты не успела забыть имя Фернана Ромеро?

Я кивнула, подтверждая, что имя помню.

Ещё бы я успела его забыть! Мало того что герцог Ромеро — весьма видный эркландский дворянин, так это ещё и человек, переигравший агентурные сети двух государств в деле Перстнем Могущества! Вот только какое отношение он имеет к моей нынешней задаче, учитывая, что направляюсь я не в Эркландию, а к ристонийскому двору?

— Наверяд ли тебе об этом известно, но семь месяцев назад Фернан Ромеро обратился к герцогу Кальво с просьбой руки его дочери Лидии.

Это и вправду оказалось для меня неожиданностью.

— Я полагала, что на том этапе леди Лидия уже была помолвлена с лордом Ортэго? — осторожно произнесла я.

— Именно так, — подтвердил Монтерей. — Однако первое время помолвка не афишировалась, поэтому герцог Ромеро вполне мог о ней не знать. А мог и знать, но не придать ей значения, не видя в графе Ортэго серьёзного соперника. Если так, то он ошибся. По целому ряду причин расторгать помолвку никто не собирался, и герцог получил пусть вежливый, но отказ. Теперь же, как нам стало известно, он отправляется с визитом в Ристонию, и есть основания полагать, что ведут его туда аналогичные причины.

— Он собирается сделать предложение принцессе Лемме? — озвучила напрашивающийся вывод я.

— Это весьма вероятно, — подтвердил кардинал.

— Полагаю, такое стремление к браку носит скорее политический, нежели амурный характер? — высказалась я.

Как-никак принцесса Лемма была главной наследницей ныне царствующего ристонийского

короля Анри. А Лидия Кальво (теперь уже Ортэго), хоть и не наследовала эрталийской престол, всё же состояла с нашим королём в достаточно близком родстве.

— Разумеется. Вступив в брак с особой королевских кровей, герцог Ромеро рассчитывает повысить свои шансы в борьбе за эркландский престол.

— И насколько реальны его шансы? — решила уточнить я.

— Вполне реальны, — ответил кардинал. — Герцог является наследником предыдущей династии эркландских правителей, пусть и принадлежит к весьма отдалённой, почти позабытой ветви. Женившись соответствующим образом, он существенно усилит свои позиции. Супруга королевских кровей — серьёзный аргумент в борьбе за престол. Поддержка государства, уроженкой которого она является, — тем более.

— Однако герцог, мягко говоря, не первый в очерёдности наследования, — сочла нужным указать на очевидное я. — У короля Клавдия, который и сам вполне ещё молод для монарха, а также, насколько мне известно, обладает крепким здоровьем, есть сын, рождённый в законном браке. И именно Освальд Эркландский станет главным претендентом на трон, случись что-нибудь с его родителем. Да и другие родственники у них вроде бы имеются.

— Родственники есть, но в случае удачной женитьбы Ромеро сумеет переиграть любого из них. По-настоящему на его пути стоят лишь те двое, которых ты только что упомянула: Клавдий и Освальд. Но ты же понимаешь, что в случае острой необходимости убрать с пути две политические фигуры — задача не такая уж невыполнимая.

По интонации, с которой были произнесены эти слова, я отчётливо поняла: Монтерей знает много больше, чем говорит. Я получаю ровно то количество информации, которое счёл нужным отмерить кардинал, не больше и не меньше.

— Смена правящей династии в Эркландии не в наших интересах, — продолжал между тем кардинал. — Но в связи с ослаблением власти Клавдия риск государственного переворота велик. В сложившихся обстоятельствах мы не можем допустить, чтобы Ромеро усилил свои позиции, заключив брак с дочерью Анри. Именно по этой причине ты отправляешься в Ристонию. Мы не знаем наверняка, как отреагирует ристонийский король на это предложение, — продолжал он, и я облегчённо выдохнула. Задание сорвать запланированную свадьбу я могла бы не потянуть. — Вероятнее всего, ристонийцы будут против этого брака, герцог Ромеро получит отказ, и от тебя ничего не потребуется. Но может случиться и так, что король Анри и граф Эстли, по не предусмотренным нами причинам, сочтут брак возможным. Поэтому тебе предстоит проследить за развитием событий. И в случае, если ристонийцы станут склоняться к браку, постараться сорвать договорённость. Если тебе это не удастся и дело будет решённым, незамедлительно возвращайся сюда.

Дальнейшее не было сказано, но читалось между строк. До бракосочетания принцессы пройдёт немало времени, и наше государство успеет принять другие меры для срыва свадьбы.

— Есть ли ещё что-нибудь, о чём бы ты хотела меня спросить? — осведомился Монтерей.

Взгляд его был привычно пронизательным, но не давящим. Он не буравил насквозь, выпытывая самые сокровенные тайны. Пожалуй, в нём даже присутствовала теплота.

— Нет, ваше высокопреосвященство, — бодро ответствовала я. — Теперь суть задания мне ясна.

В резиденции ристонийского монарха я оказалась не в первый раз. Однако в прошлое моё посещение обстановка была значительно более скромной — если, конечно, такое понятие вообще применимо к королевскому дворцу. Пожалуй, вернее сказать так: в тот раз здесь было значительно более спокойно и менее празднично. Теперь же от пёстрых нарядов (пастельные тона как раз успели выйти из моды, сменившись яркими, насыщенными оттенками), многочисленных свечей, сверкающего хрусталя бокалов и люстр буквально рябило в глазах. Приём, посвящённый прибытию в столицу эркландских гостей, был поистине впечатляющим. Станным казалось лишь одно: сами эркландские гости на нём не присутствовали. Вернее, пара эркландцев обнаружилась, но ни один из них даже не приближался по статусу к герцогу Фернану Ромеро. Один из них запомнился мне особо. Острые скулы, чуть запавшие серые глаза и пронзительный взгляд. Словом, было в этом человеке нечто, привлекающее внимание. В частности, профессиональное внимание агента вроде меня. Я решила, что впоследствии непременно надо будет выяснить, кто он таков. Но не теперь. Сейчас меня в первую очередь интересовало, почему герцог Ромеро не присутствует на приёме, успел ли он пообщаться с королём Анри, принцессой Леммой и представителями ристонийского дворянства, и если да, то какие решения были приняты в ходе этих встреч.

Представленная церемониймейстером как графиня Корбетт, я беспрепятственно перемещалась по залу, в котором проходил приём, слушая, наблюдая и наматывая на ус. Кэмерон Этли был здесь с самого начала и, конечно же, меня узнал, но виду пока не подал. Его величество ещё не почтил гостей своим появлением, принцессы также пока не было видно. Немного понаблюдав за эркландскими гостями и отметив для себя, с кем из присутствующих они общаются больше всего, внезапно увидела знакомое лицо. Альберто Регго, эрталлийский посол в Ристонии, неспешно беседовал с каким-то седовласым мужчиной, время от времени потягивая вино из бокала на тонкой ножке. Взгляд его, острый и внимательный вопреки внешней расслабленности, тоже остановился на мне. Решив, что поговорить нам явно не помешает, я направилась к нему. Но вот тут-то Кэмерон Этли как раз и вспомнил о моём существовании.

— Графиня, вы позволите побеседовать с вами тет-а-тет? — полюбопытствовал он тоном, совершенно не подразумевающим отрицательного ответа.

— Разумеется, — поддержала иллюзию выбора я, одарив правую руку ристонийского монарха ослепительной улыбкой.

— Прошу вас.

Улыбнувшись столь же ослепительно, Этли вывел меня из зала, довольно-таки крепко держа под локоть.

Шли мы не то чтобы долго, но уж точно не до ближайшей свободной комнаты. Помещение, в которое втянул меня Этли, было обставлено как кабинет, хотя его личным кабинетом не являлось. Во всяком случае, это было не то место, где мы беседовали в прошлый раз. Зато поджидавший нас человек оказался мне знаком. Мило улыбнувшись, я присела в реверансе. Нарцисс, улыбаясь не менее приветливо, отвесил мне светский поклон.

Этли выпустил наконец мой локоть и даже предложил присесть.

— Итак, госпожа Кобра, давно ли вы прибыли в наш город? — полюбопытствовал он, располагаясь напротив.

Тон лорда Кэмерона вполне соответствовал светской беседе, только взгляд был для такого

времяпровождения слишком пронзительным, да и ощущение того, что мы играем по принципу «двое против одного», как-то не покидало.

— Сегодня утром, — вежливо и как можно более беззаботно произнесла я.

— Вот как. И сразу к нам? Мы, бесспорно, польщены, — заверил Этли.

Я вежливо склонила голову.

— Не хотите рассказать о цели вашего визита? — небрежным тоном осведомился личный советник короля Анри.

Я сочла, что распространяться об ослепительности здешних приёмов было бы чересчур нагло с моей стороны.

— Признаться откровенно, я и сама пока пребываю в неведении.

На сей раз я старалась говорить как можно более доверительным тоном.

— Вот как. — Допытываться Этли пока не стал, зато резко повернул разговор в новое русло: — Вы были представлены как графиня Корбетт. Известно ли вам, что человек, не имеющий дворянского титула, не вправе присутствовать на королевском приёме?

— Разумеется, лорд Этли.

— Хорошо. А знаете ли вы, что самозванство и ложное объявление себя дворянином караются нашим законом чрезвычайно сурово, порой — смертной казнью?

— И это мне известно, — столь же спокойно ответила я.

— И как же вы предлагаете нам поступить в этой ситуации?

Поскольку волноваться по данному конкретному поводу мне было нечего, я успела отметить, что наша нынешняя беседа напоминает предыдущую разделением ролей. С ристонийской стороны разговор вёл исключительно Этли. Нарцисс же стоял в стороне, опираясь о край письменного стола, и, как и в прошлый раз, изображал из себя пассивного наблюдателя.

— О, лорд Этли, заверяю вас: я ни в коем случае не самозванка. Я действительно ношу титул графини Корбетт, — сообщила я.

— Давно? — приподнял брови Этли.

Я нахмурилась:

— Одиннадцать дней. Или десять... Нет, всё-таки одиннадцать. Простите за неточность.

Нарцисс беззвучно затряс плечами. Мы же с Этли сохраняли предельно серьёзный вид.

— Его высокопреосвященство счёл возможным сделать мне такой подарок, — решила дать дополнительное объяснение я, мысленно превознося предусмотрительность Монтерея.

— И что подвигло кардинала на такое решение?

Я изобразила замешательство, переплетённое со скромностью:

— Полагаю, он счёл, что некоторые мои заслуги могут быть отмечены подобным образом.

— Ну да, — полным скептицизма голосом согласился Эстли. — В самом деле, это был странный вопрос с моей стороны. Не сомневаюсь, что услуги, оказанные вами эрталийской короне, неоценимы. Хотелось бы уточнить лишь один нюанс.

Воистину это целая наука: дать собеседнику понять, что его игра удалась, а затем внезапно таким вот «одним нюансом» нанести удар, вполне могущий оказаться сокрушительным. К счастью, в данном конкретном случае я оказалась к удару готова. К тому же опыт не позволял мне расслабиться прежде, чем наша беседа будет полноценно завершена. Да и после этого тоже.

— Насколько мне известно, — вкрадчиво произнёс Эстли, — по законам Эрталии — в отличие от Ристонии — титул наследуется исключительно мужчинами, и только мужчине его могут пожаловать в качестве награды за заслуги. Женщина же может лишь разделить титул со своим супругом. Означает ли это, что кардинал Монтерей в благодарность за преданную службу короне наградил вас ещё и мужем?

Я осторожно скосила глаза на Нарцисса. Из чистого любопытства: увижу ли заинтересованность с его стороны? Вроде бы увидела.

— Нет, лорд Эстли, — выдержав небольшую паузу, улыбнулась я. — Вы абсолютно правы в отношении наших эрталийских законов. Но дело в том, что я и не являюсь эрталийской дворянкой. Моё скромное графство расположено на территории другого государства, Токаллы. По их же законам женщина вполне может стать графиней, не будучи замужем.

Токалла была третьим — и последним — королевством, с которым граничила Эрталия. Страна небольшая, отношения хорошие.

— Что ж, прекрасно. — По лицу Эстли невозможно было сказать, поломала я ему только что всю игру или же мой ответ был известен ему ещё до начала разговора. — В таком случае я не смею вас больше задерживать, графиня. Было бы негостеприимно с моей стороны лишать вас возможности в полной мере насладиться приёмом.

— Благодарю вас, лорд Эстли. — Я встала, следуя недвусмысленному предложению покинуть помещение. — Милорд.

Кивнув Нарциссу, выплыла из кабинета и направилась обратно, в приёмный зал. Надеюсь, мне ещё удастся побеседовать с нашим послом.

Когда дверь закрылась и стук женских туфель затих вдаль, Эстли перестал прислушиваться и перевёл взгляд на своего агента.

— Мне следует её изолировать? — осведомился тот.

Лорд Кэмерон медленно покачал головой.

— Зачем? — откликнулся он, изогнув бровь. — Её интересы полностью совпадают с нашими. Не по чистой же случайности она появилась здесь именно сегодня. Монтерей прислал её, чтобы проверить, как мы примем эркландского гостя. В ближайшее время она узнает ответ на этот вопрос. А если сочтёт нужным принять ещё какие-нибудь меры по данному поводу, что ж,

думаю, это лишь пойдёт нам на пользу. Но присмотреть за ней, конечно, придётся.

— Я этим займусь.

Когда я возвратилась в зал, обнаружила, что его величество Анри Пятый и её высочество принцесса Лемма уже прибыли на приём. Наследница престола выглядела весьма экстравагантно, так что в этом отношении слухи о ней явно не были преувеличением. В ушах принцессы покачивались серьги с изображением черепов. В одежде преобладала чёрно-белая гамма. Ещё одним вызывающим элементом в её облике оказались покрашенные в чёрный цвет ногти.

От дальнейшего изучения облика Леммы меня отвлекло негромкое покашливание. Отыскав глазами источник звука, я улыбнулась Альберто Регго. Эртальский посол едва заметным движением головы призвал меня следовать за ним. Зал мы не покинули, но отошли к окну в наиболее удалённой его части. Впрочем, удалённость не помешала мне заглянуть за гардины, дабы убедиться, что там не прячутся всякие Нарциссы и прочие цветочки.

— Меня известили о вашем приезде, графиня, — подчёркнуто вежливо проговорил посол. — И попросили всячески вам содействовать. Есть ли что-нибудь, в чём я могу вам помочь?

— Да. — Для ответа на этот вопрос задумываться не требовалось. — Будьте любезны, просветите меня касательно подоплёки этого приёма. Почему отсутствует Фернан Ромеро?

— Я не сомневался, что вы заинтересуетесь именно этим человеком. — Судя по довольной полуулыбке Регго, о цели моего визита он проинформирован не был и основывался исключительно на собственных логических выводах и знании политической обстановки. — Что ж, думаю, тут мне есть чем вас порадовать. Фернан Ромеро прибыл в Ристонию чуть раньше вас, позавчерашним вечером. Вчера он побывал на аудиенции у его величества.

— Содержание их разговора, конечно же, никому не известно? — поторопила собеседника я.

— Разумеется, — расплылся в улыбке посол. — Ну, разве что самую малость, так, ничего не значащие слухи.

Я подалась вперёд, поворачиваясь к нему ухом.

— Фернан Ромеро попросил у короля руки её высочества, — тоном, в котором не осталось ни малейших признаков недавней шутливости, сообщил Регго. — И получил вежливый, но категорический отказ.

— Зачем же тогда этот фарс? — любопытствовала я, имея в виду приём.

— А зачем же ристонийскому монарху портить отношения с не последней фигурой в эркландской политической игре? — удивился моему вопросу посол. — Принцесса — это дело особенное, тут на уступки никто не пойдёт, но в чём-то другом почему бы не пойти гостю навстречу? Например, устроить в его честь, в сущности, ничего не стоящий королевскому дому праздник? Этот «приём» не слишком отличается от вполне стандартных развлечений, проводимых здесь каждую неделю.

— Однако же сам Ромеро счёл возможным на приём не прийти?

— Прислал своих приближённых, — пояснил Регго, взглядом указывая на эркландцев и в

первую очередь — того самого, со впалыми глазами. — Этого достаточно, чтобы соблюсти приличия. Виножник торжества занемог, но вот, прислал себе замену. Конечно, все понимают, в чём кроется подлинная причина его отсутствия, но и понять человека можно: всё же такой отказ не слишком легко принять.

— Не понимаю только, на что он вообще рассчитывал, — призналась я. — Что ему вот так запросто отдадут в жёны прямую наследницу престола?

— Прямую, но... — посол понизил голос и обвёл глазами ближайшую часть зала, особенно остановившись на заинтересовавших меня прежде гардинах, — ...незаконнорождённую. Да, король Анри признал её своей дочерью. Но при любом варианте наследования престола найдутся недовольные, а в данном случае им, прямо скажем, есть за что зацепиться. Анри мог счесть, что брак с иностранным дворянином, принадлежащим к древнему и знатному роду, в прежние времена правившему страной, укрепит её позиции. Гарантий, что именно она станет в конечном счёте королевой, по-прежнему бы не было, но, возможно, сам Ромеро нацелен на нечто другое?

Посол посмотрел на меня весьма многозначительно, но распространяться подробнее или задавать вопросы не стал. Всё это в совокупности заставило меня лишний раз убедиться в уме и проницательности лорда Регго.

— Что ж, обожаю свою работу, — хмыкнула я. — Пока доедешь до места, выяснится, что и делать-то ничего не надо.

Не могу сказать, чтобы мои слова были искренни. В действительности за шутливым тоном скрывалось некоторое разочарование.

— Пойдите-ка, — вскинула голову я, — хорошо, на приём Ромеро не пришёл. А к отъезду он готовится?

— Пока никаких сообщений об этом нет. — Посол улыбнулся уже привычной проницательной улыбкой.

— Хм. Беру свои слова обратно! — уже бодрее воскликнула я. — Пожалуй, мне ещё найдётся, чем здесь заняться.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь, — хмыкнул Регго. — Есть ли что-то ещё, что я мог бы для вас сделать?

— Да, — спустя пару секунд кивнула я, обводя глазами зал. — Не могли бы вы представить меня её высочеству?

Сдержанно усмехнувшись, посол предложил мне руку.

Мы обнаружили принцессу в окружении придворных дам, в обществе которых она, вероятно, пребывала постоянно. Причём сей факт девушку раздражал, это читалось по её глазам. Дамы, похоже, тоже были об этом осведомлены или, во всяком случае, догадывались, поэтому не толпились вокруг Леммы, как наседки, а держались на небольшом расстоянии. Любопытно, что леди Инессы Этли, первой фрейлины и супруги лорда Кэмерона, поблизости не было. Как минимум, насколько я могла судить, исходя из внешнего описания и портрета, который мне доводилось видеть. Стоило спросить об этом посла, но мы уже успели слишком близко подойти к дамам.

— Ваше высочество, — почтительно проговорил посол, подведя меня к Лемме и предварительно поклонившись, — позвольте представить вам графиню Дейзи Корбетт из Эргалии.

— Ваше высочество, — я поспешила присесть в глубоком реверансе, — я счастлива знакомству.

— Добрый вечер, — не слишком заинтересованно отозвалась принцесса и явно собиралась быстренько свернуть не успевший начаться разговор, но тут взгляд её упал на мои руки.

Перчатки я предусмотрительно успела к этому времени снять, и теперь они благополучно отдыхали в крепившейся к платью сумочке. Теперь я демонстрировала во всей красе свои ногти, на которых, выведенные тончайшими линиями, были изображены цветы и листья различной формы. Принцесса была не одинока в своём интересе: фрейлины также приблизились, с любопытством разглядывая мои руки. Я уже слышала оживлённое шушуканье за своей спиной и отлично осознавала, что стало ему причиной. С одной стороны, зелёные листочки — это совсем не так вызывающе, как траурно-чёрный покров на ногтях принцессы. Но с другой — рисунков на ногтях не было ни у кого из присутствующих.

Если дамы проявляли любопытство молча (перешёптывания у меня за спиной не в счёт), то принцесса быстро облекла свой интерес в слова.

— Что это такое? — оживлённо спросила она и, получив моё согласие на уровне взглядов, взяла мою руку в свою.

Я распрямила пальцы, делая рассмотрение ногтей максимально удобным.

— Такие рисунки принято наносить на ногти у женщин северного народа мунгов, — объяснила я. — Каждое изображение имеет для них мистический смысл. С помощью этих рисунков они надеются призвать благословение одних богов, отвести глаза иным и вообще повлиять на свою судьбу.

Я вновь застыла, опустив взгляд на собственные руки.

— В самом деле? — ещё более заинтересованно спросила принцесса. — И вы можете объяснить, что означают ваши рисунки?

— Откровенно говоря, я не верю в мифологию мунгов, — призналась я, — поэтому, в отличие от их женщин, ношу подобные рисунки лишь ради красоты. Но их значения мне известны. Я лишь прошу присутствующих дам не делать из этого далеко идущих выводов, — озорно улыбнулась я.

Лакеи расставили для дам стулья полукругом. Один, предназначенный для меня, расположили в центре.

— Вот это, — начала я, едва все устроились, — дубовый лист. Он символизирует мудрость. А это, — я вытянула вперёд указательный палец левой руки, опустив все прочие, — лист липы, дерева, которое олицетворяет женскую красоту. Можжевельник, — теперь я вытянула средний палец всё той же руки, — это знак инициативы и уверенности в собственных силах. Сосновая ветвь... — Я понизила голос и с порочной усмешкой объяснила: —...Символизирует плотскую любовь. — Некоторые дамы прикрылись веером, изображая смущение, и даже по-настоящему покраснели, но желания покинуть спонтанную лекцию не проявила ни одна.

— А это что за растение? — хмурясь, спросила Лемма, указывая на большой палец моей правой

руки.

— О, это, — мой взгляд стал ещё более загадочным, чем когда речь шла о сосне, — лист винограда. На землях мунгов в изобилии растёт дикий виноград, говорят, он оплетает там почти каждую изгородь. Быть может, символично, что это растение считается посвящённым их богу, который во многом похож на нашего Орэнда.

— Орэнда?! — воскликнули сразу несколько дам, но громче прочих прозвучал голос принцессы.

— До чего любопытно! — восхитилась Лемма, в порыве эмоций даже всплеснув руками.

Тот факт, что Орэнд являлся порочным богом, культ которого давно был под запретом во всех цивилизованных странах, девушку несколько не смущал. Впрочем, нет, это неверная формулировка. Говоря точнее, именно эта запретность и пробуждала в ней интерес, любопытство и даже почти детский восторг.

— Вы могли бы изобразить подобные символы на моих ногтях? — решительно спросила она. — Или для вас это делает камеристка?

— Мне помогали, — призналась я, — но, думаю, я сумею. Во всяком случае, сделаю всё, что смогу.

— Вот и отлично, — объявила Лемма, начисто игнорируя как неодобрительные взгляды одних придворных дам, так и завистливые — других. — В таком случае приходите на женскую половину завтра... ну, скажем, к двум часам. Вас устроит такое время?

Я плавно склонила голову в согласном кивке. Это было очень мило со стороны принцессы. Наверняка ей не терпелось ознакомиться с новыми рисунками как можно раньше. Тем не менее она милостиво предоставила мне возможность проспать почти до часа дня — что после бала совсем не лишнее.

— А это какой цветок? — робко подала голос молоденькая фрейлина, которая пыталась, щурясь, разглядеть рисунок на мизинце моей правой руки.

— А это — нарцисс, — сообщила я, довольно улыбнувшись. — Символ самолюбования.

Глава 6

«Малая» гостиная её высочества Леммы Ристонийской оказалась чрезвычайно большой. Как, впрочем, и все комнаты в покоях принцессы, через которые мне довелось пройти по дороге сюда. Не знаю, существовала ли в покоях Большая гостиная, и боюсь даже предположить, каковы в этом случае были её размеры. Впрочем, вряд ли все эти нюансы могли хоть как-то охарактеризовать саму наследницу престола. Как-никак дворец строила не она, да и вопрос того, какие именно комнаты будут отведены под женскую половину, наверняка решался задолго до её появления в королевской резиденции.

К слову, Лемма переехала сюда около десяти лет назад, будучи ещё совсем юной. Разумеется, когда во дворце неожиданно поселилась девочка, называемая королём Анри его воспитанницей, по столице поползли сплетни. Они быстро распространились по всему королевству, а вскоре просочились и за его пределы. Поэтому, когда, около четырёх лет назад его величество официально признал Лемму своей незаконнорождённой дочерью, это известие никого не шокировало. «Новость» не только была ожидаемой, но и не могла считаться

скандалной, поскольку девочка была зачата до вступления его величества в законный брак с ныне покойной королевой, а стало быть, о супружеской измене речи не шло. Немногим позднее Анри объявил Лемму наследницей престола, оформив все необходимые бумаги. В отсутствие других детей, в частности — законнорождённых, подобный ход был вполне логичен и допустим, хоть это и не означает, что все ристонийские подданные остались довольны. Впрочем, назовите мне хоть одно политическое событие, которым оказались бы довольны все стороны. Уверена: я смогу доказать, что вы заблуждаетесь.

Итак, в просторной гостиной, помимо её высочества и меня, находилось с дюжину женщин разного возраста — как молоденьких девушек, так и степенных дам, как фрейлин, так и служанок В Ристонии не было принято, чтобы дворянки принимали непосредственное участие в процедуре одевания особ королевской крови. Фрейлинам надлежало всё больше этих самых особ развлекать, а также плести интриги. Поэтому можно смело сказать, что в данный момент они бездельничали: кто-то наблюдал за моим занятием, кто-то и вовсе углубился в собственную книгу или шитьё. Горничная разливала горячий чай, над чашками вился пар. Камеристка сосредоточенно занималась причёской её высочества. Я же, вооружившись несколькими флакончиками с краской разных цветов и тончайшими кисточками, оттачивала своё мастерство в области изобразительного искусства, используя в качестве рабочего материала ручки принцессы.

— Всё-таки странный народ эти мунги, — неодобрительно морщась, проговорила одна из фрейлин, шатенка лет тридцати пяти, чьи волосы были уложены в аккуратную высокую причёску без изысков.

— Вы имеете в виду их представление о значении трав? — предположила я, на миг прерывая своё занятие, дабы поднять глаза на фрейлину, отдавая дань вежливости.

— Отнюдь, — откликнулась та. — Не думаю, что это хоть немного более странно, нежели, к примеру, наш язык цветов. Озадачивает то, что они наносят эти изображения на собственные ногти. Выходит, их женщины выносят напоказ свои сокровенные чувства, предпочтения, жизненные ориентиры. Любой совершенно незнакомый человек может понять, каким богам они поклоняются, а от каких предпочитают скрываться, к чему стремятся, какие качества находят наиболее значимыми. Не удивительна ли такая открытость? И неужели не находятся люди, готовые воспользоваться ею во вред?

Я улыбнулась. Определённо, в словах фрейлины присутствовала изрядная доля здравого смысла. Похоже, леди Инесса Этли проделала весьма качественную работу, подбирая ближайшее окружение принцессы.

— Пожалуй, я соглашусь с вами, леди Виниен, — сказала я, заставив себя отвлечься от собственных размышлений. — Но что поделать, у каждого народа свои особенности, нередко заставляющие всех прочих недоумевать. Я уж не говорю о том, что одни и те же поступки получают порой противоположное толкование.

— Так-таки уж и противоположное, — скептически отозвалась другая фрейлина, помоложе. — Согласитесь, леди Корбетт, что вы немного преувеличили.

— Преувеличила? — хмыкнула я. — Ну почему же? Давайте возьмём, к примеру... гостей.

На этом слове рука горничной, удерживавшей зеркало в вертикальном положении и поворачивавшей его так, чтобы принцессе было удобнее следить за работой над собственной причёской, едва заметно дрогнула. Служанка — молодая, думаю, лет двадцати — сразу же

взяла себя в руки, и я бы, скорее всего, не обратила на случившееся внимания, если бы не заметила эту девицу ещё раньше. Дело в том, что все присутствующие женщины, будь то фрейлины или служанки, явно чувствовали себя расслабленно в привычной обстановке. И только в поведении этой горничной постоянно ощущалась некоторая нервозность. Что-то её беспокоило, а это, в свою очередь, заинтересовало меня. Конечно, совсем не факт, что причина её дискомфорта имела хотя бы малейшее отношение к принцессе и, следовательно, хоть как-то касалась меня. Быть может, девушка поругалась с возлюбленным, а то и вовсе плохо себя почувствовала по чисто женским причинам. Однако понаблюдать за ней следовало, и именно этим я потихоньку занималась, распространяясь о культурных особенностях разных королевств.

— Гостей? — уточнила леди Виниен.

— Да, — кивнула я, удостоверившись в том, что горничная на данное слово отреагировала слишком остро. — Точнее сказать, этикет, который предписывает гостям вести себя определённым образом. К примеру, в наших с вами странах считается невежливым оставлять на блюдах недоеденную пищу. Это навеивает мысли о том, что еда оказалась недостаточно вкусной, и может обидеть хозяина. В высшем свете это правило играет меньшую роль, а вот, к примеру, в купеческой среде ему следуют в высшей степени скрупулёзно. Хотите вы того или нет, а всё, что щедрый хозяин положит вам в тарелку, придётся съесть подчистую.

Дамы с усмешкой переглянулись, дескать, любят же эти купцы усложнять себе жизнь. Но в целом удивления эта часть моего рассказа не вызвала. Подобные правила были в ходу и в высшем свете. Конечно, они теряли актуальность на больших пиршествах, когда за длинным столом сидело несколько десятков гостей. Кто уж там будет заглядывать каждому в тарелку? Зато в случае званого обеда в узком кругу оставлять на блюде недоеденное и вправду считалось моветоном.

— А вот у мунгов, — приступила к продолжению я, — обычай совершенно иной. В их обществе человек, знакомый с правилами этикета, никогда не доест угощение до конца, а, напротив, непременно оставит на тарелке хотя бы маленький кусочек.

— Почему? — изумилась принцесса, глаза которой лучились светом любознательности.

Хороший такой свет. Думаю, сочетание любознательности и упорства в конечном счёте даст отличные плоды. И зря Анри так сильно переживает из-за характера своей дочери. Качества, которые сейчас заставляют Лемму красить ногти в чёрный цвет и носить серьги с черепами, в конечном счёте направятся в совершенно иное русло.

— Потому что доест угощение до конца значит намекнуть, что его было мало, — улыбнулась я.

Какое-то время дамы молчали, вникая в услышанное.

— Какая ерунда! — отмахнулась веером одна.

— Как любопытно! — воскликнула другая.

Принцесса явно была солидарна со второй.

— А вы знаете другие подобные несоответствия? — поинтересовалась она.

— Сколько угодно.

Я осторожно закрашивала зелёным цветом очередной листик, заботясь о том, чтобы ни одна точка не вышла за границы прорисованного заблаговременно контура.

— Например... — Я задумалась, что бы такое рассказать. — Как вы полагаете, дамы, какого цвета должно быть платье невесты?

— Розовое, — высказала свою точку зрения леди Виниен. — Или светло-синее.

— Лучше бежевое, — возразила сидевшая рядом с ней фрейлина, на миг отрываясь от вышивания.

— Зелёное тоже подойдёт, — внесла свою лепту третья. — Главное, чтобы оттенок был светлый.

— Да много вариантов, — нетерпеливо заметила ещё одна.

— Верно, — согласилась я. Закончив работать над безымянным пальцем принцессы, переключилась на мизинец. — А вот в Токалле — которая, кстати сказать, находится не так уж далеко отсюда, — считается, что платье невесты должно быть непременно белым.

— Белым?! — изумилась вышивавшая фрейлина.

— Но это же безвкусица! — выдохнула леди Виниен.

— В Токалле так не считают, — заметила я, забавляясь возмущённому шепотку, пробежавшему по гостиной. — Наоборот, её жители весьма косо посмотрят на невесту, надумавшую одеться в розовое или голубое. И предскажут ей недолговечный брак. В их стране белый считается символом чистоты и непорочности. А вот у мунгов, наоборот, белый — цвет смерти, и потому именно белые одежды надевают на похороны.

— Из крайности в крайность, — неодобрительно пробормотала одна из фрейлин. — А как же чёрный?

— Чёрное платье вполне можно надеть в повседневной жизни, например, на светский приём, — сообщила я, с откровенной усмешкой наблюдая за реакцией слушательниц. — Правда, это не мешает чёрному обладать своей символикой. Например, — я выдержала короткую паузу, — чёрный для мунгов — это цвет предательства.

В этот момент мой острый взгляд был предназначен только одной из присутствующих. Впрочем, интересовавшая меня горничная сего факта не заметила. Поскольку её услуги с зеркалом были более не нужны, она принялась протирать пыль на каминной полке. Вот только на последних моих словах тряпка отчего-то выпала у неё из рук и мягко приземлилась на пол. Девушка поспешила присесть на корточки, дабы её поднять. Всё это время горничная продолжала держаться к нам спиной.

Определённо, с этой персоной следует побеседовать.

Именно этим я вечером и занялась. Выяснить, как зовут служанку и где находится её комната, труда не составило. Пробраться в нужное крыло дворца — тоже. Оставалось лишь дожидаться, когда Анита Ветт, а именно таково было имя горничной, возвратится к себе.

Я позаботилась о том, чтобы остаться незамеченной. Когда часы пробили девять, топот быстро приближающихся шагов возвестил о появлении интересующего меня объекта. Открылась и

закрылась с лёгким поскрипыванием дверь. Я выждала для верности ещё пару минут, а затем, убедившись, что в коридоре никого нет, скользнула в комнату следом за подозреваемой.

Анита стояла ко мне спиной. Она успела повесить на стул передник и теперь снимала косынку, долженствующую придерживать волосы во время работы. Девушка обернулась на скрип и теперь застыла, с изумлением и опаской взирая на незваную гостью. Впрочем, она почти сразу меня узнала, и, кажется, узнавание принесло чувство облегчения.

— Леди? — Анита сделала неловкий реверанс: слишком уж странными показались ей обстоятельства. — Я могу чем-нибудь вам помочь? Должно быть, нужно прибраться в вашей комнате? — попыталась найти наиболее вероятное объяснение моему появлению она.

Объяснение и вправду одно из самых логичных, однако, сказать по правде, даже оно не выдерживало критики. Знатная гостья, которой требуется помощь с уборкой, просто позвонит в предназначенный для этой цели колокольчик. На худой конец, выловит в коридоре дворецкого. Но уж никак не станет спускаться на этаж для прислуги и разыскивать горничных, вторгаясь в их комнаты.

— К сожалению, нет, — откликнулась я и в ответ на её недоумение объяснила: — Боюсь, что теперь, Анита, уборку вам предстоит делать разве что в тюремных помещениях.

Девушка испуганно отстранилась, в результате чего натолкнулась на спинку стула. Потрясенный передник сполз на пол.

— Измена карается сурово, — строго сообщила я. — Разве вы этого не знали? Впрочем, я пришла не для того, чтобы читать мораль. Мне нужно задать вам несколько вопросов. О чём вы разговаривали вчера ночью с эркландским подданным? Какое вам было дано поручение?

— Я н-не понимаю, о чём вы говорите, — с дрожью в голосе заявила Анита.

— Ах, не понимаете? — издевательски хмыкнула я.

Разумеется, я представления не имела, верны мои догадки или нет. Вероятность того, что верны, была чуть выше, но равным счётом никаких гарантий это не давало. Так что я шла ва-банк, решив, что в таком деле лучше ошибиться, чем упустить нечто важное из-за лишних сомнений. Лучше потом принести свои извинения и сообщу, что произошла ошибка.

Так что теперь я действовала решительно. Извлекла бутылку вина, которую нагло стащила в первом попавшемся зале и до сих пор прятала в складках пышного платья. Не успела горничная удивиться, с какой стати дама из высшего света могла заявиться к ней в комнате с бутылкой (только букета цветов для полноты картины не хватает, право слово!), я с размаху разбила оную о стоявшую справа от двери вешалку для верхней одежды. Анита завизжала, прижав руки к лицу. Я же, не обращая ни малейшего внимания ни на осколки, ни на алые пятна, украсившие, помимо пола и висевшего на вешалке плаща, моё собственное платье, направилась к ней, удерживая наподобие оружия отколовшееся горлышко.

Разумеется, ни малейшей необходимости в подобном использовании бутылки не было. У меня и без того имелась при себе пара кинжалов, да и кое-какие другие предметы первой необходимости (для человека моего рода занятий). Бутылка была задействована исключительно ради психологического эффекта. Вообще-то я терпеть не могу подобную показушность, но что поделать, существуют люди, с которыми именно такие методы срабатывают лучше всего.

Пудобнее перехватив горлышко, я зашагала прямо на Аниту, направляя на неё острый осколок. Девушка вжалась уже не в стул, а в стену, после чего завизжала. Я своим поведением показала, что сей манёвр меня нисколько не волнует. Не слишком-то и кривила душой. Да, лишние свидетели мне ни к чему, но с другой стороны, если сюда набежит ещё пара служанок, разберусь.

— Вы ещё не надумали ответить на мои вопросы? — вежливо осведомилась я, когда между острым стеклом и девичьим горлом оставалась от силы пара дюймов.

Горничная осторожно кивнула, опасаясь случайно коснуться стекла. Я отвела руку с горлышком.

— Садитесь.

Девушка послушно опустилась, чтобы не сказать упала, на стул. Её лицо покраснелось от переживаний, на лбу блеснули капельки пота.

— Я не предавала! — умоляюще проговорила она. — Да, я говорила с одним мужчиной, эркландцем, во время бала. Он сам подошёл ко мне в коридоре. Сказал, что представляет лорда Фернана Ромеро, что у него ко мне важная просьба.

Я слушала со всем возможным вниманием и не прерывала Аниту наводящими вопросами (а уж тем более едкими комментариями), боясь спугнуть и в итоге заставить снова замолчать.

— Он сказал, что его господин, лорд Ромеро, влюблён в принцессу Лемму. — Анита приступила к объяснениям без дополнительных просьб с моей стороны. — Но... многие дворяне против этого брака. И ему даже не позволили с ней объясниться. А он очень хотел бы это сделать. Ну, вот меня и попросили провести его к её высочеству завтра вечером, так, чтобы об этом никто не узнал. Чтобы он смог рассказать ей о своих чувствах. А дальше, как она решит, так и будет. Только и всего! — Она умоляюще уставилась на меня. — Я не предавала! — вновь воскликнула Анита, уже смелее жестикулируя, поскольку горлышко злосчастной бутылки давно спряталось в складках моей юбки. — Да, я согласилась, я даже взяла аванс — мне очень нужны деньги! — но я же не сделала ничего дурного! Принцесса Лемма — она... — Анита облизнула губы, взволнованно прикидывая, как правильно охарактеризовать некоторые черты принцессы, одновременно ни в коем случае её не задев. — У неё обо всём бывает своё мнение, и оно не всегда совпадает с мнением окружающих... и старших. А ведь речь идёт о её собственной свадьбе! Ну, возможной свадьбе. Вот я и подумала: пусть поговорят, почему бы и нет?

— А вам не пришло в голову, что лорд Ромеро может причинить принцессе вред в случае такого разговора? — не удержалась от колкости я.

— Здесь, во дворце? — с откровенным скептицизмом спросила Анита. — Если бы я должна была привести Лемму к Ромеро или в какое-нибудь пустынное место, тогда возможно. И я ни за что бы на это не согласилась. Речь идёт о нашем дворце. Стоит принцессе закричать, и набегут люди. Да и я собиралась потихоньку удостовериться, что всё пройдёт пристойно, честное слово! Мне ведь принцесса небезразлична.

Я поджала губы и поднесла к ним указательный палец. Иногда замечаю за собой подобное, когда задумаюсь. Горничная, конечно, могла безбожно лгать, но чутьё подсказывало: в данном случае она говорит правду. Девочка молодая и наивная, на чём эркландцы, собственно, и сыграли. Но вот другой вопрос: к чему на самом деле стремится Ромеро? Признаться, тут я тоже склонялась к тому, что сказанное по большей части соответствует действительности. Получив отказ от Анри, Ромеро решил пойти иным путём, а именно — действовать через

принцессу. Учитывая упрямство девушки и возрастное чувство протеста, существовал неплохой шанс, что она из принципа пойдёт против воли отца. Который, к слову сказать, наверняка даже не упомянул при ней о предложении, сделанном эркландским лордом. И уж тем более не спросил её точку зрения на этот счёт. Если хотите знать моё мнение, то это ошибка, но, впрочем, в политике я понимаю куда больше, нежели в воспитании детей.

Одним словом, вероятнее всего, Ромеро и вправду решил первым делом просто побеседовать с Леммой, постараться её очаровать, впечатлить, а заодно сыграть на непростых отношениях с отцом. И что самое забавное (а точнее — тревожащее), шансы на этом поприще у него есть. Единственное, в чём я всерьёз сомневалась, — это что он отступится от своего в случае отказа Леммы. Я опасалась, что при этом варианте он перейдёт к иным мерам. Однако даже тут Анита права: сейчас, во дворце, он вряд ли позволит себе лишнее. Слишком опасно, чревато самыми неприятными для него последствиями.

— Расскажите подробнее, что именно от вас требуется, — предложила я.

Анита, уловив по моему тону, что я уже не пылаю праведным гневом, немного расслабилась.

— Просто встретить лорда Ромеро во дворе (через ворота он должен пройти сам, уж не знаю как) и провести его в покои её высочества. Так, чтобы никто его не заметил — ну, по крайней мере, не обратил внимания. А потом, когда они поговорят, вывести обратно. Вот и всё.

— Когда?

Мой голос прозвучал так резко, а взгляд был столь цепким, что Анита, кажется, снова слегка струхнула. Подобной цели я не преследовала, но незапланированный эффект поспособствовал быстрому ответу:

— Завтра ровно в десять часов вечера.

Десять вечера? Ну что ж. Весьма разумный выбор времени. По дворцовым меркам десять — это ещё не слишком поздно. Большинство аристократов как раз успевают разойтись по личным покоям, но ещё не укладываются спать, посвящая с полчаса обычным вечерним занятиям.

Я в задумчивости сложила губы трубочкой. Затем покивала собственным мыслям и проговорила:

— Значит, так, Анита. Если вы хотите, чтобы этот проступок не привёл вас за решётку, послушайте, что вы должны сделать.

Служанка вся обратилась в слух, взволнованно сцепив пальцы.

— Вы должны как-то подтвердить своё согласие? — спросила я.

— Нет, — девушка опустила глаза, — я уже согласилась.

— Хорошо. Значит, завтра в десять часов вы будете, как и назначено, поджидать лорда Ромеро. Когда он появится, вы проведёте его в покои принцессы Леммы и постараетесь сделать так, чтобы этого никто не заметил. Вот, собственно, и всё.

— Как?! — Горничная вытаращилась на меня во все глаза.

— Именно так, — бесстрастно откликнулась я. — Вы сделаете ровно то, о чём вас попросили. Я

внесу лишь одно маленькое дополнение. Вы не должны ни словом, ни знаком дать лорду понять о нашем сегодняшнем разговоре.

Горничная медленно кивнула.

Отыскать во дворце принцессу было, разумеется, значительно проще, чем горничную. Так что в этом отношении сложностей не возникло. Конечно, Лемма, как и обычно, была окружена фрейлинами, но мне удалось решить эту проблему. Достаточно оказалось, понизив голос, обратиться с просьбой:

— Ваше высочество, не могли бы мы переговорить с вами наедине? Речь идёт всего о двух минутах. Дело в том, что совсем недавно я прочитала одну книгу, и мне кажется, что вам это было бы интересно. Но... — я покосилась на пытавшихся прислушиваться фрейлин, — ...мне кажется, дамы могут не одобрить эту тему.

В общем-то после такого обращения интерес принцессы и, следовательно, её согласие были гарантированы. Хотя я ни капли не приврала касательно фрейлин. Да и книгу пролистать тоже пришлось, чтобы хоть немного разобраться в вопросе.

— О чём же идёт речь? — осведомилась Лемма после того, как мы отделились от остальных дам на добрый десяток шагов.

Фрейлины кидали на меня чрезвычайно неодобрительные и ревнивые взгляды, но перечить принцессе всё же не решились.

— Ваше высочество, — я понизила голос до заговорщического шёпота, несмотря на то что в этом уже не было необходимости, — как вы относитесь к тому, чтобы провести ритуал призыва Орэнда?

— Призыва Орэнда? — Глаза Леммы вспыхнули огнём предвкушения. — Об этом была книга, которую вы прочитали?

— Да. — Я кивнула с видом ребёнка, который понимает, что нашкодил, но вместо вины испытывает от этого чувство запретного восторга. — Там всё описано в подробностях. Хотите попробуем?

— Всё это, конечно же, ерунда, — рассудительно заявила Лемма. И тут же радостно подытожила: — Ну конечно, хочу! А где? Для этого нужно особое место?

— Нет. Подойдёт любая комната. С условием, что она будет достаточно просторна. Мы можем сделать это в ваших покоях завтра вечером, около девяти, если к этому времени дамы уже разойдутся. Как вы полагаете?

— Давайте!

Наследница престола согласилась на проведение совершенно незаконного ритуала, не скрывая собственного ажиотажа. Думаю, напомни ей сейчас кто-нибудь об этой самой незаконности — и он был бы послан по не самому перспективному адресу (или, напротив, перспективному, уж это как посмотреть). Всё это при том, что к культуре опального божества она, понятное дело, не имела ни малейшего отношения.

— В таком случае, я приду во дворец завтра к девяти часам?

Лемма наморщила носик:

— Стоит ли беспокоиться, ездить туда-сюда? Вы вполне можете провести эту ночь во дворце — или несколько ночей, если захотите. Я распоряжусь, чтобы вас обеспечили всем необходимым.

— Благодарю вас, ваше высочество! Вы невероятно добры. — Я присела в глубоком реверансе.

Хоть я и не планировала изначально такого поворота, ужасно захотелось прогуляться сейчас мимо комнат Нарцисса, а то и самого Эстли, эдак небрежно обронив при встрече что-нибудь вроде «Ах, милорд! Оказывается, наши покои расположены на одном этаже!». Впрочем, ради сиюминутного удовлетворения не следует рисковать успехом задания, пусть даже минимально. Поэтому, дождавшись, пока меня препоручат заботам горничной, я отправилась следом за ней в свою временную спальню. Предстояло ещё подготовиться к завтрашнему ритуалу.

— Ну... Вот как-то так, — неуверенно проговорила я, отходя на шаг, дабы оглядеть сомнительные плоды собственных трудов.

Принцесса тоже внимательно оглядывала пентаграмму, начертанную мною на полу гостиной, между ширмой и канапе. Во взгляде её высочества сомнений было не меньше, чем в моём. Но что тут попишешь? Я могу без особого труда пройти по узкому карнизу, ни разу всерьёз не качнувшись в сторону. Могу метнуть кинжал — и попасть точнехонько в цель. А вот нарисовать прямую линию мне, увы, отчего-то не дано. Мои «прямые» так и норовят по ходу дела искривиться, а то и вовсе превратиться в линии волнистые. Поэтому и пентаграмма сейчас больше напоминала большую ромашку, гадание на которой гарантировало оптимистичный итог (поскольку лепестков, по понятным причинам, имелось ровно пять). Ну, хоть что-то хорошее, и то хлеб. Впрочем, было в моём рисунке и ещё одно преимущество: даже если совершенно случайно мы с её высочеством что-то сделаем правильно, ни одно уважающее себя божество до подобных художеств не снизойдёт.

Я вздохнула и на сей раз нарочито уверенно произнесла:

— Да. Так.

Принцесса покосилась на меня несколько недоверчиво, но озвучивать свои сомнения не стала. А я поспешила продолжить:

— Теперь надо расставить свечи.

Я подхватила подсвечник и двинулась к первому углу. Лемма стояла чуть в стороне, наблюдая за приготовлениями.

— Та-а-ак...

Я глянула на часы, невозмутимо раскачивавшийся маятник которых приносил ощущение хоть какого-то порядка в устроенный посреди гостиной хаос. До десяти время ещё оставалось.

— Ну что ж, — я округлила глаза и заговорила страшным шёпотом: — Теперь нам надо принести Орэнду жертву!

— Надеюсь, не человеческую? — поинтересовалась принцесса.

Правильно так поинтересовалась. По тону было совершенно очевидно: если я скажу «человеческую», она не испугается и тем более не согласится, а просто предложит мне незамедлительно посетить лазарет для душевнобольных. Вот зря король переживает, честное слово! Его преемница — совершенно разумная девушка, а то, что любит пощекотать себе и другим нервы, — ну так кто этого не любит в известном возрасте?

— Нет, — честно призналась я. И, вновь перейдя на страшный шёпот, постаралась реабилитироваться: — Это — туша невинно убиенного животного.

С этими словами я взяла в руки один из припасённых заранее мешков. Лемма впиалась взглядом в мой трофей, пытаясь разгадать, что же лежит там внутри. Мешок вызывал в ней ощущение жутки и одновременно возбуждения, гремучая смесь, ради которой, собственно, и затеиваются мероприятия, подобные сегодняшнему.

— Где же вы его раздобыли? — Лемма тоже перешла на шёпот, только благоговейный.

— Э-э-э... Позвольте мне об этом умолчать, ваше высочество.

Умалчивать было о чём. Всё дело в том, что свой трофей я раздобыла на королевской кухне. Нет, вообще-то изначально я планировала достать какую-нибудь тушу в погребе. Но попасть туда незаметно оказалось практически невозможным для постороннего. И я решила, что рисковать разоблачением ради такой мелочи не стоит. Поэтому отправилась за трофеем на кухню. Я рассчитывала отыскать там тушу, заранее принесённую из погреба и оставленную до завтрашнего дня, но увы. Местные кухарки оказались женщинами обстоятельными. Поэтому единственное, что я смогла обнаружить, — это курица, уже ошипанная, щедро залитая маринадом и даже фаршированная яблоками. Вот она-то и лежала сейчас в мешке.

— Хм. — Лемма принялась. — А почему от этого пахнет чесноком?

— Ну так... Вы же знаете, что чеснок отпугивает нечистую силу! — нашлась я.

— Но мы же призываем Орэнда, а не отпугиваем его? — удивилась принцесса.

— Призываем, — согласилась я. — Но осторожность никогда не повредит. Мы же хотим себя обезопасить. Так что чеснок пригодится.

Если принцесса спросит, почему из мешка пахнет розмарином, я не знаю, что стану говорить.

Водрузив мешок в центр пентаграммы, я возвратилась ко второму, примерно того же размера.

— Кстати, вот, — объявила я, развязывая удерживавшую его закрытым верёвку. — Я запасла несколько головок чеснока. Всё для той же цели.

Я запустила в мешок руку, нащупывая содержимое. Что-то крупновато для головки чеснока... Извлекла наружу и принялась, прокручивая, рассматривать в пламени свечи. М-да, незадача.

— Это же луковица, — заметила подошедшая поближе Лемма.

— Похоже на то, — печально согласилась я. — Кажется, я перепутала лук с чесноком. Темно было... Но ведь лук — это, наверное, ненамного хуже? — спросила я, с надеждой глядя на принцессу.

Та неуверенно пожала плечами.

— Наверное, ненамного, — согласилась она наконец.

— Ну вот и хорошо, — выдохнула я с облегчением. И, вернув себе деловой настрой, торжественно провозгласила: — И, конечно же, какой может быть ритуал без крови?

С этими словами я извлекла на свет своей очередной трофеей — небольшую бутылку, на две трети наполненную красной жидкостью тёмного, можно сказать, вишнёвого оттенка. Впрочем, сейчас, в тёмной комнате, оттенок было не разобрать.

— Это что, настоящая кровь? — изумилась Лемма, с любопытством приглядываясь к бутылке.

— Нет, — честно призналась я, зачем-то перейдя на шёпот. — Это борщ. — Мне стоило немало труда произнести название блюда восточной кухни, которая вошла в моду во дворце стараниями леди Инессы Этли. Говорят, сама она, в свою очередь, пристрастилась к этой кухне, пока служила фрейлиной при леди Мирее Альмиконте. — Я позаимствовала немного на кухне.

— Думаете, Орэнд не догадается? — с сомнением протянула принцесса.

Я пожала плечами:

— Мне кажется, что нет. В такой темноте непонятно.

— Что дальше?

Своим вопросом Лемма фактически давала добро на моё решение проблемы, и я с чистой совестью приступила к продолжению.

— Последняя часть жертвоприношения, — объявила я, доставая последнюю же из подготовленных мною деталей.

Принцесса изумлённо вскинула брови, увидев букет засушенных тюльпанов. Обзавестись этим трофеем оказалось сложнее всего, поскольку цветы за один день не засушить.

— Мёртвые цветы, — зловеще произнесла я, после чего резким движением швырнула букет в камин.

Взметнулись за чёрной решёткой языки пламени. Огонь шумно затрещал, с удовольствием поглощая подношение. Весело заплясали по гостинной тени.

Лемма поёжилась, напуганная, но в то же время довольная этим эффектом. Ведь именно ради такого всплеска эмоций она и соглашалась на ритуал.

— А теперь, — торжественно объявила я, — мы с вами должны открыть свои сердца для мятежного бога. Для этого каждая из нас должна произнести вслух нечто запретное. Нечто такое, что в повседневной жизни говорить недопустимо, но очень хочется, потому что давно накопило.

— Отлично. — Принцесса в предвкушении потёрла руки. Мучительно выдумывать, что бы такое сказать, ей явно не предстояло. Зажмурившись и сделав глубокий вдох, она прокричала, получая удовлетворение от каждого произносимого слова: — Мне осточертели платья в пол, осточертел дворцовый этикет и осточертел наш дворецкий!

Всё это было произнесено почти скороговоркой, на едином выдохе. Лично меня особенно заинтриговала неприязнь её высочества к дворецкому, но я сочла момент неподходящим для расспросов.

Принцесса замолчала, предоставляя высказаться мне. По-моему, она была вполне готова, не тратя времени на раздумья, сделать ещё двести-триста подобных заявлений, однако сочла, что трёх будет достаточно.

Сама я, конечно же, не стала стеснительно шаркать ножкой, а вместо этого громко и весело сообщила вселенной:

— Нарцисс — самовлюблённый, напыщенный осёл!

Отзвук моих слов сменила тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием унявшегося пламени да тиканьем часов, размеренно отдававшимся в левом ухе, поскольку я стояла к ним боком.

— Вообще-то животным нередко дают цветочные имена, — глубокомысленно заметила Лемма. — Но вот чтобы цветок обозвали животным — такое, признаться, я слышу впервые.

— Это особенный цветок, — заверила я.

— Не сомневаюсь, — усмехнулась принцесса.

Я поглядела на часы. Пришлось как следует напрячь зрение, учитывая, что освещение в гостиной было достаточно скудным. Я заранее предупредила принцессу о том, что люстры гореть не должны.

Пять минут одиннадцатого. Ого, долго мы провозились!

— А теперь — призыв Орэнда, — объявила я начало кульминационной стадии мероприятия. — О, великий бог Орэнд! — воззвала я нудным голосом. — Услышь наш зов, прими наши дары и почти нас своим визитом!

Едва я договорила, гостиная погрузилась в кромешную тьму. Разом погасли все свечи, потух плясавший в камине огонь. Всё это случилось, конечно, не из-за прихода Орэнда, а оттого, что я нажала кнопку взятого с собой гасителя. Этот редкий магический прибор, разработанный в тайной службе Ристонии, позволял в одно мгновение погасить все огни в помещении — правда, достаточно небольшом. На гостиную её высочества его действия хватило с лёгкостью.

Лемма ахнула и инстинктивно вцепилась в моё плечо. Так мы и простояли, в темноте и тишине, около минуты. Я думала о том, что, если бы Орэнд действительно существовал, в чём я сильно сомневалась, с него бы вполне случилось и вправду явиться к нам, дабы высказать собственное возмущение столь неканоническим призывом. Или просто для того, чтобы вкусно поесть.

— И долго надо так ждать? — прошептала Лемма.

Я замешкалась с ответом. Сказать «пока не явится Орэнд» не поворачивался язык.

Но тут последовали события, избавившие меня от необходимости отвечать.

За распахнувшейся дверью возникла чёрная фигура в ореоле багрового пламени. Лемма завизжала. Признаться, я и сама содрогнулась в первый момент. Уже потом стало ясно, что

источником колеблющегося огня являлся горевший в коридоре факел, а тёмной фигура казалась исключительно в силу своеобразного освещения. Вскоре глаза привыкли, и нам удалось разглядеть посетителя во всей красе.

Лорд Фернан Ромеро (а это, вне всяких сомнений, был именно он) стоял в проходе, держа в руках букет красных тюльпанов — любимых цветов её высочества, о чём герцог успела рассказать Анита, а я, в свою очередь, узнала от служанки об этом рассказе. Лорд, безупречно одетый по последней моде, выбрал тёмные тона (вероятнее всего, преследуя цель не привлекать к себе излишнего внимания). Он был высок ростом, узкое лицо с прямым носом и чётко очерченным подбородком обрамляли волосы льняного цвета, опускавшиеся до плеч.

Переведя взгляд с меня на принцессу и обратно, герцог быстро определился и обратился к Лемме:

— Ваше высочество, я понимаю, что нарушил ваш покой. Тем не менее я счастлив вас лицезреть.

И он попытался шагнуть в комнату. Напрасно.

— Не приближайтесь! — закричала Лемма, всё ещё не оправившаяся от шока.

— Но я лишь хотел побеседовать с вами. Речь идёт о вопросе жизни и смерти.

Последнее заявление заставило принцессу окончательно потерять самообладание. Самообладание — да, но никак не энергичность и готовность к решительным действиям.

— Убирайтесь! И никогда больше не возвращайтесь! — воскликнула она.

Ромеро, не собиравшийся отступить так легко, всё-таки пересёк черту порога. Принцесса засунула руку в удачно подвернувшийся мешок и запустила в незваного (точнее сказать, званого, но всё равно не слишком желанного) гостя первым извлечённым оттуда предметом. И вот тут-то стало понятно, что лук — это намного более удачное средство защиты от нечисти, нежели чеснок! Ибо луковички, как правило, бывают крупнее и тяжелее, чем головки чеснока.

Бросок Леммы оказался на редкость метким. Луковица попала Ромеро прямо в нос. Тот вскрикнул от неожиданности, выронив букет, а вторая луковица уже помчалась следом за первой. Правда, пролетела мимо. Зато третья отскочила от стены и рикошетом ударила герцога по руке.

На этом Лемма не остановилась и, подхватив из центра пентаграммы мешок с жертвоприношением, запустила в Ромеро и им. Кажется, к тому моменту у герцога пошла из носа кровь. Каюсь: мешок я завязала плохо, поэтому к моменту встречи с целью он успел частично сползти, и незадачливый поздний гость в самый последний момент ухватил курицу за крылышко.

Видимо, эта встреча послужила той самой последней каплей, что переполняет чашу. Позорно ретировавшись, кандидат в женихи стремительно исчез во тьме коридора.

Поскольку такая развязка оказалась несколько неожиданной даже для меня, мы с Леммой некоторое время стояли молча и практически не шевелясь. Потом я занялась освещением гостиной, потихоньку, одну за другой, зажигая свечи. Лемма прошлась по комнате, окинула блуждающим взглядом частично затёршиеся контуры пентаграммы и валяющиеся на полу луковички. Затем поглядела на дверной проём, в котором на сей раз никто не стоял.

— М-да. Конечно, это был не Орэнд, — задумчиво произнесла она, не то обращаясь ко мне, не то просто высказывая свою точку зрения в пространство.

— Пожалуй что нет, — согласилась я. — Однако не думаю, что этот ночной гость был намного более безобидным.

Лемма, поразмыслив, кивнула. Вновь окинула взором творящееся кругом безобразие.

— И что нам теперь делать? — проговорила она.

— А давайте поедим, — внесла здоровое предложение я. — Вот у нас и борщ есть.

Готова поспорить, что пока я разливала по бокалам (за неимением под рукой более подходящей посуды) раздобытый на кухне суп, из недр шкафа раздавался звук, напоминающий сдавленное хрюканье.

Глава 7

— Итак, госпожа Кобра, я наслышан о ваших вчерашних приключениях, — сообщил лорд Этли, глядя на меня взглядом того самого животного, именем которого обыкновенно величают меня.

Ох, не нравится мне это «госпожа Кобра», сменившее вчерашнее обращение «леди Корбетт». Чувствую, что это не к добру. И почему я не догадалась попросить у кардинала документ, который мог бы защитить меня в сложившихся обстоятельствах? Нет, разумеется, я не могла заранее знать, что организую видному эркландскому политику романтическую встречу с маринованной курицей при свечах. Но ведь можно было попросить что-нибудь абстрактное! Например, «всё, что сделал предьявитель сего, сделано по моему приказу и на благо Эрталии», или что-то в этом роде. Но все мы хороши задним умом.

— Должен сказать, ваши действия меня впечатлили, — продолжил Этли, и у меня отлегло от сердца.

Нет, я, конечно, тёртый калач, и опыт подобных аудиенций за плечами имею немалый. А всё же попробуйте посидите в кабинете такого мужчины, в течение нескольких минут играя с ним в гляделки. Достаточно скоро, какой бы коброй вас ни величали, почувствуете себя маленькой, скромной мышкой, которую с лёгкостью способен проглотить сидящий напротив удав. Нет, в целом я очень уважаю лорда Кэмерона Этли. Это чрезвычайно умный, проницательный, принципиальный мужчина, обладающий твёрдым внутренним стержнем, отличной выдержкой и идеальными манерами, к тому же, насколько мне известно, прекрасный семьянин. Но всё это не мешает ему проглотить вас, как удав глотает мышку, в случае, если это по-настоящему ему понадобится.

— Впечатляет как оригинальность найденного вами решения, так и результат, — заметил лорд. — По-видимому, вам удалось решить, пусть и частично, весьма серьёзную проблему. Существует мало людей, способных влиять на её высочество. Среди тех немногих, к кому прислушивается леди Лемма, — моя жена, но, к сожалению, именно сейчас она в отъезде и возвращается из нашего родового замка лишь через неделю. Поэтому вероятность того, что лорду Ромеро удастся найти подход к принцессе, была высока. Запреты являются очень плохим подспорьем в подобных вопросах, поэтому ваше вмешательство оказалось как нельзя более кстати.

Я решила истолковать эти слова как похвалу и поблагодарила Этли кивком головы.

— Тем не менее расслабляться нам пока рано. Как я уже говорил, проблема решена лишь частично. Если герцог Ромеро настроен решительно (а судя по всему, дело обстоит именно так), он попытается прибегнуть к дополнительным средствам. Каким именно, мы не знаем, — ответил он на мой невысказанный вопрос, — но вариантов предостаточно. Можно продолжить тайно ухаживать за принцессой, можно прибегнуть к шантажу и угрозам, можно отыскать способ скомпрометировать её высочество и тем самым вынудить короля выдать её замуж. Можно, наконец, попытаться организовать похищение, хотя, учитывая, что речь идёт об особе королевской крови со всеми вытекающими последствиями, это весьма непросто. Охрана принцессы на ближайшее время усилена. Однако я бы хотел, чтобы рядом с её высочеством также находился некто, чьё присутствие её не раздражает. И кто при этом обладает достаточными знаниями и опытом, чтобы постоять за принцессу в случае необходимости. Вы догадываетесь, о ком я говорю?

— Могу предположить, — краешками губ улыбнулась я, отвечая в той же завуалированной форме, в какой был задан вопрос.

— И что вы на это скажете?

— Такой ход не идёт вразрез с интересами пославшей меня стороны, — дипломатично ответила я. — Поэтому я не вижу причин для отказа. Напротив, буду рада оказать содействие.

— Прекрасно. — Этли удовлетворённо кивнул. После чего в его глазах загорелся какой-то не вполне понятный мне огонёк Задорный, что ли?.. и подозрительный. — А чтобы вам не было скучно, я дам вам в напарники одного из своих агентов. Назовём его, скажем, Джозефом Торвудом. — Граф опустил глаза, чтобы быстрым росчерком пера проставить дату на каком-то документе, после чего возвратил перо в чернильницу и, вновь посмотрев на меня, добавил: — Вам он известен под именем Нарцисс.

Во время прогулок по дворцу и всевозможных светских мероприятий вокруг принцессы крутилось множество людей, из которых немалое число служило в королевской охране. Наша же с Нарциссом задача заключалась главным образом в том, чтобы находиться поблизости в те часы, когда Лемма оставалась более-менее одна (пара фрейлин или горничных не в счёт). То есть в первую очередь мы охраняли принцессу в её покоях. А заодно и развлекали болтовнёй, шутками и в первую очередь собственными перепалками.

— Как же случилось, что вы, господин Торвуд, познакомились с леди Корбетт, если она проживает так далеко отсюда?

Своим вопросом Лемма отчётливо давала понять, что догадывается о непростой природе нашего с Нарциссом сотрудничества. Впрочем, обиды с её стороны сей факт не вызывал, скорее любопытство.

В данный момент мы находились в будуаре принцессы, куда она пришла, дабы отдохнуть после очередного непродолжительного приёма.

— Господин Торвуд приезжал в Эрталию, чтобы попросить у нас политического убежища, — бойко ответствовала я.

Нарцисс поперхнулся, Лемма усмехнулась, не принимая моих слов на веру (каковую цель я, впрочем, и не преследовала).

— Как же это произошло? — в притворном изумлении осведомилась она.

Нарцисс устремил на меня не менее заинтересованный взгляд, спеша узнать новые подробности своей, как выяснилось, совсем не простой биографии.

— У господина Торвуда сложный характер, — охотно пустилась в объяснения я. — Поэтому он заработал себе достаточно крупные проблемы здесь, в Ристонии. И решил попытать счастья у нас.

— И как, получил он в Эрталии политическое убежище? — любопытствовала принцесса.

— Да, мне тоже очень хотелось бы это узнать, — поддержал её Нарцисс.

— Нет, — с деланным сожалением ответила я. — У господина Торвуда весьма сомнительный моральный облик. Наши чиновники сочли, что нам в Эрталии люди с таким моральным обликом не нужны.

— Разумеется, — расплылся в улыбке Нарцисс. — Моральный облик подданных Эрталии и так чудовищно низок. Именно поэтому они готовы принимать лишь переселенцев высоких моральных качеств. Чтобы хоть как-то исправить положение.

— В итоге господину Торвуду пришлось искать свою удачу на родине, — завершила историю я.

Несколько усмешек были мне ответом, после чего Лемма села на низкое канапе. Вскоре, откинувшись на подушки, она устроилась отдыхать полулёжа. Мы же с Нарциссом деликатно переместились подальше, в другую часть комнаты, предоставляя принцессе причитающуюся ей долю личного пространства.

Тревожить Лемму болтовнёй сейчас было неуместно, поэтому, немного подумав, мы решили полноценно войти в образ охраняющих покой стражников. И для полноты картины принялись играть в кости.

Принцесса отдыхала, опустив веки, но не спала и, видимо, не собиралась, поскольку то и дело открывала глаза и с любопытством поглядывала в нашу сторону.

Кости в очередной раз упали на стол.

— Ты жульничаешь! — заявила я, обличительно указывая сначала на Нарцисса, а потом на шестёрку и пятёрку, выпавшие после его броска.

— Это наговор. Как можно жульничать в кости?! — возмутился он.

Такое праведное возмущение заставило меня пренебрежительно фыркнуть.

— Жульничать можно во всём! — авторитетно заявила я.

— Мы же играем просто так, не на что-то. — При последних словах Нарцисс неспешно опустил глаза, раздевая меня взглядом. Принцесса этого видеть не могла, а вот я — вполне, и намёк на прошлую нашу игру, конечно же, не пропустила. — Так в чём смысл жульничать?

— А почему игра называется «кости»? — оборвала нашу перепалку любознательная, как и всегда, Лемма. — Это же кубики?

— Поговаривают, что когда-то для этой игры использовали кости животных, — объяснил

Нарцисс.

Повисло молчание, которое должно было стать непродолжительным... но что-то мне в нём не понравилось. Я нахмурилась и завертела головой по сторонам, пытаясь вникнуть в причину своей тревоги. Встретившись взглядом с Нарциссом, поняла, что аналогичные чувства терзают и его. А вот Лемма спокойно возлежала на канаве, в очередной раз прикрыв глаза. Что же не так?..

Понимание пришло к нам с напарником одновременно. Тишина! Если не считать тиканья часов, она была абсолютной. Из коридора не раздавалось никаких звуков, обычно характерных для присутствия стражи. Ни приглушённых разговоров, ни кашлянья, ни шума всё тех же падающих костей.

Мы с Нарциссом вскочили на ноги. Не брошенные как положено кубики покатались по столешнице. Один слетел на пол, второй остановился на самом краю стола. Однако начать действовать мы не успели. Дверь приоткрылась, и в комнату вкатился шар размером с клубок. Вот только состоял он отнюдь не из ниток.

Это был сгусток энергии, в котором переплетались изгибающиеся лучи зелёного и серого цвета. Даже полный неуч вряд ли бы усомнился в магической природе этого предмета. А мы с Нарциссом неучами не были. И хотя лично мне видеть такую штуку никогда в жизни не доводилось (уж больно они были редкими), агенты моей специализации просто обязаны были знать о подобных вещах. Поэтому я сразу же определила в увиденном сонный шар. Магический предмет, источающий вокруг себя энергию сна и в первые же секунды погружающий людей в дрему, которая постепенно становится всё более глубокой. Если пробыть в непроветриваемом помещении вместе с таким шаром в течение часа, то можно не проснуться уже никогда. После десяти минут человек проснётся, но, вероятнее всего, не раньше чем через сутки. Разбудить его прежде не удастся, даже если методично отбивать у него над ухом барабанную дробь.

Секунды оказалось достаточно, чтобы понять: вот почему не подавали признаков жизни стражники. Видимо, точно такой же шар уже лежал в коридоре, неподалёку от нашей двери. И только после того, как он сработал, в будуар Леммы был запущен второй.

Наши с Нарциссом мысли продолжили двигаться в одном направлении: мы оба устремили взгляды на окно. Сейчас, когда счёт шёл даже не на секунды, а на доли секунд, оно казалось невероятно далёким, поскольку располагалось в противоположном конце комнаты. К тому же открытое окно — не панацея: задержит действие шара, но ненадолго.

Лемма уже начала посапывать: то ли шар подействовал на её молодой организм настолько быстро, то ли она просто была готова уснуть, так как изначально настроилась на отдых. Действовать следовало стремительно: ещё совсем немного — и мы с Нарциссом превратимся в точно такие же мирно посапывающие тела. Вот только как действовать? Вытолкнуть шар из будуара не успеем: на того, кто к нему приблизится, колдовство подействует мгновенно.

— На помощь! — рявкнула я что есть мочи, отлично понимая, что толку в этом никакого, поскольку все, кто мог бы нас услышать, наверняка уже пребывают под действием такого же шара.

По той же причине не имело смысла выскакивать за дверь: просто попадём под действие второго источника сонной магии.

Внезапно Нарцисс метнулся к «нашему» шару.

— Давай! — крикнул он мне.

Я не сразу сообразила, что он хотел этим сказать, но вскоре стало ясно: речь шла не о конкретном поступке. Нарцисс просто имел в виду, что дальнейший исход дела будет зависеть от меня. И, дав мне таким образом карт-бланш, бросился на пол, накрывая шар своим телом.

Меня передёрнуло: шар выглядел как сгусток огня, и казалось, что он сейчас прожжёт храбреца насквозь. Этого, конечно, не произошло, однако последствия могли оказаться немногим лучше. Настолько близкий контакт с шаром многократно усиливал и ускорял его действие. У Нарцисса была высокая вероятность погрузиться в летаргический сон, от которого он уже не смог бы очнуться. И агент, подкованный ничуть не хуже меня, прекрасно осознавал серьёзность возможных последствий. Осознавал — и всё равно сделал то, что сделал, выполняя свою задачу по охране принцессы. Чтобы, закрыв шар собственным телом, ослабить его действие на окружающих и дать мне возможность остановить того, кто, вне всяких сомнений, в ближайшее время придёт сюда.

Терять шанс, купленный такой ценой, я не имела права. Метнулась к Лемме, одновременно нащупывая рукоять кинжала. Упала на колени за канапе и, повернувшись к шару спиной, сделала глубокий вдох. Нарцисс дал мне фору, но я не имела представления, как надолго. Меж тем сонная отравка проникает в организм через лёгкие, и потому лучшее средство против воздействия шара — это задержать дыхание.

В этот момент дверь распахнулась, и в комнату уверенной походкой вошёл мужчина. Заметить меня он пока не успел, зато спящую Лемму увидел и теперь шагал непосредственно к ней. Дышал этот мужчина совершенно свободно, стало быть, он не был подвержен воздействию шара. Рискнув ещё немного высунуться из своего укрытия, я смогла рассмотреть его получше. И узнала в незваном визитёре того самого эркландца из свиты Ромеро, что произвёл на меня столь яркое и не слишком приятное впечатление на давешнем приёме. Те самые острые скулы и запавшие глаза. Удостоверившись в том, что Лемма спит, он извлёк из-под полы плаща пустой мешок.

Теперь его цель была ясна: похитить принцессу, по всей вероятности, для своего сюзерена.

Воздух в лёгких закончился, и я вынужденно вдохнула вновь. Глубоко, надеясь опять продержаться как можно дольше. Голова стала легонько кружиться: по-видимому, воздух комнаты успел в полной мере пропитаться сонной магией. Действовать приходилось особенно быстро. Вскочив, я метнула в эркландца кинжал. Он дёрнулся, заметив моё резкое движение, но в руку я всё-таки попала. Это хорошо: теперь выносить из покоев принцессу будет для него по меньшей мере затруднительно. Я метнула второй кинжал, но, к своему стыду, промахнулась. Перед глазами начинал плыть туман, да и эркландец, несмотря на испытываемую боль, уже был начеку. Прилагая все возможные и невозможные усилия, чтобы разогнать застилающую глаза пелену и при этом не сделать нового (и такого желанного) вдоха, я схватила последний кинжал. Похититель метнулся в сторону.

Взгляд совершенно случайно упал на колокольчик для вызова прислуги, который отчего-то лежал на полу. Возможно, его случайно уронили и поленились или позабыли поднять. Теперь я схватила этот колокольчик и отчаянно затрясла им изо всех сил. Язычок принялся биться о стенки, оглашая окружающее пространство отчаянным звоном. Я не знала, услышит ли хоть кто-нибудь, но очень надеялась, что своими действиями по меньшей мере спугну эркландца. Так и получилось. К тому моменту, как я запустила в похитителя третьим кинжалом, он успел оглядеться и, не найдя другого способа отступления, подскочил к окну. Распахнул ставни и выбрался наружу в тот самый момент, когда мой клинок ударился о раму.

Я мысленно поблагодарила похитителя за распахнутое окно, но добраться до вожаемого свежего воздуха уже не смогла. Схватившись за низкую спинку канапе, осела на пол. Краткое мгновение, когда я отчётливо осознала, что вот-вот погружусь в сон, и тут уже ничего не попишешь, сменилось тем самым сном. Того, что происходило в будуаре дальше, я не видела и не слышала.

Сон отпускал медленно и неохотно. Словно я погрузилась в вязкую трясиину, из которой никак не удавалось выбраться. И я барахталась на грани между земной и водной стихией, между явью и сном. Уже осознавала, что сплю и надо бы проснуться, притом как можно скорее, но ещё не помнила, а, собственно, почему? Однако где-то на краю сознания жила тревога, не позволявшая расслабиться и полноценно погрузиться в дрему, и я хваталась за раздававшиеся поблизости звуки, как за ветвь, милосердно протянутую плакучей ивой.

Наконец я всё-таки разлепила веки. Сперва увидела лишь украшенный росписью потолок, но рассматривать картины, пусть и весьма искусно исполненные, мне было сейчас неинтересно, и я не без труда приподнялась на локтях, дабы оглядеть и другие части помещения. Почти сразу стало ясно, что далеко от будуара меня не переместили. Судя по убранству, я по-прежнему находилась на женской половине, хотя непосредственно в этой комнате мне до сих пор бывать не приходилось. Лежала я на кушетке. Кто-то заботливо подложил мне под голову подушку и даже укрыл шерстяным пледом.

На этом, однако же, спокойная обстановка заканчивалась. В комнате ни на мгновение не прекращалось движение. Незнакомые мне люди с серьёзными, сосредоточенными лицами сновали туда-сюда, кто с вогнутым зеркалом, помогающим рассматривать мелкие предметы, кто с магическим диском, позволяющим определить число находящихся поблизости людей, кто с оструганными дощечками, на которых было отчётливо прорисовано деление на дюймы. Бесконечное движение не создавало ощущения хаоса, напротив, было очевидно, что все присутствующие — профессионалы своего дела, отлично знающие, куда и с какой целью направляются.

Кэмерон Этли тоже находился поблизости. Стоял неподалёку от входа и негромко переговаривался о чём-то с темноволосым мужчиной в тёмно-сером камзоле, имевшим такой же деловой и сосредоточенный вид, как все прочие.

— О, пришла в себя! — бодро, я бы даже сказала, весело сообщил один из присутствующих, имея в виду вашу покорную слугу.

Его слова привлекли всеобщее внимание, в том числе и Этли, мгновенно прервавшего собственный разговор с подчинённым и переведшего взгляд на мою скромную персону.

— Нет-нет-нет, — оборвал мои неловкие попытки подняться человек, первым обративший внимание на моё пробуждение. — Вставать вам ещё рано. Лежите.

И тут же направился ко мне, будто собирался уложить силой, приди мне в голову идея сопротивляться. Однако я и сама чувствовала, что вставать рановато, и потому покорно опустила голову на подушку.

Мужчина тем не менее подошёл и присел на краешек кушетки. Теперь я получила возможность получше его разглядеть: приятное, гладко выбритое лицо, элегантная линия бровей, острые уголки глаз. Взяв мою руку в свою, он приложил большой палец к бледно-голубой жилке на запястье. Лекарь. Собственно, об этом можно было догадаться и раньше, как

по внешнему виду, так и по манере говорить. Медленно я нынче соображаю. Впрочем, пожалуй, мне простительно: я ведь в некотором роде раненая. Или контуженая? Интересно, к какому роду пострадавших следует относить тех, кто нанюхался испарений сонного шара?

— Всё отлично, пульс замедленный, — невероятно бодро произнёс лекарь, и я поняла: столь же оптимистичным тоном он мог бы возвестить и о том, что пациент скорее мёртв, чем жив. — Это нормально, — пояснил он в ответ на вопросительно изогнутую бровь Этли. — Естественные последствия сонной магии. Скоро, голубушка, вы снова будете бегать и бросаться кинжалами, — обратился он уже ко мне. — Только сначала придётся немного полежать. Дня эдак три.

— Три дня?! — От шока я даже повторно приподнялась на локтях.

— Ш-ш-ш. А что, вы куда-то торопитесь? — невинно поинтересовался эскулап, вновь укладывая меня на подушку.

— С ней уже можно разговаривать? — спросил Этли, веселья лекаря явно не разделявший.

— Лучше не переутомлять, — с сомнением в голосе протянул последний.

— Ничего, надеюсь, небольшой разговор ей не повредит, — заявил Этли, направляясь ко мне.

Лекарь пожал плечами, как мне показалось, несколько неодобрительно, но возражать всё-таки не стал. Он поднялся с кушетки и отступил, однако в моих мыслях для его действий уже не осталось места. События, предшествовавшие погружению в сон, наконец-то выстроились в голове в относительно ровный ряд, и я, резко приподнявшись вопреки советам лекаря, спросила, взволнованно взирая на Этли:

— Что с Нарциссом?

Лорд смотрел, на меня с нескрываемым любопытством, и мне показалось, что было бы совершенно справедливо убить его за неспешность.

— Жить будет, — разрядил обстановку лекарь.

Я облегчённо выдохнула и уже вполне спокойно приняла вторую часть ответа:

— Но ещё недели две наверняка проспит.

— Радостно видеть такую заботу о здоровье напарника. — Я была готова поклясться, что слова Этли пропитаны иронией, хотя он не позволил и тени улыбки скользнуть по своему лицу. — Но не хотите ли вы поинтересоваться состоянием принцессы?

— Разумеется, хочу, — не стала возражать я.

Тем более что положение Леммы меня действительно интересовало. Но что поделать, если состояние Нарцисса занимало меня больше?

— Её высочество тоже в порядке, — благосклонно удостоил меня ответом на собственный вопрос Этли. — Она ещё спит, но, по всей видимости, скоро проснётся. Господин Толедо, наш лекарь, считает, что долгосрочных последствий для её организма не ожидается. — И он устремил взгляд на человека, в котором я и сама уже опознала представителя упомянутой профессии. — А теперь, леди Корбетт, если вас не затруднит, будьте любезны во всех

подробностях рассказать мне, что произошло в соседней комнате два часа назад.

Стало быть, я проспала около двух часов. Что ж, это не слишком много в сравнении с двумя неделями. Хотя если бы у моего противника обнаружился сообщник, и двух минут могло бы оказаться сверх меры.

— Мы сумели приблизительно восстановить картину событий, — продолжал Этли. — Однако рассказ очевидца, как правило, вносит ясность во всевозможные нюансы.

Возражать я не стала. Постаралась, ничего не упуская, поведать о событиях двухчасовой давности. Этли, да и другие мужчины, замершие поблизости, едва я начала говорить, особенно внимательно выслушали описание проникшего в покои принцессы мужчины.

— Вы можете с уверенностью утверждать, что это был человек из свиты Ромеро? — уточнил Этли.

— Да, если те двое эскландцев на балу были из его свиты, — на всякий случай состорожничала я.

— Грегори Уолфорд, — уверенно произнёс Этли, обращаясь почему-то к лекарю.

Тот кивнул.

— Не так уж это и удивительно.

— Этот Грегори Уолфорд — маг? — решилась спросить я, гадая, дадут ли мне ответ или пошлют с моей любознательностью куда подальше.

— Нет. Просто приближённый Ромеро.

Определённо сегодня Этли был настроен по отношению ко мне благосклонно.

— В таком случае как он сумел работать с сонными шарами? — нахмурилась я. — И почему не заснул сам?

— По-видимому, тот, кто создал шары, настроил на Уолфорда магические потоки, — откликнулся Толедо.

Теперь я наконец поняла, что он не просто лекарь, а ещё и специалист по магическому воздействию. Туго соображаю. Но, впрочем, мне сейчас простительно. К тому же специализация эта — чрезвычайно редкая. Видимо, Толедо — мягко говоря, не последняя фигура в ведомстве Этли.

Я также припомнила, для кого именно предназначалось кольцо, которое мы с Нарциссом столь вдохновенно пытались умыкнуть друг у друга. Уж не начал ли сам Ромеро потихоньку приколдовывать?

— Как я понимаю, пути отхода Уолфорд подготовил заранее и ареста сейчас не дожидается, — предположила я.

— Вероятнее всего, — подтвердил Этли. — Тем не менее мы это проверим.

Одного движения его бровей оказалось достаточно, чтобы мужчина, разговаривавший с ним в момент моего пробуждения, коротко поклонившись, покинул помещение. Сейчас отправит

солдат на поиски преступника. Вероятнее всего, тщетные.

— А Фернан Ромеро? — продолжила допытываться я. — Понимаю, его так просто не арестовать, но ведь обстоятельства позволяют хотя бы пригласить его для беседы?

— Позволяют, — бросил Этли. — Беда заключается в том, что не далее как вчера герцог покинул пределы Ристонии. Видимо, он остался не слишком доволен приёмом, который оказали ему вы с её высочеством.

Большинство присутствующих не были осведомлены об упомянутом приёме, и лица находившихся в комнате людей выглядели озадаченными.

— Странно, — позволила себе вольность я. — Обычно гостям нравится, когда их встречают с фаршированной курицей.

— Возможно, он бы обрадовался, если бы вы удосужились эту курицу пожарить, а не подали её в сыром виде, — неожиданно поддержал шутку Этли. С предельно серьёзным выражением лица.

— Хотелось бы услышать продолжение истории, — прервал наши рассуждения лекарь, имея в виду, конечно же, не печальную историю курицы, а рассказ о событиях двухчасовой давности.

— Действительно, — поддержал его Этли, тут же позабыв про птицу.

И я возобновила рассказ.

— Я всегда говорил, что он идиот, — заметил Толедо, выдержав небольшую паузу после того, как я замолчала. — Правда, идиот удачливый.

— Кто? — несколько рассеянно отозвался Этли, кажется, всё ещё прокручивавший в уме некоторые детали моего рассказа.

Меня интересовал тот же самый вопрос, так что я повернулась к лекарю в ожидании.

— Нарцисс, — будничным тоном откликнулся он. — По собственной воле кинуться на сонный шар? У него были все шансы не проснуться после такого развлечения.

— Нарцисс совершил героический поступок, — отрезал Этли. — Он рисковал жизнью, защищая принцессу. Я намерен ходатайствовать перед его величеством о присуждении Нарциссу ордена Золотого Пламени.

Я мысленно присвистнула: орден Золотого Пламени — одна из высших наград в Ристонии, присуждаемая, как правило, за внушительные услуги, оказанные непосредственно монаршему семейству. Что ж, совершенно заслуженно. Правда, не думаю, чтобы Нарцисс испытывал особый пиетет в отношении орденов. Для человека нашего рода занятий это нехарактерно. Знаю по опыту: сама такие имею. Однако признание всё же приятно, к тому же ордена обычно сопровождаются дополнительной наградой в виде позвякивающих в кошеле монет.

— Да я и не спорю с тем, что он герой, — хмыкнул лекарь, вновь подходя ко мне и принимаясь нащупывать пульс. — Но идиот. Одно другому не мешает. Пожалуй, даже, наоборот, помогает.

Этли лишь молча и не слишком эмоционально махнул рукой, принимаясь бегло просматривать бумагу, поднесённую очередным помощником. Впрочем, это не помешало ему

посмотреть поверх документа на лекаря, который кивком дал понять, что с моим пульсом всё в порядке.

— Леди Корбетт, если вы чувствуете себя лучше, я думаю, вам имеет смысл перебраться в свои покои и как следует отдохнуть, — заметил Этли, возвращая помощнику бумагу. — Полагаю, сегодня вам будет лучше остаться во дворце. — Он обменялся взглядом с Толедо, и тот согласно кивнул. — Завтра вы можете сами решить, как поступить дальше. Можете остаться во дворце или, если вам так будет комфортнее, возвратиться в дом, где остановились прежде. Единственное, о чём я бы хотел вас попросить, — это не покидать пока пределы Ристонии. Во-первых, состояние вашего здоровья не предполагает на данном этапе длительных путешествий. — Он вновь обратил взор на лекаря в поисках поддержки. — Во-вторых, нам ещё может понадобиться задать вам уточняющие вопросы. А в-третьих, в самое ближайшее время я отправлю срочное послание кардиналу и надеюсь на быстрый ответ. Возможно, он будет касаться и ваших дальнейших действий.

В целом это совпадало с моими планами. Я и сама собиралась дождаться от кардинала распоряжений касательно моих дальнейших передвижений, поскольку пока не имела конкретных указаний на этот счёт. Поэтому возражать не собиралась. Тем не менее я замешкалась, заставив приглашённую проводить меня горничную переминаясь с ноги на ногу, дожидаясь на пороге.

— Лорд Этли... — Я замолчала. Кто я, собственно, такая, чтобы просить разрешения навещать Нарцисса? Будь он в сознании, ещё куда ни шло, но так, когда с ним даже не поговорить, не поддержать, а можно лишь посидеть рядом? Жену бы пустили, невесту, мать, но со стороны коллеги из соседнего королевства такая просьба прозвучит, мягко говоря, подозрительно. — Могу я попросить, чтобы меня уведомили об изменении состояния господина Торвуда? — в последний момент изменила суть своего ходатайства я.

— Разумеется. — Этли одарил меня внимательным взглядом чуть прищуренных глаз, но возражать и не подумал. — Я распоряжусь, чтобы вас держали в курсе.

Глава 8

Я сидела за столиком в «Ясноглазом павлине», одном из лучших заведений Ристонии, и пребывала в препаршивом настроении. День рождения, черти его поберите. Уже много лет я ненавидела этот день.

Никого из родных у меня давно не осталось. Друзей не так чтобы совсем уж не было, но зачастую в эту дату я, как и сейчас, оказывалась на задании в сотнях или тысячах миль от дома. А если нет, то на задании уж наверняка оказывались мои предполагаемые гости, служившие в основном в том же ведомстве, что и я. Казалось бы, да какая разница? День как день, просто проживай его как обычно. Если на службе, значит, работай, если свободна, книгу почитай или по лавкам вон пройди. Так нет, это же праздник, чтоб его! Его же отмечать полагается! В итоге настроение в этот день у меня всякий раз было отвратительное, и я с нетерпением дожидалась его окончания, чтобы в полночь с огромным облегчением понять, что вот теперь я совершенно не обязана веселиться и могу со спокойной совестью жить как обычно ещё целый год.

Вот и сейчас я скорее со злости, чем по какой-либо другой причине, заявила в лучшую ресторанцию ристонийской столицы, заказала самые дорогие блюда (благо что денег моя служба приносила предостаточно, знать бы, куда их тратить с моим-то образом жизни!) и

сидела, бесцельно ковыряясь вилкой в тарелке с экзотическими деликатесами. Вкуса я не чувствовала, а если и чувствовала, то не запоминала и уж точно не смогла бы впоследствии дать знакомым совет, что из заказанного стоит попробовать, а к чему лучше, напротив, даже не притрагиваться. Экзотика — она разная бывает, пусть даже и дорогая.

С попытки похищения Леммы прошло немногим больше двух недель. Этли выполнил своё обещание, поэтому я знала, что несколько дней назад Нарцисс благополучно проснулся и получил отпуск, дабы окончательно поправить здоровье у себя дома. Где находился этот дом и кто там, помимо самого Нарцисса, проживал, я, понятное дело, не имела ни малейшего представления и наводить справки не стала. Поправился — и хорошо.

Принцессу теперь охраняли ещё более тщательно, чем прежде, добавив к вооружённой охране мага. При этом повторная попытка похищения в ближайшее время представлялась весьма сомнительной. Ромеро и его приближённые покинули пределы Ристонии; кроме того, герцогу тоже было очевидно, что после его недавней неудачи охранять принцессу будут на совесть. В придачу и супруга Этли возвратилась из поездки, и теперь Лемма была под её бдительным присмотром.

Так что в моих услугах больше не нуждались. Но и уехать из Ристонии я не могла, поскольку получила от кардинала короткое письмо, согласно которому мне следовало оставаться здесь, ожидая в скором времени дальнейших указаний. Указания пока не поступали, и я маялась чересчур продолжительным бездельем. Хорошего настроения всё это не прибавляло.

Дверь распахнулась, впуская новых посетителей. Это сопровождалось весёлым звоном подвешенного под потолком колокольчика, призванного уведомлять хозяина заведения или его подчинённых о том, что следует встречать гостей. Но и внимание посетителей такой перезвон привлекал, поэтому я подняла голову, всматриваясь в игру теней и света у входа.

В ресторацию вошла небольшая, но весёлая компания. Веселье отражалось на лицах, хотя вели себя новые посетители вполне чинно. Первой вошла женщина в летах, из тех, что внушают уважение идеальной, невзирая на возраст, ухоженностью и осанкой. Седые волосы были тщательно уложены, и ни одна прядка не выбивалась из причёски (что очень мило смотрелось бы у юной девушки, но для зрелой женщины считалось скорее признаком неаккуратности). Длинное закрытое платье, строгое по фасону, но праздничное по расцветке. Жемчужные серьги в ушах и такое же кольцо на шее. Последнее прикрывало, увы, характерные для данного возраста морщины.

По одеянию и манере поведения женщины я позволила себе сделать предположение, что она, хоть и не стеснена в средствах, не принадлежит к высшему сословию. Скорее к средней прослойке. То ли нетитулованная дворянка, то ли жена какого-нибудь весьма зажиточного, но всё же купца, приблизившегося к высшему свету настолько, насколько это реально для человека, не рождённого аристократом.

Следом за женщиной вошли две девушки. Навскидку я дала бы старшей из них года двадцать два — двадцать три, а младшей — примерно семнадцать. Хотя, конечно, это мало что значило: даже столь юные леди вполне могут выглядеть лет на пять старше или моложе своего возраста. Схожие черты лица выдавали в вошедших девушках сестёр, несмотря на разницу в цвете волос: младшая была блондинкой, а старшая — брюнеткой. К тому же, несмотря на то что обе были веселы, мне виделась разница темпераментов. Младшая казалась хохотушкой в силу своего характера, старшая же производила впечатление женщины более сдержанной, хоть и веселившейся в данный момент в силу некоего повода.

А вот увидев единственного в этой компании мужчину, который, как и положено, вошёл последним, сперва придержав дверь своим спутницам, я поперхнулась крошечным бутербродом, который как раз машинально отправила в рот. Ибо мужчиной этим оказался Нарцисс.

Все четверо прошли к столику и, устроившись, сразу же заказали шипучее вино, которое обыкновенно пьют по праздникам. Стало быть, я оказалась права: эти люди пришли сюда не просто поужинать, а отпраздновать какое-то событие. Впрочем, значительно сильнее меня занимал сейчас Нарцисс, который сидел ко мне боком и, поглощённый общением со своими спутницами, пока моё присутствие не заметил. Ну, или делал вид, что не заметил.

Как он здесь оказался? Первая мысль была — уж не следит ли за мной? Но эту версию я с ходу отмела. Паранойя, а точнее говоря, издержки профессии. Тогда, может быть, на задании? Или дело обстоит совершенно невинно, и он просто, как самый обычный человек, пришёл поужинать вместе со своей семьёй?

Чем дольше я рассматривала присутствующих, тем сильнее укреплялась во мнении, что справедлив именно последний вариант. Внешнее сходство не бросалось в глаза, но анализ черт лица наводил на мысль о родстве. В особенности — линия губ Нарцисса, взрослой женщины и младшей сестры, а также форма глаз Нарцисса и старшей.

Придя к этому выводу; я почувствовала, как где-то в глубине души огромной неповоротливой змеёй зашевелилась зависть. У меня, понимаете ли, день рождения — и я сижу тут одна! А у него, готова поспорить, никакого дня рождения нет (не может же быть такого совпадения!) — и он сидит тут, видите ли, в окружении близких родственников!

В действительности, конечно, дело было вовсе не в дне рождения. Просто, что греха таить, я испытывала порой чувство тягучей тоски при виде дружного семейства. Не всегда, конечно, зачастую я просто не задумывалась на эту тему, поглощённая другими заботами. А вот сегодня всё совпало — и дата, и вынужденное безделье, да и неожиданная встреча с Нарциссом, наверное, подлила масла в огонь.

Впрочем, чем дольше я наблюдала за семейным ужином (а взгляд раз за разом невольно возвращался к накрытому на четверых столику), тем меньше испытывала желание завидовать агенту. Потому что среди весёлого семейного праздника я видела совершенно не весёлого мужчину. Нет, он пил, ел, смеялся, временами даже шутил, но в его взгляде, устремлённом в сторону в то время, когда дамы были заняты беседой друг с другом, виделась тоска. Я всё больше убеждалась в том, что вижу человека, который чувствует себя чужим в кругу родных и близких. А это едва ли не хуже, чем моя собственная ситуация, когда родных и близких просто нет.

Такая картина была мне хорошо знакома. По опыту тех самых немногочисленных друзей, коллег по службе, которых мне доводилось видеть в семейном кругу. И о причинах я тоже знала хорошо. Наша профессия подразумевает высокий риск и строгую секретность. И то и другое приводит к тому, что раскрывать природу своих занятий, даже самым близким людям, строжайше запрещено. Нарушение данного запрета чревато серьёзными последствиями как в работе, так и в личной жизни. Ибо слишком удобно надавить на агента, получив сведения о его семье.

В итоге в общении с родственниками приходится постоянно выкручиваться, отмалчиваться и лгать. И уж конечно, поделиться своими проблемами, чувствами и переживаниями тоже

оказывается невозможно — разве только в совсем абстрактной, иносказательной форме. И чувству близости такие обстоятельства не способствуют.

Они о чём-то беседовали, шумно, но не более чем того позволяли приличия, распивали уже вторую бутылку шипучего вина. Я задумчиво ковыряла вилок очередное блюдо. И наступил момент, когда Нарцисс повернулся и с немалым удивлением обнаружил моё присутствие. Я безэмоционально отсалютовала ему осьминогом в чесночном соусе.

Что-то шепнув своим спутницам, агент поднялся из-за стола и подошёл ко мне.

— Привет.

Садиться без приглашения он не стал, остановился рядом, опустив одну руку на спинку моего стула.

— Привет.

— Не ожидал тебя здесь увидеть.

— Взаимно.

— Ты что-то празднуешь? — спросил он, немного помолчав.

— Скорее наоборот, — мрачно ответила я, не желая вдаваться в подробности.

Вновь воцарилось непродолжительное молчание. Родственницы Нарцисса то и дело бросали в нашу сторону заинтригованные взгляды, но этим их участие в нашей беседе ограничивалось.

— Ты молодец, — снова заговорил он. — Отлично справилась с ситуацией.

— Ничего особенного. — Я прекрасно поняла, что речь идёт о попытке похищения принцессы. — На самом деле, нам крупно повезло, что преступник был один. Я вырубилась ненадолго позже тебя, так что будь у него сообщник, нам всем бы пришлось несладко.

— Если бы был сообщник, они были бы вынуждены прибегнуть к более простым методам, — возразил Нарцисс. — Вряд ли сразу несколько человек могли бы получить иммунитет к сонной магии. А с простыми методами и нам было бы легче справиться. Так что не слишком-то и много тут зависело от везения.

Я безразлично пожала плечами, дескать, как скажешь.

— Как ты себя чувствуешь?

Информацию через Эстли я, конечно, получала исправно, однако ответ из первых уст — это всё же совсем другое.

— Отлично, — сказал Нарцисс с такой интонацией, словно и сам был удивлён этому факту. — Как будто ничего не было.

— После продолжительного сна наверняка приходится восстанавливаться, — заметила я.

— На это хватило двух дней.

— Чудесно. — Я улыбнулась.

Постояв ещё с полминуты, Нарцисс отпустил спинку моего стула.

— Прости, я должен вернуться к своим, — объяснил он.

— Не стоит извинений. — Я помахала ему рукой в знак того, что отпускаю, и он может без зазрений совести занять своё законное место в кругу родных.

Именно так он и поступил. Я продолжила поедать осьминогов, закусывая печёной картошкой, и даже пропустила момент, когда самая старшая из спутниц Нарцисса встала из-за своего стола и приблизилась к моему. Опомнилась, лишь заметив упавшую на тарелку тень.

— Прошу прощения. — Женщина широко и, как мне показалось, искренне улыбнулась. — Понимаю, что мы с вами не представлены, и потому моё поведение не вполне тактично, но я стремлюсь компенсировать таким образом ещё большую бестактность, допущенную моим сыном. Было в высшей степени невежливо с его стороны не пригласить вас за наш стол. Вы должны его простить: мы отмечаем семейный праздник (моя старшая дочь скоро выходит замуж), и он побоялся, что она окажется против общества кого-либо не из семьи. Большая ошибка с его стороны. Мы всегда рады друзьям моего сына, тем более что их совсем не много.

Я несколько напряглась от такого напора. Конечно, мне ничего не стоило присоединиться к весёлой компании, пусть даже в основной своей массе незнакомой. Однако я сильно сомневалась, что это нужно самому Нарциссу. Я лишь уверилась в своих сомнениях, бросив взгляд в его сторону и увидев, с каким напряжением он следит за нашим общением.

— Благодарю вас, леди. — Не зная статуса собеседницы, я, как и положено, выбрала наиболее внушительное обращение из возможных. — Но я действительно не хотела бы нарушать ваше семейное уединение. Право, меня нисколько не тяготит моё временное одиночество.

Но женщина была неумолима.

— Нет-нет, я настаиваю, — с улыбкой, делающей любое возражение крайне невежливым, заявила она. — Не хочу слышать никаких отговорок. И вы нисколько не мешаете нашему уединению. Мы будем очень рады в кои-то веки пообщаться со знакомой Джозефа.

«Стало быть, Джозеф — его настоящее имя», — мысленно отметила я, вынужденно следуя за женщиной. Расторопный слуга, вовремя оценив ситуацию, двигался за нами, перенося заказанные мною блюда на столик, за которым проходило семейное празднество.

— Прошу вас.

Другой слуга уже пододвигал специально принесённый для меня стул.

— Меня зовут Леана Кантри, — представилась мать Нарцисса. — А это мои дочери, Амалия и Луиза. Амалия на следующей неделе выходит замуж.

— Примите мои поздравления, — обратилась я к старшей из двух сестёр.

— Благодарю вас.

Девушка ответила вежливо, но сдержанно, подтвердив тем самым мои предположения о её темпераменте, основывавшиеся главным образом на физиогномике.

— А вы?.. — Леана призывно улыбнулась, предлагая мне также назвать себя.

— Дейзи Корбетт. — Я тоже назвалась настоящим именем, взяв фамилию из своей последней легенды. Тем более что фальшивой она, строго говоря, тоже не являлась: я ведь действительно была на данный момент графиней Корбетт благодаря основательности кардинала.

— Очень приятно, — ответил нестройный хор голосов.

Девушки косились на брата с двусмысленными улыбками, он же явно чувствовал себя не в своей тарелке.

— А где вы познакомились с Джозефом? — полюбопытствовала Леана с таким выражением лица, каким я бы, несомненно, осталась очень довольна, если бы намеревалась выскочить за Нарцисса замуж — Вы вместе работаете?

— Д-да, — согласно кивнула я, бросая быстрый взгляд на коллегу. — Что-то вроде того.

Нарцисс плотно сжал губы.

— Удивительно! — всплеснула руками Леана. — Должно быть, совсем не просто для женщины работать в королевском казначействе.

Теперь Нарцисс буквально буравил меня взглядом. Интересно, неужели он всерьез думает, что я вот сейчас возьму и сообщу его домашним, что ни в каком казначействе их сын и брат не работает, а служит в месте совершенно иного рода?

— По-своему непросто, — улыбнулась я, — но, знаете, мне с самого детства нравилось решать математические задачи.

Нарцисс на пару секунд прикрыл глаза, после чего, позволив себе наконец слегка расслабиться, пригубил золотистое вино из бокала.

— Но дело не только в этом, — покачала головой Леана, не обратив внимания на реакцию своего сына. — Я и секунды не сомневаюсь в том, что такая умная девушка, как вы, справляется с сутью работы. Но есть ведь и дополнительные сложности. Ведь вряд ли я ошибусь, если предположу, что у вас на службе очень мало женщин?

Я на секунду прикинула, какого положения дел в этом отношении можно ожидать от казначейства.

— Мало, — улыбнулась я. — Почти что нет.

— Вот видите! Должно быть, очень сложно работать в окружении одних только мужчин.

— Ну, это скорее достоинство, чем недостаток, — хихикнула младшая сестра.

— Далеко не всегда, Луиза, — строго возразила Леана. — И потом, как же распорядок дня? — продолжила перечень сложностей она. — Скажите, леди Дейзи...

— Просто Дейзи, — поправила я, слегка поморщившись.

Леана улыбнулась, кажется, весьма довольная такой поправкой.

— Дейзи, — повторила она, — вы так же редко бываете дома, как Джозеф? Вам тоже приходится срываться с места по первому зову, в любое время суток, даже глубокой ночью?

— И оставаться ночевать на работе? — подхватила старшая сестра. — А то и вовсе по несколько недель проводить в поездках?

И она покосилась на брата в высшей степени неодобрительно.

К счастью, соображать быстро я умею: род деятельности обязывает.

— Увы, бывает по-всякому, — кивнула я. — Понимаю, возможно, это покажется странным для службы в казначействе. Но, видите ли, тут всё дело в том, чьей казной приходится заниматься. К примеру, у какого-нибудь провинциального графа дел будет не слишком много, если только он не успел довести себя до грани разорения. А королевское казначейство — дело другое. Тут речь идёт о государственной службе, и спрос с работников соответствующий. Ведь почти любое королевское решение так или иначе повязано с казной. Будь то введение нового налога, организация праздничного пиршества или отправление воинов на границу, — всё должно быть согласовано с казначейством. И поскольку политика — дело, которое ни на минуту не прекращается ни днём ни ночью, несладко приходится и нам.

Леана понимающе покивала. Но Амалия, кажется, относилась к особенностям работы брата не столь снисходительно.

— А вам не кажется, что... — начала было она, и я ничуть не сомневалась, что за таким вступлением последует какое-нибудь критическое замечание.

Однако договорить ей не дали.

— Амели, тебе не кажется, что настала пора сменить тему и предоставить нашей гостье посидеть спокойно? — вмешался Нарцисс. — По-моему, вы слегка утомили её расспросами о службе.

— Да-да, сынок, ты совершенно прав, — покаянно подхватила Леана, в то время как Амалия несогласно поджала губы.

Атмосфера за столом стала несколько напряжённой.

— Когда состоится ваша свадьба? — светским тоном осведомилась у старшей сестры я. И, лишь начав говорить, заметила, как Леана тоже приоткрыла было рот в намерении что-то сказать. Не одна я стремилась разрядить обстановку.

— Через неделю. — Амалия сдержанно, но всё-таки улыбнулась.

— Так скоро! — воскликнула я, изображая энтузиазм. — И кто же счастливец?

Девушка нахмурилась, силясь понять, искренне я говорю или издеваюсь, но вежливое выражение моего лица ответа на этот вопрос не давало.

— Гарольд Флаффи, — ответила за неё мать. — Очень милый молодой человек. Умный, хорошо воспитанный, обходительный.

«Чего никак не скажешь о вашем сыне», — чуть было не добавила я, но вовремя сдержалась. Впрочем, как выяснилось, не у меня одной возникло желание язвить.

— И скучный! — продолжила перечень качеств жениха Луиза.

Леана неодобрительно поджала губы.

— Много ты понимаешь! — фыркнула Амалия.

Луиза беззаботно пожалала оголёнными плечиками, отнесшись к ситуации с юношеской непосредственностью.

— Моя сестра не в восторге от моего жениха, — сообщила Амалия неожиданно доверительным и беззлобным тоном.

Я усмехнулась, поддерживая такую инициативу по перемирию.

— Вы знаете, на мой взгляд, это совсем не плохо. Было бы куда хуже, если бы ваша сестра была от него в восторге, — рассудительно заметила я.

Женщины рассмеялись. Нарцисс тоже улыбнулся, но лишь самыми уголками губ.

— На самом деле, с Гарольдом вовсе не скучно, — поспешила заверить меня Леана. — Совсем напротив. Он дворянин и получил соответствующее образование. О нет, происхождение само по себе не имеет для меня равным счётом никакого значения, — поспешила пояснить она, отчего-то смутившись. — Я лишь имела в виду, что оно отразилось на воспитании Гарольда. С ним можно поговорить на самые разные темы.

Она даже слегка покраснела, я заметила это, несмотря на покрывавший скулы и щёки Леаны макияж. Ох, не к добру это! Почему ей было так важно подчеркнуть, что род и титул в её глазах несущественны? Сдаётся мне, причина в том, что я сама не представилась как леди, да и понятно, что дворянка служить в казначействе не стала бы.

Иными словами, на меня потихоньку примеряют роль, аналогичную роли этого самого Гарольда. Иными словами, образ избранницы Нарцисса. М-да, с этим ещё придётся как-то разбираться... С другой стороны, чем я виновата? Я просто имела неосторожность посетить ту же ресторацию!

— А почему лорда Флаффи нет с вами? — Я решила сконцентрировать всеобщее внимание на браке Амалии и Гарольда, тем самым отвлекая Леану от мыслей о будущем сына. Похоже, манёвр сработал, поскольку именно она ответила на вопрос.

— Мы решили в последний раз посидеть в семейном кругу, — улыбнулась она. — Когда нам ещё доведётся сходить куда-нибудь такой компанией? А вдоволь пообщаться с Гарольдом Амалия успеет.

Теперь в её голосе слышалась и грусть. Оно понятно: замужество дочери — событие радостное, но, с другой стороны, вместе с ним приходит и расставание, а это уже совсем не так весело.

— К тому же сейчас он занят, — добавила Леана. — Но непременно навестит нас сегодня вечером.

Похоже, она сочла, что следует приправить свои слова долей бодрости и оптимизма.

Дальше беседа плавно перетекла в иное русло. Не так чтобы совсем уж безопасное, но, во всяком случае, не чреватое столь сильным всплеском эмоций. Мы немного поговорили про разностороннее образование, потом (с небольшим опозданием для светской беседы) перескочили на погоду, обсудили новую инициативу дамского кружка по защите животных, радевшего за благополучие енотов (отчего-то именно эти животные были особенно выделены сердобольными аристократками из общей массы), и, конечно, коснулись моей биографии (как

же без этого?). Я сообщила, что родом из Эрталии, поскольку не видела причин лгать. К тому же вкрапление в легенду правдивых фактов о себе, как правило, является залогом её успеха, ибо придаёт достоверности. Пришлось, однако же, сказать, что я давно переехала в Ристонию, ибо навряд ли подданную другой страны взяли бы на службу в королевское казначейство.

Затем моим случайным сотрапезникам наступила пора возвращаться домой. Амалия напомнила родным, что Гарольд будет у них примерно через полчаса.

Нарцисс и его домочадцы засобирались, и я уже приготовилась свободно вздохнуть, как вдруг Леана озвучила следующую идею:

— Дейзи, дорогая, а почему бы вам не поехать вместе с нами?

Мы с Нарциссом приблизительно одинаково восторженились.

— С нами? — хмурясь, переспросил агент.

— Конечно. — Это слово было произнесено таким тоном, будто предложение Леаны действительно само собой разумелось. — Дейзи могла бы выпить у нас чаю и заодно познакомиться с Гарольдом.

— Нет-нет, — поспешила отказаться я. — Уверена, лорд Флаффи захочет провести время с семьёй своей невесты. Моё присутствие будет неуместно.

— Как раз напротив, — горячо возразила Леана.

Она устремила взгляд на старшую дочь, ища поддержки. Увы, мои чаяния не оправдались: Амалия также ничего не имела против моего общества.

— Вы наша гостья, отмечаете вместе с нами скорую свадьбу Амалии, — привела очередной аргумент Леана. — Поэтому, раз дальнейшее празднование переносится отсюда к нам домой, вы должны непременно поехать с нами.

— Но уже поздно! — предприняла последнюю попытку сопротивления я.

— И правда, — подхватил Нарцисс. — Если Дейзи отправится вместе с нами, возвращаться ей придётся в совсем поздний час. В такое время молодой девушке непристойно ездить одной.

— Ты совершенно прав. — Леана победоносно улыбнулась, и я заподозрила неладное. — Поэтому Дейзи переночует у нас. А уже завтра благополучно вернётся домой. Не правда ли, дорогая?

Глава 9

Дом, в котором проживало семейство Кантри, находился в весьма престижной части города. Он располагался в центре, недалеко от главной городской площади и королевской резиденции, но прятался в одном из тихих переулков, жителям которых не приходилось страдать от постоянного гомона голосов и цокота копыт беспрерывно проезжающих мимо лошадей.

Обстановка была богатая, хотя до дворца, конечно же, далеко. Последнее проявлялось не только в масштабах, но и в том, как был обставлен дом. Один элементарный пример: здесь отсутствовала библиотека. Нет, книги были, но они стояли на полках и в шкафах в разных комнатах. А вот единого помещения, специально отведённого сугубо под стеллажи с книгами,

не обнаружилось. В то время как в любом дворянском доме библиотека присутствовала обязательно.

Я вовсе не хочу сказать, что все дворяне поголовно увлекаются чтением, в то время как простые люди не ведают, что это такое. Во все нет. Просто в резиденциях аристократов библиотека является своего рода непременным атрибутом, как коллекция оружия на одной из стен или олени рога на другой (уж не спрашивайте меня, что именно последний элемент интерьера призван символизировать).

Дом оказался двухэтажным (собственно говоря, выше подобные городские дома, как правило, и не бывали). Основная часть жилых комнат располагалась именно на втором этаже. Здесь находилось шесть спален с прилегающими к ним ванными комнатами. Четыре спальни хозяев дома и две гостевые, обе из которых оказались на сегодняшнюю ночь занятыми: одна — мной, вторая — Гарольдом Флаффи. Последнего гостеприимная Леана также не намерена была отпустить. Впрочем, его это, похоже, вполне устраивало.

Никакого особенного впечатления жених Амалии на меня во время чаепития не произвёл. Да, мужчина, да, воспитанный, достаточно молодой, манеры хорошие. Не больше и не меньше.

Вечером, едва приличия позволили отговориться усталостью, я отправилась в свою комнату. Вскоре негромкие шаги и хлопанье дверей возвестили меня о том, что остальные последовали моему примеру. Но и тогда спокойно отдохнуть мне не дали. Стоило общему шуму в коридоре окончательно улеться, как в мою дверь постучали.

— Гарольд? — громким шёпотом спросила я, прильнув к двери. — Заходи скорее!

Дверь распахнулась, и я с чувством глубокого удовлетворения узрела на пороге совершенно ошалевшего Нарцисса.

Впрочем, возмущённо спросить, что бы это значило, он не успел: ответ читался в моём насмешливом взгляде.

Округлив глаза в знак неодобрения, он вошёл в комнату и прикрыл за собой дверь.

Надеюсь, он не предложение мне делать собирается? А то с учётом сегодняшнего стремительного развития событий я, кажется, даже такому повороту не удивлюсь.

Но нет, какими бы ни были тайные и явные планы Леаны, Нарцисс их, по-видимому (и к счастью), не разделял.

— Спасибо, — просто сказал он, когда мы оба отделились от двери, пройдя в глубь комнаты.

— Не за что, — откликнулась я, не став делать вид, будто понятия не имею, о чём идёт речь.

— Есть, — убеждённо возразил он.

— Мы все бываем уязвимы, — откликнулась я. — К тому же я знаю, что это такое — общаться с семьёй, умалчивая о нюансах нашей профессии.

Говорила, ясное дело, тихо, чтобы кто-нибудь из вышеупомянутой семьи случайно не услышал (ну мало ли, вдруг чьё-нибудь ухо в силу неизведанного до сих пор природного катаклизма присосало к замочной скважине!).

— Тебе тоже приходится скрывать всё от родных? — понимающе спросил Нарцисс.

Не угадал.

Я покачала головой:

— У меня их нет.

— Прости. Прими мои соболезнования.

— Это было давно, — отмахнулась я. С таким небрежным видом, будто от этого легче. В любом случае не хочу, чтобы мне лезли в душу. И раскрываться перед посторонними не хочу. Не потому, что это может навредить мне профессионально. В данном случае не может. Просто не хочу, и всё.

— К тому же мне ничего не стоило подыграть, — поспешила сменить тему я. Точнее, не столько сменить, сколько направить в иное русло.

— Мы испортили тебе день, — возразил Нарцисс.

Или Джозеф? Нет, Нарцисс мне всё-таки как-то привычнее.

— Вот об этом ты точно можешь не тревожиться, — рассмеялась я, и в моём смехе не было ни грамма фальши. — День у меня был так себе. А у тебя, похоже, очень дружная семья. Подводных камней я, конечно, не знаю, но с ними приятно пообщаться.

— Я рад. — Он тоже, похоже, говорил искренне.

— Только есть одна проблема, — решила добавить непременно ложку дёгтя я. — По-моему, твоя мать видит во мне потенциальную невестку. Уж не знаю почему: самой себе я никогда не казалась идеальной кандидаткой в жёны. Сам понимаешь: при нашем образе жизни такое вообще маловероятно. Но, кажется, Леана старается превратить меня из потенциальной невестки в будущую. Так что с этим придётся как-то разобраться. И вероятнее всего, тебе.

— Ничего, я что-нибудь придумаю, — усмехнулся Нарцисс. Новостью мои слова для него явно не стали: видимо, он успел сделать те же самые выводы на сей счёт. — Сам же и виноват. Подошёл к тебе, поздоровался, да ещё и в ответ на расспросы объяснил, что мы вместе работаем. Думал, это будет наилучший способ отговориться.

Мы помолчали. Было очевидно, что «способ отговориться» сработал совершенно иначе.

— Королевское казначейство — это хорошее прикрытие, — сфокусировалась на положительном я. — Можно объяснить и высокое жалованье, и связи, и частые отлучки.

Нарцисс как-то неопределённо качнул головой, наверное, рассеянно соглашаясь с моими доводами.

— Можешь не сомневаться: над этой легендой работало не меньше семи человек, — усмехнулся он затем. — Так что это не моя заслуга.

На моих губах вдруг заиграла игривая улыбка.

— А хочешь, сделаем твоей матери приятное? — предложила я.

Нарцисс поглядел на меня с любопытством.

— Что, поженимся? — рискнул предположить он.

— Не угадал. Готова держать пари, что если ты останешься ночевать в моей спальне, об этом обязательно узнают.

Нарцисс ухмыльнулся, непроизвольно бросив взгляд на дверь.

— Ни малейших сомнений, — согласился он, оставив меня без заведомо выигрышного пари. — И чем будем заниматься? Тем, что напрашивается в первую очередь? Или просто спать? Или играть в кости? Или, к примеру, в вопросы и ответы?

В его глазах мелькнула хитринка, да и вообще в последнем варианте содержался вызов, который я отчего-то захотела принять.

— Можно попробовать и последнее, — откликнулась я, мысленно отметив, что перейти к первому мы всегда успеем.

— Отлично.

Нарцисс бесцеремонно (как будто у себя дома, право слово!) забрался в глубокое кресло с ногами. Я последовала его примеру, вольготно устроившись на предоставленной в моё распоряжение кровати.

— Так почему же всё-таки тебя зовут Коброй? — не преминул задать давно интересовавший его вопрос агент.

Я рассмеялась:

— Боюсь, всё не так интересно, как ты думаешь.

— И тем не менее я заинтригован.

Я передёрнула плечами:

— Как знаешь. В общем, дело было пару лет назад. Двоих наших взяли в плен. К войне это отношения не имело, она к тому времени уже закончилась. Просто банда, очень жестокая и до крайности обнаглевшая. С ней срочно следовало покончить, но сначала необходимо было вытащить заложников. В этом состояла наша задача — моя и моего напарника. Группа захвата ожидала поблизости. У них был приказ никак не проявлять своё присутствие до тех пор, пока заложники не окажутся на свободе. Я тогда приблизилась к логову под видом священника. Закуталась в плащ, низко надвинула капюшон. А когда совсем близко подошла к охраннику, караулившему вход к заключённым, резко ударила его ножом. Отсюда и пошло прозвище. Кобра, потому что с капюшоном и жалом.

— Заложников освободили? — полюбопытствовал Нарцисс.

— А как же, — кивнула я.

С большей уверенностью, чем испытывала в своё время. Когда всё это происходило, до гарантии успеха было далеко. Дело было, мягко говоря, нервное. Освободить заложников вообще непросто, как физически, так и эмоционально, а когда это ещё и свои люди... Но нам

повезло, и операция прошла успешно.

— Ну а ты? — осведомилась я, прищурившись и склонив голову набок. — Откуда появился Нарцисс? Только не говори, что это не маска и ты просто действительно такой и есть.

Он загадочно ухмыльнулся. Не напоказ, разводя таинственность, а скорее как человек, которому есть что рассказать, но он не рвётся это делать.

— Ты будешь разочарована, — с некоторой долей не вполне объяснимой грусти отозвался он. — Никакой особенной истории, как в твоём случае, за этим прозвищем не стоит. Скажем, просто мне так нравится.

Не скрою: такой ответ действительно несколько меня разочаровал. Но не пытаться же его, в самом деле! Тем более что предыстории и правда может не быть. Ну, обозвал его так кто-то — и прижилось. Не редкость.

— Знаешь... — Нарцисс смотрел куда-то в сторону. Голос его стал серьёзным, и он даже непроизвольно изменил позу: спина распрямилась, а ноги соскользнули с кресла. — Несколько лет назад у меня было задание. Из застенков сбежал грабитель, рецидивист. Надо было его найти. На след я вышел довольно легко. Он далеко успел уйти от места заключения, и поиски привели меня в Тагорн. Это один из крупнейших городов в Ристонии, ну ты-то точно знаешь. Там легко затеряться, много значных мест, но и искать мы умеем. Словом, я шёл по следу. И тут, в одном из центральных кварталов, повстречался мне старый приятель. Туда-сюда, чуть-чуть поговорили, оказалось, что он живёт совсем рядом. Ну, предложил зайти, выпить за встречу. А я двое суток на ногах, практически без сна. Вот и решил: зайду, отдохну полчаса, кофе выпью. Алкоголь, не думай, трогать не собирался. Ну а потом, с восстановившимися силами и посвежевшей головой отправлюсь дальше. По моим расчётам, мне недолго оставалось охотиться на того парня.

Я слушала, затаив дыхание, отлично понимая, насколько важный наступил сейчас момент. Обычно мужчины, тем более такие, как Нарцисс, не рассказывают женщинам о том, что могут чувствовать себя уставшими, невыспавшимися, нуждаться в чашке кофе... Словом, о том, что они тоже живые люди из плоти и крови, а вовсе не эдакий сгусток мышц и сомнений.

— Я принял приглашение. Мы просидели и проговорили даже не полчаса, а минут сорок. И выпили далеко не одну чашку кофе.

— И что? — нахмурила брови я, чувствуя подвох. — Твой приятель оказался сообщником парня, которого ты ловил?

— Нет. — Нарцисс улыбнулся, горько, словно как раз в этом случае всё было бы хорошо. — Мы просто посидели и разошлись, и я отправился ловить своего подопечного. И уже в скором времени вышел на его логово. Оно находилось в одном из тех самых значных мест. Ветхий дом, давно уже запущенный, с покосившейся крышей. Вот только преступника там уже не было. Мы разминулись совсем чуть-чуть. Он успел побывать в доме и ушёл где-то за полчаса до меня. Так я понял из рассказа соседки. Но я его не потерял. След нашёлся, и я пошёл дальше. — Нарцисс помолчал, словно не хотел больше ничего говорить, но продолжение было неизбежно. — Прямо оттуда он отправился в ювелирную лавку. Ограбил её, чтобы с драгоценностями сбежать за границу. До Эркландии было не слишком далеко, а там, сама понимаешь, несложно потеряться. — Ещё одна пауза, на этот раз короткая. — В лавке он убил двух человек. Ювелира и его пятилетнюю дочь.

Я почувствовала, как что-то сжалось внутри, и отвела глаза. Теперь многое становилось

понятно.

— Прежде он не совершал убийств, — глухо продолжил Нарцисс. — Или, по крайней мере, об этом не было известно. Но тут, видимо, близость свободы и страх снова попасться сделали своё дело. Он торопился и хотел уйти любой ценой.

— Он ушёл? — Мой голос разбил воцарившуюся снова тишину.

Нарцисс криво усмехнулся одним уголком рта:

— Нет, конечно. Я его нагнал. У самой границы. Может быть, даже на той стороне. Я не вдавался в такие тонкости.

— Ты арестовал его? — подозрительно покосилась на агента я, не исключая совсем другой исход.

— Да, — бесцветным голосом ответил тот. — Правда, кажется, немного покалечил. Но это не так уж принципиально, верно? Всё равно за убийство, тем более убийство ребёнка, полагается смертная казнь.

Я с грустью смотрела на коллегу. Теперь мне не нужно было спрашивать, зачем он рассказал эту историю и какое отношение она имела к теме полученных нами прозвищ. Всё и так было понятно. Быть Нарциссом действительно комфортнее, чем Джозефом. Нарцисс сосредоточен на самолюбовании. Его не мучают угрызения совести, не гложут воспоминания. Ему чуждо самокопание и размышления о том, что бы произошло (или не произошло), поступи он так, а не иначе. Нарцисс — это маска. Но маска, надетая в первую очередь не для окружающих, а на тот случай, если понадобится посмотреть на себя в зеркало.

— Ты ведь и сам понимаешь, что мы не в силах предвидеть всех последствий наших поступков, — озвучила совершенно тривиальную истину я. — Иногда задержка оказывается роковой, а иногда, наоборот, слишком раннее появление может иметь страшные последствия. Тут мы бессильны.

— Я повторил себе это достаточно много раз, — с ухмылкой закатил глаза Нарцисс. — Поверь: в том, что касается рационального анализа происшествий, я могу дать фору многим своим коллегам. Но что толку? Факт остаётся фактом: если бы я не задержался тогда, те двое бы не погибли.

Я опустила глаза. Что ещё можно сказать в такой ситуации? Да в общем-то ничего.

Нарцисс встал с кресла и, как будто испытав при этом чувство облегчения, прошёлся по комнате, потом, остановившись, провёл ладонью по столику.

— По-моему, игра в вопросы и ответы получается у нас как-то не очень, — признался он.

Я не была уверена, что он прав, но для того, чтобы оспаривать его слова, момент уж точно выдался неподходящий.

— У нас были и другие варианты, как провести время, — заметила вместо этого я, поднимаясь с кровати.

Подошла к Нарциссу со спины и положила руки ему на плечи. С силой сдавила их и принялась разминать, всякий раз отводя назад, заставляя тем самым распрямить позвоночник. Он шумно

выдохнул, с наслаждением откинул голову назад. Чёрные волосы коснулись моих пальцев, упали на чуть вспотевшую рубашку. Я плавно опустила руки, взялась за края рубашки и потянула вверх. Нарцисс послушно поднял руки и, когда голова его уже освободилась от белой ткани, сам стянул рукава. Развернулся, переступил через рубашку, лежавшую теперь на полу, и шагнул ко мне.

— Только ради твоей матери, — шепнула я ему на ухо.

Он усмехнулся, впервые повеселев.

— В таком случае придётся порадовать её по полной, — так же тихо предупредил он и поцеловал меня в шею.

— Главное — не звать в качестве свидетеля, — выдохнула я, запрокидывая голову и закрывая глаза. — Всё равно к утру хоть кто-нибудь да доложит.

— Даже не сомневайся.

Так и не размыкая век, я почувствовала, как слетел к моим ногам расшнурованный корсаж. Горячее дыхание Нарцисса, придерживавшего одной рукой мою откинутую голову, обдало жаром грудь. Потом меня подхватили на руки и перенесли на кровать (предназначавшуюся для меня, а не для него, между прочим, но возражать было как-то поздно). Губы Нарцисса заскользили по соблазнительным холмикам, вздымавшимся над корсетом, руки обхватили моё тело. Лёгкая ткань камизы позволяла раздвинуть ноги, чтобы обвить ими бёдра мужчины. Мягкие касания, в ходе которых мы удерживали себя в рамках, были недолгими. Вскоре Нарцисс перевернул меня на бок и принялся остервенело расшнуровывать корсет. Всё-таки современным мужчинам требуются весьма продвинутые способности для того, чтобы самостоятельно раздеть женщину, не прибегая при этом к помощи горничных или, того лучше, друзей и сочувствующих. Иногда в мою душу закрадывается подозрение, что они обучаются этому в специальных учебных заведениях.

Едва моя грудь оказалась доступна, руки и язык Нарцисса сосредоточились исключительно на ней. Я запустила пальцы ему в волосы, рискуя вырвать пару-тройку клоков, но он этого скользкого момента, кажется, даже не заметил. Затем, не в силах больше тянуть, я постаралась сползти пониже, борясь с прижимающим меня к кровати телом, нащупала брючный ремень, расстегнула и просунула руку туда, куда позволяли теперь свободно сидящие штаны. Обхватила пальцами то, до чего, собственно, и пыталась дотянуться. Шумно выдохнув, Нарцисс выпустил из клетки ласк мою грудь и с усиленным рвением принялся помогать мне ликвидировать брюки.

После этого не прошло и нескольких секунд, как мы соединились, алчно впитывая душу и тело друг друга. Выжимая все соки, но возвращая долг сторицей, расплачиваясь собственными ресурсами и собственной энергией. Я ласкала его спину, целовала губы, плечи и грудь, тёрлась носом о разгорячённую кожу, проводила по ней языком, слизывая крохотные капельки пота и снова целовала в губы, прогибаясь под его напором и подаваясь вперёд — изо всех сил, всем телом стремясь к нему навстречу, стараясь дать всё, что только было в моей власти при нынешних обстоятельствах. Дать большего я не могла. Ни повернуть время вспять, ни воскресить ту девочку, ни сделать так, чтобы он разминутся с тем своим приятелем на несколько минут. Могла лишь помочь ему забыть об этом на время, поспособствовать тому, чтобы начисто отключился мозг и стучащая в висках кровь заглушила любые, даже самые громкие или навязчивые мысли. Чтобы в этот короткий, но от того не менее яркий отрезок

времени желание вытеснило все прочие чувства, не позволяя ни на мгновение отвлечься от совершаемого действия.

Думаю, мать Нарцисса осталась бы довольна.

Глава 10

Ночь оборвалась внезапно, значительно раньше, чем за окнами забрезжил рассвет. Топот ног и женские крики в коридоре раздались буквально за несколько секунд до того, как в нашу комнату ворвалось пятеро вооружённых мужчин.

Нет, конечно, за несколько секунд можно успеть достаточно многое. Я, например, благополучно натянула свои «кинжальные чулки», каждый из которых сверху заканчивался ремешком, на который относительно удобно крепился короткий кинжал. Нарцисс тоже успел что-то прихватить с ближайшей полки, хотя что именно, я не разглядела. В спальню уже вломились несколько громил, и нас в буквальном смысле слова вытащили из кровати. Можно было, конечно, попробовать дать отпор, но численный перевес был на их стороне, кроме того, у них имелось огнестрельное оружие. И наконец, мы не знали, что происходит снаружи. Поэтому предпочли не оказывать сопротивления и вместо этого относительно спокойно отправиться туда, куда нас повели. Как оказалось, на первый этаж, в ту самую гостиную, где мы уютно и по-домашнему пили чай всего несколько часов назад.

Помимо нас, сюда же свели всех обитателей дома — Леану, обеих сестёр, горничную (единственную служанку, жившую здесь же), а также жениха Амалии. Вооружённых людей, ворвавшихся в дом по непонятной пока причине, я насчитала десятерых. Последний, одиннадцатый, с хамоватым видом восседал в хозяйском кресле с самой высокой спинкой — традиционный признак статусности. Имелось ли у него оружие, я со своего не слишком удобного для обзора места понять не могла. Не знала и того, все ли громилы собрались в гостиной или же кто-то остался караулить у дверей.

Всех нас — пять женщин и двоих мужчин, волей судьбы оказавшихся пленниками в доме Кантри, — рассадили широким полукругом. Несколько человек с мушкетами стояли к нам лицом, с обеих сторон от расположившегося в кресле главара. Остальные держались у нас за спинами, вытащив из ножен мечи. Да-да, не аристократические шпаги для дуэлей, а именно мечи, используемые на войне — ну и при вооружённом нападении, конечно, тоже.

Мозг быстро фиксировал детали — расположение врагов, их весовые категории, рост, наличие дополнительного оружия, — а параллельно работал над решением нетривиальной задачи: в чём причина столь внезапного нападения? Единственная более-менее логичная версия, какую удавалось выдвинуть при имевшейся в моём распоряжении информации: этим людям понадобился Нарцисс. Учитывая род его деятельности и если предположить, что кто-то выследил агента и связал самовлюблённого красавчика-Нарцисса с казначеем Джозефом Кантри, вывод вполне логичный. Вот только чего конкретно они хотят? Убить его до сих пор не попытались, значит, цель не в этом. Заставить действовать в их интересах путём шантажа? Это представлялось наиболее вероятным.

Меж тем главарь обвёл всех нас пристальным взглядом (в котором мне лично виделось столько позёрства, что аж зубы свело) и, к моему немалому удивлению, обратился вовсе не к Нарциссу, а... к Гарольду.

— Ну что, Флаффи, — последнее слово он произнёс с такой интонацией, словно это была не фамилия, а прозвище, — ты очень сильно меня разочаровал.

— Джером, позволь, я всё тебе объясню, — дрожащим голосом проговорил заметно побледневший жених.

Думаю, никто из нас не отличался сейчас здоровым цветом лица, но Гарольд Флаффи и вовсе казался похожим на поднятый из могилы труп. Впрочем, в отношении себя он явно ожидал прямо противоположного действия.

— Не позволю! — неожиданно громко рявкнул тот, кого только что назвали Джеромом. И прежним искусственно миролюбивым тоном продолжил: — Ты говорил, что хочешь заработать. Заверял меня, что твои связи принесут пользу моему делу. Я поверил тебе. Дал чрезвычайно качественный товар. И что же? Где мои деньги?

— Но я ведь говорил, Джером, — практически заскулил Гарольд. — Я пытался, я правда пытался. Приложил все усилия, но мне не удалось! Тот человек, на которого я рассчитывал, в последнюю минуту отказался, а остальные не захотели идти на риск.

— Всё это лирика, — поморщился Джером. — Она мне неинтересна. Важно другое: я рассчитывал на прибыль, которую не получил. А я не люблю, когда не оправдываются мои ожидания. Это очень больно бьёт по карману.

Заложники напряжённо молчали, вслушиваясь в этот неожиданный диалог, наверняка казавшийся женщинам семьи Кантри совершенно диким. Нам с Нарциссом подобное было более знакомо, и, кажется, я уже догадывалась, какого рода «товар» Гарольд должен был сбыть по указанию рассеявшегося в кресле человека.

— Но я ведь вернул тебе порошок! — воскликнул Флаффи, подтверждая мои подозрения.

При этом он был так взвинчен, что попытался вскочить со стула, но тяжёлая рука одного из громил мгновенно легла на его плечо, заставляя сесть обратно и съёжиться от страха.

— Не весь. — Джером, в отличие от Гарольда, являлся прямо-таки олицетворением спокойствия. — Я недосчитался нескольких унций.

— Но я ведь давал порошок на пробу! — воскликнул Гарольд. — Не мог же я забрать его назад. Клянусь, я не взял себе ни песчинки!

— Меня это не интересует, — отрезал со скучающим видом Джером. — Я потерял деньги. Причём не только на недостающем порошке. Как я уже говорил, я не получил ожидаемую прибыль, а это очень плохо само по себе. С кем приходится иметь дело, — посетовал он, обращаясь к одному из своих сообщников, тому, что стоял от него по правую руку. Тот сочувственно покивал головой. — С тех пор как взяли Паромщика, работать стало невероятно тяжело. Ты кичился своими связями, — вновь повернулся к Гарольду он. — А на поверку оказался пустым местом.

— Я же просил дать мне ещё немного времени! Слово дворянина, я верну тебе весь долг! — взмолился Гарольд.

Зрелище Флаффи представлял собой весьма жалкое, но прямо скажу: у меня он ни капли сочувствия не вызвал. Нечего было идти на сделку с таким, как Джером; нечего было влезать в торговлю сиреневым порошком. К тому же парень подставил не только себя самого, но и людей из своего окружения. Раз влез в такие дела, хоть повременил бы, что ли, с женой!

— Слово дворянина мало для меня значит. — Джером скривил губы, будто ненароком сжевал

кислую ягоду. — Что же касается времени, да, помню, ты говорил, что выгодно женишься и заплатишь мне из приданого.

Ах вот оно что! Беру свои слова назад: теперь понятно, почему Гарольд не стал тянуть с браком.

— Однако, как видишь, ждать твоей свадьбы мне ни к чему, — продолжал Джером. — Я и сам могу взять всё, что полагается мне по праву. Кстати, которая из них твоя невеста? Вот эта?

Он вперил взгляд в Луизу. Та испуганно вжалась в спинку кресла.

Видимо, кто-то качнул головой или инстинктивно указал на истинную невесту, поскольку Джером понял свою ошибку и повернулся к старшей сестре:

— Стало быть, эта? Что ж, тоже хороша, хоть и постарше.

Амалии, кажется, очень хотелось сказать что-нибудь едкое в духе «благодарю за одобрение», однако она сдержалась, молодец. На Нарцисса же я и вовсе старалась не смотреть. Воображаю, как сильно он сейчас бесился, но уж кто-кто, а один из лучших агентов Кэмерона Этли сумеет сдержать себя в руках до нужного момента.

— Словом, как видишь, причитающееся тебе приданое мы возьмём и так. — Джером вновь обращался исключительно к Гарольду, словно больше никого в гостиной и не было. — Но мне этого мало. Мои интересы пострадали по твоей вине, за это надо платить. Поэтому я намерен взять и твои деньги тоже.

— Но у меня их нет. — Жених нервно сжал лежавшие на коленях руки. — Ведь именно поэтому мы и заговорили о приданом...

— Денег нет, — согласился Джером. — Разве только если продать твой дом, но это потребует слишком много времени. Согласись, я не смогу ждать результатов, сидя в этой гостиной, даже несмотря на то, что здесь очень уютно. — Он одобритительно оглядел стены комнаты. — Однако у тебя есть кое-что другое. Семейные драгоценности, которые ты всё-таки не решился ни продать, ни поставить на кон в игре.

По лицу Гарольда пробежала тень. Идиот, сейчас время за свою жизнь беспокоиться. Всё остальное — уже полнейшая ерунда.

— Их у меня нет, — пробормотал заплетающимся от страха языком парень.

— Ты хотел сказать, они хранятся не в твоём доме? — проницательно улыбнулся Джером. — Мне это известно. Ты держишь драгоценности в... как называется это нововведение, Викензо? — обратился он с вопросом всё к тому же сообщнику, стоявшему справа от него.

— Банк, — услужливо подсказал тот.

— Банк. — Джером благодарно кивнул, хотя я готова была поклясться, что нужное слово он ни на секунду не забывал. — Да-да. Странное заведение, призванное сохранить в неприкосновенности чужие богатства, но при этом будто намеренно привлекающее разбойников всех мастей.

Любопытно. Банки действительно появились совсем недавно. В Эрталии их было четыре, в

Ристонии, кажется, пять, а вот по поводу Эркландии я сомневалась: возможно, до них это новшество ещё не дошло. Одной из основных целей банков была даже не постоянная сохранность средств, а возможность перемещаться из города в город, не держа при себе крупные суммы. Ведь именно во время таких путешествий риск стать жертвой ограбления бывал особенно высоким.

— Но тебе не отдадут мои драгоценности, — решил подойти к ситуации с другой стороны Гарольд. — Тебя вообще не пустят в банк. Давай я отправлюсь туда сам. Слово чести: я вернусь и отдам драгоценности тебе.

Джером усмехнулся, выражая таким образом и мою собственную внутреннюю реакцию. Ага, вернётся он, как же! Да если бы Джером его отпустил, я бы, кажется, сама первая возмутилась. Хорош молодчик. Сам подставил собственную невесту и всю её семью заодно и сам же теперь нашёл способ сбежать, оставив остальных расхлёбывать то, к чему они не имеют, в сущности, никакого отношения.

— Хорошее предложение, — неспешно проговорил Джером. — Возможно, я бы даже принял его, если бы не подозревал, что чувства, испытываемые тобой к этой очаровательной девушке, — он устремил неприятно слащавый взгляд на Амалию, — могут оказаться недостаточно сильными. Боюсь, искушение сбежать одержит верх. Поэтому мы поступим иначе. В банк отправится мой человек.

— Но твоему человеку не отдадут драгоценности! — вскричал в отчаянии Гарольд.

Лазейка была так близка, но мышеловка снова захлопнулась, и оттого он чувствовал себя вдвойне несчастным.

— Моему человеку — нет, — и не подумал спорить Джером. — А вот твоему доверенному лицу, которое предоставит подписанную лично тобой бумагу, отдадут всенепременно.

По кивку его головы один из мужчин, до сих пор стоявший за нашими спинами, подошёл к Гарольду.

— Пиши, — велел Джером, и теперь в его тоне не осталось даже мнимого добродушия.

Горе-жених огляделся в поисках писчих принадлежностей. Оные в гостиной, похоже, отсутствовали, но такая мелочь, конечно же, не могла стать помехой для преступников.

— Девушка, будьте так любезны, принесите этому молодому господину бумагу, перо и чернила, — обратился к служанке Джером. — Саливан, проследи.

Ещё один мужчина, коротко кивнув, покинул комнату следом за до смерти перепуганной горничной.

Вскоре письмо было написано. Джером внимательно его прочитал, насколько я могла судить, дважды. Затем благосклонно кивнул и передал листок своему человеку.

— Иди. Анди, проводи его и смени на входе Конопатого. Пусть идёт сюда.

Значит, их двенадцать. Но этот сейчас уйдёт, стало быть, останется всё-таки одиннадцать.

— Но ночью вам никто не откроет! — предпринял последнюю попытку Гарольд.

— Я где-то слышал, что банки работают для своих клиентов круглые сутки, — заметил Джером, и по тону я поняла: он не мельком это слышал, а озаботился подробнейшим выяснением всех правил банка, равно как и исключений из оных. — Впрочем, если не откроют, мой человек дожждётся рассвета. Не так уж это и долго.

Я, как и многие, инстинктивно взглянула в окно. По сгустившейся давно темноте трудно было что-либо определить: мы всё же не на улице, тем более не в лесу, где каждая часть ночи имеет свои оттенки и запахи. Однако часы, естественно, присутствовавшие в гостиной, свидетельствовали о том, что до наступления нового дня остаётся около двух часов. Нестерпимо долго... или очень-очень коротко, особенно если рискуешь этот самый рассвет не пережить.

— И что теперь? — хриплым от продолжительного молчания голосом спросил Нарцисс.

Мне так до сих пор и не удалось поймать его взгляд, а слишком активно пытаться под бдительным оком Джерома я не рискнула.

— Ничего. — Последний как будто удивился заданному вопросу. — Будем сидеть так же, как сидели. Тихо, уютно, по-семейному. И ждать возвращения моего человека.

— Отпустите хотя бы женщин.

Нарцисс смотрел на главаря взглядом отчаянно храбрящегося человека, пытающегося скрыть даже от самого себя, насколько ему в действительности страшно. Бедняга. Ему ведь надо не только разрешить всю эту опасную и одновременно нелепую ситуацию, но и сохранить в тайне свою истинную профессию. Вот ведь задачка не для слабонервных! А главное, решения-то она не имеет. Конечно, если придётся выбирать между сохранностью тайны и жизнью близких, выбор падёт в пользу второго. Вот только потеря секретности чревата непредсказуемыми последствиями для всех. Об истинном роде занятий Нарцисса узнают не только его мать и сёстры, но и Гарольд, и служанка, и преступники. Как всё это аукнется — быть может, не сейчас, а через месяц или год, — вряд ли взялся бы предсказать даже сам кардинал.

— Останется Флаффи — ведь у вас, насколько я понимаю, претензии именно к нему, и я, — продолжал «нервничающий хозяин дома». — Разве этого недостаточно?

— Недостаточно, — спокойно ответил Джером, совершенно не намереваясь как бы то ни было обосновывать свой отказ.

— Хорошо, вы хотите, чтобы мы остались. — Я невольно восхитилась выдержкой Леаны. Она, конечно же, была напряжена, но при этом продолжала идеально ровно держать спину и высоко — голову и говорила чётко, холодно, без малейших ноток истерики. — Но госпожа Корбетт совершенно случайно оказалась сегодня в этом доме. Она — гостья, не имеющая к нашей семье никакого отношения. Быть может, вы отпустите хотя бы её?

— Гостья, не имеющая к семье отношения, но ночующая в спальне хозяина дома? — задумчиво протянул Джером, разглядывая бокал с вином, который получил уже давно, но за всё это время едва ли отпил и пару глотков.

— А по-вашему, совместно проведённая ночь свидетельствует о вхождении в семью? — с вызовом подала голос я.

— Нет, — признавая мою правоту, склонил голову Джером. — Пожалуй, я бы даже выполнил

вашу просьбу, госпожа Кантри. От вашей гостью мне и правда мало проку. Но рассудите сами. Допустим, я отпущу её. И как она поступит дальше? Правильно, побежит к стражам порядка.

— Совсем не обязательно, — возразила я. — Я поступлю так только в двух случаях: если я сверх меры глупа или сверх меры отважна. Не обладая этими качествами, я осознаю, насколько опасно вставать поперёк дороги такому человеку, как вы, и предпочту тихо пересидеть эту ночь у себя дома.

— Возможно. — Джером взглянул на меня с одобрением, его губы даже изобразили некое подобие улыбки. — Но я не могу позволить себе рисковать. Тем более, ваше выступление, барышня, наводит на мысль о том, что вы как раз не робкого десятка.

Я это понимала. Можно было бы сказать, что я выбрала неправильную линию поведения: выпускать из дома смелую женщину вдвойне опасно. Однако понимала я и другое: по доброй воле Джером не выпустит решительно никого. Поэтому своими репликами я преследовала совершенно иную цель. Я создавала себе характер, образ, в рамках которого планировала играть чуть позднее.

— Так что, стало быть, вы не отпустите даже её? — Нарцисс, покрасневшись, вскочил на ноги, до того резко, что даже стоявший рядом громила не успел вовремя его остановить. Амалия вскрикнула, Леана задержала дыхание в страхе за сына.

— Мерзавцы! Негодяи! Да как вы смеете! — восклицал хозяин дома в состоянии, весьма напоминающем истерику.

В отличие от его ближайших родственников, я наблюдала за происходящим не только с волнением, но и с интересом. Насчёт Джозефа Кантри я не знала, зато однозначно могла сказать, что Нарциссу подобное поведение, мягко говоря, не свойственно.

— Не люблю лишнюю суету, — поморщился Джером.

Дальнейшее было предсказуемо. Ближайший к Нарциссу громила ухватил его за ворот рубашки, хорошенько потряхнул и с силой толкнул в сторону. Там бедолагу перехватил другой сообщник Джерома и толкнул обратно. Пару раз они перекидывали парня друг другу, словно мяч, а потом первый швырнул его на пол. Тут подошёл третий и несколько раз стукнул хозяина дома ногой по рёбрам. Вряд ли кто-то обратил внимание на то странное обстоятельство, что Нарцисс не сгруппировался при ударе, а вместо этого вытянул руку вверх, словно пытаясь схватить громилу за голень. Женщины кричали, не участвовавшие в избиении бандиты были заняты тем, чтобы заставить заложниц сидеть спокойно, и на короткое время в гостиной воцарился хаос.

Затем Нарцисса отпустили, и он, постанывая и держась за живот, с трудом добрался до своего стула.

— Надеюсь, больше подобных глупостей не повторится, — равнодушно протянул Джером, за всё это время, кажется, даже не пошевелившийся. — В противном случае в следующий раз меры будут куда более серьёзными.

И он обвёл всех мрачным взглядом, оставлявшим мало сомнений в сказанном.

Девушки вновь вжались в спинки кресел, Леана была не столько испугана сама, сколько перенервничала за сына. Преступников волновали исключительно их преступные дела. И вряд ли хоть кто-то обратил внимание на тот любопытный факт, что один из швырявших Нарцисса

мужчин всё чаще почёсывал правое запястье, а тот, что бил его сапогами, — ногу чуть ниже колена. Что-то подсказывало мне, что и третий начнёт ощущать зуд в самом ближайшем будущем. Любопытно, каким веществом была пропитана та тоненькая иголочка, которой благополучно уколол их Нарцисс, и сколько пройдёт времени, прежде чем это вещество подействует. Узнать это наверняка я не смогу, а значит, настала пора действовать и мне.

— Не могли бы мы переговорить наедине? Буквально пару минут? — обратилась я к Викензо, в котором определила второго в иерархии преступника после Джерома.

Тот обменялся взглядом со своим прямым начальством. Джером едва заметно повёл плечом.

— Ну? — спросил Викензо после того, как меня, довольно грубо поставив на ноги, отвели в сторону.

— У меня к вам деловое предложение, — с места в карьер заявила я.

Мужчина окинул меня искренне удивлённым взглядом.

— Какое у вас может быть к нам предложение? — недоумённо проговорил он.

— Взаимовыгодное. — Я немного помолчала, разжигая его интерес. — Что скрывать, я хочу ещё пожить. Как-никак, я ещё молодая, красивая женщина, у меня многое впереди. Но я не глупа и отлично понимаю, что оставлять живых свидетелей вы не собираетесь.

Викензо хмыкнул, чуть скривив рот. Не так чтобы очень выразительно, но, учитывая обстоятельства, для подтверждения моей гипотезы вполне достаточно.

— Так вот, — мой тон был деловым, но указательный палец левой руки весьма легкомысленно накручивал локон, — я хочу предложить вам сделку. Вы не убиваете меня, а связываете и оставляете где-нибудь в доме, скажем, в одной из дальних комнат. — Я неопределённо махнула рукой. — Рано или поздно меня найдут. А я, со своей стороны, прямо сейчас обслуживаю вас и ещё кого-нибудь из ваших спутников.

— Обслуживаете? — приподнял брови Викензо.

— Бросьте, вы прекрасно всё поняли, — сердито нахмурилась я. — Не скажу, будто вы приводите меня в восторг, но я не ханжа, и жизнь дороже. Короче говоря, готова развлечь троих. Только одно условие: не одновременно, — поспешила вытянуть указательный палец я. Потом чуть-чуть подумала и, смилостивившись, добавила: — Но остальные двое могут посмотреть.

Теперь Викензо взирал на меня оценивающе. Давать ответ он не спешил, да и наверняка обязан был предварительно спросить разрешения у Джерома, но я по сальному взгляду читала: купился. Намеревался ли он оставить меня в живых впоследствии — дело другое. Вероятнее всего, он даже не собирался раздумывать над этим вопросом. Сейчас можно пообещать, а там как пойдёт. Конечно, заложницу можно при желании взять и силой, но безвольная жертва — это одно, а опытная, активная партнёрша — совсем другое.

— Троих, говоришь? — усмехнулся Викензо. — Ну, подожди минутку.

Препоручив меня очередному громиле, он зашагал к Джерому. Я возлагала большие надежды на этот разговор, в ходе которого главарь наградил меня весьма заинтересованным взглядом (впрочем, интерес этот был сугубо интеллектуальным, а не того рода, что у его помощника).

Всё-таки, пусть мы и имели дело с серьёзной организацией, это были не иностранные шпионы, а торговцы сиреневым порошком. Эту породу людей я знала довольно неплохо.

Так что не слишком удивилась, хоть и вздохнула с облегчением, когда Викензо, возвратившись и перекинувшись парой слов кое с кем из «коллег», бесцеремонно взял меня под локоть и повёл прочь из гостиной. Тот, кого звали Саливаном, вышел следом за нами.

К моему удовлетворению, в соседнем помещении мы не остановились, вместо этого миновали пару комнат и лишь затем прикрыв за собой дверь.

— Ну, показывай, что ты умеешь, — усмехнулся Викензо, сразу берясь за брючный ремень.

Никакой фантазии, право слово!

Саливан в предвкушении ухмылялся, уже раздевая меня глазами, но честно ждал своей очереди. Я порочно улыбнулась, лизнула указательный палец кончиком языка и провела им по губам. Медленно, но не слишком, чтобы заинтересовать, но не заставить своих недалёких «партнёров» потерять терпение. Затем плавно скользнула всё тем же пальцем по неглубокому вырезу камизы, коснулась руками груди, заставив тонкую ткань лечь плотнее и продемонстрировать имеющиеся округлости. Саливан сглотнул и с силой сжал спинку ближайшего стула, осознав, что дожидаться, пока старший закончит свои дела со мной, будет затруднительно. Викензо буквально рванул свой ремень.

Снисходительно улыбнувшись, я поставила ногу на табурет и стала плавно, дюйм за дюймом приподнимать подол камизы, демонстрируя одетую в тонкий чулок ножку.

В следующую секунду атмосфера в комнате радикально изменилась. Мой первый кинжал полетел в Саливана. С такого ничтожного расстояния попал бы и ребёнок. Смертельный полёт клинка занял меньше секунды. Саливан на миг расширил глаза, приподнял руку, но, так и не успев донести её до груди, рухнул на пол.

Викензо стоял ближе, но отреагировать не успел. Второй кинжал молниеносно появился в моей руке. Удар пришёлся прямо в сердце. Я успела выдернуть оружие прежде, чем потенциальный насильник упал к моим ногам.

Угрызений совести не было. Свой счёт я открыла уже давно. Поэтому сам факт убийства не смущал, а этих конкретных личностей жалеть не было абсолютно. По моему глубокому убеждению, туда им и дорога, тем более что в своём мнении я была не одинока. Точно к такому же выводу пришёл бы любой суд. Так что, арестуй я этих людей, они всё равно оказались бы в том же положении, что и сейчас, только чуть позже. Но я была не в той ситуации, чтобы позволить себе обходиться полумерами.

Не успела я очистить клинок, как в дверь тихонько поскреблись. Затем в нетерпении распахнули, и предо мной предстал третий член банды, имя которого мне узнать не довелось. Разумеется, я не дала ему времени опомниться и осмотреться. Кинжал снова пронзил грудь, и кровь громалы, которой в скором времени предстояло остыть навсегда, смешалась напоследок с кровью Викензо. Осторожно уложив тело на пол, я внимательно всмотрелась в темноту соседней комнаты, удостоверившись, что там больше никого нет, после чего заперла дверь на засов. Будем надеяться, что пройдёт хотя бы час, прежде чем за Викензо и его приятелями кого-нибудь пошлют. Затем посланный не сможет войти, и эта задержка добавит мне форы.

Не поленилась пройтись по комнате и склониться по очереди над каждым телом.

Прикладывала палец к шее, дабы удостовериться, что пульса действительно нет. Убедившись в том, что все трое мертвы и, стало быть, новых проблем не создадут, я распахнула окно.

В комнату ворвался ночной ветер, пахнуло свежестью, усилился стрекот цикад, прежде остававшийся незаметным звуковым фоном. Я посмотрела вниз. Снаружи никого не было, это хорошо. Стало быть, Джером оставил дежурить лишь одного сообщника, и тот караулил за углом, у входа. Я оценила расстояние до земли. Этаж вроде и первый, но всё же высоковато. Однако, понятное дело, остановить меня это не могло.

Я забралась на подоконник, встала на колени спиной к улице. Перед глазами в последний раз возникла комната с тремя остывающими телами. Я осторожно спустила ноги наружу, чуть-чуть повисела на руках, держась за раму, и наконец спрыгнула вниз. Чертыхнулась, чуть не вывихнув ногу. Туфли, в которых я ходила в ресторацию и в которые успела сунуть ноги, прежде чем нас с Нарциссом вытолкали из спальни, совершенно не подходили для лазания по стенам и прыжков. Но так всё же лучше, чем бегать по городу без обуви.

Немного подождала, готовая действовать в случае, если моя возня всё-таки привлекла внимание охранника. Но нет, он так и не появился. Ветер дул не в том направлении, и звуки уносились не в сторону входа, а, напротив, прочь от него. Я стала осторожно, постоянно оглядываясь, уходить в ночь.

Скрывшись за очередным забором, постояла, держась за него рукой и тяжело дыша. Кровь стучала в висках, перед глазами было темно не то от времени суток, не то от напряжения. Я была настолько взвинчена, что даже не сразу сообразила, где именно нахожусь и в какую сторону следует идти. Стараясь выровнять дыхание, добралась до ближайшего перекрёстка. Огляделась, задрала голову, чтобы посмотреть на луну, светящуюся даже сквозь облако, и наконец разобралась с направлением. Вот теперь я побежала. На реакцию прохожих мне было плевать, да и не наблюдалось в этот час прохожих.

Вскоре впереди возник шпиль главного столичного храма, служивший отличным ориентиром. Дворец был совсем близко. Оно и неудивительно: семейство Кантри проживало в весьма приличном районе, а в столице Ристонии это означало — недалеко от королевской резиденции.

К тому моменту, как я подбежала к закрытым на ночь воротам, со времени моего прыжка из окна прошло не более десяти минут.

Умиротворённую тишину дворцовой опочивальни графа Кэмерона Этли бесцеремонно нарушил громкий стук в дверь. Лорд проснулся и, хмурясь, приподнял голову. Темнота за окном свидетельствовала о том, что час — неурочный, однако вновь ложиться, дабы намеренно проигнорировать стучавшего, граф не спешил. Род его деятельности требовал порой бросить всё и мчаться по срочным делам, в том числе и в такое время суток.

Выждав давно установленный промежуток времени, в комнату, осторожно приоткрыв дверь, вошёл Роберт, камердинер лорда Этли.

— Прошу прощения, милорд, — вполголоса произнёс он, — но к вам срочно просится женщина, представившаяся графиней Корбетт. Стража не хотела пропускать её во дворец в такой час, но один из гвардейцев узнал её и утверждает, что это подданная Эрталии, которая однажды уже удостоилась вашей аудиенции. Поэтому оставить её снаружи не решились, а она...

Договорить Роберту не удалось. Открывавшаяся внутрь дверь резко распахнулась, и камердинера, схватившегося за лицо, отбросило к стене. В опочивальню ворвалась худая,

черноволосая молодая женщина, облачённая в белую, доходившую до середины голени камизу. То есть фактически раздетая. Удивительным образом сумев остановиться в нескольких шагах от кровати, вместо того чтобы врезаться в неё по инерции, женщина обратилась к хозяину опочивальни:

— Прошу простить меня за позднее вторжение, лорд Этли, однако моё дело не терпит отлагательств.

Глава 11

В деле, непосредственно касавшемся секретного агента лорда Этли и к тому же имевшем отношение к сиреневому порошку, я могла обратиться за помощью только к самому лорду Этли. Разумеется, в случае соблюдения всех необходимых формальностей процедура затянулась бы в лучшем случае до утра, а в худшем — на неопределённый срок. Ни то ни другое меня не устраивало, так что пришлось немного отступить от правил.

Добившись своего, то есть всё-таки прорвавшись в покои Кэмерона Этли, я замерла, встретив отнюдь не доброжелательный взгляд хозяина спальни. Граф сперва посмотрел на меня несколько ошарашенно, затем узнал, выслушал моё, прямо скажем, не самое понятное оправдание и процедил сквозь зубы нечто нечленораздельное, но явно нецензурное.

— Кобра! — воскликнул он, распрямляя спину. Мне показалось, что это слово являлось последней частью неразборчивой фразы, и предшествовала ему целая череда не самых лестных эпитетов. — Какого чёрта вы делаете посреди ночи в моей спальне?

— Справляю свой день рождения, — сообщила я.

Не слишком к месту, зато честно.

— Поздравляю вас, — процедил Этли, сверля меня тяжёлым взглядом.

— Благодарю вас, — скромно ответила я, опуская глаза долу.

Всё же Этли не из тех людей, с которыми легко выдержать игру в гляделки. И даже если сумеешь победить в такой игре, ещё не факт, что это не выйдет тебе боком.

— Какая прелесть! — внезапно произнёс насмешливый женский голос.

Воздушное постельное бельё на кровати зашевелилось, и над многочисленными, как это принято у аристократов, подушками возникла голова незнакомой мне брюнетки. Молодая женщина — наверняка ей меньше тридцати, — довольно худая и, насколько можно судить в нынешних обстоятельствах, среднего роста. Чёрные локоны слегка отведены назад с помощью поддерживающей их ленты светло-сиреневого цвета. Одета дама была в белую льняную ночную рубашку, предмет одежды, известный исключительно в высшем свете и предназначенный сугубо для сна. В целом рубашка была весьма похожа на камизу, но немного свободнее, к тому же она обладала пусть короткими, но рукавами и была местами украшена белым кружевом.

Мысль о том, что это любовница, я отмела сразу. Вне всяких сомнений, я лицезрела законную супругу лорда Этли графиню Инессу, первую фрейлину принцессы Леммы, недавно возвратившуюся из своего путешествия.

— Помнится, после того как семь лет назад я подобным образом ворвалась к тебе в спальню, ты целую неделю не давал мне прохода своим сарказмом. А между тем я была более пристойно

одета, и время было не такое уж вопиющее, всего-то поздний вечер. Теперь же выходит, что для тебя подобные посещения в порядке вещей.

Я вновь опустила глаза, на этот раз для того, чтобы бросить взгляд на собственную одежду. Точнее было бы сказать, её отсутствие, поскольку на мне не было ничего, помимо камизы, чулок, ну, и элегантных туфель на каблуках. С момента побега из дома Кантри я вспомнила об этом лишь во второй раз. Первый был на воротах, когда стражники смотрели на меня будто на умалишённую.

Меж тем леди Инесса устроилась на кровати повыше и глядела на мужа, выжидаяще изогнув бровь. Тот, однако же, обратился не к ней, а ко мне:

— Кобра, имейте в виду, что если по вашей вине испортятся мои отношения с женой, я сотру вас в порошок. И даже заступничество кардинала Монтерея вам не поможет.

— Кардиналу Монтерея? — Леди Инесса посмотрела на меня с новым интересом. — Ты хочешь сказать, что эта девушка — протеже его высокопреосвященства? Простите, — с гостеприимной улыбкой обратилась она ко мне. — Беру свои слова назад. Можете приходить в спальню моего мужа в любое время дня и ночи.

И она покосилась на лорда Кэмерона с плохо скрываемой издёвкой. Это, безусловно, не ускользнуло от внимания последнего, но виду он не подал. Разве что на миг приподнял брови в деланом раздражении, после чего вновь обратился ко мне:

— Давайте, Кобра, говорите, что там у вас за неотложное дело. Очень надеюсь, что вы пришли не за тортом со свечками.

— Не за ними, — подтвердила я, рассеянно наблюдая за камердинером, который как раз закончил зажигать свечи в одном канделябре и перешёл к другому. В подрагивающем свете на миг стала заметна образовавшаяся у него лбу шишка.

— Дорогая, почему бы тебе не продолжить отдыхать в комнате Кати? — повернулся к супруге Эстли. — По-видимому, это займёт некоторое время, а там ты сможешь спокойно поспать. Заверяю тебя, что, если тут начнётся оргия, разврат или ещё что-нибудь в этом роде, я тебя позову.

— Как раз это меня беспокоит в последнюю очередь, — фыркнула леди Инесса. — Ну уж нет. Я не настолько глупа, чтобы уйти и пропустить всё самое интересное.

Эстли закатил глаза, но спорить больше не стал. Поднялся с кровати и принялся застёгивать рубашку, приводя себя в более приличный вид, раз уж избавиться от гостыи всё равно не удавалось.

Я попыталась совладать с разбежавшимися в разные части мозга мыслями. На миг почувствовала себя кошкой, пытающейся гнаться за всеми мышами разом, в то время как мелкие грызуны несутся каждая в своём направлении.

— Нарцисс. — Мне наконец-то удалось зацепиться за первую, ключевую, мысль. — Его дом захватили. Взяли в заложники его самого и всю семью.

Мужская рука замерла, так и не коснувшись очередной пуговицы.

— Вам известно, где живёт Нарцисс? — холодным, отстранённым тоном спросил Этли.

А вот взгляд, которым сопровождался этот вопрос, был отнюдь не отстранённый. Острый, внимательный, цепкий. Конечно, столь неожиданная информация наводит на мысли, а я, как ни крути, человек по-своему подозрительный.

— Да, — коротко кивнула я и назвала адрес. — Я узнала случайно, но важно сейчас не это. Пару часов назад в дом ворвался десяток громил. Торговцы сиреневым порошком. Главный у них, насколько я могу судить, Джером Дрейкок.

Фамилию главы нападавших я, конечно, не знала, но позволила себе озвучить предположение, которое сделала на основе имевшихся фактов. Связать имя и род деятельности сидевшего в гостиниой Кантри главаря с довольно известной в преступных кругах личностью оказалось несложно.

Леди Инесса замерла. Ирония более не читалась в изгибе её губ и исчезла из уголков глаз, уступив место тревоге. Однако леди Этли продолжала слушать в высшей степени внимательно, не прерывая мой рассказ ни вопросами, ни комментариями, ни шумным выражением эмоций.

— Как они добрались до Нарцисса? — Вопрос всё-таки прозвучал, но со стороны лорда Кэмерона.

— Сколь ни удивительно, но, видимо, по чистой случайности, — ответила я. — Одна из сестёр Нарцисса обручена, её жених гостит у них в доме, и именно на него объявили охоту. Он связался с торговцами, по-видимому, впервые в жизни и с ходу напортачил. А эти люди не любят, когда их подставляют, пусть даже и ненамеренно. Словом, они прижали его, чтобы получить какие-то драгоценности, отправили за ними одного из своих и теперь ждут результатов. В доме тоже планируют пожить. Но главное, девять против одного: они не собираются оставлять свидетелей в живых.

— Сколько человек вторглось в дом и сколько они взяли заложников?

Даже удивительно, как быстро сумел этот мужчина перейти от раздражения до в высшей степени серьёзного и быстрого анализа ситуации, о которой в придачу так мало имел пока сведений.

— Изначально преступников было двенадцать. Во всяком случае, о других мне неизвестно.

Пока я говорила, Этли переместился к низкому круглому столику и теперь что-то быстро писал на листе бумаги, которая, по-видимому, всегда лежала здесь наготове.

— Заложников, — я на миг задумалась, чтобы никого не упустить, — шестеро, из них четыре женщины. Всё это не считая меня, — добавила я, скромно потупив глазки.

— Ваше исчезновение заметили?

— Надеюсь, что нет, но гарантировать не могу. Разумеется, мне надо вернуться как можно быстрее. Поэтому я и позволила себе ворваться к вам столь неподобающим образом.

Можно сказать, что я попросила прощения, во всяком случае, это было наиболее комфортным для меня извинением в данных обстоятельствах. Учитывая, что о своём поступке я не сожалела, по-прежнему считая его правильным. Впрочем, заикливаться на этом нюансе

Этли не стал.

— Вы всё видели своими глазами. Ваша точка зрения: сколько нужно послать людей? — спросил Этли, одновременно звоня в колокольчик.

Наверное, это был особый звонок, поскольку в комнату вошёл не камердинер, а мужчина в форме королевского гвардейца. И, вытянувшись по стойке «смирно», остался ждать распоряжений.

Этли поднёс перо к чернильнице, но не торопился пока ни убирать его, ни обмакивать в чёрную жидкость.

— Полный спасательный отряд? — предположил он.

Я с сомнением покачала головой:

— Не думаю. Если наделают много шума, могут получиться случайные жертвы. К тому же часть преступников мы уже обезвредили. Троиц Нарцисс вколол какое-то вещество. Не знаю, правда, каково действие. Ещё троих я убрала перед уходом. Один отправился с поручением в банк, есть шанс, что в течение ближайшего часа он не вернётся. Но гарантировать нельзя. — Я облизнула пересохшие губы. — Остаётся пятеро. Думаю, мы бы сумели справиться и сами, но при этом обязательно бы раскрылись. А там слишком много народу.

Этли понимающе кивнул. Быстро обмакнув перо, набросал на листке ещё пару строк, затем поставил подпись и посыпал письмо подсушивающим чернилами песком. После чего сложил листок пополам и передал его шагнувшему вперёд офицеру.

— Октавио Алегре, — назвал адресата он, и гвардеец быстро покинул спальню. — Пусть подгонят карету. — Эти слова уже были обращены к возвратившемуся в комнату Роберту. Тот поклонился и тоже вышел.

— Хороший выбор, — одобрила леди Инесса, выбираясь из постели.

Она тоже позвонила, в свой собственный колокольчик, и в комнату вскоре вошла заспанная горничная.

— Леди Корбетт, я распоряжусь, чтобы вам принесли платье.

Этли скептически усмехнулся, услышав из уст своей жены это обращение, но ничего не сказал. Я немного удивилась: откуда леди Инесса знает, каким титулом я пользуюсь в данный момент? Вероятнее всего, моё новое имя упоминалось прежде, чем я вошла в спальню.

— Благодарю вас, не стоит, — отказалась я. — Если возможно, я бы предпочла просто плащ. Мне следует появиться в доме в том же виде, в каком я его покинула.

Леди Инесса без споров отправила горничную за одеждой для себя и плащом для меня. Затем они вдвоём удалились за ширму, где служанка помогла госпоже облачиться в домашнее платье-неглиже. Эта процедура заняла гораздо меньше времени, чем ушло бы на дворцовое платье, которое возможно носить исключительно с соответствующим бельём.

Выкрашенная в бирюзовый цвет дверь, почти незаметная на фоне такой же стены, приоткрылась, и в комнату заглянула большеглазая девочка лет пяти-шести.

— Мама, а дядя Октавио придёт сюда? — спросила она у леди Инессы.

Та резко обернулась и изумлённо воззрилась на дочь.

— Кати?! Немедленно иди спать! — воскликнула она.

— Я не настолько глупа, чтобы уйти и пропустить всё самое интересное, — заявила девочка с таким невинным видом, словно смысла сказанного не понимала, просто повторяла заученную наизусть фразу.

Леди Инесса возмущённо открыла рот, в то время как плечи лорда Кэмерона беззвучно дрогнули.

— Похоже, мне пора всерьёз заняться твоим воспитанием! — угрожающе произнесла мать, но я отчего-то была уверена, что мне бы на месте девочки страшно не стало, да и та на собственном месте явно не сильно испугалась. — А ты что смеёшься? — упрекнула супруга леди Этли.

— Просто пытаюсь подсчитать, в который раз ты говоришь эту фразу, — с совершенно серьёзным видом откликнулся тот.

— А вы — леди Корбетт? — тем временем спросила меня девочка, уже успевшая войти в комнату.

— Да, — подтвердила я, — но вы можете называть меня просто Кобра.

— Кобра, — повторила девочка. — Мне нравится. Скажите, тётя Кобра, а как вы очутились дома у дяди Нарцисса посреди ночи?

Что тут было сказать? Столь чудесное сочетание детской непосредственности и умения слушать поставило меня в тупик.

— А ведь и правда, — подхватил Этли со столь же наивным видом и оживлённым блеском отнюдь не наивных глаз. — Мне тоже весьма любопытно, как вы там оказались.

— Вы не поверите, но по чистой случайности, — призналась я. — Меня пригласила мать Нарцисса.

— Вы знакомы с его матерью? — в весёлом недоумении осведомилась леди Инесса.

— Нет, — поспешила возразить я. — Вернее, не были знакомы. Мы повстречались совершенно случайно сегодняшним вечером, и она предложила нанести им визит.

— И остаться на ночь? — уточнил Этли.

— Время было позднее, — попыталась оправдаться я. — Нарцисс был против, — добавила я затем, стремясь оправдать также и коллегу.

И повернулась к леди Инессе, ища поддержки.

Супруга лорда Этли смотрела на меня добрым-предобрым взглядом. Обычно так смотрят на сумасшедших или на лжецов, которых не хотят обидеть неверием. Доказывать что-либо казалось глупым, да и не до того было, по правде сказать. К счастью, появление нового действующего лица избавило меня от необходимости давать объяснения.

Чёрная рубашка, чёрные же брюки ещё более тёмного оттенка, чёрный плащ, расшитый серебром. И чёрная шляпа с пером в руке. Вид незнакомец, мужчина лет тридцати — тридцати пяти, имел впечатляющий, но в высшей степени странный. Для цирка или какого-нибудь иного лицедейства он подошёл бы идеально, но в королевском дворце смотрелся диковато.

— Я так понимаю, Нарцисс как нормальные люди пожить не может даже пару дней, — заметил он, получив от Этли разрешение зайти. Склонил голову перед леди Инессой, приложив руку к груди, весело подмигнул расплывшейся в улыбке Кати. — Только-только отоспался — и вот пожалуйста.

Обращался он к чете Этли, но смотрел уже на меня.

— Кобра посвятит вас в подробности по дороге, — не стал терять время лорд Кэмерон. — Карета уже подана. Поторопитесь.

Я набросила на плечи доставленный горничной плащ, и мы с Октавио (а я заключила, что это был именно он) покинули комнату.

— Удачи! — сказала леди Инесса, и это было последнее слово, услышанное мной в опочивальне четы Этли.

Мой сопровождающий, минуту назад производивший впечатление никуда не спешащего светского остряка, теперь почти бежал по коридорам дворца. Не могу сказать, чтобы меня это расстраивало. Напротив, я торопилась и сама, и поспевать за агентом труда не составляло. Мы буквально вскочили в поджидавшую внизу карету, которая тронулась, едва Октавио, пропустивший меня вперёд, оказался внутри.

Выяснилось, что в карете мы не одни: ещё двое мужчин, одетых значительно менее экстравагантно, чем мой первый спутник (а точнее — в традиционную форму городской стражи), сидели на скамье напротив. Впечатление обычных стражников они, правда, не производили и, на мой скромный взгляд, больше походили на гвардейцев.

— Эти люди пойдут с нами, но будут держаться на расстоянии и вмешаются, только если дело пойдёт совсем плохо, — пояснил Октавио. — А мы с вами разыграем главную партию, чтобы попытаться спасти легенду нашего общего знакомого. Вы, как и прежде, будете изображать нуждающуюся в помощи деву, а я — принца на белом коне. Или собственно коня. Или ещё кого-нибудь в этом роде.

Что ж, это объясняло его внешний вид.

— Рассказывайте. — Насмешливые интонации вновь сменились предельной серьёзностью.

И я принялась излагать те детали, которые, с моей точки зрения, могли сыграть роль в предстоящей операции. Включая расположение комнат и точное место, занимаемое каждым участником происходившего в гостиной — во всяком случае, на тот момент, когда я её покинула.

Карета остановилась на одной из боковых улочек, в стороне от дома Кантри. Дальше мы с Октавио шли пешком. Наши спутники, как и обещано, держались на расстоянии и вообще походили на пару теней. Тоже, кстати сказать, весьма нехарактерное для городских стражников поведение.

Приблизившись к дому, я указала прямо и направо, давая понять, где располагается главный

вход и караулящий его громила. Октавио кивнул и растворился в ночи. Говоря менее романтичным языком, двинулся в обход здания. Я выждала с полминуты, после чего направилась к крыльцу.

— Простите, пожалуйста, вы не скажете, как пройти в архив? — с милой улыбкой поинтересовалась я у дежурившего на входе мужчины.

Тот пару раз ошарашенно моргнул — то ли силится понять, что можно делать в архиве в ночное время, то ли и вовсе напряжённо вспоминал, что такое архив. Умственное напряжение прервал удар рукоятью меча по голове, полученный от подкравшегося со спины Октавио.

Нужное окно я агенту показала, хотя, говоря откровенно, в этом не было нужды, ведь именно гостиная была освещена лучше всех прочих комнат. Бодро мне отсалютовав, Октавио ухватился рукой за первый обнаруженный в стене выступ. Взобраться будет непросто, но это и не моя забота. Я, стараясь ступать бесшумно, устремилась в дом через оставшийся без охраны вход.

Сбросив на ходу плащ, тихонько прокралась к гостиной. Осторожно заглянула внутрь. К моему немалому облегчению, там, похоже, мало что изменилось. Заложники все на месте, вид взволнованный и утомлённый, но все живы и, кажется, невредимы. Луиза даже задремала, и её голова соскользнула по спинке кресла набок. Преступников семеро, и трое из них тоже спят, что крайне неосмотрительно для людей в их положении. Однако подозреваю, что их сейчас не разбудишь, даже если в соседней комнате выстрелит пушка. Если я права, то Октавио предстоит иметь дело не с семерыми, а с четверыми. Не знаю, правда, стоит ли хоть чего-то в драке Джером, с такими, как он, не угадаешь. В любом случае дееспособных бандитов, пожалуй, многовато, надо бы помочь коллеге из дружественной державы.

Отойдя и оглядевшись, я сдвинула с места тяжёлое кресло. Ножки заскрежетали, проехав по не устланному ковром участку пола, однако внимания на этот звук никто не обратил. Тогда я взяла книгу, которую кто-то оставил на столике, подняла повыше и разжала пальцы. Книга упала с громким стуком. В соседней комнате воцарилась тишина. Я отступила в тень и замерла у незажжённого камина.

Из гостиной послышался ворчливый голос Джерома:

— Сал, проверь, в чём там дело.

Я осталась на месте, лишь беззвучно растянула украшавший правое запястье браслет и нажала на потайную пружину. Браслет с тихим щелчком превратился в кастет, который я надела всё на ту же правую руку, но теперь уже на пальцы. И когда Сал оглядывался, безуспешно пытаясь найти в тёмной комнате источник шума, осторожно отделилась от стены, подошла со спины и ударила его по темени. Одним словом, более-менее повторила недавний манёвр Октавио. Не слишком оригинально, конечно, но в нашем деле тот, кто готов гоняться за оригинальностью за счёт действенности, платит порой очень высокую цену.

К ведущей в гостиную двери я вернулась как раз вовремя, чтобы получить возможность наблюдать весьма занимательную сцену. Октавио, чрезвычайно эффектно выглядевший в чёрном плаще и чёрной шляпе с пером, соскочил с подоконника. В руке его появился пистоль. Выстрел — и ещё один бодрствующий приспешник Джерома вышел из строя. Вопли, паника, Нарцисс, кричащий, чтобы дамы пригнулись, очередной сторонник Джерома, схватившийся за мушкет. Снова звук выстрела; мишенью на сей раз был Октавио. Но, к счастью, пуля пролетела на пару дюймов правее его головы и застряла в стене. Всё-таки огнестрельному оружию

никогда не заменить холодное. Что толку в его мощи, если гадать, попадешь или нет, — всё равно что играть в рулетку?

Будто вторя моим мыслям, преступник отбросил в сторону разряженный мушкет и выхватил из ножен меч. Октавио сделал то же самое и первым кинулся ему навстречу, на ходу восклицая нечто пафосное о негодях, вторгающихся в приличные дома. Женщины продолжали визжать, особенно сильные связи оказались у горничной. Джером, в свою очередь, орал, безуспешно пытаясь разбудить своих сообщников. Отчаявшись добиться хотя бы малейшего эффекта, он выхватил откуда-то из-под стола свой собственный пистоль. Попытался прицелиться в Октавио, но сейчас, во время поединка, когда мужчины постоянно передвигались по комнате, это было проблематично.

Решив сменить тактику, Джером развернул пистоль в сторону заложников, рывкнув, чтобы они сидели тихо. В сложившихся обстоятельствах идея прикрыться кем-нибудь из женщин могла бы оказаться совсем не глупой. Но главарь слишком поздно сумел осознать, сколь радикально изменилось его положение. За те несколько секунд, когда его внимание было сосредоточено на попытке подстрелить Октавио, Нарцисс успел соскользнуть со своего места. И теперь удар стулом по голове заставил Джерома выронить пистоль из руки. Сознание он потерял не сразу. Успел, сильно сморщившись от головной боли, повернуться к нанесшему удар хозяину дома. Но Нарцисс недолго думая повторно опустил стул, и второй встречи с этим предметом мебели, рассчитанным на прямой контакт с совершенно другой частью тела, голова не выдержала. Джером закатил глаза, наполовину съехал с кресла вниз и застыл в неестественной позе.

— Теперь всё будет хорошо, — объявил Октавио, при этом подмигнув девушкам столь чарующе, что, думаю, даже я бы растаяла.

Его слова словно послужили сигналом к действию. Заложники, до сих пор сидевшие, напряжённо застыв (исключая, конечно, Нарцисса), теперь все одновременно повскакивали с мест. Луиза и горничная в едином порыве бросились к Октавио и повисли у него на шее, чуть не свалив беднягу с ног. Амалия бросилась к брату. Я уже испугалась, что, следуя этой логике, ко мне сейчас ринется Гарольд, но повезло. Источник всеобщих проблем делать резкие телодвижения пока не спешил. К моему немалому изумлению, ко мне (а не к своим детям) устремилась Леана.

— Дейзи, как вы? — спросила она, протягивая ко мне руки и взволнованно заглядывая в глаза. — Вы в порядке? Вам нужна помощь?

— Всё хорошо, — поспешила заверить я, пожимая её ладони. — Они заперли меня, а потом стали о чём-то ругаться в соседней комнате. А вскоре вот этот мужчина, — я указала на Октавио, к этому моменту худо-бедно высвободившегося из крепких объятий, — забрался ко мне через окно.

— Я заметил подозрительного человека у дверей, — пояснил Октавио. — Постоял под освещённым окном, послушал разговор. Вот и решил проникнуть в дом.

— Когда преступники снова отперли мою дверь, он их встретил, — продолжила рассказ я. — В общем, они уже никого не беспокоят.

— Но он же был один против троих! — восхищённо всплеснула руками Луиза.

— Просто мне повезло, — потупившись, объяснил Октавио, хотя весь его вид при этом говорил: «Вот такой вот я герой».

— Что с тем охранником на входе? — спросил не особенно впечатлённый Нарцисс.

— Я его убрал.

— Ещё один должен вернуться! — взволнованно сообщила Амалия.

— Мы его достойно встретим, — с обворожительной улыбкой пообещал Октавио. — Но нужно позаботиться об этих господах, — добавил он, имея в виду Джерома и его людей. — Некоторые из них ещё могут прийти в себя. Нельзя ли попросить вас, милая девушка, позвать стражу, пока я займусь этими людьми? — обратился он к горничной. — Наверняка в такой час вы быстро повстречаете патрульных, если направитесь в сторону рыночной площади.

Я с трудом сдержала усмешку. Ну да, «патрульных» она, несомненно, встретит, по крайней мере двоих. И значительно скорее, чем можно было бы ожидать.

Горничная, одарив Октавио последним восторженным взглядом, выбежала из гостиной. Гарольд сделал пару шажков следом за ней, видимо, рассчитывая скрыться «под шумок». Но не тут-то было. Взгляды всех присутствующих как-то сами собой скрестились именно на нём.

Горе-жених тут же испуганно сжался и словно стал меньше ростом.

— Амалия, милая! — Разговаривать со всеми сразу было слишком страшно, и он выбрал иную стратегию: обратился к невесте. — Я правда очень сожалею. Я никак не ожидал ничего подобного и, поверь, никогда в жизни не ввязался бы в такую историю, если бы не обстоятельства...

Ну да, бедняга, случайная жертва, мир так жесток и всё такое прочее. Сейчас разрыдаюсь. Нарцисс, судя по зло сверкнувшим глазам, тоже. Но главный вопрос: как отреагирует Амалия?

Девушка подняла голову. Октавио, частично загораживавший от неё жениха, почтительно отступил в сторону.

— Мне это безразлично, — равнодушно заявила Амалия.

Она едва заметно поёжилась, будто от холода, и это, пожалуй, была единственная деталь, на основе которой я могла бы упрекнуть её во лжи. Но кто я такая, чтобы считать, будто ложь заслуживает упрёка?

— Мне совершенно всё равно, сожалеешь ты о чём-то или нет и каковы были причины твоих поступков, — продолжала девушка. — Ты меня больше не интересуешь. — Она сняла с пальца кольцо, по-видимому, подаренное женихом на помолвку, и швырнула в сторону Гарольда. — Вот, можешь отнести его в банк, — с язвительными нотками в голосе произнесла она. — А мне не нужна тряпка. Вот это, — она совершенно неподобающим образом, пальцем, указала на Октавио, — настоящий мужчина. Скажите, — теперь она обратилась непосредственно к агенту, — вы женаты?

— Нет. — Агент явно говорил искренне, подозреваю, что впервые с момента своего появления в этом доме.

— Вот и чудесно. Хотите взять меня в жёны?

Я мысленно поаплодировала девочке. Bravo! Замуж за Октавио она, конечно же, не собирается, а вот демонстрация хорошая — и для бывшего жениха, и для всех присутствующих.

Отличное выступление, цель которого — показать, что она ничуть не расстроена, что гордость её не уязвлена, а свадьбу девушка отменила просто потому, что Гарольд не соответствует её представлениям об идеальном мужчине.

— Леди! — воскликнул Октавио, прижимая руку к груди. — Ради вас я бы с радостью пошёл на край света.

«...Но брак, к сожалению, находится за краем», — мысленно закончила за него я.

— Однако моя служба не позволяет жениться, не согласовав такое решение со старшим по званию, — по-своему продолжил сказанное агент.

Я хмыкнула. Неплохо вывернулся. Надо будет в перспективе поинтересоваться у Этли, возражает ли он против женитьбы перспективных сотрудников. Впрочем, нет, не надо. Боюсь, что граф неверно истолкует мой интерес...

— Тем не менее я буду счастлив побеседовать с вами с глазу на глаз, — добавил Октавио, галантно подставив Амалии локоть.

Нарцисс смерил коллегу чрезвычайно выразительным взглядом, но, на счастье Октавио, тут же отвлёкся. Поскольку Гарольд, пробормотав себе под нос что-то в духе «Ну, я, пожалуй, пойду, столько дел, пирожки подгорели и молоко убежало, наверное», бочком двинулся к выходу.

— Торопитесь? — участливо спросил Нарцисс, преграждая бывшему жениху дорогу.

— Так ведь... пора, — неуверенно проговорил тот, уже в принципе понимая, что живым его не выпустят, но всё ещё надеясь на чудо.

— Ну как же так? — поцокал языком Нарцисс. — Вы же почти член семьи, а мы с вами так толком и не посидели, не поговорили, чаю не попили. — При этом он фамильярно положил руку Гарольду на плечо, отчего тот тихо охнул и в очередной раз съёжился.

— Не увлекайся, — широко улыбаясь напоказ, шепнула я Нарциссу на ухо. — Сейчас у него на плече останется отпечаток твоей ладони. А я не уверена, что у Джозефа Кантри такие сильные руки.

Не поручусь, что мои слова возымели должный эффект. По взгляду, коим наградил меня агент, я поняла одно: в течение долгих ночных часов он ничего не жаждал так сильно, как дорваться до этого молодого человека. И теперь, когда это желание наконец-то осуществилось, так просто его не отпустит.

— Простите, господин, простите! — ловко подобрался к нам Октавио. — Но в скором времени сюда прибудет стража, и до тех пор никто не может покинуть дом.

Эти слова заставили Гарольда окончательно впасть в уныние, зато Нарцисса более-менее примирили с реальностью, в которой он не имел возможности незамедлительно расквасить несостоявшемуся зятю физиономию. Сама же я мысленно отметила, что человека, замаравшего руки в торговле сиреневым порошком, пусть даже неудачной, Кэмерон Этли так просто не выпустит.

Моя «интуиция» оказалась верной: служанка в скором времени вернулась в сопровождении двух стражников. А ещё полчаса спустя дом буквально-таки наводнили служители порядка.

Однако и закончилось их нашествие достаточно быстро (значительно быстрее, чем обычно бывает в подобных случаях).

Члены семьи Кантри наконец получили возможность разойтись по своим спальням, чтобы позволить целительному сну худо-бедно уложить в голове события минувшей ночи. Но мать Нарцисса вместо того, чтобы отправиться отдыхать, попросила меня о разговоре с глазу на глаз. Проведя меня в одну из пустовавших комнат, она плотно закрыла дубовую дверь, предложила мне сесть и лишь после этого перешла к делу.

— Госпожа Корбетт... — начала она, нервно сцепив пальцы. Начала было мерить комнату шагами, но, видимо, сочтя такое поведение неподобающим, тоже опустилась в кресло. — Словом, так. — Она на секунду прикрыла глаза и, решившись, заговорила быстрее и увереннее. — Я прекрасно осознаю, что мой сын давно уже вырос, и стараюсь не вмешиваться в его жизнь. Однако это не делает меня слепой. Я отлично понимаю, что Джозеф вовсе не служит в казначействе. — Леана мимолётно улыбнулась, и горечь смешалась в этой улыбке с нежностью, вне всякого сомнения, испытываемой ею к сыну. — Подобное сидение на одном месте не в его характере, да он никогда и не увлекался финансами. Его дела носят совершенно иной характер, и я даже подозреваю, что в сегодняшнем... происшествии он сыграл большую роль, чем может показаться со стороны. Равно как и вы.

Она посмотрела на меня пристально, чуть нахмурив от волнения изогнутые изящными дугами брови, словно надеялась, что этот взгляд не позволит мне увильнуть, уйти от ответа или придумать убедительную ложь. Но, будто вспомнив, что требовать она от меня ничего не вправе, Леана быстро отвела взгляд.

— Я не прошу вас выдавать тайны моего сына и тем более ваши собственные секреты, — снова подняла глаза она. — Просто ответьте мне на один вопрос. То, чем он занимается... Это сильно идёт вразрез с нашими законами?

Я улыбнулась и покачала головой:

— Госпожа Кантри, вы можете быть совершенно спокойны на этот счёт. То, что делает ваш сын, ни в коей мере не противоречит интересам Ристонийского государства.

Сказать, будто Нарцисс кристально чист перед законом, значило бы согрешить против истины. А так я сказала правду, и Леана это почувствовала. Морщинки на её лбу разгладились, линия губ стала мягче. Она кивнула, на пару секунд прикрыв глаза, и слабо улыбнулась в ответ.

— А вы действительно сослуживица Джозефа? — спросила она затем, теперь уже значительно более расслабленно.

— Мм... не совсем, — призналась я. Склонила голову набок, ища подходящие слова. — Скажем так, мы с ним коллеги. Но служим в разных местах.

— Жаль, — искренне сказала Леана.

Я улыбнулась ей в ответ.

Часть четвёртая

Глава 12

В Таврополис, эрталлийский городок, расположенный на границе с Эркландией, цирк приехал

без предварительного предупреждения, как, впрочем, и всегда бывает с бродячими труппами. Просто в один прекрасный день на центральной городской площади появился большой красочный шатёр. Засновали туда-сюда одетые в непривычные, пёстрые наряды артисты. Зазвучали зычные голоса, призывающие почтеннейшую публику приходить на представления и сообщающие о времени, когда эти самые представления будут проводиться.

Зрители выступлениями остались более чем довольны. Программа бродячего цирка оказалась весьма насыщенной. Был здесь клоун, раскрашенное лицо которого больше напоминало маску и казалось очень грустным до тех пор, пока его обладатель не принимался смеяться, шутить и дурачиться, и братья-акробаты, которые вовсе не являлись братьями, а были похожи исключительно за счёт одинаковых костюмов, плотно облежавших хорошо сбитые мужские тела (одна из причин, по которым на представления столь охотно приходили представительницы женского пола). И девушка, танцующая на шаре и совершающая сложные трюки на протянутом над площадью канате, и усатый фокусник с загадочным взглядом, одетый в чёрный костюм с блёстками. И силач — какой же без силача цирк! — и танцовщики, и виртуозный наездник.

Конечно, всё это не значит, что труппа была необычно многочисленна. Она насчитывала семь человек — недурно для бродячего цирка, но не более того. Просто многие из артистов, как это нередко бывало, исполняли по несколько функций параллельно. Акробат сажился верхом на коня, а девушка-канатоходец ассистировала фокуснику.

Танцы на шаре, как и в прежние времена, пользовались успехом. Хотя кто-то из зрителей больше ценил мастерство, а кто-то — наряд артистки, а именно — платье из лёгкой ткани, подол которого был аккуратно разрезан в нескольких местах, дабы одежда не сковывала движений. Как раз с мужчиной из второй категории я и беседовала во время перерыва.

— Удивительное представление! Bravo! — восторженно говорил он, а масляные глазки так и гуляли по моей фигуре, не в силах оторваться от прелестей мнимой артистки. — Такая грация, такое чувство ритма! У вас настоящий талант!

— Благодарю вас. — Я смущённо потупилась.

— Вы знаете, я — большой любитель театра и покровительствую талантливым артистам, — доверительно сообщил мне «благодарный зритель». — Время от времени устраиваю в своём особняке театральные вечера. Я бы хотел пригласить вас выступить у меня, так сказать, в частном порядке. Разумеется, за солидное вознаграждение.

И он продемонстрировал мне действительно солидный кошель.

— Какое интересное предложение! — воскликнула я, наивно похлопав глазками. — Простите, мне надо подготовиться к новому выходу. Но я с радостью продолжила бы этот разговор после представления.

После чего развернулась и шмыгнула в шатёр, не забыв тщательно занавесить за собой плотный полог.

— С радостью продолжила бы этот разговор! — протянул знакомым голосом совершенно незнакомый молодой мужчина, обнаружившийся в шатре несмотря на то, что циркачом вовсе не являлся.

Усач со светло-русыми волосами, распущенными и доходящими до плеч, в свободной небогатой

одежде, включавшей в себя кожаный жилет и сделанный из точно такой же кожи пояс, на котором висел длинный нож с широким лезвием. Больше всего незнакомец походил на охотника, и я бы даже с уверенностью сказала, что он таковым и является... если бы не до боли знакомый тембр голоса. И столь же знакомые интонации.

— А что такого? — без малейшего стеснения пожала плечами я. — Конечно, с удовольствием. Я бы ему такое частное выступление показала — на всю жизнь бы запомнил!

— Так. Вот теперь мне стало за него страшно, — насмешливо поделился своими чувствами Нарцисс.

— Напрасно, — не разделила шутливого настроения я. — Знаешь, сколько я таких девочек за свою жизнь повидала? Которые купились на историю о хорошо оплачиваемом выступлении? Эдаких «любителей искусства» в любом городе пруд пруди. Мне-то повезло, хозяин нашего цирка к своим девчонкам относился, как к дочкам, опекал их всячески, ну и мозги мог хорошенько прополоскать там, где надо. А каково тем, у кого и постоянной труппы-то нет? Так, прибьются то здесь, то там? Так что, не опасайся я лишний раз засветиться, подкоротила бы этому господину то место, которым он искусство любит.

Да, конечно, я сболтнула о себе немного лишнего. И да, вполне могла бы этого не делать. Но... Нарцисс сильно раскрылся передо мной тогда, в Ристонии, да и вообще так сложилось, что я узнала о нём значительно больше, чем, вероятно, он бы хотел. И сейчас сочла возможным немного открыться в ответ. Надо отдать агенту должное: бурно реагировать и — тем более — приставать с расспросами он не стал. Лишь на короткое мгновение удивлённо приподнял брови чужого цвета, после чего его лицо вновь приняло прежнее умиротворённое выражение.

— Чего только не сделаешь для старой знакомой! — тяжело вздохнул он, когда я закончила говорить. — Ну, хочешь, я сам подкараулю его после представления и подкорочу ему то, что нужно?

— Не стоит, — возразила я. — Он не задержится до конца представления.

— То есть как? — удивился Нарцисс. — После твоего «с радостью продолжила бы этот разговор» он просто обязан остаться до конца! Я бы точно остался, — добавил он, подмигнув.

— А этот не останется, — ответно подмигнула я. — Просто поверь мне на слово.

— Циркачки — страшные женщины, — глубокомысленно констатировал «охотник».

— О да! — поддержала его вывод я. — Кстати, имей в виду: выступление после антракта будет не для слабонервных. Так что если вдруг почувствуешь себя нехорошо, не стесняйся, просто отойди в сторонку, попей водички и глубоко подыши. Это нормально, так поступают многие люди, обладающие тонкой душевной организацией.

— Нарываешься? — приподнял бровь Нарцисс, упирая руки в бока.

— По-дружески предупреждаю, — поправила я, растянув губы в язвительной улыбке. Раз уж пооткровенничала, надо это чем-то компенсировать, дабы сироба не вышло. А то самой прямо как-то некомфортно. — И кстати, ты не мог бы покинуть шатёр? Сюда вообще-то вход только для труппы, а мне, — я скромно опустила глазки, — пора переодеться к следующему выходу.

По окончании антракта я появилась на сцене в совершенно ином образе. Вместо хрупкой

девушки с лёгкой поступью перед зрителями предстала чеканящая шаг женщина, одетая по-мужски: тёмно-коричневые брюки, в которые была заправлена рубашка более светлого оттенка с крупными серебряными пуговицами. Волосы были собраны в тугой хвост, а на ногах красовались жёсткие ярко-красные сапожки.

На сцену я вышла не одна, а под руку с фокусником. Здесь нас уже поджидал реквизит в виде длинного ящика, возвышавшегося на ещё более длинной подставке, для того чтобы его было лучше видно зрителям. Вернее, все должны были думать, что цель заключается именно в этом. Зрители в ажиотаже приблизились к сцене, поскольку многие уже поняли, в чём именно будет заключаться фокус.

— Дамы и господа! Почтеннейшая публика! — вдохновенно вещал зычным голосом конферансье. Как ему удавалось за время представления не сорвать голос, понятия не имею. — Смертельный номер! Слабонервных женщин просим уйти с площади! Слабонервных мужчин просим с неё убежать! Сейчас на ваших глазах наш фокусник распилит свою ассистентку на две половины!

Эффектно пройдя по сцене туда и обратно, я улеглась в раскрытый для этой цели ящик. Затем фокусник вернул на прежнее место его стенки и крышку. В итоге моя голова, руки и ноги в алых сапожках остались торчать наружу. Я повертела головой, пошевелила всеми четырьмя конечностями. Тем временем фокусник делал всевозможные впечатляющие и совершенно бессмысленные пассы, а конферансье бегал вокруг ящика, причитая и размазывая по лицу несуществующие слёзы.

— Дамы и господа! — снова заговорил он, приблизившись к зрителям. — Наш фокусник обещал, что будет резать ассистентку очень аккуратно! И всё же я бы посоветовал вам отойти от сцены подальше. Первые ряды может забрызгать кровью!

Некоторые зрители и правда поспешно попятились, другие, напротив, шагнули поближе, заранее вытягивая шеи. Кто-то завизжал, но, кажется, скорее восторженно, нежели испуганно. А конферансье продолжал свою речь:

— Главное, не волнуйтесь, дамы и господа! Если фокус не удастся, нас с вами будут судить как соучастников убийства. Мы с вами получим всего лишь семь-восемь лет тюремного заключения. А вот нашего фокусника ожидает виселица!

Фокусник, не слишком впечатлённый такой угрозой, расхаживал вокруг ящика, обмахивая его посверкивающим блёстками платочком. Я же была занята, хотя старательно не подавала виду. Быстро извлекла ноги из зафиксированных в прорезях сапожек, после чего подняла их вверх, согнув в коленях, и разместила, таким образом, лишь в одной половине ящика. Затем ассистентка, всё это время лежавшая в нижнем ящике, принимаемом зрителями за подставку, приподняла собственные ноги так, чтобы они попали в верхний ящик, и просунула ступни в оставленные мной сапожки. Распиливание человека — тот редкий случай, когда фокус строится на мастерстве ассистентов, в то время как фокусник, напротив, присутствует на сцене главным образом для того, чтобы привлекать к себе внимание. В нашем случае не последнюю роль также выполнял и конферансье.

Наконец фокусник приступил к процессу распиливания. Публика замерла, жадно следя за каждым его движением. Минута — и две половины ящика были раздвинуты в разные стороны. Публика завизжала от смеси ужаса и восторга.

— Что же теперь будет? Что же будет? — запричитал конферансье.

— Верните мне мои ноги! — закричала я.

Заодно помотала головой и покрутила руками, точно зная, что в данный момент вторая ассистентка зашевелила обутыми в алые сапожки ступнями.

Зрители закричали так громко, что мне даже захотелось прикрыть ладонями уши, но по понятной причине такой возможности я была лишена. Вообще шея начала серьёзно уставать. Хорошо бы было поскорее закончить эту часть номера.

— У нашего фокусника теперь две ассистентки! — радостно объявит конферансье. — Вот только одна беда: как же нам их обеих прокормить? Хотя нет! — обрадованно выдохнул он. — Одну из них кормить необязательно!

И где он только нахватался этого дурацкого юмора? Неужели в Токалле, в столице которой он проторчал последние лет пять? Серьёзный же человек, один из лучших специалистов по сбору информации! А уж захват у него какой!

— Ну что ж, почтеннейшая публика! — перешёл наконец к делу он. — Приступим к продолжению номера! Настало время посмотреть, сумеет ли наш фокусник исправить положение и вернуть артистке её ноги!

Фокусник вновь принялся «колдовать» над ящиком, предварительно составив вместе две его половины. Пошёл обратный процесс: вторая ассистентка полностью спряталась в ящике-подставке, я же с удовольствием вытянула ноги и аккуратно засунула их в сапожки. Торжественный взмах платка с блёстками — и я соскочила на сцену под восторженные вопли публики.

Но зрители глубоко заблуждались, если полагали, что номер на этом закончился. Пока двое артистов в незаметных серых балахонах убрали со сцены ящики, а конферансье и выбежавший по такому случаю клоун обнимали меня с громкими рыданиями, последний потихоньку повесил мне на пояс небольшую кожаную сумку. Освободившись из объятий, я шагнула в сторону фокусника, придав своему лицу гневное выражение.

— Ох, кажется, наша ассистентка немного обиделась на коллегу, — «перевёл» публике конферансье.

Меж тем я извлекла из сумки нож и, замахнувшись, устремилась к «коллеге». Тот, в свою очередь, стал энергично пятиться назад... пока не упёрся спиной в большой деревянный щит.

— Ах ты, мерзавец! — рывкнула я, после чего метнула нож.

Якобы как попало, но в действительности чётко выверенным движением. Лезвие вонзилось в щит в паре дюймов от правого плеча фокусника. Конферансье в ужасе схватился за сердце, а я вновь схватилась за сумку. Второй нож перекочевал мне в руку, чтобы в скором времени вонзиться в щит, на сей раз слева от «коллеги».

Такова правда жизни. Балансировать на узкой поверхности и метать холодное оружие я научилась задолго до того, как приступила к своему нынешнему роду деятельности. Равно как и высвободиться из наручников и выбираться из опутанного цепями ящика. Впрочем, именно благодаря этим способностям на меня в своё время и обратил внимание Лавар, вытащив, таким образом, из нищеты и уже начинавшей сковывать волю безнадёжности...

Под вопли конферансье и зрителей последовало ещё три броска. Последний нож застыл непосредственно над головой фокусника. Рукоять ещё подрагивала, а тот уже отскочил от щита, бросился прочь со сцены и скрылся в шатре. Я же, чеканя шаг, приблизилась к конферансье и якобы что-то зашептала ему на ухо.

Тот неодобрительно покачал головой, но всё-таки обратился к публике.

— Дамы и господа! Наша артистка всё ещё полна жажды крови! — объявил он. — Для того чтобы окончательно выпустить пар, ей необходимо пометать ножи в кого-нибудь ещё! Есть ли среди вас желающие?

Приблизившись к краю сцены, он принялся указывать рукой то на одного, то на другого зрителя, но те, как ни странно, поучаствовать в представлении не спешили. И вообще, внезапно выяснилось, что места у сцены вовсе не пользуются успехом. Публика как-то разом отхлынула, стремясь оказаться там, где, может, и не видно всех нюансов, зато безопасно.

Я же легко спрыгнула на землю и с призывной улыбкой устремилась к господину, совсем недавно уговаривавшему меня отправиться к нему домой с частным выступлением. Однако тот отчего-то протянутую в свою сторону изящную женскую ручку не оценил (возможно, потому, что женские пальцы сжимали в этот момент рукоять очередного ножа?). Попятился, мотая головой, но, видя мою настойчивость, развернулся и спешно ретировался.

Разочарованно разведя руками, я поднялась на сцену.

— Ну же? Неужели никто не хочет познакомиться поближе с нашей ассистенткой?! — воскликнул конферансье.

На этом месте должен был подать голос смешавшийся со зрителями подставной, но его опередил кое-кто другой.

— Я хочу! — выкрикнул знакомый светло-русый «охотник» и под одобрителный гул толпы вскочил на сцену.

Вот ведь кому-то неймётся. Зачем, спрашивается, светиться перед всем честным народом? Впрочем, не так уж он и беспечен: снять нынешний маскарад — и его ни один человек после сегодняшнего не узнает.

— Дамы и господа, поприветствуем смельчака! — торжественно провозгласил конферансье.

Дамы и господа ответили громкими подбадривающими выкриками.

— А мне позволят потом ещё раз её распилить? — полюбопытствовал Нарцисс, вызвав тем самым взрыв хохота среди публики.

— Молодой человек, — укоризненно протянул конферансье, — что же вы такое говорите? Ассистентка же вас слышит. Не стоит давать ей лишний повод промахнуться, она и так в плохом настроении! Прошу вас, соблаговолите пройти вот сюда. — И он провёл Нарцисса к деревянному щиту. Показал, где точно надо встать. — Да, кстати, а завещание у вас есть? — осведомился он, возвращаясь на прежнее место. — Не хотите ли оставить всё своё состояние нашей группе?

Такого желания смельчак не высказал, и его оставили в покое. Точнее сказать, конферансье оставил в покое. Я же только начинала действовать.

Сжала в руке рукоять первого ножа и встретила взгляд «охотника». За приключениями, не иначе.

«Ну что, готов?» — мысленно спросила я.

«А ты сомневаешься?» — насмешливо ответили знакомые глаза.

«Ну-ну».

Нож отправился в полёт и с шумом вонзился в щит, рядом с правым плечом Нарцисса. Я прищурилась, готовясь ко второму броску.

Агент не дрогнул, но я видела, как он сосредоточен и напряжён. Во время такого трюка человеку у щита необходимо оставаться неподвижным, сколь бы ни вопили инстинкты, требуя обратного. Всё, что могу сделать я, — это метко бросить нож. Но подправить траекторию его полёта из-за того, что кто-то, шевельнувшись, сменил положение, я не в силах.

Второй бросок. Третий — пониже, рядом с прижатой к щиту ладонью. Четвёртый — симметричный третьему. А вот последний — напротив, выше. Этот бросок — из самых страшных для того, кто у щита, поскольку у него складывается впечатление, будто я мечу в голову. На самом деле нож идёт выше, и тут я, уверенная в своих силах, более спокойна: даже если ассистент непроизвольно дёрнется, прыгать-то всё равно не станет.

Лезвие рассекает воздух — и площадь взрывается криками, когда остриё ножа вонзается в дерево прямо над головой Нарцисса. Последний отступает от щита, оставляя за собой своеобразный контур из рукоятей. На лбу у него испарина, а пальцы едва заметно дрожат — не от страха, от напряжения. Я торжественно беру «охотника» за одну руку, конферансье — за другую, и мы предлагаем публике ещё раз выразить смельчаку своё восхищение. Номер закончен.

— Нет, мне нравится эта работа! — заявил «акробат» (а в действительности — высококлассный специалист по слежке), пересыпая из ладони в ладонь горсть тяжёлых монет. — Выкладываешься, конечно, но зато точно знаешь, чем именно и в какое время придётся заниматься. Ни тебе подъёмов среди ночи, ни незапланированных отъездов на несколько недель. А платят даже очень неплохо.

«Братец», ни капли на него не похожий, усмехнулся, не отрываясь от своего совершенно не акробатического занятия: он методично точил, казалось бы, и без того острый нож.

— Неплохо, ага, — саркастически фыркнула я. — Но уж явно похуже, чем на твоём нынешнем месте службы. К тому же не забывай: это самое первое выступление, да и то — в приличном городе, а не всеми забытой глухой деревеньке. Ещё несколько представлений — и ты тут всем надоешь, и придётся тебе, хоть и вполне запланированно, но собирать пожитки и ехать дальше, и изо дня в день повторять сегодняшнюю программу, чтобы худо-бедно питаться да латать по мере необходимости реквизит.

— Кобра, ты совершенно лишена романтизма, — попенял мне «конферансье», являвшийся, разумеется, таким же конферансье, как я — ассистенткой фокусника.

— Служба не располагает, — беззлобно парировала я. И, немного подумав, добавила: — Жизненный опыт — тоже.

— Заканчивайте развлекаться! — требовательно заявил «клоун», слегка отодвинув полог и просунув голову в шатёр. — Они через четверть часа приедут.

Монеты тут же возвратились на своё место, нож «акробата» спрятался под одеждой, и мы, похватав всё, что требовалось, устремились к выходу.

Это не было очередное выступление, скорее способ привлечь внимание публики, заинтересовав прохожих и заставив их таким образом прийти на представление. Четверо артистов разбрелись по людной в это время суток площади и принялись показывать простенькие трюки. Каната и шара под рукой (точнее сказать, под ногами) не было, метать ножи я тоже, ясное дело, не стала, так что вместо этого занялась жонглированием. Три разноцветных кольца среднего размера при определённом опыте действительно совсем не сложно подбрасывать и ловить. Пришлось лишь вспомнить навыки, которые долгое время не были востребованы.

— Дорогу! Дорогу! — зычно прокричал кучер, управлявший каретой, которая была запряжена четвёркой вороных.

Народ расступился, артисты тоже держались в стороне, не прекращая, однако же, своих выступлений. И тут — вот незадача! — одно из цветных колец улетело слишком далеко. Подхватить его мне не удалось. Это было бы ещё полбеды: ну, неидеально прошёл номер, так что с того? За порцию хорошего настроения зрители готовы простить артисту очень многое. Беда заключалась в том, что, пролетев по инерции несколько ярдов, кольцо приземлилось прямо под ноги одной из запряжённых в экипаж лошадей.

Испуганное животное попыталось встать на дыбы, остальные отреагировали на его рывок, карета резко дёрнулась и остановилась. Из-за занавешенного тёмной тканью окошка послышалась ругань на чужом языке. Здесь, на границе, многие без труда сумели определить, что сидевший внутри мужчина говорил на эркландском наречии, в чём-то похожем на язык Эрталии, но также имевшем и характерные отличия. Конный, сопровождавший карету и до сих пор ехавший чуть позади, приблизился к дверце и склонился к окошку, слушая своего хозяина. Меж тем многие из прохожих, случайно получивших возможность наблюдать столь неординарное зрелище, обратили внимание на корону, выведенную золотистой краской на стенках кареты.

Конный жестом одетой в перчатку из плотной материи руки подозвал уже торопившуюся к месту происшествия стражу. Нескольких высокомерно брошенных слов было достаточно, чтобы блюстители порядка в несвойственном им обычно рвении бросились к циркачке. И, сообщив, что девушка арестована, увели её с площади в неизвестном направлении.

Глава 13

Сидеть в тюрьме мне, честно признаться, уже доводилось, и даже не один раз, а целых два. Но ни разу — на территории родной Эрталии, так что можно сказать, что теперь я заполняла пробел в образовании.

Не стану утверждать, будто зрелище, которое мне довелось сейчас наблюдать, внушало чувство гордости за свою страну. Условия моих предыдущих заключений были получше. Впрочем, тогда меня и не сажали как циркачку, то есть фактически как нищенку, что, без сомнения, отражалось на месте содержания.

Здание, в котором я сейчас находилась, — или, как минимум, мой этаж, — явно не строилось

изначально как тюрьма. По-моему, это был просто длинный подвал с неровными стенами и кривым потолком, который кое-как поделили на камеры при помощи решёток. В итоге, хотя в каждой такой камере находился один, максимум — двое заключённых, одиночество было последним чувством, испытываемым присутствующими. Небольшие участки сплошных, а не решётчатых, стен предоставляли заключённым кое-какое личное пространство, но назвать его внушительным было нельзя при всём желании. Так что сейчас я занималась тем, что разглядывала своих товарищей по несчастью. Не с откровенным любопытством, конечно. Просто сидела на полу, согнув ноги в коленях и обхватив руками, и время от времени бросала то вправо, то влево мрачные взгляды исподлобья.

С одной стороны — женщина, немного старше меня и, судя по манерам, лёгкого поведения. Любопытно, что она совершила: за нецеломудренный образ жизни сам по себе в тюрьму не сажаят. Вид у неё мрачный, но особо радостных людей здесь и не бывает. То и дело закусывает губу, хмурится своим мыслям. На лице явственно проступили морщины. Признаки старения, как правило, прежде времени приходящие к женщинам её профессии и не прячущиеся сейчас под слоем густо нанесённой косметики.

С другой — мужчина среднего возраста, с короткой неухоженной бородой, возможно, выросшей уже за время заключения. На общем фоне довольно много двигается: то и дело принимается ходить туда-сюда по камере. При этом в его движениях нет нервозности; складывается впечатление, будто человек прогуливается по мостовой. Привлекает внимание также любопытное сочетание живого взгляда и каменного (в остальном) лица. Слово человек старательно прячет эмоции, но не теряет при этом внимательности к происходящему вокруг.

Громкие шаги, звяканье подпрыгивающих на поясе ключей. Появившийся в коридоре офицер охраны ведёт себя развязно, словно насмехаясь над положением заключённых. А может быть, просто демонстрирует своё превосходство всем присутствующим, включая стражника, послушно семенящего за ним. Стражник, кстати сказать, производит более приятное впечатление, чем офицер. Уже немолодой, хотя телосложение и род занятий наводят на мысли о немалой физической силе. При этом вид он имел не только не высокомерный, но и совершенно беззлобный. Просто выполняет человек свою работу — без ненависти, без чувства собственного превосходства, без стремления возвыситься в своих глазах за чужой счёт.

А вот о молодом офицере всего этого сказать было нельзя.

— Кара Роллес? — обратился он ко мне, лениво растягивая гласные.

— Да. — После продолжительного молчания голос прозвучал совсем тихо. Я прокашлялась и, вставая на ноги, повторила: — Да.

— Очень нехорошая история. — Офицер укоризненно поцокал языком. — Остановили карету эркландского принца. Тут, — он небрежно кивнул на услужливо протянутую стражником папку с документами, — сказано, что с высокой долей вероятности речь идёт о неудавшемся покушении на жизнь его высочества.

— Какое покушение?! — бледнея, воскликнула я. — Не было покушения. Просто нелепая случайность, только и всего. Откуда мне было знать, что его высочество проедет через площадь, да ещё и именно в этот день?

Кривила душой, конечно. Отлично я знала, где и в какое время проедет принц. Ещё и кольцо под копыта нарочно запустила. А вот покушения никак не планировала, тут всё честно.

— Так-таки и неоткуда? — Рука офицера, просунувшаяся между прутьев решётчатой двери,

погладила меня по щеке, после чего попыталась скользнуть чуть ниже, но я поспешно отстранилась. — Лучше, знаешь ли, раскаяться. Честно рассказать, как дело было. Излить душу. Станет легче. Сама увидишь.

— Не понимаю, о чём вы, — отрезала я, отступив в глубь камеры.

— Хорошенькая, — невпопад протянул офицер, откровенно раздевая меня глазами. — А строить из себя невинную недотрогу поздно. Раньше надо было думать, а сейчас попалась уже.

— Что вы себе позволяете? — вскинулась я.

Кроме наших голосов, в коридоре не раздавалось ни звука. Заключённые прильнули к решёткам, внимательно ловя каждое слово.

— Я, радость моя, что угодно могу себе позволить, — самодовольно сообщил офицер. — Здесь, можно сказать, моё царство. А вот тебе лучше бы вести себя попослушнее и не дерзить.

— Я ни на кого не покушалась и ни в чём не виновата, — упрямо повторила я.

— То есть ты у нас с норовом, — заключил офицер, склонив голову набок. — Ну что ж, в таком случае проведём допрос по всей форме. Чтобы в дальнейшем неповадно было. Давай! — распорядился он, даже не глядя на стражника, но тот суть приказа уловил.

Офицер даже снизошёл до того, чтобы забрать у помощника папку с бумагами, и держал её, пока тот отпирал дверь камеры, а затем надевал мне на руки кандалы. После чего мне велели выйти в коридор, а затем повели в неизвестном направлении. Прильнувшие к решёткам заключённые провожали циркачку взглядами — сочувственными, любопытными, испуганными, равнодушными.

Втроём мы молча поднялись по старой каменной лестнице с узкими, неровными ступенями и нырнули в коридор следующего этажа. Здесь тоже тянулись камеры, но помимо них имелось также несколько кабинетов, предназначавшихся как для ведения допросов, так и для отдыха офицеров (простым охранникам ничего, кроме небольшого закутка в конце коридора, не полагалось). Как раз в один из таких кабинетов мы и вошли. Удостоверившись в том, что дверь плотно закрыта, стражник поспешно освободил меня от кандалов.

— Простите, госпожа, если что не так, — приговаривал он, снимая с моего запястья первый «браслет». — Я постарался вам пошире подобрать, но, вижу, всё одно слегка натёрли. Но вы в них недолго совсем, заживёт быстро.

Второй «браслет» с тихим щелчком соскочил с запястья, и я с улыбкой обернулась к стражнику.

— Всё хорошо, — заверила его я. — Вы отлично справились со своей ролью.

— Да что там той роли-то? — смутившись, пробормотал он, но похвалой от «высокого начальства из столицы» явно остался доволен.

— А я? — тут же заревновал Нарцисс, привычный облик которого значительно легче угадывался в образе офицера, чем в недавнем костюме охотника.

— Ты тоже, — фыркнула я. — Роль мерзавца тебе удалась на ура, даже и не знаю, о чём это говорит?

— О том, что я — хороший артист, — выбрал удобную ему интерпретацию Нарцисс.

— Угу, можно сказать и так.

— Если вам ничего не нужно, я вас оставляю? — Стражник, ко всему прочему, оказался человеком сообразительным и понял, что в его присутствии мы деловые вопросы обсуждать не будем. — Вот, госпожа, я тут принёс на случай, если захотите поесть.

Он указал на придвинутый к дальней стене стол, на котором красовался поднос с несколькими тарелками и кружкой. Беглый взгляд выхватил ломоть чёрного хлеба, овощи, куриную ногу и две картофелины в качестве гарнира. Вне всяких сомнений, самое лучшее, что можно здесь раздобыть.

— Спасибо! — искренне поблагодарила я. — Вы меня балуете. Эдакими темпами я скоро раздамся вдвое, и заключённые будут недоумевать, как мне такое удаётся на тюремных харчах.

Стражник, усмехнувшись, пробормотал что-то насчёт того, что такой стройной госпоже, как я, подобное не грозит, и удалился, оставив нас одних.

— Итак, кто? — спросила я, разом отбрасывая шутливый тон.

Взяла с подноса огурец и с хрустом откусила. Немного подкормиться и правда не мешало, но курица — всё же перебор: в роль надо входить.

— Твой сосед справа.

Нарцисс отошёл ко второму столу, отодвинул стоявший перед ним стул и присел на столешницу.

Ага, значит, тот самый мужчина с бородкой и любопытным взглядом. Что ж, я с самого начала ставила на него.

— Удачно совпало, — продолжал Нарцисс. — Рядом с ним как раз освободилось место, нам оставалось лишь позаботиться о том, чтобы до тебя его никто не занял.

— Даже за место в тюремной камере приходится бороться, — философски изрекла я.

— Такова жизнь, — поддакнул напарник.

Но дальше вдаваться в философские рассуждения не хотелось. Итак, Вильям Таггарт, урождённый эркландец, работающий на лорда Ромеро. Напрямую он с герцогом, конечно, дела не имел: не того полёта птица, но из достоверных источников было известно, что он неоднократно встречался с небезызвестным Грегори Уолфордом. Тем самым, который не так давно безуспешно пытался похитить принцессу Лемму. Таггарт был небогат, но изворотлив и умен и за хорошее вознаграждение выполнял для своего нанимателя самые разнообразные поручения. В Эрталии он появился девять дней назад, то есть незадолго до официального визита его высочества Освальда Эрталийского, и это совсем не походило на случайное совпадение.

— Время побега уже известно?

Огурца всё-таки оказалось недостаточно, и я взялась за хлеб.

— Да, — кивнул Нарцисс. — Через три дня. Вечером, в шесть.

— Маловато времени. — Я недовольно покачала головой.

— Хватит, — не согласился агент. — Я в тебя верю.

Я лишь неопределённо фыркнула. Специалист я, конечно, неплохой, но чудеса творить не умею, так что дальнейшее развитие событий зависело отчасти от везения. Впрочем, такое в нашей службе случается не столь уж редко.

— Как будет проходить побег? — решила уточнить я. — Подкуп?

— Ага, — весело подтвердил Нарцисс. — Причём аж троих охранников, на разных участках. Из них один — наш человек, который, собственно, и подал приятелям Таггарта идею. Зато остальные двое подкуплены совершенно по-настоящему.

— Что с ними потом будет? — полюбопытствовала я, дожёвывая хлеб.

Впрочем, не так чтобы меня это особенно сильно беспокоило.

— Не знаю. — Нарцисс безразлично пожал плечами. — Это не наша головная боль, пускай начальник тюрьмы разбирается. Но не сразу, только после того, как дело закончим.

Решив, что все важные обсуждения завершены, да и переждать нынче не стоит, я взяла стул, придвинула его спинкой к столу и уселась.

— Приступай! — с готовностью заявила я, устроившись поустойчивее и распрямив спину.

Нарцисс сразу малость помрачнел, а вот спрашивать, к чему именно приступать, даже не подумал. План был разработан заблаговременно.

Агент встал напротив и, поджав губы, принялся разглядывать моё лицо.

— Ну, чего ждёшь? — поморщилась я.

Он посмотрел на меня с укоризной и раздражённо бросил:

— Готовлюсь.

— Чего тут долго готовиться? — возмутилась я. — Не ножи ж метаетшь! Кулаком не промахнёшься.

— В этом-то и дело, — непонятно проворчал Нарцисс.

— Слушай, мне нужен на лице красивый синяк, — озвучила и без того очевидное нам обоим я. — Крупный и бросающийся в глаза. Ты что, хочешь, чтобы я сама его себе устроила? Лицом об угол стола ударилась? Так мне инстинкт самосохранения не позволит.

— А если я буду бить, то позволит? — полюбопытствовал парень.

— Будет непросто, — признала я. — Но постараюсь тебя не покалечить.

И я демонстративно спрятала руки за спину.

Но отчего-то от этого жеста стало только хуже. Нарцисс демонстративно закатил глаза и отвернулся.

— В чём дело? — напустилась на него я. — Ты что, людей никогда не бил, что ли?

— Бил, конечно, — передёрнул плечами агент.

— А по лицу?

— Приходилось.

— Так в чём же тогда сложность?

— Сама не догадываешься? — огрызнулся он. — Женщин бить не доводилось. Тем более даже не пытающихся сопротивляться. И уж тем более...

Он почему-то не закончил, только посмотрел как-то странно и махнул рукой.

— Слушай, мы же обо всё договаривались! — раздражённо напомнила я.

Право слово, что ещё за сантименты?

— Ты просто рохля! — заявила я, презрительно скривив губы.

Нарцисс, отошедший было на полшага и глядевший в сторону, резко развернулся ко мне. Лицо его побледнело прямо на глазах, зубы сжались.

— Да-да, и нечего так на меня смотреть! — продолжала я. — Ты — тряпка! Даже не знаю, как тебя держат на этой службе. Ты же не способен выполнить приказ, какой из тебя мужчина? Между прочим, если на то пошло, в постели ты тоже полный ноль. Ничтожество и есть.

В следующий момент лицо обожгло болью, и я со стоном прижала руку к левой скуле.

— Вот то-то же, — процедила я, когда самая острая боль отступила.

— Не обольщайся: я отлично понял твою игру, — отозвался Нарцисс, покачивая рукой, будто стряхивая с неё последствия своих недавних действий. — Ты специально всё это говорила, чтобы я тебя ударил.

— Какой ты умный! — притворно восхитилась я. Сколь это ни смешно, я слегка на него сердилась за боль, которую сейчас испытывала. — Тем не менее мой приём сработал.

— Не совсем, — проворчал агент. — Просто ты чуть-чуть облегчила мне задачу, и я решил, что необходимо использовать момент.

— Зато теперь сосед поверит, что со мной обращались здесь крайне жестоко, — переключилась на положительные стороны ситуации я.

Нарцисс подошёл ближе и склонился над моим лицом.

— Очень больно?

— До свадьбы заживёт.

Не считая нужным далее развивать тему, я соскочила со стула и продолжила работать над своим внешним видом. Разорвала в одном месте подол, так, что при ходьбе стало высоко обнажаться бедро. Как следует смяла юбку. Тут добиться заметного результата было непросто: за время сидения в камере она и без того успела приобрести не самый опрятный вид. Затем взялась за верхнюю часть платья. Хотела надорвать совсем чуть-чуть, но ткань всё никак не желала поддаваться, а когда я наконец одержала в этой битве победу, порвалась сильнее, чем я планировала. Вид теперь открывался пикантный, хоть и не так чтобы совсем непристойный.

— С рукавом помоги, — обратилась я к Нарциссу, будто только сейчас вспомнив о его присутствии. — Самой себе разрывать неудобно.

Подойдя ко мне почти что вплотную, агент, однако же, не спешил заниматься рукавом. Сперва взял в ладони моё лицо и повернул к свету, чтобы рассмотреть уже вне всяких сомнений украшающий скулу синяк.

— Красиво? — полюбопытствовала я. — А когда нальётся фиолетовым, будет ещё живописнее.

Он не ответил, только мягко приложил к синяку тыльную сторону ладони, оказавшуюся неожиданно — и приятно — прохладной. Наши губы встретились довольно неожиданно, а через несколько секунд Нарцисс уже усадил меня на рабочий стол, который предварительно одним резким движением освободил от бумаг. Его рука воспользовалась столь удачно обеспеченным мною вырезом, заскользила вверх по бедру, быстро переключившись с внешней его стороны на внутреннюю, то и дело жадно сжимая ногу, до боли в мышцах. Ладно, пусть будут и здесь синяки, для нашего дела оно только к лучшему. Для нашего служебного дела, я имею в виду.

Нарцисс отпустил наконец моё бедро, но только для того, чтобы задрать юбку. Туфли я давно уже сбросила, и босые ноги болтались в воздухе. А губы Нарцисса впились теперь в мою шею.

Нечестный приём. Можно сказать, удар ниже пояса. Не потому, что болезнен, и не из-за ассоциаций с книжными вампирами. Просто, во-первых, кожа на шее невероятно чувствительна, и когда мужчина мягко щекочет её кончиком языка, забываешь решительно обо всём. А во-вторых, вынужденно откидывая голову, перестаёшь видеть что-либо, кроме потолка (и то — если достаёт силы воли держать глаза открытыми). Контролировать ситуацию при этом начисто перестаёшь, даже отслеживать происходящее — и то не можешь, разве что с помощью слуха и осязания. Слух при подобных обстоятельствах даёт мало, и вся твоя жизнь фактически сводится в эти томительные секунды к осязанию. Ни на что иное тебе права не оставляют.

Я стонала, совершенно не задумываясь о том, слышно ли это за дверь. В конце концов, по легенде меня для того и привели сюда, чтобы изнасиловать. В особо изощрённой форме. И в изощрённости Нарциссу было не отказать. В мире не осталось ничего, кроме его рук и губ, да белого потолка, безнадёжно проигрывающего им в привлечении моего интереса.

Ощутила Нарцисса в себе и зашипела, прикусив губу. Он двигался, одновременно поддерживая мою спину, а я запустила пальцы ему в волосы. Вскоре его рука проникла в столь неосторожно созданное мною декольте. Нырнула вниз, нащупала белую ткань, плотно обматывавшую грудь: такая нередко заменяла корсет девушкам более низкого сословия. Место для мужского пальца всё равно обнаружилось, и он проник под ткань, в ложбинку между грудями. Методичные движения вперёд-назад поначалу не возымели особого эффекта, но постепенно настойчивость оказалась вознаграждена. Бельё стало менее обтягивающим, и Нарцисс сумел просунуть под

него руку, сжимая упругую грудь, легко помещающуюся в крупной ладони.

Будто гордясь таким достижением (а может быть, так оно и было), он вошёл в меня особенно глубоко и одновременно по-хозяйски прикусил мою нижнюю губу. Я ощутила во рту солоноватый привкус, но вместо того чтобы попробовать отстраниться, посильнее сжала пальцы. Даже если рискую вырвать клочок волос, насильника ведь не жалко, верно?

Вторая рука Нарцисса отпустила мою спину и скользнула под юбку, сперва заставив ещё сильнее раздвинуть бёдра, а затем принявшись ласкать чуть выше той точки, где его тело теснее всего связалось с моим. Я была вынуждена оставить его волосы в покое и опереться руками о столешницу, дабы удержать равновесие. Мысли путались, а загадка осталась только одна: которая часть его тела быстрее доведёт меня до исступления. Грудь тоже не отпускали умелые мужские пальцы, и я металась между конкурирующими за моё внимание ощущениями, начисто позабыв и про камеру, и про стражника за дверью, и про потолок, лишь изо всех сил цепляясь за собственное сознание, стараясь не сдаться слишком быстро, как можно дольше продлить эту сумасшедшую, изощрённую пытку, разрывающую тело и душу на несколько частей.

Когда я наконец сдалась, орала, наверное, так, как если бы мне прижигали раскалённым железом пятки. Движения пальцев Нарцисса не прекращались ещё некоторое время, дразня, издеваясь, удостоверяясь в том, что я дойду до самого конца, не потеряв даже тысячной доли возможных ощущений. Потом рука вновь возвратилась к моей спине, позволяя чуть-чуть расслабиться, а толчки в моём теле стали более частыми, и прекратились лишь после того, как из груди его вырвался практически звериный рык.

Когда я соскочила со стола, едва удержалась на ослабевших ногах и с низким стоном упала на стул.

В камеру я возвратилась только что не с фанфарами. Во всяком случае, мой внешний вид был весьма впечатляющ и не оставлял ни малейших сомнений насчёт того, что именно происходило со мной во время отсутствия. Волосы растрёпаны, платье разорвано в нескольких местах и украшено весьма характерными пятнами, из декольте торчит бельё, на скуле синяк, на шее засос, губа прикушена. С меня следовало бы в срочном порядке писать портрет, но, увы, в соседней камере сидел отнюдь не художник.

Всё тот же стражник молча снял с моих рук кандалы и подтолкнул в камеру. Я покорно вошла, правда, споткнувшись на пороге. Под заинтересованным взглядом соседа справа и сочувствующим — соседки слева доковыляла до стены, села на пол, обхватила руками колени и опустила голову. Во-первых, такое поведение соответствовало выбранному мной образу, а во-вторых, сейчас, когда я прятала лицо, заключённые не имели возможности видеть время от времени появляющуюся на нём улыбку.

К ужину не притронулась. Причина опять-таки двойная: и легенда, согласно которой мне сейчас совершенно не хотелось есть, и качество доставленной в камеру каши. Хотя я и отказалась в кабинете от курицы, простое угощение, которым я всё-таки воспользовалась, было значительно аппетитнее содержимого арестантской миски.

Потом всё с тем же бледным, каменным лицом, без слёз, без жалоб, без истерик легла, повернулась лицом к стене и так провела всю ночь.

Нарцисс снова появился около десяти утра. Раньше было никак не возможно: приличные начальники на заре по коридорам не шастают, они в это время изволят почивать. Десять,

сказать по правде, тоже было рановато, но, видимо, слишком долго оставлять меня без присмотра агент просто не желал.

— Эй, Роллес! — рявкнул он, остановившись у двери моей камеры.

Я сидела лицом к стене, обхватив себя руками и слегка покачиваясь из стороны в сторону. Голос «офицера» заставил меня вздрогнуть и обернуться — реакция, которая последнему, несомненно, понравилась.

— Ну как, поняла, где твоё место? — продолжал глумиться он.

Я промолчала, лишь одарила его ненавидящим взглядом исподлобья.

Нарцисс нахмурился, якобы недовольный таким проявлением характера.

— Встать! — гаркнул он так, что, должно быть, на ноги поспешили подняться все заключённые на этаже.

Я не стала исключением.

— Подошла к двери, быстро! — всё так же громко рявкнул Нарцисс.

Я помешкала секунду-другую, но затем всё-таки послушалась.

«Офицер» быстрым, хорошо отработанным движением просунул руку между прутьями, схватил меня за шею и прижал лицом к решётке.

— До сих пор не поняла, как надо себя вести? — прошипел он, но так, чтобы обитатели соседних камер точно расслышали.

Его вторая рука заскользила по моему платью, жадно обхватила грудь и принялась мять её всё сильнее, будто это вовсе и не была плоть живого человека. Моё лицо исказила гримаса, я дёрнулась, пытаюсь отстраниться, но пальцы сильнее сжались на шее, вынуждая остаться на месте. Ещё немного пошарив руками по моему телу агент отстранился сам.

— Похоже, я мало тебя вчера поучил, — заявил он, прищурившись. — Ну-ка, доставь её ко мне в кабинет! — обернулся он к стражнику.

После чего спокойно зашагал прочь.

Стражник зашёл в камеру. После вялого сопротивления с моей стороны руки вновь оказались скованы, и меня, как и накануне, вывели в коридор.

В кабинете снова был накрыт стол, но не как вчера. На этот раз здесь красовалась целая утка, варёная картошка, от которой ещё шёл пар, зелёный горошек, белый хлеб и — на отдельных блюдах — фрукты и овощи в больших количествах.

— Ешь давай, а то в привидение превратишься, — первым делом кивнул в сторону стола Нарцисс.

— А не боишься, что в дверь камеры не пролезу? — любопытствовала я.

— Кстати, не самая большая трагедия в жизни, — хмыкнул он. — Брось, тебе здесь не годами куковать. Осунуться всё равно бы не успела.

— Но и растолстеть тоже, — проворчала я, но к столу всё же присела. Есть хотелось, запах был умопомрачительный, да и потом, Нарцисс прав: глобальных изменений в моей комплекции за пару дней произойти не должно. — Я понимаю: мясом здесь некоторых всё-таки кормят. Но разве в тюрьме можно раздобыть виноград? — удивлённо спросила я, покачивая в руке гроздь с крупными зелёными ягодами.

— В тюрьме — нельзя, — отозвался Нарцисс и, повернувшись ко мне спиной, отошёл ко второму столу.

В скором времени мы вновь не преминули воспользоваться этим столом не по назначению, уж коли так складывались обстоятельства. Затем я вернулась в камеру. Следующие пару часов ничего интересного не происходило.

А вот затем события потекли одно за другим. Шум шагов, на который в мрачном мире тюремного этажа реагировали все. Слишком мало здесь было развлечений, да и потом, внеурочное появление посетителей несло с собой как страх, так и надежду.

Первыми появились охранники, разносившие еду. Вроде бы ничего особенного, обыкновенный распорядок дня. Но я заметила, как один из них, дождавшись, когда другой отвернётся, сунул моему соседу в руку свёрнутую в тончайшую трубочку записку. Прочсть содержимое у меня шансов не было, однако о сути послания я догадывалась. Таггарта предупреждали о скором побеге.

Следующими, около часа спустя, тоже пришли двое: уже знакомый мне стражник, прежде сопровождавший Нарцисса, и офицер, которого я видела впервые. Худощавый блондин с правильными чертами лица и жиденькими усиками. Мимо большей части камер он проходил, даже не глядя в сторону их обитателей, возле некоторых останавливался и задавал уточняющие вопросы. Обращены они, как правило, бывали опять же не к заключённым, а к сопровождавшему офицера стражнику. Поравнявшись с моей дверью, блондин остановился. Поглядел на меня с плохо скрываемой насмешкой, потом полюбопытствовал:

— А это и есть та самая циркачка, которой так заинтересовался мой коллега?

Ага, похоже, слухи о похождениях Нарцисса достигли не только ушей заключённых. Что, впрочем, неудивительно. Напротив, было бы весьма странно, если бы стражи, скучающие здесь не меньше узников, пропустили хоть что-то из тюремных новостей.

— Она самая, господин офицер, — без особого выражения, просто констатируя факт, подтвердил подчинённый.

— Хорошо, — кивнул тот и, смерив меня последним взглядом, распорядился: — Доставь её ко мне в кабинет. Хочу посмотреть, что он в ней нашёл. Те, кто видел представление на площади, говорят, она очень гибкая.

И встал в сторонке, вроде бы как потеряв ко мне интерес.

— Прямо сейчас привести или попозже? — растерянно уточнил стражник.

— Сейчас, сейчас, — спокойно откликнулся офицер. — Чего тянуть-то? Времени у меня полно.

Стражник, округлив глаза, покосился в мою сторону. Я наклонила голову — движение, которое он должен был воспринять как кивок. Раз приказали вести, значит, веди.

И он послушался. Разумеется, прежде чем мои руки в очередной раз оказались скованы, я успела выудить из волос подходящую шпильку.

Мы снова поднялись по лестнице на один этаж и вновь прошли в кабинет, но только не в тот, в котором меня «допрашивал» Нарцисс, а в соседний. Впрочем, обстановка внутри была очень похожая. Разве что без ломящегося от кушаний стола. Зато бутылка с выпивкой на рабочем столе имелась, и офицер, оказавшись в кабинете, сразу же сделал пару глотков из стоявшей рядом с ней кружки.

— Пшёл отсюда, — бросил он стражнику, даже не глядя в его сторону.

Внимание блондина было полностью сосредоточено на моей персоне. Но я уже успела сделать всё, что нужно, по пути из камеры, так что сейчас мне его взгляды особенно не мешали.

Усатый стражник вновь посмотрел на меня чрезвычайно растерянно, даже испуганно. Воспользовавшись тем, что офицер всё-таки отвернулся, дабы налить в кружку и незамедлительно выпить ещё немного горячительного, я медленно кивнула, давая добро на подчинение прямому начальству.

— Может быть, кандалы снять? — попытался хоть как-то исправить положение стражник.

— Я разве что-то сказал на этот счёт? — холодно поинтересовался офицер.

Расценив эти слова как отрицательный ответ, страж оставил нас одних.

Я не двигалась с места и избегала смотреть на блондина, ожидая действий с его стороны.

— Как я погляжу, мой предшественник обошёлся с тобой не слишком-то вежливо, — заметил он.

Надо же, какой сострадательный попался. Ну прямо принц на белом коне!

— Я умею быть более ласковым. Могу заодно еды и питья подкинуть. Кстати, выпить хочешь? — И он кивнул в сторону своего стола с бутылкой.

Я мотнула головой, не размыкая губ. Вот ещё, не хватало мне пить из его кружки! Кто его знает, чем он болеет, с таким-то образом жизни. Да и к содержимому бутылки у меня, признаться, доверия нет. Яда туда, конечно, не подсыпали, но вот само пошло наверняка низкосортное.

— Вот, значит, как? — Офицер нехорошо прищурился, приняв мой отказ за признак неуважения. В общем-то, был недалёк от истины. — Ну что ж, тогда придётся поговорить по-другому, — угрожающе протянул он и двинулся мне навстречу.

Я чуть не прослезилась. Человека, можно сказать, обидели в лучших чувствах. Он к заключённой со всей душой: собирался не просто так изнасиловать, а за пару глотков дешёвого вина! А она не оценила.

Офицер подошёл совсем близко. Рука легла мне на плечо, а я скривилась, почувствовав запах перегара.

— Сейчас будешь делать то, что я захочу, — сообщил он, склонившись к самому моему уху.

— Угу, — неопределённо промычала я.

И позволила кандалам слететь с рук.

Офицер взвыл, поскольку нелёгкое, в общем-то, железо приземлилось непосредственно на его правую ногу. Пока он не успел опомниться, я продолжила действовать. Сначала со всей силы наступила ему на левую ногу, для симметрии. Потом ударила коленом в паховую зону. Запрещённый, нечестный приём, зато какое удовольствие он мне доставил! Офицер согнулся, чертыхаясь (к сожалению, не фальцетом), а я, сцепив пальцы рук в замок, с силой ударила его правым локтем по спине.

Блондин упал на пол. Я позволила себе ещё пару раз его ударить: для профилактики, чтобы урок запомнил. Причём вела себя в высшей степени гуманно: была по почкам, а не по тому месту, по которому больше всего хотелось.

— Вот это да-а-а, — протянули со стороны двери.

Я обернулась. Нарцисс стоял, вольготно облокотившись о косяк, а у него за спиной виднелся запыхавшийся стражник.

— Я тут мчусь через целый квартал, чтобы её спасти, перепрыгиваю на лестницах по десять ступеней, а она здесь, оказывается, над людьми издевается, — с наигранной укоризной покачал головой агент.

— Не над людьми, — ответила я, показательно врезав стонущему офицеру ещё пару раз.

Нарцисс подошёл поближе, с профессиональным интересом оглядывая жертву моего профессионального же произвола.

— Пожалуй, — согласился он. — Но меня-то подождать можно было? Мне же тоже пар надо выпустить! Что у тебя за манера совершенно не заботиться о напарнике?

— Прости, обстоятельства не располагали, — отозвалась я без малейшего чувства раскаяния.

Мне выпустить пар нужнее.

— Что здесь происходит? — без тени недавнего высокомерия простонал блондин.

— Происходит то, — сообщил Нарцисс, присаживаясь возле него на корточки, — что тебе сегодня чрезвычайно повезло.

Стоит ли удивляться, что в глазах офицера промелькнул, скажем так, лёгкий намёк на недоверие? Однако Нарцисс объяснил смысл своих слов, продолжив:

— Тебе очень повезло, что тебя побил эта милая девушка. Если бы ей не удалось освободиться и я застал здесь другую картину, так легко ты бы не отделался. У меня рука тяжелее.

Он продемонстрировал эту самую руку, что заставило офицера в испуге отстраниться, насколько это было возможно в его положении.

— Лучше больше его не трогай, — предупредил меня Нарцисс, видимо, заметив, что моё лицо ещё не утратило кровожадного выражения. — Надо, чтобы он до суда дожил.

— А будут его судить? — мрачно возразила я. — За заключённую-то?

— Позволю себе вмешаться, но будут, — напомнил о себе стражник. — У нас с такими вещами

строго. Это он сейчас себе позволил, потому что думал, что вы первым полномочия превысили, — объяснил он Нарциссу, — и потому спрос, в случае чего, тоже с вас.

— Вот и хорошо, — заключил Нарцисс. — У вас свободная камера для него найдётся? Только не такая, как у неё, — махнул он рукой в мою сторону. — А более закрытая, чтобы нельзя было ни с кем переговариваться.

— Найдём, — заверил стражник.

— Отлично, — кивнул Нарцисс. — И до окончания дела его оттуда не выпускать. Когда всё закончится, мы вас известим. Да, и по поводу ареста старшего по званию не беспокойтесь. У меня есть полномочия отдать вам такой приказ.

Я тихонько фыркнула, полуотвернувшись. Такие полномочия были у меня, а вовсе не у Нарцисса, представлявшего здесь другое государство и не имевшего никакого отношения к эрталейским властям. Но говорить этого вслух я не стала.

Я сидела в камере в уже привычной позе — обхватив руками колени, то пряча лицо, то поднимая голову, чтобы сверкнуть болезненно блестящими глазами и продемонстрировать залегшие под ними круги.

Сперва мой сосед справа просто переместился поближе и опустился на пол, прислонившись спиной к ближайшей решётке. И лишь спустя несколько минут повернул в мою сторону голову и тихо позвал:

— Эй, циркачка!

Я перевела на него отрешённый взгляд, и то лишь на долю секунды.

Однако же подобное отсутствие заинтересованности Вильяма Таггарта не отпугнуло.

— Хочешь отсюда выйти? — всё так же тихо спросил он.

Я гневно скривилась, демонстрируя тем самым, что воспринимаю его слова как издёвку.

— А ты бы не хотел? — передразнила я.

Он загадочно усмехнулся:

— Я — да.

Раскрывать карты он пока не стал.

Я пожала плечами. Мол, к чему обсуждать то, что и так очевидно.

— А что бы ты сделала, если бы вышла на волю? — продолжал допытываться он.

— Слушай, у тебя что, приступ болтливости прорезался? — недовольно прошипела в ответ я. — Не знаю, что бы сделала. Вернулась бы сюда и зарезала пару человек.

Последние слова я вроде как пробурчала несерьёзно, чтобы сосед отвязался, но такой ответ явно его удовлетворил. Больше мы в тот день не разговаривали.

Побег состоялся точно в срок. Просто в один прекрасный момент погасли оба факела, до тех пор потихоньку чадившие в коридоре. И без того тёмный этаж погрузился в кромешный мрак. Заключённых это не переположило: не в первый раз. Порой стража забывала вовремя сменить факел. Так что к одному дополнительному неудобству, временно добавившемуся в придачу ко всем прочим, узники отнеслись с философским спокойствием. И мало кто обратил внимание на то, что факелы вовсе не успели догореть. И погасли отнюдь не по естественным причинам. А потому, что кто-то, скрывавшийся в конце коридора, воспользовался гасителем.

Теперь этот кто-то крадучись приближался к нам. Я внутренне подобралась, но внешне никак не выдала своего напряжения, невзирая на то, что в воцарившейся кругом темноте меня вряд ли могли увидеть. Но как-то ведь неизвестный мне человек передвигался по коридору. И как-то, судя по раздавшемуся рядом щелчку, сумел открыть камеру моего соседа. Быть может, просто был хорошо натренирован. А может быть, задействовал магию, позволяющую видеть в темноте. Кто знает? На всякий случай лучше не рисковать.

Дверь соседней камеры открылась практически бесшумно. Даже я вряд ли бы обратила внимание, если бы не знала, что должно произойти, и не прислушивалась специально. Хорошая работа. Правда, последовавшее за этим перешёптывание смазало впечатление.

— Эй, циркачка! — тихо раздалось у самой моей двери.

Я выждала секунду для верности, после чего перебралась поближе к решётке и прошептала:

— Кто это?

— Твой бывший сосед, — последовал весьма содержательный, если вдуматься, ответ. — Я ухожу. Идёшь со мной?

— Как?.. Да! — выдохнула я.

Но дверь уже отворяли, не дожидаясь моего ответа.

Четверть часа спустя, благополучно миновав все посты, мы с Таггартом оказались за тюремной стеной. Первая часть задания была благополучно выполнена.

Глава 14

— Сможешь попасть вон в ту зелёную шишку? — спросил Таггарт, вытягивая руку, дабы указать мне новую мишень.

— Смогу, — равнодушно отозвалась я.

Пригляделась к длинной, незрелой сосновой шишке, прикинула расстояние и метнула очередной нож, выданный мне специально для этой цели. Попала. Шишка полетела с ветки вниз. Простенькая рукоятка почти целиком утонула в устилавшей землю хвое.

Таггарт кивнул нашему третьему спутнику, Альфредо, и тот пошёл поднимать оружие.

Очередной порыв ветра заставил невольно поёжиться. Здесь, посреди соснового бора, было не слишком светло даже в полдень, однако сейчас тени сгустились и в сочетании с похолоданием свидетельствовали о приближении вечера.

— Скоро пора будет возвращаться, — заметил Альфредо, предварительно продемонстрировав

Таггарту пронзённую клинком шишку.

Имелось в виду возвращение в лагерь, который мы втроём покинули около часа назад. Таггарт, считавшийся здесь кем-то вроде главаря, явно не хотел, чтобы все были в курсе нашего разговора или наблюдали демонстрацию моих способностей.

Он кивнул, но уходить пока не спешил, вместо этого продолжил прервавшиеся ненадолго расспросы:

— Через трёхметровый забор перелезть сумеешь? Если без посторонней помощи?

— Сумею, — всё так же хладнокровно ответила я, пожав плечами.

С тех пор как два дня назад мы добрались до лесного лагеря, я вообще не проявляла никаких эмоций, якобы пребывая в некоем «замороженном» состоянии духа.

— А если по стене дома подняться? На второй этаж, на третий?

— Стена гладкая? — уточнила я.

— Обычная. Кое-где неровности, карнизы, местами плющ. Но не более того.

— Если карнизы и местами плющ, точно смогу, — отмахнулась я, нисколько не кривя душой.

Таггарт с Альфредо многозначительно переглянулись. Я сделала вид, что не заметила. Готовят меня потихоньку к заданию, точно готовят, хоть и не посвящают пока в детали. Но я и без их помощи догадываюсь, к какому именно. Не зря меня сюда послали, и не зря я предварительно продемонстрировала на главной городской площади таланты определённого рода.

Ещё с десятков подобных вопросов — и мы двинулись-таки обратно.

Лагерь разбили на поляне, со всех сторон окружённой густым приграничным лесом. Хорошее место. Вроде бы и до города добираться всего пару часов, а шансов, что какой-нибудь путник или, того хуже, стражник случайно обнаружит подозрительную компанию из десяти человек, — почти никаких. Пара невысоких шатров, куда в случае необходимости можно набиться вдесятером, дабы спрятаться от дождя, с полдюжины валявшихся на траве одеял, кострище, несколько оставленных тут и там фляг. Особенному комфорту здесь взяться было неоткуда, но собравшиеся в лагере эркландцы к комфорту и не привыкли.

Раздобыв в одном из шатров оселок, я уселась прямо на траву неподалёку от кострища и принялась точить один из своих новых метательных ножей. Он и без того был остро заточен, но я доводила клинок до идеального состояния. Не столько из подлинной необходимости, сколько потому, что это казалось идеальным занятием для человека в моём положении. Общаться с окружающими желания нет, любоваться красотами — тем более. Вышивание крестиком — не тот метод успокоения нервной системы, какой естественно смотрелся бы в данной обстановке. Да и сомневаюсь я, что среди припасённых в шатрах вещей обнаружатся пальцы. А вот возиться со своим оружием — дело другое. Здесь многие проводят кучу времени за этим занятием.

Пристальный, неприязненный взгляд Неда, молодого долговязого парня в коричневой шляпе, прикрывавшей неухоженные волосы, я почувствовала ещё прежде, чем он заговорил.

— Смотрите-ка, до нас Таггарт, как из тюрьмы вернулся, почти не снисходит, даже «здрасте»

от него не услышишь. А эта здесь всего-то два дня — и прямо-таки в фаворе. С чего бы это?

Вопрос, по-видимому, был адресован мне, но отвечать я, понятное дело, нужным не сочла. Даже глаза на Неда не подняла, просто молча продолжила своё занятие.

— Ещё одна до нас не снисходит, — со злой иронией констатировал парень. — И кто? Всего-то навсего жандармская подстилка. Может, ты и меня развлечёшь? А то скука здесь смертная.

А вот и ещё одно доказательство эркландского происхождения моих «сотоварищей» или как минимум конкретно этого. Слово «жандарм» ни в Эрталии, ни в Ристонии не используется, а вот в Эркландии именно так именуют стражников всех мастей, в том числе и тюремных.

Я прикидывала, пора уже реагировать или стоит ещё немного подождать, когда поток словесных излияний Неда оборвал глухой голос другого обитателя лагеря:

— Нед, заткнись. Человеку и без тебя досталось.

Я искоса посмотрела на Волка, сидевшего особняком рядом со сваленным в кучу хворостом и до сих пор возившегося с тетивой своего арбалета. Имени этого парня никто не знал, только прозвище — Волк, иначе к нему никогда не обращались. Высокий, крепкого телосложения, наверняка сильный, он обладал одним физическим недостатком: левую сторону его лица уродовали следы давних ожогов. Судя по крупным пятнам, глаз его в своё время уцелел каким-то чудом. Роковых последствий для здоровья тогдашний пожар, похоже, не возымел, но вот внешность своей жертве загубил основательно. При том что, насколько я могла судить на данный момент, черты лица у Волка были правильные.

— А что сразу «заткнись»? — огрызнулся Нед. — Сидим здесь, как проклятые, в этой проклятой стране, ждём не пойми чего. Не просто так же сюда перебирались. Ладно, Таггарта почти сразу сцапали, понятное дело, всё прочее пришлось отложить. Ну а сейчас-то?

Взвинченный, он встал и принялся мерить шагами поляну и даже шляпу, похоже, снял только для того, чтобы раздражённо повертеть в руках.

— Сколько можно здесь торчать? И вообще, так, что ли, сложно сказать, в чём суть дела?

— Ты же знаешь, Таггарт не любит болтать о заданиях прежде времени, — хладнокровно пожал плечами Волк.

— Смотря с кем, как я погляжу.

Короткий неприязненный взгляд в мою сторону, и Нед сделал ещё пару шагов, чтобы остановиться около тонкого ствола одинокой берёзки. И вскрикнул, когда брошенный мною нож выбил шляпу у него из рук.

— Ты что, ненормальная? — рявкнул он затем.

— Следующий — тебе в глаз, — чётко сказала я.

После чего развернулась и ушла с поляны, предоставив Неду и дальше бубнить о том, что так поступают только умалишённые.

Не слишком серьёзно отдалившись от лагеря, я остановилась и уселась на ствол сваленного непогодой дерева. После чего собралась продолжить прерванное занятие, благо что

прихватила с собой оселок и очередной метательный нож, коих у меня теперь было в избытке. Чем-чем, а оружием меня в лагере обеспечили.

Шуршание хвои под ногами заставило меня пусть не вскочить, но резко обернуться. Оставшийся без внимания оселок соскользнул со ствола на землю, зато рукоять ножа я перехватила крепко.

— Это я, — примирительно сказал Волк, заметив мою готовность к любому развитию событий.

Я опустила нож клинком вниз, предварительно прокрутив его в пальцах, и наклонилась за оселком.

— Просто сказать хотел... — Волк чуть замялся, переступил с ноги на ногу. — Не обращай на Неда внимания. Норов у него ещё тот, конечно, но всерьёз против Таггарта он не пойдёт. Так что и тебя не тронет. Но если вдруг что, дай мне знать. Я с ним разберусь. Хотя ты, вижу, и сама справишься.

Он ухмыльнулся здоровой стороной лица, покосившись на мой нож. Я утвердительно кивнула, дескать, справлюсь.

— Ну... я пойду, — проговорил он, постояв на месте ещё немного.

Я пожала плечами. Мол, как хочешь, мне ты не мешаешь.

Правильно истолковав это движение, Волк не ушёл, а вместо этого опустился всё на тот же ствол, но только в паре ярдов от меня, показав таким образом, что уважает моё личное пространство.

Я возвратилась к своему занятию, а он какое-то время наблюдал, молча следя за оттачиваемым клинком.

— Знаю, что советов никто не любит, и ты тоже, — заметил он вдруг, когда я, шурясь, оценивала результаты своих трудов. Скоро совсем стемнеет, и делать в лагере станет нечего. — И всё-таки скажу. Уходила бы ты отсюда, пока ещё не увязла.

Я медленно подняла на Волка взгляд, и он лишь после этого продолжил:

— Ты же отлично понимаешь, что мы здесь не шутки шутим. В первом деле поучаствуешь — и пути назад не будет.

Я пожала плечами, отведя глаза, но продолжая кожей чувствовать его неотрывный взгляд.

— Мне некуда идти, — безразлично бросила в сгущающиеся сумерки.

Волк кивнул. Спорить не стал, сочтя, что мне виднее. Такое поведение добавило ему очков в моих глазах.

— Сам-то чего не уходишь? — полюбопытствовала я, глядя, однако, не на собеседника, а на нож, который принялась снова вертеть в руках.

Волк усмехнулся.

— Да мне тоже особо некуда. С такой-то рожей, — отозвался он, и дополнительных объяснений мне не потребовалось.

И так всё было понятно. Перед глазами будто пробежала вереница событий. Места службы, на которые человека с такой внешностью брать не пожелали. Женщины, воротившие нос «от этого уroda». Нищета и разбитое сердце как итог. Ну и вполне предсказуемое развитие событий — питаться ведь чем-то всё равно надо, — какая-нибудь банда, может, вначале не Таггарта, а другая, но разница не так уж принципиальна. Не исключено, что даже и не от голода, скорее от ненависти к обществу, которое само незаслуженно отвергло, само вытолкнуло на задворки.

Я сочувственно кивнула и снова сфокусировалась на ноже. Излишнего внимания к своим проблемам такие люди не любят.

Таггарт позвал меня в шатёр для серьёзного разговора на следующий день. Альфредо снова был с нами. Ещё один парень, из тех, кому мой бывший сокамерник доверял чуть больше, чем остальным, остался караулить у входа.

— Кара, — обратился ко мне Таггарт после того, как мы расселись: стоя пришлось бы всё время пригибаться из-за низкого полога, — помнишь, что ты сказала мне в первый день после побега?

Я вопросительно изогнула бровь. Дескать, мало ли что я могла тогда сказать. Хотя в действительности слова, произнесённые мной за всё проведённое в лагере время, можно было сосчитать чуть ли не на пальцах.

— Ты сказала, что намерена отомстить, — мягко напомнил Таггарт.

Я лишь слегка наклонила голову. Ну говорила, и что дальше?

— У меня появилась возможность это устроить, — продолжал он, пристально глядя мне в глаза.

Глаза, в которых сейчас впервые появился подлинный интерес.

— Ты можешь мне устроить повторное посещение тюрьмы? — спросила я.

— И это тоже, но в другой раз, — покачал головой Таггарт, а мне подумалось, что он неплохо врёт: понятное дело, обеспечивать циркачке возможность поквитаться с офицерами охраны никто не собирался. — У меня есть к тебе предложение получше. Ты можешь раз и навсегда разобраться с тем, из-за кого оказалась за решёткой. Из-за кого всё началось? В ком изначальная первопричина всех твоих неприятностей?

— Карета, — тихо процедила я.

Таггарт удовлетворённо кивнул.

— Тот, кто ехал в карете, — подтвердил он. — Наследный принц Эркландии Освальд.

— Но принца всё равно не достать, — возразила я, однако же испытующе глядя Таггарту в глаза в ожидании ответа.

— Кому попало — не достать, — согласился тот, не отводя глаз. — Но ты — можешь. С моей помощью, конечно. Скажем так: твои умения в сочетании с имеющейся у меня информацией и поддержкой моих ребят.

Я помолчала, сомкнув губы и глядя в пол. Точнее сказать, на успевшую основательно

запачкаться ткань, исполнявшую функцию пола в шатре.

— Всё это хорошо, — проговорила я затем, — но для чего это нужно тебе?

— Нужно, — просто ответил он. — Какая, в сущности, разница, зачем? Наши интересы совпадают, этого довольно. Я помогаю тебе, ты — мне.

Я покосилась на Альфредо. Тот всё это время сидел молча и жадно вглядывался в выражение моего лица. Встретив мой взгляд, смутился и отвёл глаза.

— Ладно, — проговорила я, снова сосредоточившись на Таггарте. — Убедил. Допустим, я с вами. Что от меня потребуется? И вообще, как всё это будет происходить?

— Я всё объясню, — заверил он, вне всяких сомнений, довольный моим ответом. — Подробности разберём завтра, а в общих чертах дело обстоит так. Дом, в котором сейчас проживает принц, охраняется на совесть, и, главное, во дворе спускают с цепи собак, так что туда соваться бессмысленно. Но послезавтра Освальд поедет с визитом к одному из местных дворян, некоему Просперо Нольди, и вот там охраны будет существенно меньше.

— Ты в этом так-таки уверен? — скептически осведомилась я.

— Уверен, — кивнул Таггарт. — Я знаю все подробности, вплоть до того, в какой комнате будут встречать принца и куда окно этой комнаты выходит.

— Впечатляет.

— Я ведь говорил: моя информация дорогого стоит, — не стал скромничать бывший сокамерник — Итак, дом окружён высоким забором, но перебраться на ту сторону реально. У тебя будут помощники. Обрато, правда, придётся лезть самой, но ты сказала, что справишься.

Ну да, если моё возвращение вашими планами вообще предусмотрено. В чём я отнюдь не уверена. Ладно, допустим.

— Перебраться не проблема, — отозвалась я, — но стража-то там небось имеется?

— Постоянно стражники стоят только на воротах, — подал голос Альфредо. — А вдоль стен время от времени проходит патруль. Можно успеть пересечь двор в перерыве между проверками.

Я кивнула, принимая эту деталь к сведению.

— Дальше?

— А дальше ты поднимаешься по стене и пробираешься в дом через нужное окно, — вновь взял инициативу в свои руки Таггарт. — Твой главный козырь — внезапность. Ничего подобного никто из них не ожидает. Встреча секретная, так что охраны в комнате не будет. Только Освальд и хозяин дома. Бросаешь нож. Важно попасть с первого раза. И тут же уходишь. Хозяин попытается призвать на помощь стражу, поэтому я бы советовал убрать и его, но это на твоё усмотрение. В любом случае стражу внизу мы возьмём на себя, внимание отвлечём. Твоя задача — воспользоваться этим и самостоятельно перебраться через забор на нашу сторону. Дальше все уходим в лес.

М-да. Отличная история, счастливый конец. В действительности же шансы циркачки

благополучно выбраться за ограду невысоки. Однако кого это здесь беспокоит? Главное — всю грязную работу она выполнит. А если попадётся, ну, так невелика потеря: раньше без неё обходились и дальше обойдёмся. В лагерь, понятное дело, возвращаться в этом случае не станут, а никакой другой ценной информацией исполнительница и не обладает. К тому же вероятность, что её возьмут живой, не слишком высока, скорее всего, просто застрелят при попытке скрыться.

Интересно, а какие у них планы на случай, если мне всё-таки удастся уйти от охраны? Уберут меня самостоятельно или всё-таки помогут? Пожалуй, скорее второе. Девушки, умеющие лазить по стенам и профессионально метать ножи, на дороге не валяются. Так что мне наверняка помогут перебраться через границу, чтобы затем приспособить в Эркландии к очередному заданию.

— Когда будут готовы подробные указания? — вот всё, что я произнесла вслух, когда Таггарт завершил свою трогательную историю.

— Завтра вечером, — ответил он. — Надо проверить кое-какие детали. На закате соберём всех, и каждый получит точные инструкции.

— Хорошо, — кивнула я, поднимаясь на ноги.

И вышла из шатра, успев заметить многозначительный взгляд, которым обменялись Таггарт с Альфредо.

— Ну, что? — спросил Волк, тенью отделившийся от соснового ствола, едва я достаточно отдалилась от дежурившего у полога охранника. — Получила задание?

— Получила, — кивнула я.

— И как?

Я неопределённо качнула головой:

— Скажем так, в этом задании мне отведена ключевая роль.

— Это плохо. — Он нахмурился, хотя, похоже, ожидал такого ответа. — Обычно ключевые роли новичкам не дают.

Продолжение осталось недосказанным. Не дают, если только не намереваются использовать новичка в качестве пушечного мяса.

Я усмехнулась.

— Думаю, Таггарт не рассчитывает, что я вернусь с задания, — прямо сказала я.

— И что ты собираешься предпринять?

Волк смотрел на меня, прищурившись. Здоровая сторона лица выражала обеспокоенность. Вторая, как и обычно, не выражала ничего. А ведь у него действительно правильные черты. Наверное, он мог бы быть красивым, если бы не случилось то, что случилось. И с заработком проблем бы не возникло, и яркие женщины были бы у его ног...

— Ничего особенного, — подмигнула я. — Просто я вернусь.

Покинув спящий лагерь, я, осторожно ступая, углубилась в лес. Лунный свет проникал сюда не слишком хорошо, но глаза уже успели привыкнуть к темноте. Да и идти было недалеко.

А вот и он, расщеплённый ствол старого дуба. Должно быть, когда-то в дерево попала молния, образовав огороженное «стенкой» из коры пустое пространство, где даже взрослому мужчине несложно было укрыться от посторонних глаз. Именно так один конкретный мужчина и поступил.

— Я уж думал, ты и сегодня не придёшь, — ворчливо заметил он, выходя мне навстречу.

— Раньше важной информации не было, — невозмутимо ответила я.

— А сейчас появилась?

— Ага.

— Немудрено, — довольно потёр руки Нарцисс. — Не зря же пара человек проговорились о времени визита Освальда.

Я кивнула.

— И что? Покушение?

— В моём исполнении, — подтвердила я.

— Рассказывай.

Собственно, Таггарт успел сообщить мне не так уж и много подробностей, поэтому рассказ закончился быстро. Однако Нарцисс и без меня знал, в какое время и в каком кабинете состоится знаменательная встреча эркландского принца с видным представителем местного дворянства. Вернее, где именно она должна была состояться согласно легенде.

— На такой случай решение принято следующее. — Агент, кажется, был не в восторге от информации, которой со мной сейчас делился, но служба есть служба, и это мы оба понимали одинаково хорошо. — Ты всё делаешь так, как скажет Таггарт. Пробираешься в дом — по стене, как я понимаю?

— Ещё бы! — с самодовольным видом фыркнула я.

— Помню-помню. До сих пор под впечатлением, — весело отозвался Нарцисс, намекая на наши казавшиеся теперь давними гонки за перстнем. — Так вот, всё делаешь, как скажут. Наши — точнее, ваши, — понятное дело, позаботятся о том, чтобы тебя никто «не заметил». На встречу с прекрасным принцем сильно не рассчитывай, — добавил агент с сарказмом, — вряд ли он придёт в тот кабинет. Но кто-нибудь там, скорее всего, будет, и если появятся дополнительные инструкции, тебе передадут. А дальше делаешь вид, будто всё удалось, и возвращаешься к своим новым друзьям. Там по обстановке. Если понадобится, охранники в тебя постреляют, но промахнутся.

— Стало быть, на месте этих красавцев арестовывать не станут? — уточнила я.

— Нет. — Нарцисс прижал раскрытую ладонь к дубовому стволу. — Ваши-то, эрталлийцы, так и хотели поступить. Но операция совместная с Эркландией, а их монарх решил, что пока с мятежным герцогом не покончат, принцу будет лучше считаться мёртвым. И переждать

трудные времена здесь, в Эртали.

— В целом логично: мёртвого не попытаются снова убить, — признала я.

— Да, но это означает, что сейчас никакого ареста не будет, — не слишком довольнo заметил Нарцисс. — Картина должна сложиться такая: у тебя всё получилось, принц мёртв, вы благополучно возвращаетесь в лагерь. А уже позднее, через день-два, местные власти совершенно случайно вас обнаруживают.

— Это если Таггарт вообще планирует возвращение в лагерь, — поморщилась я. — У него могут быть другие планы. Например, сразу же двинуться в Эркландию.

— Всей толпой одним махом через границу не перебраться, слишком рискованно, — резонно заметил Нарцисс. — Значит, процесс в любом случае растянется. Главное, чтобы тебя не взяли одной из первых. Но в худшем случае...

— В худшем случае буду разбираться уже там, в Эркландии, — понимающе кивнула я.

— Справишься?

Не знаю, много ли мог прочитать в моём взгляде Нарцисс, учитывая темноту ночного леса. Но явно пытался.

— Не в первый раз, — отозвалась я, чуть более легкомысленно, чем хотелось.

— Ладно, — вынужденно кивнул он. — За вами, понятное дело, будут присматривать. Возможно, даже устроят арест прямо на границе. Но это уже по обстоятельствам.

Я снова кивнула. В подобных заданиях часто приходится действовать по обстоятельствам: слишком многое может произойти непредвиденно.

Вот и на этот раз, увы, мы не сумели просчитать все варианты.

Поначалу всё шло как по маслу. По узким лесным тропинкам шли гуськом. Альфредо — первый, за ним Таггарт, дальше остальные. Я более-менее посередине. Волк держался непосредственно позади меня. Вещи с собой забрали, но далеко не все, подтвердив тем самым моё предположение: Таггарт планирует вернуться в лагерь, но только в том случае, если предприятие пройдёт благополучно.

О том, что нашей мишенью должен стать сам эркландский принц, большинству моих нынешних спутников не сообщили. Моя задача была известна им лишь в общих чертах: пробраться в дом и убить какого-то человека. Мне было весьма любопытно, догадывается ли Волк о личности будущей жертвы, однако понять это по его лицу не удалось. Если он о чём-то и догадывался, то виду не подал.

Добравшись до города, мы разделились на две группы и к дому лорда Просперо Нольди двинулись разными дорогами. Это не считая двух человек, которые, как я поняла по оброненным вскользь фразам, отправились по другому адресу, к неким помощникам Таггарта из местных.

До резиденции Нольди добрались за четверть часа. Слово «дом», конечно, было слишком скромным. Из-за железного, выкрашенного в чёрный цвет забора на нас взирал самый

настоящий особняк. Стоя в тени раскидистого вяза, я внимательно изучала внутренний двор и стены, благо что, без сомнения, прочные, но узкие прутья не слишком препятствовали обзору. Через решётчатую ограду, кстати сказать, и перелезть с моими навыками проще, чем через сплошную, и даже острые верхушки, венчающие прутья, тут не помеха.

Я вжалась в ствол, пережидая, пока мимо скучающей походкой пройдёт стражник. Потом тихонько возвратилась к остальным, поджидавшим немного поодаль.

Действовали без лишних слов, по-деловому, в соответствии с полученными в лагере указаниями. Всё-таки ребят Таггарт подобрал неплохо. В его банду явно не принимали кого попало.

Волк помог мне влезть на забор. Спрыгнув с той стороны, я пригнулась и пару секунд постояла, оценивая обстановку. Потом, всё так же пригнувшись, метнулась к яблоне, которая росла примерно посередине между оградой и собственно особняком. Фруктовым садом здесь и не пахло. С этой стороны от дома растительности вообще было мало, не считая обыкновенной травы. Скорее всего, яблочное семечко попало сюда в своё время случайно и проросло благодаря обильным дождям, а уж дальше садовник или хозяин дома решил ухаживать за ростком, пусть тот и пробился в непредназначенном для этого месте. Теперь яблоня немало мне помогла, давая передышку на полпути.

Удостоверившись, что стражник в зоне видимости пока не появился, я бросилась дальше. Схватила за ветку плюща, здесь, внизу, достаточно крепкого, поставила ногу на камень, чуть выступавший вперёд, подтянулась. Ставень на первом этаже, карниз, очередная неровность стены, при должной сноровке позволяющая упереть ногу... До нужного окна я добралась быстро, хотя и выложиться к тому моменту, как мои ботинки коснулись нужного подоконника, успела по полной. На пол спрыгнула, уже держа в руке нож...

Обстановку оценила лишь вскользь. Мебель из орехового дерева, тёмно-коричневые гардины, канделябр на письменном столе и небольшая люстра под потолком... Но главным образом моё внимание привлекли люди. Их было отнюдь не двое, как обещал Таггарт, а целых пятеро. Впрочем, наиболее неожиданным было не это, а скорее тот факт, что прогнозы Нарцисса также не оправдались. Я была достаточно хорошо знакома с изображениями принца Освальда Эркландского, также называемого в народе Вороном, чтобы опознать сидящего в кресле мужчину с орлиным носом, густыми бровями и чёрными как смоль волосами. Надо же, всё-таки пришёл.

Не один, конечно. По обе стороны от принца расположились вооружённые до зубов телохранители. Двое справа, один слева. Пятый человек, находившийся в кабинете, был моим соотечественником. И я готова была поставить сто золотых, что это вовсе не хозяин дома, а представитель моего ведомства. Прибывший сюда специально, дабы проследить за моими действиями и удостовериться, что я не провалю задание, а также не займусь отсебятиной.

Принц с места, ясное дело, не поднялся, однако же упрекнуть его в отсутствии внимания к моей персоне тоже было нельзя. Напротив, он рассматривал эту самую персону с огромным и нескрываемым интересом.

— В первый раз в жизни вижу настоящего иностранного агента на задании, — заметил он, должно быть, посчитав нужным объяснить причину своего любопытства.

Я хотела было сказать, что тоже впервые вижу живого иностранного принца, но решила от комментария воздержаться. Сочтут чрезмерной дерзостью, а то и вовсе сделают из моего

высказывания вывод, что раньше я видела принцев исключительно мёртвыми.

— Тем более такого красивого агента, — добавил принц.

Ну всё, теперь мне остаётся растаять окончательно. Но таять я не спешила, вместо этого покрепче перехватив рукоять ножа. Телохранители напряглись, а вот его высочество и бровью не повёл.

— Продолжайте свою работу, — сказал он с полуулыбкой. — Полагаю, промедление не в ваших интересах.

Я благодарно склонила голову.

— Действуйте, Кобра. — Человек из моего ведомства, по-видимому, счёл нужным отметить, что Эрталия в его лице солидарна в данном конкретном случае с иностранным принцем. — Я уполномочен сообщить вам, что никаких изменений в переданных ранее указаниях нет. Продолжайте действовать в соответствии с инструкциями.

Я с трудом преодолела желание поморщиться. Подлинный профессионал своего дела никогда не станет тратить время на такие вот ничего не значащие сообщения. Тем не менее я послушно кивнула, после чего метнула нож. Клинок благополучно вонзился в стену прямо у эрталийца над головой.

— Какого демона?! — гневно воскликнул он, мгновенно побледнев.

— Действую в соответствии с указаниями, — бодро отрапортовала я. — Бросаю нож для максимальной достоверности. Моё движение могли видеть те, кто следит за окном.

— Но какого чёрта было бросать его сюда? — возмущённо проворчал эрталиец, уже понимая, что придраться к моим действиям на официальном уровне не удастся.

Но я уже прытко выбиралась из окна, действуя в соответствии с легендой. И потому мне не пришлось объяснять, что, дескать, не в сторону же принца швыряться ножами! В этом случае телохранители могли бы понять мои действия превратно. И разбираться, что к чему, они бы не стали. Просто изрешетили бы меня такими же ножами или болтами, прежде чем предоставить возможность объяснить мой конспиративный ход.

Агент Джозеф Кантри, больше известный в профессиональной среде как Нарцисс, сидел у окна на втором этаже предоставленного в его распоряжение дома и нервно постукивал костяшками пальцев по подоконнику. Он предпочёл бы находиться сейчас не здесь, а в резиденции Просперо Нольди, где в самое ближайшее время предстояло выполнить непростое задание его коллеге. Однако эркландцы, ответственные за безопасность своего принца, заявили, что с них хватает и эрталийских шпионов, крутящихся сейчас вокруг его высочества. Добавлять к этой компании ещё и шпиона ристонийского они не желали. Прямым текстом всё это, конечно, сказано не было, однако подразумевалось, и Нарцисс был слишком умён и опытен, чтобы настаивать. Оставалось ждать и празднично смотреть в окно — тот вариант поведения, который агент любил меньше всего. Однако о личных предпочтениях на королевской службе не спрашивают, и единственное, что мог себе позволить Нарцисс в данном отношении, — время от времени отправлять во вселенную не слишком цензурные отзывы о происходящем.

Его одиночество было нарушено появлением Такки, помощника, прибывшего вместе с ним из Ристонии. Такки, коренастый мужчина с рано пробивающейся сединой, сложных заданий не

выполнял, а помогал скорее в мелких поручениях: получал и отправлял почту, просматривал местные газеты в поисках нужной информации, собирал слухи на базаре. Чем был весьма полезен Нарциссу, поскольку позволял ему сэкономить драгоценное время.

— Есть новости от нашего человека с границы, — с места в карьер сообщил он.

— Какие? — Не так чтобы Нарцисс считал эти новости неважными, но непосредственно сейчас всё его внимание было посвящено совершенно другим вещам. Вернее, так казалось молодому человеку до тех пор, пока Такки не озвучил суть пришедшего с границы сообщения:

— Сегодня на территорию Эрталии въехал Грегори Уолфорд. Я подумал, что, возможно, тебе будет важно это знать.

Нарцисс подскочил со стула, больно ударившись о раму открытого окна.

— Когда?! — почти закричал он.

— Здесь точное время не указано, — огорчённо ответил Такки, на всякий случай ещё раз заглядывая в письмо. — Но, думаю, послание нам отправили без промедления, так что, наверное, Грегори Уолфорд как раз сейчас въезжает в город. Если, конечно, он вообще направляется сюда.

— Ещё бы не сюда, — процедил сквозь зубы агент.

— А что, это... сильно плохие новости? — решился уточнить помощник.

Нарцисс рассмеялся в бессильной злобе:

— Хуже некуда.

Перед его глазами проскочили не так давно виденные картины. Будуар принцессы Леммы, обставленный точно так, как и положено личным покоям молодой дамы знатного происхождения. Падающие на стол кости. И серо-зелёные всполохи в чреве сонного шара, разрывающие обеспеченную плотными гардинами полутьму.

Грегори Уолфорд видел Кобру. Она ранила его и чуть не отправила на тот свет. Сорвала важное, с точки зрения Уолфорда, задание. Профессионал своего дела, он абсолютно точно запомнил её лицо. И при встрече узнает.

А в том, что встреча эта состоится в самое ближайшее время, сомневаться теперь не приходилось. Смешно было бы думать, будто приближённый герцога Ромеро по чистой случайности прибыл в Эрталию именно сегодня, в день, когда в приграничном городке планируется покушение на Освальда Эркландского. Уолфорд приехал, чтобы проследить за последним этапом работы Таггарта и доложить затем своему господину. Поэтому с Коброй он может столкнуться в любую секунду. Хорошо ещё, если после её возвращения из дома Нольди. А если до?

Если до, значит, он, Нарцисс, точно опоздал, так что такой вариант развития событий агент предпочёл пока мысленно отместить. А если всё-таки после...

— Такки! — Он с опозданием осознал, что кричит, в то время как помощник стоит совсем близко и услышал бы, даже говори Нарцисс шёпотом. — Срочно собирай всех наших, кого

только можешь, и местных тоже! Выдвигаемся к особняку Нольди!

Такки встрепенулся, но отчего-то бежать выполнять поручение не спешил.

— Наших я позову, а вот местных... — Он замялся. — Где же я их найду?

Нарцисс в раздражении возвёл глаза к потолку.

— Выйди на улицу и хватай мужчину, который будет особенно внимательно смотреть в сторону. Думаешь, нас здесь оставляют без присмотра?

Он собирался добавить что-то ещё, но тут в дверь постучали.

— Всё, местных, похоже, можешь не искать, — заключил агент. — Они сами пришли.

Такки впустил в комнату одетого в серое мужчину средних лет.

— Доброго дня. Нам поступила информация, которую вы, вероятно, сочтёте полезной, — сразу же приступил к делу тот.

— Сочту, — подтвердил Нарцисс, подхватывая свой дорожный плащ. — Но нам будет лучше обсудить это по дороге.

Перебравшись по карнизу к соседнему окну, я стала прикидывать варианты спуска. Ветки плюща до этой части стены доходили, но были слишком тонкими и человеческого веса не выдержали бы. Ближайшая декоративная башенка тоже казалась чересчур хлипкой. В итоге я нащупала ногой небольшой выступ, держась руками всё за тот же карниз. Добравшись до уровня первого этажа, прыгнула на землю. И застыла, прижавшись к стене.

Стражник, шагавший вдоль забора, появился на этом участке в чрезвычайно неудачный момент. Мне, конечно, пообещали помочь с уходом, но за моими перемещениями, без сомнения, следили люди Таггарта, и было важно, чтобы ничто не показалось им подозрительным. К тому же кто его знает, этого конкретного стражника, предупредили его насчёт меня или нет. Что, если его присутствие здесь вовсе не было запланировано?

Я постаралась слиться со стеной. Стражник шёл неспешно, то и дело оглядываясь по сторонам: может, от скуки, а может, он, напротив, настолько серьёзно подходил к своим обязанностям. Так или иначе, я уже подготовилась к тому, что сейчас меня заметят, и прикидывала в уме варианты собственных действий. Однако внезапно стражник, который уже начал было поворачивать голову в мою сторону, резко остановился, а затем метнулся к забору.

В чём дело? Неужели Таггарт всё-таки держит слово, и его люди помогают мне, отвлекая стражу? Впрочем, так ли это удивительно? Не каждый день к тебе в руки попадает подчинённый, способный забраться на любую стену, умеющий метать ножи и при этом начисто лишённый инстинкта самосохранения.

— Эй! Мэтью! — закричал между тем стражник, призывая, по-видимому, своего коллегу.

Я чертыхнулась: внимание, может, парни и отвлекают, зато и стражей притягивают, на мою голову. Воспользовавшись тем, что пока никто в мою сторону не смотрел, я стремительно перебежала к уже знакомой яблоне. И снова застыла, на сей раз прижавшись к шершавому стволу.

— Что это? — взволнованно вопрошал стражник откликнувшегося на зов приятеля. — Дракон?!

Осторожно высунувшись из-за дерева, я разглядела через прутья премилую картину. За забором, отлично видимая на фоне невысокой травы, расположилась большая серая игуана с массивным гребнем оранжевого цвета. Стражники зачарованно смотрели на рептилию, а она — на них. И где только местным помощникам Таггарта удалось её раздобыть?

— Точно дракон! Огнём плюётся! — воскликнул всё тот же, первый, стражник, похоже, окончательно деморализованный.

Я пригляделась. И точно: неподалёку от игуаны от травы кверху поднимался дымок. Огня я не видела, треска пламени не слышала, да и дымок для настоящего пожара был слишком чахлый. Позволю себе предположить, что тот, кто притащил сюда зверушку подбросил заодно подожжённую сосновую шишку. Дыма они дают значительно больше, чем огня.

Внимание стражников было приковано к «дракону», и я воспользовалась сим фактом, метнувшись к забору. Быстро перебралась на ту сторону. Выскочивший из-за куста боярышника Волк помог мне спуститься (точнее сказать, просто не позволил упасть на землю, когда я спрыгнула), после чего мы вместе, пригнувшись, кинулись к спасительным зарослям. Несколько секунд, и нас скрыла густая листва.

Пробежав ещё немного, мы завернули за угол и вскоре добрались до места, где нас поджидали несколько человек из шайки Таггарта. Прохожих здесь не было. Улица, пусть теоретически и городская, более всего напоминала просёлочную дорогу, по обеим сторонам которой тянулись тёмные кованые заборы. Особняки прятались где-то в глубине, скрываемые густой листвой. Тополя, клёны и кусты боярышника периодически встречались и у самой дороги.

Таггарт тоже был здесь, хоть я и готова поставить сто золотых, что прежде он наблюдал за моим вторжением в особняк из какого-нибудь безопасного места. Теперь он стоял в стороне от остальных и разговаривал о чём-то с мужчиной, которого мне не удалось опознать со спины. Кто-то из местных помощников? Маловероятно: слишком уж хорошо он был одет.

Дальнейшее происходило столь стремительно, что сейчас, оглядываясь назад, мне сложно точно определить очерёдность событий. Таггарт заметил меня, что отразилось на выражении его лица. Это заставило его собеседника обернуться. Позади нас раздался шум, и я, со своей стороны, оглянулась, чтобы посмотреть, что происходит. В нашу сторону бежало человек семь-восемь вооружённых мужчин, одетых кто во что горазд и вообще выглядевших совершенно по-разному, но явно объединённых общей целью. В одном из них я практически сразу узнала Нарцисса, но оставалось только гадать, какая причина заставила напарника столь радикально отойти от заранее разработанного плана.

— Именем короля, сдайте оружие! — крикнул он на бегу.

Поскольку моё внимание, равно как и внимание большинства присутствующих, было приковано к приближающимся воинам, я не заметила, как прищурился, узнав меня, собеседник Таггарта. Как выхватил из-за пояса подходящий для метания нож, одновременно делая несколько шагов мне навстречу. К тому моменту, как я обернулась и наконец осознала, что к эркландцам успел присоединиться неизвестно откуда взявшийся Грегори Уолфорд, нож уже рассекал воздух, стремительно приближаясь к моей груди.

— Падай!

Этот вопль раздался одновременно со звоном первых клинков, столкнувшихся у меня за

спиной. Последовать совету я уже не успевала, но Волк с разбега сбил меня с ног и сам упал следом. Проигнорировав разодранную в кровь ногу, я приподнялась на локтях, и увидела рукоять брошенного Уолфордом ножа, торчащую у Волка из груди. Грубый чёрный металл, разорвавший светлую рубашу подобно тому, как ожоги когда-то давно изуродовали красивое лицо. Тёмное пятно быстро расплзлось по ткани.

Я скинула голову, ища глазами Уолфорда. Бросив в нашу сторону последний взгляд, он поспешил удалиться, быстро свернув за угол. Нас разделяли дерущиеся мужчины, и догнать беглеца мне бы, к сожалению, не удалось. Тем более что из-за поворота почти сразу послышался цокот копыт.

Поднявшись на колени, я переползла поближе к Волку.

— Я рад, что у тебя не всё так плохо... как казалось. — Слова давались ему тяжело, дыхание было неровным и прерывистым.

Острый укол совести. Всё-таки этот нож предназначался мне.

— У тебя тоже всё могло бы быть хорошо, — заверила я, глядя на лицо, которое совершенно не казалось безобразным.

Волк слабо улыбнулся, как и всегда, одним уголком рта:

— Что ж, посмотрим. Может быть, там, дальше, что-то и окажется лучше.

— Обязательно.

Короткая, но отчаянная схватка подходила к концу. Профессиональные воины Эрталии и Ристонии предсказуемо побеждали членов банды, сколь бы хороши те ни были. И под затихающие звуки оркестра сталкивающихся клинков жизнь окончательно покинула мужчину, застывшего на травяном ложе.

Сморгнув застывшую глаз слезинку, я устремила злой взгляд на деревья, за которыми совсем недавно скрылся Грегори Уолфорд. Теперь ты должен мне лично, марионетка Фернана Ромеро. И лучше поберегись, потому что Кобра привыкла получать то, что ей задолжали.

Часть пятая

Глава 15

И снова я нахожусь в хорошо знакомом кабинете. Освещение, как и обычно, приглушено при помощи опущенных тёмно-бордовых штор. Книжный шкаф отбрасывает неровную тень. Дрогнувшее из-за открывшейся двери пламя свечей вновь умиротворённо замирает, позволяя без труда рассмотреть карту, лежащую на столе кардинала. Эркландия и Эрталия. Зелёные полосы, призванные изобразить леса, тянутся вдоль неровной линии границы.

Бом-м-м. Массивные, немного старомодные часы с маятником ударили неожиданно, стоило мне почтительно остановиться в нескольких шагах от хозяина кабинета. Я непроизвольно поморщилась. Не люблю привлекать к себе внимание в тех ситуациях, когда это неуместно, а сейчас, по милости механического прибора, меня словно встретили с фанфарами. Впрочем, часы пробили ещё один раз и на этом угомонились. Хорошо, что время дневное, а не вечернее.

— Садись. — Кардинал не сопровождал этот призыв ни жестом, ни кивком головы, лишь взгляд холодных зелёных глаз на миг переместился к креслу для посетителей. Я немедленно приняла приглашение, или, если говорить точнее, выполнила приказ. — Ты отправляешься в Эркландию.

Я склонила голову, не задавая лишних вопросов. Всё, что нужно, кардинал объяснит и так, а о прочем в любом случае не скажет ни слова.

— Срочно, — добавил он. — Лучше сегодня.

Кардинал смотрел испытующе. Я снова кивнула.

— Положение у наших соседей крайне нестабильное, — продолжал Монтерей, и я прекрасно поняла, что он имеет в виду не Ристонию и не Токаллу. — Необходимо проследить за ходом событий изнутри, а быть может, слегка его подправить... Скажем так, придать нужный вектор движения.

От улыбки я удержалась, хотя догадывалась, что фраза «слегка подправить» в устах кардинала вполне могла означать «поставить с ног на голову».

— Сделать это необходимо как следует. — Голос Монтерея стал жёстче. — Надеюсь, ты понимаешь, что предыдущее задание было провалено, а мы никак не можем себе позволить две неудачи подряд. Не в таком важном деле.

В целом я могла бы оспорить первое утверждение. Да, работа с бандой Таггарта прошла не совсем так, как мы бы хотели. Не всех результатов удалось достичь. Тем не менее принц Освальд жив, а все люди Таггарта (включая и его самого) арестованы. Ушёл только Уолфорд, которого мы, увы, не учли в наших планах. Я помрачнела, вспомнив ещё одного человека, который не был арестован, но по совершенно безрадостной причине.

— Грегори Уолфорд, без сомнения, рассказал обо всём произошедшем в Эрталии своему хозяину. — Кардинал будто прочёл мои мысли и теперь оспаривал неозвученную точку зрения. — Следовательно, тот понимает, что эркландский принц жив и здоров. Мы попытались немного сбить его с толку, пустив слухи о самоубийстве Освальда. Тайно вывезли его высочество в другой город, так что теперь его сложно будет найти. Однако сути это не меняет. Герцог Ромеро по меньшей мере подозревает, что с наследником всё в порядке, пусть даже это не известно ему наверняка. Один шаг мы не просчитали, а потому обязаны просчитывать дальнейшие шаги особенно тщательно.

Тон кардинала был резким, взгляд тяжёлым. Вряд ли он винил меня в провале, иначе сказал бы об этом напрямую, а то и вовсе передал бы через Лавара, что в моих услугах более не нуждаются. Тем не менее результаты операции Монтерея не устраивали, и не отразиться на нашем разговоре это не могло.

— В чём будет заключаться моё задание? — Я постаралась, чтобы тон был сугубо деловым, лишённым каких-либо эмоций.

— *Ваше* задание, — поправил кардинал. — Мы продолжаем сотрудничать с ристонийцами в вопросах, касающихся политики Эркландии. Поэтому ты будешь работать в паре с уже знакомым тебе агентом Кэмерона Эстли. Кстати, как он тебе?

Глаза Монтерея сузились, и пронзительный взгляд, казалось, проникал в самые глубины мозга.

— Настоящий профессионал, — осторожно сказала я. — На него можно положиться. В тех случаях, когда он не преследует прямо противоположные интересы, — добавила я, припомнив наши гонки за Перстнем Могущества.

Тоже, кстати сказать, безуспешные. Что-то чересчур часто обходили нас в последнее время люди Фернана Ромеро. Тут я полностью разделяла неудовольствие кардинала. Пора положить конец этой неприятной тенденции.

— Хорошо. — Монтерей медленно кивнул, и его взгляд заставил меня в очередной раз задуматься: а не известно ли кардиналу значительно больше, чем я позволяю себе надеяться? Но, к счастью, на этом разговор вернулся к эркландской политике и больше личности Нарцисса не касался.

— У нас есть причины полагать, что в самое ближайшее время герцог Ромеро попытается узурпировать власть, — сообщил мне глава эрталейской церкви.

— Теперь, когда банда Таггарта арестована и допрошена, Ромеро не может отрицать свою причастность к покушению на наследника, — заметила я, поднимая лицо, чтобы следить взглядом за принявшимся прохаживаться по кабинету кардиналом.

Я позволила себе этот комментарий лишь потому, что знала: Монтерей любит, когда агенты высказывают подобные соображения. Тем самым они демонстрируют, что во время пребывания в его кабинете действуют не только ушами, но и головой.

— Верно, — подтвердил кардинал. — Он и не отрицает. Король Клавдий попытался арестовать его после случившегося. Чрезвычайно непродуманное поведение.

Я была удивлена: обычно Монтерей, несмотря на своё высокое положение, не позволял себе откровенно критических высказываний в адрес монархов. Насколько я могла судить, это был вопрос даже не осторожности, а некоего кодекса поведения, который избрал для себя кардинал. Удивление подогрело и интерес. Видимо, его высокопреосвященство действительно считал развивающиеся в Эркландии события в высшей степени важными и столь же тревожащими.

— Ромеро своевременно предупредили, — продолжал Монтерей, — и он успел укрыться в своём родовом замке. У герцога достаточно сторонников, в том числе и при дворе. А учитывая, что Ромеро обладает собственной весьма солидной армией, добраться до него теперь не удастся. При этом его самого вынужденный отъезд из столицы не остановит.

— Ромеро развяжет гражданскую войну? — спросила я, покосившись на разложенную на столе карту.

— Маловероятно, — покачал головой кардинал. — Герцог может использовать часть своих войск в качестве подспорья, но основные методы будут иными.

Монтерей говорил столь уверенно, словно Фернан Ромеро лично посвятил его в свои планы.

— Убийство короля? — позволила себе предположить я.

— Это необходимо, — подтвердил кардинал. — Пока жив Клавдий, дорога к трону для герцога закрыта. При этом Ромеро выбрал не тот путь, с которого можно свернуть, единожды на него ступив. Стало быть, бороться он будет до конца. Теперь, когда его планы окончательно раскрыты, — дерзко и отчаянно. Конечно же, короля хорошо охраняют. Но многих ли монархов

это спасло от бокала с ядом, несчастного случая на охоте и прочих непредвиденных обстоятельств?

— Есть ещё его сын, — напомнила я.

По тому, как мимолётно поморщился кардинал, я поняла, что Освальда он реальной проблемой на пути Ромеро не считает.

— Герцог хорошо понимает, что Освальд не рискнёт вернуться в Эркландию прямо сейчас, — заметил он. — Слишком много возможностей для несчастного случая представится в дороге. А уничтожив короля и заняв его место, пусть даже сперва не вполне законно, Ромеро получит много новых возможностей. И либо позаботится о том, чтобы на обратном пути с Освальдом произошло нечто непредвиденное, либо просто объявит его самозванцем, благо что слухи о его смерти ходят и так.

— Однако мне казалось, что даже в случае гибели Клавдия и его сына очерёдность наследования престола остаётся неочевидной, и нет никаких гарантий, что на трон взойдёт именно Ромеро, — высказала собственные сомнения я. — Стоит ли герцогу так рисковать, если в конечном счёте он может проложить дорогу совершенно другому человеку? Ведь, если не ошибаюсь, он именно для того и пытался жениться — чтобы упрочить свои позиции?

— Верно. — Монтерей одобрительно кивнул. — И здесь мы подходим к самому любопытному моменту. А также к причине, по которой я настолько срочно отправляю тебя в Эркландию.

Я подалась вперёд, вся обратившись в слух. Неужели герцог предпринял повторную попытку похитить Лемму? И на этот раз преуспел?

— Появилась новая кандидатура на роль невесты Ромеро, — опроверг мои предположения кардинал.

— В Эркландии? — удивлённо спросила я, мысленно перебирая тамошних девиц на выданье, обладающих знатным происхождением. Достаточно высокородных наследниц не находилось.

— Там, — подтвердил Монтерей, чуть улыбнувшись, будто его позабавило моё замешательство. — Дочь герцога Борфора идеально подходит для целей Ромеро.

Я нахмурилась, недоверчиво взирая на кардинала. Спорить с его преосвященством не годилось. Однако базовой информацией о главных дворянских семьях наших соседей я всё-таки обладала и потому рискнула высказаться, завуалировав своё возражение под маской вопроса:

— Но разве у герцога Борфора есть дети?

— А что тебе об этом известно? — поллюбопытствовал кардинал.

Судя по тону, моё замечание несколько его не смутило, но ответить всё же пришлось:

— Насколько я знаю, его жена была бесплодна. Недавно она скончалась, но даже если бы герцог женился вторично, он слишком стар, чтобы завести детей сейчас.

— И тем не менее ему это удалось, — усмехнулся Монтерей. — В некотором смысле, — добавил он, видя моё замешательство. — После смерти герцогини выяснилось, что у Борфора была незаконнорождённая дочь. Катрин Борфор, по матери — Тентон. Совсем недавно, всего две

недели назад, он официально признал её и забрал к себе во дворец. В отсутствие законнорождённых детей и даже племянников именно она становится его естественной преемницей.

Что ж, это, конечно, в корне меняло дело. И объясняло, почему прежде Ромеро не интересовался этой самой Катрин.

— Сколько ей лет? — задала немаловажный вопрос я.

— Двадцать три, — удовлетворил моё любопытство кардинал.

Уточнять, замужем ли она, смысла не имело. Была бы замужем, Монтерей не стал бы уделять столько внимания её персоне. Да и герцог Борфор навряд ли забрал бы свою дочь из дома супруга.

— Стало быть, всё это время в свете никто ничего про неё не знал? — спросила вместо этого я.

— В свете она не появлялась, — объяснил Монтерей. — Её мать не имеет дворянского титула. Это вдова купца, потерявшая мужа ещё до того, как состоялось её знакомство с герцогом. Все эти годы она продолжала дело своего мужа, торговавшего тканями. Можно сказать, что Катрин Борфор — девушка из народа.

В таком случае девушке из народа можно только посочувствовать: трудно себе представить всю степень злости, которую будут испытывать к ней завистницы из высшего общества. Но в данный момент меня беспокоили проблемы совершенно иного толка.

— Стало быть, у Ромеро три главные цели: покушение на короля, уничтожение принца и свадьба с Катрин, — суммировала я. — Герцог Борфор лоялен по отношению к нынешнему королю и, стало быть, согласия на брак не даст. Значит, нам следует ждать очередного похищения. Но в этом случае мы можем и не успеть.

— Именно по этой причине ты отправляешься настолько срочно. Притом не верхом, а при помощи портала.

Эта новость, мягко говоря, впечатляла. Редкие маги умели открывать порталы на такие расстояния, а уж учитывая, что прибегнуть к этому виду ворожбы можно было, по плохому понятным мне причинам, лишь единожды, его и вовсе использовали невероятно редко. Но, видимо, дело и вправду было слишком важным, а счёт, возможно, шёл на часы.

— Кроме того, прежде чем отправиться во дворец, ты посетишь ещё одно место, — продолжал кардинал. — Там тебе окажут содействие.

Я успела привыкнуть к тому, что сильные мира сего обычно принимают меня в рабочих кабинетах. Но что-то в окружающей обстановке заставляло усомниться, существует ли в этом эркландском замке комната с таким назначением. Во всяком случае, меня провели в помещение совершенно иного рода. Просторное и, кажется, предназначенное скорее для приёма гостей. В первую очередь в глаза бросался длинный, массивный стол. Сейчас на нём не было ничего, кроме нескольких канделябров да початой бутылки вина, но я с лёгкостью представила его ломящимся от яств. Неподалёку располагался квадратный карточный столик с витыми ножками. Пара гобеленов на стенах, кресло с удобной спинкой возле камина. Похоже, здесь нередко принимают гостей, являющих собой главным образом компанию холостяков.

Хозяин замка, на встречу с которым я, собственно, и прибыла по поручению кардинала, стоял у длинного стола, повернувшись к нему спиной, и, скрестив руки на груди, разглядывал меня со вниманием, которое даже не пытался скрыть. Во взгляде этом сквозило ярко выраженное недоверие, так что обольщаться не приходилось: изучают меня вовсе не как молодую привлекательную женщину. Хотя нечто во внешности и повадках этого высокого широкоплечего мужчины не оставляло сомнений: общаться с представительницами слабого пола он умеет и любит.

— Итак, леди, мне доложили, что вы прибыли сюда с поручением от кардинала Монтерейя, — заявил он, закончив изучать меня глазами. Рассусоливать и ходить вокруг да около, пряча свои подлинные мотивы за разговорами о погоде, было явно не в характере этого человека. — Чем обязан такой чести?

Последнее слово было, конечно же, произнесено с иронией, но я решила не заострять на этом внимания.

— Его высокопреосвященство шлёт вам благословение, — чинно ответствовала я. — Он также интересуется, не изменили ли вы своё мнение и не желаете ли поступить на службу к его величеству Боливеру Третьему в качестве придворного мага.

Орландо Ибарра, мой собеседник, хозяин замка, в котором мы находились, и по совместительству один из сильнейших магов нашего времени, усмехнулся и покачал головой, будто с укоризной.

— Передайте кардиналу, что я тронут столь высоким доверием, — насмешливо, но в то же время добродушно ответил он. — Однако своего мнения не изменил. Я не желаю служить под чьим бы то ни было началом, тем более — эрталийцам.

Я отреагировала на его слова вежливой улыбкой, будто и не заметила выпада в адрес Эрталии, каковую в данный момент представляла:

— Очень жаль. Уверена, его высокопреосвященство будет в высшей степени разочарован.

— Ни черта он не будет разочарован, — отмахнулся Ибарра и, перестав наконец возвышаться напротив каменным изваянием, предложил мне садиться. — Ладно, давайте бросим эти игры, — заявил он, разворачивая для себя стул. Изготовленный из дуба, с толстыми ножками и высокой спинкой, он, несомненно, немало весил, однако маг передвигал его легко, будто пушинку. — Монтерейя отлично знает, что я никогда не соглашусь на эту должность. Стало быть, прислал он вас по совершенно иной причине, а предложение это — так, уловка для начала разговора. Так что переходите сразу к делу. Я весь внимание.

Усмехнувшись, я устроилась на своём стуле поудобнее. Пожалуй, такой подход мне нравился. Хотя, конечно, сказать, что с этим господином следует держать ухо востро, — значит ничего не сказать. По счастью, сейчас я находилась здесь не для того, чтобы попытаться обвести хозяина замка вокруг пальца.

— Его высокопреосвященство уполномочил меня просить вас о помощи. Речь идёт о содействии в одном деликатном деле, касающемся в первую очередь политики вашего государства.

Я удовлетворённо отметила неподдельный интерес в глазах собеседника. Критичности, иронии и даже недоверия здесь тоже было с лихвой. Но интерес всё-таки присутствовал, а это давало

надежду, что я смогу благополучно закончить свой рассказ.

Впрочем, интерес этот следовало подогреть, поэтому начала я следующим образом:

— Есть одна женщина, уроженка Эркландии, благородного происхождения. Так вот, её нужно похитить.

Ибарра, подавшийся было вперёд, распрямил спину, подозрительно прищурил глаза, а затем громко расхохотался:

— И его высокопреосвященство полагает, что я стану похищать для него девиц? Забавно. — Похоже, это действительно его забавляло. — Любопытно, и зачем же она понадобилась Монтерей? Неужели кардинал внезапно воспылал к деве страстью?

— Я полагаю, в таком случае он бы обошёлся своими силами. — Под конец предложения я кивнула, подчёркивая таким образом собственную убеждённость. — Дело в том, что эту девицу собирается похитить другой человек. Поэтому мы хотим обезопасить её, и как можно скорее. А какое убежище может быть надёжнее, чем крепость мага? Тем более, у нас есть подозрение, что предполагаемый похититель также обладает кое-какими магическими способностями.

— И с какой стати мне перебегать ему дорогу? — осведомился Ибарра, скрестив руки на груди.

По его интонации и манере поведения я ни секунду не сомневалась: страха от такой перспективы маг не испытывает, однако и ввязываться в дело сомнительного характера без причины, просто потому, что его попросил об этом кардинал, не намеревается. Вот дайте уважительную причину — тогда пожалуйста. И на сомнительный характер предприятия ему будет глубоко плевать.

— Его высокопреосвященство считает, что вы — подлинный патриот Эркландии, — заметила я, глядя магу в глаза и внимательно следя за реакцией.

Ответный взгляд был полон скептицизма. Не потому, что кардинал ошибался. Скорее, потому, что, во-первых, хозяин замка счёл мои слова слишком высокопарными, а во-вторых, был глубоко убеждён, что это не наше с кардиналом дело.

— Позвольте я объясню подробнее. — И я вкратце изложила Ибарре причины, по которым мы предполагали, что Фернан Ромеро попытается в скором времени похитить Катрин Борфор, дабы упрочить свои позиции в борьбе за власть. Рассказывала аккуратно, чтобы не сболтнуть лишнего, стараясь не углубляться в те политические вопросы, без которых могла обойтись. Нам было достоверно известно, что Ибарра поддерживает нынешнего короля своей страны Клавдия, и это давало надежду на успешное завершение нашей сегодняшней встречи.

Когда я закончила, Ибарра действительно не был столь скептически настроен, как раньше. Он вновь откинулся на спинку стула, сцепил в замок пальцы рук и устремил задумчивый взгляд на моё лицо, словно стремился прочесть там нечто, чего я не произнесла вслух.

— Всё это звучит разумно, — заговорил он наконец. — Но почему, Орэнд побери, я должен вам верить? Монтерей хитёр. Что, если он придумал всю эту историю, чтобы заманить меня в ловушку или попросту выставить на посмешище?

— А вы этого боитесь? — Я склонила голову набок и добавила в голос немного кокетства.

Следует отдать магу должное: он сразу же просёк мой манёвр и усмехнулся, оценив попытку,

но не собираясь поддаваться. Это и хорошо. На слабо ведутся только глупцы и юнцы, а мне в данном деле ни то ни другое не нужно.

— Не хочу оказывать своим врагам такую услугу, — поправил меня Ибарра.

— Неужели вы видите в его высокопреосвященстве врага?! — Я ошелоmlенно всплеснула руками.

Ибарра ответил насмешливым взглядом.

— Потенциального врага, — уточнил он, сделав акцент на первом слове.

Я неодобрительно покачала головой.

— Ну что ж, — я тяжело вздохнула напоказ, — раз вы столь недоверчивы, у меня есть нечто, что, возможно, заставит вас изменить мнение.

Я извлекла из пикантного женского тайника письмо (Ибарра не преминул проследить за процессом со всем возможным вниманием, нисколько не пытаясь скрыть свой интерес к тайнику) и вручила магу.

Глянув на лист светло-голубой бумаги, он развернул послание и начал читать.

— Надеюсь, поставленная внизу подпись вам знакома, — негромко заметила я.

Глаза мага скользнули ниже, и я получила возможность лишний раз убедиться в том, о чём знала и так: да, знакома. С его высочеством Освальдом Эркландским Орландо Ибарра встречался неоднократно, и этих двоих, кажется, связывали вполне дружеские отношения. Подтвердило это и последующее радостное восклицание мага:

— Всё-таки жив, мерзавец!

— Лорд Ибарра! — Я укоризненно поморщилась. — Вы же говорите о принце крови!

— Вам-то что с того? — хмыкнул тот. — Я же об эркландском принце говорю, не о вашем. Хотя... ваш принц — тоже ещё тот мерзавец, — добавил он, немного поразмыслив.

— Милорд! — Я закатила глаза, стараясь выразить своей мимикой высшую степень неодобрения.

— Правда, его приятель, молодой Монтерей, ещё хуже, — примирительно сообщил Ибарра, словно это утверждение делало оскорбление, только что нанесённое его высочеству Рикардо, менее существенным.

— Я не люблю, когда плохо отзываются о моих друзьях, — строго заявила я, имея в виду, конечно, Рэма, а не принца, с которым никогда не была на короткой ноге. Это не положено мне по статусу.

— О, буду знать, что у вас такие друзья, — подмигнул Ибарра, не попытавшись извиниться даже для вида. — Однако я имею право так говорить: у меня к этому парню личные счёты.

У меня были определённые предположения касательно того, о каких именно событиях он говорит. Мне доводилось кое-что слышать об обстоятельствах, при которых эти трое — принц Рикардо, Рэм и Орландо Ибарра — повстречались впервые. Однако ни маг, ни я не

намеревались вдаваться в подробности, и потому я задала более насущный вопрос:

— Так что вы скажете касательно причины моего визита? Согласитесь ли вы помочь в нашем деле, как просит того в письме его высочество Освальд?

Ибарра немного помедлил с ответом, прищурился взглядом, а потом подмигнул мне и объявил:

— Можете передать его высокопреосвященству: я готов взять на себя похищение девицы. В конце концов, для холостого мужчины в этом нет ничего зазорного.

— Благодарю вас. — Я присела в реверансе, позволив оценивающему взгляду мага утонуть в глубинах моего декольте. — Вы оказываете неоценимую услугу сразу двум государствам.

Маг окликнул меня, когда я уже была на полпути к выходу.

— Кстати, если вы заскучаете в Эркландии и вам понадобятся... друзья, я к вашим услугам, — сообщил он.

Я изобразила благодарную улыбку. Полагаю, целью столь незамысловатого намёка была проверка моей реакции. Хотя ответ я положительно, отказываясь от своего обещания Ибарра бы не стал. Что ж, возмущаться и падать в обморок я не собиралась, равно как и доказывать, что, вопреки его инсинуациям, нас с Рэмом связывают исключительно дружеские отношения, а вовсе не постельные.

— Благодарю вас, лорд Ибарра. — На моих губах заиграла насмешливая улыбка. — У меня достаточно друзей. Но я буду иметь в виду ваше щедрое предложение.

Удаляясь, я услышала, как он одобрительно усмехнулся мне вслед.

Внедриться во дворец было непривычно просто. На этот раз мы, против обыкновения, сотрудничали с теми, к кому внедрялись. Легенду нам обеспечили на месте. Чтобы получить доступ как к дворянскому обществу, так и к прислуге, мы с Нарциссом играли роль представителей разных сословий. Он прибыл во дворец как аристократ, молодой и горячий прожигатель жизни. Я представилась сестрой служанки, на время отпущенной из столицы для поправки пошатнувшегося здоровья. Никто не ожидал, что я сумею полноценно заменить отсутствующую женщину, однако предполагалось, что я буду периодически выполнять всевозможные поручения, не требующие опыта и длительного знакомства с дворцовой жизнью.

Нарцисс кутил, сорил деньгами, играл в карты, пил вино (в действительности значительно меньше, скорее для виду) и порой позволял себе сболтнуть лишнее про несовершенство порядков в сегодняшней Эркландии. Он был невероятно притягателен в своём нынешнем образе красавца-бездельника, и так считала не одна я. Женщины проявляли к нему несомненный интерес, и среди них — Натали Верро, известная как бывшая любовница Фернана Ромеро. Эта очаровательная дама с рыжими кудрями, пухлыми губками и томным взглядом сумела остаться частой гостьей во дворце благодаря тому, что своевременно разорвала отношения с опальным герцогом.

Полагаю, нетрудно догадаться, что прожигатель жизни не обошёл вниманием и служанок. Точнее сказать, одну конкретную служанку, по случайному стечению обстоятельств оказавшуюся во дворце приблизительно тогда же, когда и он. Под прикрытием этой интрижки мы имели возможность встречаться наедине всякий раз, как в этом возникала потребность.

Я потихоньку пыталась разговорить слуг, однако те болтали о предметах безопасных. На скользкие же темы вроде политики и отношения их хозяев к нынешней власти общались неохотно, что в целом неудивительно, учитывая, что я была для них пока тёмной лошадкой. Зато вскоре после начала работы во дворце я услышала животрепещущую новость о том, что леди Катрин Борфор похитил во время прогулки сверкающий на солнце дракон! Такой яркий, что на него трудно было смотреть, он камнем упал с неба и унёс девицу в своё никому не известное логово. Мне оставалось лишь, усмехаясь, покачать головой, отдавая должное изобретательности Ибарры. Понять, что именно случилось с девушкой и где её теперь искать, людям Ромеро будет непросто.

Тёмно-серые, почти чёрные каменные своды, такие же стены и ветер, проникающий в коридор через высокое арочное окно. Напротив — череда деревянных дверей, массивных под стать стенам, с крупными железными ручками. Изучать обстановку более детально Катрин Борфор не стала, сосредоточив своё внимание на похитителе. Девушка не могла точно сказать, что возмутило её больше — сам факт похищения или чрезвычайно некомфортное, до головокружения стремительное перемещение по воздуху, завершившееся несколько секунд назад, когда вихрь магической природы забросил её в это самое окно. С уверенностью Катрин могла утверждать одно: её возмущению не было предела.

— Кто вы такой, Орэнд вас побери?! — набросилась она на широкоплечего брюнета, стоявшего напротив. И, не дожидаясь ответа (какое ей, в сущности, было дело до имени этого мерзавца?), продолжила: — Какого демона вы меня похитили? Да как вам такое в голову взбрело?!

Она приправила свои вопросы парой резких высказываний, в которых цензурными оказались исключительно союзы и предлоги. Впрочем, даже в последнем Ибарра не мог бы поручиться, с такой интонацией эти невинные, в сущности, вспомогательные слова были произнесены.

— Леди, примите моё восхищение, — искренне сказал он и даже согнулся в вежливом поклоне. — Ваше умение... хм... формулировать свои мысли достойно похвалы. Однако вы не находите, что ваш ответ несколько... экстравагантен для благородной дамы?

Иронии мага Катрин в сложившихся обстоятельствах не оценила.

— Вот благородную даму и надо было похищать, — отрезала она.

— Да это вообще-то не совсем похищение, — заметил Ибарра, по-джентльменски проигнорировав последнюю реплику барышни (разве что бровь заинтересованно приподнял).

— Похищение-похищение! — возразила та. — Не пытайтесь морочить мне голову! Кто вы такой? Дракон?

— Нет.

Катрин удовлетворённо кивнула:

— Я так и думала. Этот полёт меньше всего походил на путешествие на драконе. Значит, вы маг?

— Не вижу причин с этим спорить.

— А следовало бы. Магия противна богам.

— Кто вам такое сказал? — прищурился Ибарра.

Не так чтобы ему не приходилось слышать о подобных предрассудках. Но поведение девушки потихоньку начинало его раздражать.

— Об этом знают все добропорядочные люди, — убеждённо ответила Катрин.

— Добропорядочные люди — это кумушки, приходящие на чай к вашей матушке?

— Добропорядочные люди — это те, которые не похищают ни в чём не повинных девиц, — парировала она.

Вот тут Ибарра был готов согласиться. Кратковременное знакомство со «спасённой» девицей заставило мага прийти к выводу, что он предпочёл бы похитить женщину более грешную.

— Что это за логово? — перешла к новому вопросу Катрин, не оставляя Ибарре времени на собственный комментарий.

— Это мой замок, — сообщил он, сложив руки на груди.

— Оно и видно. — Катрин скривилась, вновь обводя взглядом каменные стены и высокий потолок — И зачем же вы меня похитили? — Она опять без малейшего предупреждения перескочила с одного вопроса на другой. — Впрочем, я и так знаю. Вы собираетесь использовать меня в каком-нибудь вашем магическом ритуале?

Орландо Ибарра был из тех магов, что не любят делиться своими секретами. По его убеждению, чем меньше простые обыватели знали о магических материях, тем лучше. Однако невежество этой девицы потихоньку начинало выводить его из себя.

— Да, собираюсь, — холодно бросил он. — Жениться на вас хочу.

— Зачем? — быстро спросила Катрин, явно не услышавшая в его словах сарказма. — Вы что, Синяя Борода?

— Синяя кто? — растерянно переспросил Ибарра.

— Синяя Борода. — Девушка презрительно скривила губы, тем самым выражая своё отношение к людям, не читающим популярных книг. — Вы — маньяк, который женится на женщинах, а потом их убивает?

— Точно! — безоговорочно согласился Ибарра.

Может, раньше он и не был этой самой бородой, зато теперь чётко осознал: если бы ему пришлось жениться на этой конкретной девице, он точно возжелал бы сразу же её убить и прикопать где-нибудь под яблоней.

— Имейте в виду: я просто так не дамся! — решительно заявила девушка.

— Ни секунды в этом не сомневаюсь. — Ибарра не менее решительно распахнул одну из дверей. — Вот ваша комната. Поскольку я — маньяк, тиран и кто там ещё, прошу вас не покидать её без особого приглашения. Еду вам принесут.

Возиться с ненормальной девицей у мага не было ни малейшего желания. Если кардинальской агентессе так надо, пускай сама с дочкой Борфора и разбирается.

Увы, мне удалось выбраться в замок Ибарры лишь через два дня после того, как новость о похищении леди Катрин облетела столицу.

— Милорд. — Я присела в приветственном реверансе.

— Миледи. — Ибарра на миг застыл в ответном поклоне. — Кобра? — с некоторым сомнением уточнил он.

Вопрос не касался моего прозвища самого по себе (маг отлично его запомнил), а скорее приемлемости такого обращения. Я кивнула, ободряюще улыбнувшись. Меня это имя полностью устраивало.

— Госпожа Кобра? Леди Кобра? — уточнил Ибарра, одновременно пробуя эти сочетания на язык.

— Просто Кобра, — поморщилась я. — Поверьте, моё происхождение недостаточно высоко, чтобы требовать подобных церемоний.

— Это не имеет никакого значения. — Ибарра отмахнулся с таким видом, что сомнений не оставалось: он действительно чувствует то, что говорит. Надо отметить: это было приятно. — Поверьте мне: с некоторыми дамами чрезвычайно высокого происхождения намного менее приятно общаться, чем с вами.

— Вполне допускаю, — усмехнулась я, а сама задумалась: маг просто сделал мне дежурный комплимент или же его слова навеяны какими-то недавними событиями?

— Как поживает леди Катрин? — спросила я затем, не желая испытывать терпение хозяина замка, докучая ему более необходимого.

Ибарра как-то разом поскучнел, что немного меня удивило.

— Понятия не имею, — передёрнул плечами он. — Спросите у неё сами.

— С радостью, — согласилась я, всё ещё недоумевая, чем вызвано столь странное поведение Ибарры.

Спорить причин не было: я и сама планировала лично побеседовать с Катрин Борфор. Как-никак, официально в её отношении действовала именно я, Ибарра же лишь оказывал помощь, выполняя, условно говоря, дружескую просьбу.

— Эй, кто там! — крикнул меж тем маг, обращаясь, вне всяких сомнений, к дежурившей за дверьми страже.

Этот мой вывод мгновенно подтвердился, стоило охраннику в длинной перепоясанной кольчуге войти в комнату и широким шагом приблизиться к нам.

— А, Тамильо, — поприветствовал его Ибарра. — Сходи-ка к нашей гостье и пригласи её пройти сюда. Вот тебе ключ.

И он перекинул стражнику вышеупомянутый предмет, каковой тот с лёгкостью поймал.

— Ключ?! — Я воззрилась на мага, взглядом требуя объяснений.

— Да, — бесстрастно пожал плечами тот, предварительно дав Тамилью разрешение удалиться. — Не хочу, чтобы истеричные девицы со странными идеями бродили по моему замку. То есть логову, — добавил он, усмехнувшись каким-то своим мыслям. Однако в следующую секунду по его лицу пробежала неприязненная гримаса. — Словом, разбирайтесь с ней сами, — завершил он.

Спустя несколько минут в комнату возвратился давешний стражник, на этот раз сопровождавший молодую девушку. Она была хорошо сложена и обладала довольно красивым лицом: длинные объёмные ресницы, чётко очерченная линия губ, отнюдь не блёклых, несмотря на явное отсутствие помады, вздёрнутый носик, румянец на щеках. Волосы были собраны в длинную чёрную косу.

— Леди Борфор! — Я шагнула навстречу девушке, опасливо остановившейся ярдах в десяти от нас. — Меня зовут Дейзи Корбетт, я очень рада приветствовать вас в этом замке.

Назваться Коброй при знакомстве с этой дамой было бы нецелесообразно.

— В данный момент я представляю здесь интересы королевского дома Эркландии, — продолжала я.

Возможно, это и было не совсем точно: всё-таки работала я на Эрталию, ещё точнее — на кардинала, однако в данном конкретном случае мы действительно сотрудничали со здешним монархом. А представитель Эркландии, без сомнения, внушит девушке больше доверия, чем агент соседнего и могущего оказаться враждебным государства.

— Что значит «королевского дома»? — непонимающе нахмурилась Катрин. — Не хотите же вы сказать, что его величество имеет отношение к этому похищению?

Я до отказа наполнила лёгкие воздухом и медленно выдохнула через рот, прежде чем повернуться к Ибарре.

— Вы что, ничего ей не объяснили?!

— А девушка не слишком хотела меня слушать, — с независимым видом откликнулся он.

— Ну, знаете!

Моему возмущению не было предела. Ну почему, почему в нашем деле совершенно невозможно работать в одиночку? Всего-то и надо: несколько лишних пар рук, ноги подлиннее для семимильных шагов и в сутках дополнительных часов двенадцать. И не приходилось бы зависеть от чужих промахов... Впрочем, наверняка своих бы хватало.

— Леди Борфор! — Я повернулась к девушке с самым что ни на есть покаянным выражением на лице. — Простите, ради богов, произошло чистой воды недоразумение! Лорд Ибарра не замыслил против вас ничего дурного. — Я бросила на упомянутого лорда гневный взгляд через плечо, но маг остался к этому знаку совершенно равнодушен. — Он и правда действовал в интересах королевского дома Эркландии, а также в целях вашей собственной безопасности. По-видимому, впоследствии возникло некоторое... недопонимание. — Я снова недовольно покосилась на Ибарру. — Присядьте, леди Катрин, прошу вас.

Девушка продолжала смотреть на нас в высшей степени настороженно, однако, немного помешкав, всё-таки согласилась. Мы расселись, я напротив Катрин, а маг в стороне.

— Видите ли, миледи, нам стало известно, что вам угрожает опасность, и только по этой причине решились на подобный шаг. Вам ведь знакомо имя Фернана Ромеро?

— Ромеро? — удивлённо переспросила девушка. — Кажется, это тот герцог, который состоит с Борфорами в дальнем родстве и которого мой отец на дух не переносит.

— Совершенно верно! — воскликнула я, хотя прежде знать не знала о том, что старший Борфор недолюбливает Ромеро. — Такое отношение говорит о проницательности вашего отца. Герцог Ромеро стремится захватить трон. Как нам удалось выяснить, он намеревается упрочить свои права, женившись на вас.

— На мне? — искренне удивилась Катрин.

— Конечно. — Я улыбнулась. — Вы ведь — леди Борфор, дочь близкого родственника его величества.

Девушка нахмурилась, но медленно кивнула, по-видимому, только что осознав очередной побочный эффект своего недавнего возвышения.

— Как вы сами понимаете, ваш батюшка ни за что не дал бы согласия на этот брак, — продолжала я. — Видимо, именно поэтому герцог Ромеро решил пойти на похищение и принудить вас стать его женой. Только в силу этих обстоятельств лорд Ибарра, по моей просьбе, и прибег к столь радикальному методу. Необходимость действовать быстро и соблюдать секретность не позволила нам заранее обо всём с вами договориться.

Взглянув на Катрин, я обнаружила, что она смотрит в пол, прикусив губу. Вряд ли её так уж сильно заинтересовал ковёр, скорее, она переосмысливала случившееся за последние дни в свете новой информации. Я покосилась на часы. Моё время было ограничено, ведь до королевского дворца путь неблизкий, а долгое ли отсутствие могла позволить себе служанка, пусть даже и временная?

— Стало быть, он не маньяк? — спросила наконец девушка, в упор глядя на Ибарру.

— Нет, — заверила я.

— И не чудовище? — уточнила она.

Я повторно покачала головой. В вопросе Катрин мне почудились нотки разочарования.

— Понятно, — протянула девушка, снова переводя взгляд на меня.

— Вот и хорошо, — заключила я, хотя чувствовала, что далеко не всё пока хорошо. Однако затягивать разговор дольше необходимого мне действительно было нельзя. — Сейчас я вынуждена вас покинуть, но очень надеюсь, что теперь все недоразумения останутся в прошлом. Вы ни в коем случае не пленница, а гостя. Просто обстоятельства сложились так, что вам придётся пожить здесь некоторое время. Уверена, лорд Ибарра больше не прикажет запирасть вас в комнате. Ведь так?

Маг не спешил что-либо отвечать, и я постаралась придать своему взгляду настойчивости.

— Хорошо, — передёрнул плечами он. И, по-видимому, разглядев сомнение в моих глазах, добавил: — Да не стану я запирасть леди Катрин, не тревожьтесь.

Вот и отлично.

На этой оптимистической ноте я покинула замок Орландо Ибарры и поспешила во дворец.

Стоило им остаться наедине, как Катрин вскочила на ноги. Ибарра поднялся ещё раньше, чтобы проводить гостью, как того требовали правила вежливости. Теперь же повторно сесть ему не позволило поведение леди Борфор.

— Так, значит, вы не Синяя Борода, — обличительно объявила она.

— Я никогда так себя не называл, — спокойно напомнил Ибарра.

— Тогда какого демона вы не объяснили мне всё как следует с самого начала? — требовательно спросила девушка, уперев руки в бока.

— А вы не дали мне такой возможности. — Ответ мага прозвучал бесстрастно. — Вы были слишком заняты, объясняя мне, в чём заключаются мои подлинные цели. Право слово, было бы невежливо с моей стороны вас прерывать. Я всё-таки джентльмен.

— Вы — джентльмен? Невероятно. — Катрин вложила в свой тон всё то презрение, на которое только была способна.

— Желаете в этом убедиться? — Это прозвучало почти как угроза.

— Благодарю. Уже убедилась. И если вы полагаете, что прошедшие дни так просто сойдут вам с рук, то глубоко заблуждаетесь.

Её слова позабавили мага, что он даже улыбнулся.

— Вы рассчитываете меня напугать?

— Я сказала ровно то, что хотела сказать.

Упрямства наследнице Борфора было не занимать.

Ибарра ответил на это замечание взглядом, полным снисходительности.

— Юная леди, если вам удастся меня напугать, я... — Он запнулся, пытаясь придумать что-нибудь откровенно нереалистичное, и тут припомнил свой первый разговор с Катрин. — ...Я на вас женюсь, — завершил фразу он.

Весь вид мага свидетельствовал о том, что такой вариант развития событий ещё менее вероятен, нежели традиционное «я съем свою шляпу».

— Благодарю покорно. Вот только этого мне и не хватало, — фыркнула леди Борфор.

Тем не менее заверение мага явно не заставило её пересмотреть свои планы.

— Если вы не возражаете, я пойду в свою комнату, — заявила она. И с сарказмом добавила: — За последние дни я к ней привыкла.

Глава 16

Назавтра Катрин всё-таки вышла из своих временных покоев. Её видели то в коридоре, то в обеденном зале, то в библиотеке, то даже на кухне. Вела себя девушка спокойно, со слугами обходилась вежливо, попыток осуществить обещанную месть не предпринимала. Её присутствие вообще было не слишком заметно. Что и требовалось Ибарре от нежеланной в общем-то гостьи. В итоге маг счёл, что временное пребывание леди Борфор в его замке не будет чересчур обременительным. И со спокойной совестью отправился по своим делам.

Вернулся он поздним вечером. По дороге домой ему на какую-то долю секунды пришла в голову безумная мысль, что вот сейчас из-за вершины холма покажутся руины замка, над которыми будет виться чёрный дымок. Однако же маг со смешком отогнал этот образ и оказался прав: замок не просто был цел, там также царил идеальный порядок, офицеры были спокойны, слуги довольны. Словом, не дом, а идиллия. Ненормальной девицы как не бывало. Оказывается, если дать женщине полную свободу, она становится гораздо менее заметной, чем когда держишь её взаперти. С этой мыслью Орландо Ибарра, полностью довольный, отправился спать.

Наутро он проснулся в прекрасном настроении. Встал, потянулся, несколько раз привычно отжался от края кровати. Ополоснулся холодной водой из таза, своевременно доставленного Ортуньо, его личным камердинером, прислуживавшим в замке ещё тогда, когда он, Орландо, был активным и непоседливым ребёнком.

А затем, привычно отпустив слугу, распахнул дверцу одежного шкафа. Тот был сработан из древесины граба, прочной и устойчивой к сырости, ведь как ни старайся, а в замке такая проблема присутствовала. Впрочем, сам Ибарра особенно от этого не страдал, ибо здоровьем обладал крепким, да и к здешним условиям жизни привык с детства.

Итак, он открыл дверцу шкафа и извлёк изнутри первую попавшуюся рубашку. Тёмно-коричневую, с широкими рукавами, которые сужались ближе к запястьям. Стал надевать её... и, сколь ни смешно, застрял, не в силах найти прорезь, в которую следовало просунуть голову. Когда ему наконец надоело тщетно тыкаться макушкой в плотную ткань, ничего кроме неё не видя и испытывая дискомфорт от духоты, он выбрался из рубашки, с наслаждением вдохнул полной грудью, высвободил руки из рукавов... и чертыхнулся. Горловина оказалась тщательно защита мелкими аккуратными стежками. Коричневая нитка была очень прочной, так просто даже не разорвёшь.

Скривив губы и небрежно отбросив рубашку на не застеленную ещё кровать, он вытащил из шкафа другую, вновь первую попавшуюся. Эта была зелёная, с жабо и высокими манжетами. Маг начал было просовывать руки в рукава, но вовремя остановился и подозрительно осмотрел верхнюю часть рубашки. Его опасения подтвердились. Вырез снова оказался тщательно зашит. Причём на сей раз эта эстетка подобрала зелёные нитки, точно в тон рубашки!

Следующий предмет одежды Ибарра уже вытащил только для того, чтобы убедиться в своём предположении. Белую рубашку со стоячим воротником и глубоким вырезом постигла та же участь, что и предыдущие.

Со свистом втянув в лёгкие побольше воздуха, маг выдохнул и лишь затем кликнул Ортуньо.

— Какого демона ты пропустил в мои покои эту ненормальную девицу? — рявкнул он, едва камердинер возник в дверном проёме.

— Так она сама попросилась. — Своего хозяина пожилой слуга не боялся, однако реакция мага расстроила его и вызвала недоумение. — Леди сказала, что сожалеет о вашей размолвке и

хотела бы загладить свою вину. Она заметила, что у вас на плаще разошёлся шов, и вызвалась зашить. А потом обнаружила порванный рукав на рубашке. Я ведь давно говорил, милорд, что вам следует чаще прибегать к услугам портних.

Ибарра поджал губы. К услугам портних он как раз-таки прибегал, и не так уж редко, но вот дошить дело после этого, как правило, не доходило.

— Где она сейчас? — резко спросил он, не дожидаясь, пока Ортуньо взглянется в кучу одежды, сваленную на кровати, и не разберётся, сколь своеобразным способом девица «загладила свою вину».

— У себя в покоях, — всё ещё не вполне понимая, что происходит, ответил слуга. — Горничная говорит, леди уже проснулась, и ей подали в комнату завтрак.

— Очень хорошо, — кивнул Ибарра, ещё не до конца, впрочем, уверенный, что именно в этом хорошего. — Ступай.

Преданный слуга послушался и покинул спальню, не задавая лишних вопросов.

Маг вновь остался один на один с собственным гневом. Да что она себе возомнила, эта девица? На что рассчитывала? И неужели решила, что такое сойдёт ей с рук?

Он поглядел внутрь сиротливо опустевшего шкафа. Нет, новый гардероб, конечно, не проблема, денег ему, хвала богам, хватает; к тому же Ортуньо по-своему прав: из старой одежды многое следовало либо починить, либо выкинуть. Но, Орэнд побери эту девчонку, кое-какие из вещей были ему по-своему дороги, а дырки, проделанные толстой иглой, вне всяких сомнений, основательно их испортили. И главное, в данный момент ему буквально нечего было надеть!

Ибарра замер, и на его губах постепенно заиграла весёлая, а может быть, мстительная улыбка. Теперь он точно знал, чем ответить на выходку этой девицы.

Катрин сидела за накрытым к завтраку столом в платье-неглиже. Выбившиеся из косы волосы были заткнуты за уши. Девушка всегда заплетала перед сном косу, в противном случае длинные волосы спутались бы за ночь так, что расчесать их впоследствии было бы невозможно даже самым лучшим гребнем. Теперь ночная коса, конечно, слегка растрепалась, но заплести новую Катрин ещё не успела. Для начала девушка приступила к завтраку. Перед ней стояла синяя фарфоровая тарелка с рельефными рисунками, и она как раз нанизывала на вилку кусочек помидора. Рядом, на блюде попроще, красовался каравай имбирного хлеба.

Доев овощи, Катрин промокнула рот салфеткой, взяла с блюда чашку с горячим чаем и замерла, начисто позабыв о еде. В комнату быстрым шагом вошёл Орландо Ибарра. Из одежды на нём были только брюки. От пояса и выше он был абсолютно обнажён, однако занервничавшая Катрин вряд ли смогла в тот момент оценить рельефную мускулатуру и загорелую кожу.

— Я понял ваш намёк, дорогая! — жизнерадостно воскликнул Ибарра, подходя вплотную к столу.

Девушка поспешила вскочить и на всякий случай отступила за спинку стула.

— Какой ещё намёк? — спросила она, стараясь, чтобы охватившее её волнение не отразилось в

голосе.

— Ну как же! — Ибарра радостно сверкнул глазами. — Вы столь изощрённым способом оставили меня без одежды и тем самым дали понять, что хотите лицезреть меня голым! Ваш намёк был столь деликатным, столь изящным! Я не смог устоять. Вот он я, весь к вашим услугам.

Парой быстрых шагов он поравнялся со стулом Катрин и, прежде чем девушка успела с визгом отскочить, схватил её за руку и поцеловал тыльную сторону ладони.

Катрин отбежала подальше и остановилась, лишь уткнувшись в низкий прикроватный столик. С широкой улыбкой, словно говорившей «Никуда ты от меня не денешься!», Ибарра стал медленно приближаться.

— Дорогая! — Он интимно понизил голос. — Вы даже представить себе не можете, как приятно мне было получить ваше своеобразное послание. За ночь — или пять ночей — в обществе такой женщины, как вы, я готов пожертвовать не только всеми своими рубашками, но также брюками и — что уж там! — даже чулками.

Маг с удовлетворением отметил, как сильно девушка побледнела, особенно на числительном «пять». Эх, надо было сказать «десять»! Ну да ладно, он ещё не закончил.

— Вы совершенно неправильно истолковали мой поступок, лорд Ибарра. — Катрин старалась говорить твёрдо, но голос всё-таки дрогнул. Маг подошёл так близко, что она уже ощущала его запах, равно как и тепло, исходящее от обнажённого тела. Чёрные волосы, завивавшиеся забавными колечками у него на груди, уже почти касались её платья. Девушка запоздало сообразила, что и сама одета в неглиже, а это в обществе постороннего мужчины, мягко говоря, неприлично. Почти всё равно что камиза.

— Вы можете звать меня Орландо, — щедро предложил мужчина, начисто проигнорировав суть её слов. — Или нет, лучше Орлуша.

Его тёплое дыхание пощекотало ухо Катрин, и по телу девушки неожиданно пробежала дрожь, вызванная вовсе не страхом. Впрочем, беспокойство быстро победило все прочие чувства.

— Я люблю, когда меня называют так в порыве страсти, — шёпотом пояснил маг. — А знаете, у меня возникла отличная идея. Давайте запрямся здесь на двое суток. Даже есть и пить не станем. Будем сыты любовью!

Неизвестно, что больше покорило Катрин — идея провести два дня в мужской постели или же перспектива так же долго голодать, — но она резко обогнула столик, спеша отдалиться от опасно близкого мага, и... упёрлась в кровать. После чего, не удержав равновесия, села на матрас. Ибарра моментально воспользовался ситуацией и склонился над девушкой.

— Убирайтесь отсюда немедленно! — закричала она, зажмурившись от страха.

Ничего не происходило. Лишь спустя пару секунд Катрин сообразила, что стало как-то прохладнее и светлее, и открыла глаза. Ибарра стоял на некотором отдалении, возле накрытого для завтрака стола, и взирал на неё откровенно насмешливым взглядом.

— Если вы ещё раз задумаете подобную выходку, помните о последствиях, — жёстко предупредил он и покинул комнату.

Потребовалась пара минут на то, чтобы Катрин отдышалась и хотя бы относительно оправилась от потрясения.

— Это ему так просто не пройдёт, — прошептала она, гневно глядя на дверь.

Ранний вечер в замке Орландо Ибарры никак нельзя было назвать тихим. От шума, царившего в гостевом зале с длинным дубовым столом, вряд ли возможно было укрыться даже в самых удалённых комнатках верхних этажей. Эмоциональные возгласы, громогласный хохот, звяканье посуды, стуканье тяжёлыми кулаками по столешнице, скрежет передвигаемой по мере необходимости мебели. Вино лилось рекой, число открытых карточных колод перевалило за десять, медные, серебряные и золотые монеты кочевали из кармана в карман.

В этой обстановке безудержного веселья, каковую возможно наблюдать лишь в компании холостяков, никто поначалу не обратил внимания на хрупкую девичью фигурку, появившуюся из одной двери и принявшуюся медленно продвигаться через зал к двери противоположной. Собственно говоря, фигурка была не такой уж и хрупкой (речь шла о девушке рослой и статной), однако казалась таковой на фоне тридцатиструнной и (что в данном случае более важно) двадцатикилограммовой арфы, которую вошедшая потихоньку толкала по каменному полу. На лбу девушки блестели капельки пота, и она то и дело останавливалась, чтобы утереть его рукавом изящного платья. Бедняжка тяжело дышала и явно шла из последних сил, но сдаваться не желала и упорно, шагочек за шагочком, продвигалась к цели.

К тому времени, как девушка преодолела четверть намеченного пути, к её действиям уже было приковано внимание всех присутствующих. Некоторые мужчины, из тех, что ещё были относительно трезвы, повскакивали с мест. Хозяин праздника мрачно взирал на барышню, сложив руки на груди.

— Леди, вам же тяжело!

— Позвольте, я помогу!

— Такие тяжести не предназначены для женских рук!

Забросив еду, выпивку и карты, кавалеры столпились вокруг девушки.

— Ничего страшного, господа! — По голосу нетрудно было понять, что она находилась на последнем издыхании. — Я как-нибудь... сама... Ещё совсем немного осталось.

Учитывая скорость, с которой до сих пор передвигалась черноволосая красавица, путь её мог продлиться приблизительно столько же, сколько путешествие верхом из Эркландии в Ристонию.

— Вы — гостя лорда Ибарры? — догадался кто-то. — Отчего же вы не попросили его помочь вам или выделить для этой цели кого-нибудь из гарнизона?

Сам маг молчал, плотно сомкнув уста, и девушка взяла ответ на себя:

— Увы, я обращалась к лорду, но он так занят, что ему совершенно не до меня. Поэтому пришлось заняться арфой самостоятельно. Ведь там, где она стояла прежде, совершенно невозможно музицировать. Но вы не обращайтесь внимания, господа, прошу вас! — Девушка вымученно улыбнулась и одарила окруживших её мужчин страдальческим взглядом. — Мне бы не хотелось сердить лорда Ибарру, к тому же, уверена, вы заняты ровно в той же мере, что и

он. Пожалуйста, вернитесь к столу. А я... справлюсь...

Внимание сердобольных гостей теперь разделилось между леди и магом, и взгляды, бросаемые на последнего, были полны неподдельного осуждения и укоризны.

— Друг мой, как вы могли так поступить?! — воскликнул сорокалетний светловолосый мужчина, одетый в брюки и камзол модного в этом сезоне фиолетового цвета. — Я понимаю, что у вас много дел... — он с некоторым сомнением оглядел полный признаков кутежа зал, — ...но, право слово, негоже вынуждать даму перетаскивать настолько тяжёлые вещи!

Несколько гостей согласно поддакнули. Теперь уже никто не обратил внимания на довольную ухмылку; на короткий миг отобразившуюся на лице девушки. Лицо Ибарры приобрело багровый оттенок.

Двое мужчин взялись перетащить арфу вместо Катрин, и тут в голове у мага сформировалась отличная мысль:

— Миледи, уж коли так сложилось, не хотели бы вы поиграть?

Учитывая, что в светское общество девушка попала совсем недавно и воспитывалась в купеческом доме, шансы, что её обучали игре на арфе, были ничтожно малы. Вот пусть потом и объясняет, зачем ей так срочно понадобился этот предмет. Настал черёд Ибарры удовлетворённо ухмыльнуться.

Быть может, леди Борфор и смутилась, но лишь на самое короткое мгновение, так что даже Ибарра, внимательно следивший за её реакцией, не смог бы однозначно сказать, произошло это или нет. Вскоре лицо Катрин озарила улыбка.

— Поиграть? О, с удовольствием! Мне так приятно, что вы меня пригласили.

И, начисто забыв об арфе, она направилась... к одному из карточных столиков!

Указывать ей на «ошибку» и перенаправлять к арфе было бы теперь совершенно неуместно. Пришлось принять этот маленький проигрыш. Подсаживаться к ней за столик Ибарра, правда, не стал, но распорядился, чтобы слуги подали напиток и колоду карт, а желающие сыграть с дамой нашлись сразу.

Девушке, изначально не планировавшей вступать в игру, щедро предложили не делать ставок. Правда, один подвыпивший господин, лукаво прищурившись, заикнулся о том, чтобы играть на поцелуй. Вместо того чтобы смутиться и покраснеть, Катрин ответила не слишком светским, но вполне уместным в сложившихся обстоятельствах «Обойдётся», чем вызвала громкие смешки прочих участников. После чего неожиданно для всех извлекла из потайного кармана две серебряные монеты. Ибарра, чрезвычайно внимательно наблюдавший за ней со стороны, готов был поклясться, что этими монетами финансы Катрин не исчерпываются.

Затем игра началась. Выбрали истанс, для которого необходимы четверо участников. Помимо Катрин, за столиком расселись: приятель Ибарры, первым бросившийся ей на помощь, подвыпивший мужчина, предложивший игру на поцелуй (отшитый, но несколько не обиженный) и ещё один гость. Игра потекла привычным ходом.

— Валет червей.

— Дама.

— Беру.

— Две пятёрки.

— Пропускаю.

— Три туза.

К немалому удивлению Ибарры, да и самих игроков, кажется, тоже, Катрин выиграла, притом очень быстро. Можно было бы, конечно, предположить, что всё дело в удаче, которая, как известно, сопутствует новичкам, вот только истанс — не та игра, где можно выплыть на одном везении. Один раз — ещё куда ни шло, но уж точно не два раза подряд, как это было в случае с Катрин.

— А ты почему не участвуешь? — негромко поинтересовался один из наиболее близких приятелей Ибарры, когда они оба наблюдали за третьим раундом игры.

— Сыграл уже с одной, — беззлобно фыркнул тот.

Судя по ответу, итог той игры был для мага далеко не самым лучшим, однако же говорил Ибарра с такой интонацией, словно речь шла о весьма приятных воспоминаниях.

— Неужели обыграла? — любопытно спросил приятель.

— О, ещё как!

Ни малейшего намёка на ущемлённое достоинство в этом ответе не было, только нескрываемое восхищение.

Надо сказать; что на третий раз удача от Катрин отвернулась, но четвёртую партию девушка снова выиграла. В конечном счёте число монет в её потайном кармашке существенно возросло.

— Леди, откройте секрет: где вы научились так хорошо играть? — галантно осведомился тот гость, что поспешил помочь ей с арфой одним из первых.

Многострадальный музыкальный инструмент был, к слову, всеми забыт и теперь возвышался посреди зала, чуть дальше от центра.

Леди Борфор (имя какой, к слову, за всё это время ни разу не упоминалось) с улыбкой пожалала плечами, давая понять, что тут и тайны-то никакой нет.

— Я с рождения воспитывалась в купеческом доме, — принялась объяснять она, не испытывая ни малейшего чувства неловкости в связи с таким признанием. Учитывая, что собравшуюся здесь компанию трудно было назвать насквозь светской, её уверенность в себе была более чем оправданна. — Умение считать, запоминать и просчитывать ходы — из тех вещей, которым нас обучают с пелёнок. Помимо собственно торговли, такие способности более чем полезны в карточных играх.

— Весьма любопытно! — воскликнул её собеседник.

Ни тени презрения или превосходства в его тоне не было, как, впрочем, и во взглядах прочих гостей, из тех, что были ещё достаточно трезвы, дабы худо-бедно следить за ходом разговора. Снобы в холостяцкой компании, временами собираемой Ибаррой за обеденным и карточными

столами, были большой редкостью.

Сам маг слушал объяснения девушки с немалым интересом. Пожалуй, впервые за время их знакомства Катрин Борфор сумела внушить ему чувство уважения. Однако необходимости ответить ей выходкой на выходку это не отменяло. Ведь как ни крути, а холостяцкую вечеринку она ему умышленно испортила.

Однако, размышляя на эту тему, маг не мог не отметить, что жизнь в отсутствие этой неожиданной гостьи была значительно скучнее.

Орландо постучался в комнату Катрин на следующий же день, вскоре после того, как солнце за окнами достигло зенита. Девушка открыла не мешкая, однако взирала на хозяина замка с нескрываемой настороженностью.

— Миледи, — подчёркнуто вежливо произнёс тот. — Признаю, что наше знакомство началось не совсем подобающим образом, и потому я бы хотел сгладить впечатление. Вы, несомненно, произвели фурор на вчерашнем вечере и, насколько я успел понять, любите развлекательные мероприятия. Позвольте же мне пригласить вас на небольшое представление, которое состоится в этом замке сегодня вечером.

Катрин помедлила с ответом, всё ещё не вполне уверенная, чего именно следует ожидать от мага. Но в конечном счёте согласилась, ибо причин для отказа не нашла, да и против развлечений в целом не возражала.

— Так, значит, сегодня в восемь часов вечера? — осведомился, вне всяких сомнений, довольный положительным ответом Ибарра.

Девушка молча кивнула, и на этом их дневная беседа была окончена.

Следующая встреча состоялась вечером, без пяти минут восемь, в помещении, уступавшем размерами обеденному залу, но тоже располагавшемся на первом этаже. Здесь было полутемно: лишь несколько свечей горели в высоких напольных канделябрах справа и слева от импровизированной сцены. Для зрителей полукругом расставили четыре стула с красной обивкой, но, впрочем, похоже было на то, что два из них являли собой не более чем деталь интерьера. Других посетителей, помимо Катрин и Орландо, явно не ожидалось.

Маг галантно пододвинул даме стул, поинтересовался, вполне ли ей удобно и не желает ли она чего-нибудь выпить. И лишь затем занял соседнее место, с предвкушением глядя на пустовавшую пока сцену.

А ровно в восемь представление началось.

Из-за ширмы вышли две девушки настолько похожего роста и комплекции, что в полутьме вполне могли бы сойти за сестёр-близняшек, если бы не цвет волос: чёрный у одной и золотистый у второй. Их платья с широкими рукавами, многочисленными шнурами и странными металлическими аксессуарами тоже были почти одинаковыми.

Заиграла протяжная музыка, причём музыкант оставался невиден, скрываясь за ширмой. Девушки начали медленно двигаться в такт звуку струн. Ещё немного — и темп ускорился, музыка стала живее. Громко звякнули мелкие металлические украшения, нашитые на одежду, раскрыв таким образом секрет своего предназначения. Катрин даже начала было получать удовольствие от представления. А затем танцовщицы, переглянувшись с дежурными улыбками,

одновременно дёрнули за шнурки, вплетённые в верхнюю часть платьев.

Сразу же оказалось, что одеты девушки вовсе не в платья, а в весьма сложные наряды, каждый из которых состоял по меньшей мере из юбки, отдельного корсажа и своего рода короткой, по пояс, куртки, сшитой из того же материала, что и всё остальное. Дёрнув за верёвочки, танцовщицы в считанные секунды избавились от расшнурованных курточек, открывая взгляду публики корсажи. Последние, как выяснилось, обладали неприлично глубоким декольте, что становилось особенно очевидно, когда девушки приседали в ходе танца. Кроме того, ткань чуть-чуть не доходила до пояса, оставляя между нижней и верхней частью наряда тонкую полоску обнажённой загорелой кожи. Когда девушки затанцевали, подняв руки вверх, корсажи задрались ещё сильнее, и сжавшая зубы Катрин с трудом заставила себя не закрывать глаза. Ведь её сосед, откровенно наслаждавшийся разворачивающимся действием, без сомнения, ожидал от неё именно такой реакции. Цвет лица девушки, привыкшей к более пристойным зрелищам, наверняка уже стал пунцовым, но это в царившей вокруг полутьме, к счастью, трудно было заметить.

А между тем темп всё нарастал. Ещё совсем немного — и, потянув за очередные верёвочки, танцовщицы скинули с себя и корсажи, фактически открыв на всеобщее (то есть их с Ибаррой) обозрение нижнее бельё: корсеты были лишь слегка дополнены тонкими лентами кружев. Следующим этапом девушки избавились и от юбок — просто удивительно, насколько быстрого движения оказалось достаточно для этой цели. Нижние юбки, разумеется, остались на месте и даже цвета имели яркие, более характерные для верхней одежды, чем для нижнего белья. Однако же менее позорным такое действие от этого не становилось. Длина, пышность (точнее сказать, отсутствие оной) и качество ткани всё равно свидетельствовали об её истинном назначении.

Движения танцовщиц также сделались совершенно непристойными, всячески подчёркивая наготу. Покачивание бёдрами, то соблазнительно плавное, то неожиданно резкое, и вовсе выходило даже за самые гибкие рамки приличий.

Наконец музыка закончилась, и в этот же миг к завершению подошёл и танец. Ибарра довольно зааплодировал. И почти сразу же повернулся к Катрин, дабы посмотреть на её реакцию. Собственно, девушка практически не сомневалась, что именно ради этой реакции всё представление и было организовано.

— Что ж, очень неплохо, — отметила леди Борфор снисходительным тоном, из которого явственно следовало, что употребить слово «хорошо» она в данном случае не могла. — Только пластика немного хромает. Вам следовало бы лучше отработать вот это движение.

Пройдя на сцену и остановившись между слегка опешившими девушками, она дважды качнула бёдрами. Всего два раза и в полноценной одежде — но так, что на несколько секунд Ибарра застыл, забыв о необходимости дышать. А леди Катрин воспользовалась этой заминкой, чтобы покинуть помещение.

Придя в себя, Ибарра поднялся со стула и, засмеявшись, обратился к танцовщицам.

— Девушки, всё было замечательно, — весело заверил он. — Не сомневайтесь: ваша пластика восхитительна.

Щедро заплатив артисткам за представление, он направился восвояси, насвистывая себе под нос только что услышанную мелодию.

Возвратившись в столицу из замка Ибарры, я первым делом проверила, не хватились ли меня во дворце и не ищет ли кто-нибудь самовольно отлучившуюся служанку, дабы нагрузить её работой (или всыпать по первое число). И лишь убедившись в том, что ответ на все эти вопросы отрицательный, отправилась наверх, к помещениям, занимаемым знатными господами. Имело смысл пообщаться с моим мнимым (да и, что уж скрывать, настоящим тоже) любовником, дабы обсудить последние новости.

Для начала я решила наведаться непосредственно в предоставленные Нарциссу комнаты, а уж если бы они оказались пусты, можно было пускаться в дальнейшие поиски. Однако до места обитания агента я не дошла. Поскольку, поднявшись по последнему лестничному пролёту, обнаружила одного агента обнимающимся в укромном углу с Натали Верро. Рыжеволосой куколкой и по совместительству грозой всех мужчин, мало-мальски падких на женские прелести. Нарцисса последнее качество бесспорно характеризовало.

Когда я проходила мимо, он буквально вжимал её в стену, страстно ловя губами её губы и шаря руками по телу, которое даже я, не страдающая слабостью в отношении женского пола, была вынуждена признать соблазнительным. Верро стонала, причмокивала, ахала и, похоже, была готова растаять в его руках.

По-прежнему не меняя темпа, разве что чуть сильнее чеканя шаг, я дошла до покоев Нарцисса и, удостоверившись, что поблизости не ошивается какой-нибудь отбившийся от светского стада бездельник, проскользнула внутрь. И приготовилась ждать — столько, сколько потребуется.

Потребовалось недолго. Он пришёл спустя каких-нибудь четверть часа. Моё присутствие сюрпризом для Нарцисса не оказалось. То ли он заметил меня, невзирая на свою сильную занятость с леди Верро, то ли определил, что покои не пусты, по каким-то одному ему известным признакам. Так или иначе, войдя, агент первым делом закрыл за собой дверь и даже на всякий случай запер её на засов (хотя ломиться в чужие покои без разрешения здесь никто бы не стал) и лишь после этого встретил мой взгляд. Впрочем, лишь на долю секунды. Поскольку далее мой нож благополучно вонзился в деревянную дверь в непосредственной близости от его левого уха.

— Какого... — начал было Нарцисс, но не договорил.

Не настроенная на беседы, я метнула второй нож в сторону правого уха, для симметрии.

— Развлекаешься? — всё-таки открыла рот я, прежде чем третий нож вонзился в дверь около его локтя.

— Работаю, — хладнокровно возразил он, скосив глаза на рукоять, но разумно не делая лишних движений.

— Мне уже сейчас начинать смеяться или подождать, пока ты расскажешь ещё какую-нибудь шутку? — полюбопытствовала я, взвешивая в руке четвёртый нож — Работает он. На рыженьких потянуло?

Древесина, из которой была изготовлена дверь, в очередной раз испытала на себе всю мощь моего праведного гнева.

— Ага, — с сарказмом подтвердил агент. — На рыженьких. Особенно на тех, к которым питает слабость некий Фернан Ромеро. Ещё не забыла про такого?

— Чрезвычайно удобный способ совместить приятное с полезным. — Последний вопрос я проигнорировала, посчитав его риторическим.

Рукоять пятого ножа ощутимо холодила руку.

— Может, мне яблочко на голове подержать? — съязвил Нарцисс, проявив тем самым несомненные чудеса выдержки.

— Яблочко жалко, — отрезала я.

Пятый — и последний — клинок вонзился в дверь у агента над самой головой, даже слегка задев чёрные волосы.

— Всё? Истерика закончена? — раздражённо поинтересовался Нарцисс, отходя от двери.

— Если бы у меня была истерика, один из этих ножей тебя бы точно задел, — мрачно отчеканила я.

— Угу, хорошо, — согласился Нарцисс, всем своим видом транслируя тезис «С сумасшедшими не спорят». — Кто теперь дверь будет чинить? — сварливо поинтересовался он, проходя к креслу и плюхаясь в него, не сочтя нужным предварительно позаботиться о даме.

— А я думала, ты у нас на все руки мастер, — съязвила я, тоже усаживаясь, но не так вольготно.

Настроение всё ещё было паршивое, хотя пар я всё-таки выпустила.

— Всё, готова к серьёзному разговору? — едко осведомился агент, уловив положительные изменения в моём состоянии.

— Готова, если у тебя есть что мне рассказать. — Я постаралась впустить в свой голос побольше скептицизма, но в целом уже и впрямь была настроена на работу.

— Найдётся, — пообещал Нарцисс.

Я приготовилась слушать.

— Пока ты шлялась по замкам всяких магов, — он сделал многозначительную паузу, но я на провокацию не поддавалась, — я тут кое-что выяснил. Нам и раньше было известно, что эркландская церковь негласно поддерживает Фернана Ромеро. Не знаю уж, что он им пообещал, но, видимо, порядочный куш. Совсем уж в открытую к бунту они, конечно, не призывают. Сама понимаешь, такое даже епископам чревато. А вот намёки всякого рода нередко проскальзывают. Как, например, недавний выпад, когда епископ Антолье упомянул в своей проповеди грешников, живём лежащих в гробы.

Я усмехнулась. Шума та проповедь и вправду наделала немало. О настоящих гробах, конечно, дело не шло. Просто эркландский король, мужчина моложавый и достаточно интересный, весьма серьёзно относился к заботе о своей внешности. Многие воспринимали этот факт с неодобрением, учитывая как пол монарха, так и непростые времена, наставшие для государства. Однако Клавдий полагал, и, пожалуй, небезосновательно, что кое-какие омолаживающие процедуры политическим делам не помеха.

Помимо всего прочего, он ежемесячно посещал Лазарет Пяти Источников. Как утверждалось,

вода из упомянутых источников, каждый из которых имел собственную температуру, оказывала как целебное, так и омолаживающее воздействие. Одна из процедур, пользовавшаяся особым успехом у монарха, заключалась в том, что человек ложился на полчаса в своеобразный деревянный сундук вытянутой формы, стенки которого были обработаны изнутри различными маслами и настоями. Дышать проходившему процедуру человеку позволяли маленькие дырочки, проделанные в этом сундуке, каковой многие по понятным причинам ассоциировали с гробом.

— В общем, я пришёл к Антолье на исповедь, — продолжал Нарцисс. — И долго распинался на тему того, как я грешен, ибо имею необузданный нрав, не готов смиренно следовать существующим правилам, если почитаю таковые несправедливыми, и плохо думаю о людях, которых каждый добропорядочный подданный обязан уважать. Словом, напрямик о бунтарских настроениях ничего не говорил, но намекал, как мог.

— И что? — Я с интересом подалась вперёд, начисто позабыв о недавней размолвке.

— Ничего, — развёл руками Нарцисс к моему вящему удивлению. — То ли я был недостаточно убедителен, то ли епископ не желает привлекать к борьбе против монарха новых, плохо проверенных людей. Так или иначе, он отпустил меня, посоветовав много молиться, укреплять дух и быть готовым к любому, даже самому неожиданному, повороту событий.

— То есть ответил тоже намёком, — задумчиво подытожила я.

— Совершенно верно, — согласился агент. — Быть может, это и неплохо для первого раза, но мне такого ответа, сама понимаешь, недостаточно. Поэтому я принялся более интенсивно общаться с Натали Верро.

— Исключительно ради дела, — съязвила я, так подавшись вперёд, что наши лица оказались всего в каких-нибудь нескольких дюймах друг от друга.

— Исключительно ради дела, — подтвердил Нарцисс, повторив мой манёвр, в результате чего его губы почти коснулись моих.

— И что же в итоге? — полюбопытствовала я, отстранившись. — Есть какие-нибудь результаты? За исключением того, что у тебя появилась перспектива обзавестись рыжеволосыми потомками; об этом можешь не упоминать.

— Их ссора с Ромеро — чистой воды спектакль, нацеленный на благодарную аудиторию в виде короля и его сторонников, — уверенно заявил Нарцисс, проигнорировав шпильку. — Не знаю, каким именно образом, но связь они точно поддерживают, и по сути Верро выполняет роль агента герцога во дворце. Мне удалось войти к ней в доверие, — он заблаговременно закатил глаза, предупреждая мою вероятную реакцию, — и она рассказала мне про одну часовню, расположенную на южной окраине, где я якобы могу найти ответы на свои вопросы. Обращаться порекомендовала к тамошнему священнику, преподобному отцу Жерно. Вот туда-то я и собираюсь в самое ближайшее время навеститься, — заключил Нарцисс, поднимаясь с кресла, дабы незамедлительно приступить к приготовлениям. Причём начал с переодевания, без малейшего смущения стянув в моём присутствии рубаху.

— Надеюсь, когда я вернусь, не получить вторично столь тёплый приём, — добавил он, кидая многозначительный взгляд на дверь, всё ещё украшенную рукоятями ножей.

Я почувствовала зуд в кончиках пальцев, с трудом удержавшись от стремления слегка

замедлить процесс переодевания: уж слишком кое-кто был хорош и без рубашки.

— Я с тобой. — Сделав это заявление, я принялась извлекать лезвия из древесины.

— Не думаю, — возразил Нарцисс. — Отправляли меня одного. Это может иметь значение.

— Я и не собираюсь вваливаться с тобой в часовню, — поморщилась я. — Просто постою поблизости. Мало ли что. Вдруг там скрывается целый полк бунтовщиков?

— И в этом случае ты выскочишь из кустов с мечом наголо и порубаешь всех в капусту? — насмешливо осведомился Нарцисс, застёгивая верхние пуговицы свежей рубашки.

Он отлично знал, что я имела в виду в действительности, и всё-таки я ответила:

— Нет, зато буду знать, куда привести подмогу.

— Ладно, тогда пошли, — с обречённым видом вздохнул агент, цепляя на пояс ножны со шпагой.

На случай полка бунтовщиков было бы лучше иметь при себе меч, но расхаживать с таким оружием по церквям несколько странно. Шпага же — вполне нормальный атрибут дворянина, практически предмет одежды.

— Дверью займёмся потом, — укоризненно добавил Нарцисс, и мы покинули комнату.

Кто же знал, что в самое ближайшее время нам станет не до двери?

Глава 17

— Простите, лорд Ибарра, вы нужны мне. Как мужчина, — с придыханием уточнила Катрин, буквально вцепившаяся в руку повстречавшегося ей на лестнице мага.

Орландо, разумеется, воспринял это заявление с некоторым удивлением, однако воспоминания о вчерашнем (не менее удивительном) показательном выступлении, устроенном леди Борфор рядом с танцовщицами, до сих пор будоражили кровь. К тому же маг не привык отказывать женщинам в просьбах такого рода. Поэтому он не раздумывая взял гостью под руку и прошествовал туда, куда она указала.

К некоторому разочарованию (хотя и не сказать, чтобы к большому удивлению) Орландо, направились они не в спальню девушки, а на другой этаж, как вскоре выяснилось — в библиотеку. Тут уж в душе Ибарры разыгралось любопытство. После вчерашнего он был почти готов увидеть черноволосую красавицу отплясывающей на столе, и всё же рациональное мышление вынуждало фантазию не заходить пока столь далеко. Тем не менее вопрос о том, каким именно образом он мог понадобиться Катрин в качестве мужчины в библиотеке, приобретал всё большую актуальность.

Меж тем девушка прошествовала в глубь немаленького помещения к стулу, уже пододвинутому вплотную к стеллажу, и, нисколько не смущаясь, поставила на сиденье ногу, тем самым обнажив её до середины икры и продемонстрировав тонкий алый (под цвет сегодняшнего платья) чулок.

— Вы очень нужны мне как мужчина, Орландо, — проникновенно повторила она.

После чего спустила ногу на пол, отошла от стула и совершенно прозаически завершила:

— Не могли бы вы перенести на ближайший стол вон ту книгу? Как видите, она совершенно огромна.

Проклиная всё на свете, включая собственное опрометчиво данное разрешение называть себя по имени, Ибарра послушно снял с полки увесистый том под названием «Энциклопедия вышивки: старинные узоры и изысканные приёмы».

День клонился к вечеру, и обычный в это время суток ветерок тревожил податливые берёзовые ветки. Орландо заглянул в библиотеку, где девушка не так чтобы пропадала сутками, но всё же любила провести часок-другой.

— Леди Катрин, — обратился он к ней, остановившись на почтительном расстоянии и дождавшись, пока она поднимет голову от книги. — Я, что бы вы там себе ни думали, не изверг и отлично понимаю, насколько нелегко вам даётся это вынужденное заточение. Погода стоит хорошая. Как вы относитесь к тому чтобы немного покататься на лодке?

— На лодке?!

Катрин почувствовала, что у неё вот-вот глаза полезут на лоб от удивления. Предложение было совершенно неожиданным и, что ни говори, соблазнительным. Ведь пусть Ибарра и держал слово, предоставляя ей свободно разгуливать по замку, за пределами оною девушка не бывала уже давненько. А для её деятельной, неприспособленной к сидению сиднем натуры это было непросто. Пожалуй, только бесконечное противостояние с магом и спасало.

— А разве мне можно покидать замок? — с сомнением уточнила она.

— Строго говоря, мы его не покинем, — откликнулся Ибарра. — На территории моего парка есть приличных размеров озеро. Там вполне реально поплавать на лодке. При этом можете мне поверить: в границах моих владений никакой недруг до вас не доберётся.

Сказано это было не без бахвальства, но и основания для такого заявления у мага, без сомнения, были. За время пребывания в его замке Катрин успела как припомнить всё, что ей доводилось когда-либо слышать об этой личности, так и собрать кое-какую новую информацию. Так что в надёжности своей защиты и вправду не сомневалась.

— Ну хорошо, — согласилась она.

— В таком случае, поторопитесь, — удовлетворённо кивнул Ибарра. — У нас есть время до заката.

До заката оставалась пара часов. Переодевшись и прихватив с собой лёгкий плащ, Катрин спустилась по старым каменным ступеням, где её поджидал хозяин замка. Вместе они пересекли внутренний двор, а затем, пройдя под невысокой аркой, добрались до совсем небольшой и неприметной двери во внутреннем кольце окружавших замок стен. Дежуривший у выхода стражник вытянулся по струнке. Катрин обратила внимание, что Ибарре, для того чтобы пройти через дверь, пришлось слегка пригнуть голову.

За стеной не было никаких строений, только царство природы. Зелёный луг, через который бежала, извиваясь, узкая тропинка. Затем небольшая роща, а вот за ней открывался вид на то самое озеро. Конечно, не огромное, но действительно вполне достаточное для того, чтобы полчаса покататься на одной из стоявших на берегу лодок. Всего их было три, и Катрин мельком подумала: используют ли каждую из них хотя бы раз в месяц?

Впрочем, девушке было недосуг надолго погружаться в подобные мысли. Она наслаждалась свободой. Пусть временной, пусть иллюзорной, но всё равно невероятно приятной. С наслаждением вдыхала свежий воздух, в котором смешались запахи травы и цветов, а также совершенно не казавшийся сейчас неприятным аромат озера.

Орландо без труда спустил на воду лодку. Катрин устроилась на носу. Ибарра сел на вёсла. Магией, что характерно, не пользовался совершенно. Ему, в отличие от большинства современных дворян, не казалось ни обременительным, ни позорным немного размяться при помощи гребли. Её, в отличие от многих современных аристократок, не смущало ни жёсткое сиденье, ни необходимость поджимать ноги, ни запах рыбы, каковая в этом озере водилась с избытком. И обоих полностью устраивали друг в друге эти качества.

Они катались, должно быть, с четверть часа. Ветер приятно обдувал лицо, по воде практически без перерыва бежала рябь. И внезапно Ибарра отпустил вёсла. Сперва Катрин не придала этому особого значения. Ну, захотел человек передохнуть. Это вполне логично. Глупыми иллюзиями, будто мужчины как представители сильного пола в отдыхе не нуждаются, девушка не страдала. Но время шло, минуты текли одна за другой, а маг снова братья за вёсла не торопился.

А потом лодку внезапно сильно качнуло влево. Внезапно, потому что не настолько уж беспокойной была вода, не таким сильным — ветер. Катрин специально устремила взгляд на росшие вдоль берега деревья. Да, ветви тонких берёзок покачивались, а вот более устойчивые верхушки елей были практически неподвижны. Ещё один качок, на этот раз вправо. И ещё. Девушке пришлось вцепиться в края лодки.

Зато Ибарра сидел неподвижно и вид имел при этом самый что ни на есть невозмутимый. Катрин нехорошо прищурилась. Теперь всё было понятно. Именно за этим он и притащил её на эту чёртову прогулку. Решил напугать? Не на ту нарвался!

— Извольте немедленно прекратить, — повелительным тоном заявила она, глядя Ибарре прямо в глаза и изо всех сил стараясь игнорировать локальный шторм искусственного происхождения.

— Прекратить что именно? — с совершенно невинным видом поинтересовался маг.

Девушка поджала губы. Давать Ибарре ответ, который и без того был прекрасно ему известен, казалось ниже её достоинства.

— Я повторяю: прекратите. И верните лодку к берегу. У меня пропало желание кататься.

— Так скоро? — С невинным выражением лица маг уже расстался, или, во всяком случае, так показалось Катрин.

— Делайте то, что вам говорят! — раздражённо бросила она.

— Не имею такой привычки, — улыбнулся Ибарра.

Вот на этот раз он точно говорил искренне.

Лодка вновь резко качнулась на несуществующих волнах.

— К вашему сведению, мне отлично известна разница между небольшим озером и

штурмующим морем, — холодно сообщила магу Катрин.

— В самом деле? Откуда? — светским тоном поинтересовался он.

— У меня нет ни малейшего настроения вступить с вами в беседы, — отрезала леди Борфор.

— Вот как? Зачем же тогда вы в них вступили? В беседы, я имею в виду. Мы ведь так хорошо молчали.

Маг определённо получал от происходящего удовольствие и уже даже не пытался это скрывать.

— Гребите к берегу! — сердито приказала девушка, вынужденная повторно вцепиться в край лодки.

Знать бы, как он заставляет её качаться! Ведь ни рукой не взмахнёт, ни слова волшебного не скажет. Даже выражение лица не меняется! Вот уж воистину магия — зло!

— А мне и здесь хорошо, — откровенно признался Ибарра. — Впрочем, если вам так уж хочется, вот вёсла. Пожалуйста, можете грести.

Вообще-то Катрин была из той породы девиц, с которых случилось бы. Но не доставлять же мерзавцу такое удовольствие.

— Ах, так! — воскликнула она. — Ну, как знаете!

И совершенно неожиданно для своего спутника, резво вскочила, полностью игнорируя почти не прекращавшуюся теперь качку, и прыгнула в воду. Причём по выражению лица Катрин перед прыжком невозможно было понять: то ли она намеревается добраться до берега вплавь, то ли утопиться на глазах у мага, чтобы тому было стыдно.

— Эй, вы чего?!

Трудно сказать, испытал ли Ибарра чувство стыда, да и вообще был ли он способен на эмоции такого рода, однако поступок девушки его всё-таки взволновал. Маг вскочил на ноги и сразу же вынужденно вскинул руки, балансируя, чтобы не упасть.

— А-а-а! — завизжала между тем Катрин, кое-как барахтаясь в воде. — Тону! — Дыхание её сбилось, а голова по ноздри погрузилась под воду. Но вскоре девушке всё-таки удалось выплыть чуть выше. — Помогите! — заорала она, едва в лёгких оказалось достаточно воздуха.

— Сюда! Руку давайте! — крикнул Ибарра, наклоняясь в её сторону.

Злость на девиц, которые самовольно прыгают в воду, не умея плавать, он решил оставить на потом.

Однако Катрин в своём нынешнем состоянии, похоже, неспособна была как следует соотносить и подчинять свои действия хоть какой-то минимальной системе. Она просто барахталась, беспорядочно размахивая руками, поворачиваясь то лицом, то спиной к лодке, глотая воду, кашляя, затем лоя ртом очередную порцию воздуха.

— Караул! — выкрикнула она, прежде чем закашляться особенно сильно.

— Сейчас! Иду к вам, держитесь! — закричал Ибарра и прыгнул в воду.

...И чуть было не ударился о дно, на удивление близкое.

Распрямив спину, Катрин, которой воды оказалось по пояс, громко хохотала, без малейшего стеснения показывая пальцем на вымокшего насквозь мага.

Впрочем, смех длился недолго, вскоре сменившись вызванной холодом гримасой. Девушка обхватила себя руками, дрожа так, что зуб не попадал на зуб. Ибарра хорошо её понимал, поскольку испытывал приблизительно те же ощущения. Вода в озере оказалась очень холодной, что в данном случае явилось неприятной неожиданностью.

— Так, быстро на берег! — с ходу сориентировался Ибарра.

Очередное дуновение ветра заставило обоих задрожать сильнее: холод пробирал до костей.

— Плавать умеете? — осведомился Ибарра, не удержавшись от лёгкого ехидства.

— Представьте себе: да, — не без труда ответила Катрин, которую колотило, будто в лихорадке.

— Тогда давайте к берегу. — Взмахом руки маг указал направление. Плыть предстояло туда, где были по-прежнему причалены две лодки. Не самый короткий путь, но самый быстрый способ возвратиться в замок. — Не бойтесь, я подтолкну, — заметил Ибарра, отвечая на невысказанные сомнения девушки.

Оставалось надеяться, что он имеет в виду не буквальное подталкивание, а свои очередные магические штучки.

Так и оказалось. Катрин оставалось делать базовые движения руками и ногами, но всё остальное, похоже, Ибарра взял на себя. Держаться на поверхности и, главное, приближаться к берегу оказалось непривычно легко. Лодка так и осталась сиротливо покачиваться посреди озера, но это в данный момент никого не волновало. Первым выбравшись на берег, Ибарра подал девушке руку и помог выйти из воды. С одежды и волос обоих стекали холодные струи. В сапогах мага хлюпала вода, но Катрин пришлось в этом отношении ещё хуже: её туфли и вовсе слетели с ног во время «купания». О чём она быстро вспомнила, напоровшись на маленький, но острый камушек, затерявшийся среди травы.

— Давайте быстро в замок, — распорядился Ибарра, после чего, даже не подумав спросить на то дозволения, взял девицу на руки.

— С-сама дойду, — машинально возразила та, но вырваться даже не попыталась.

Во-первых, физических сил на пререкания особо не осталось, а во-вторых, прижаться к телу мага всё-таки было теплее. Пусть даже его одежда была такой же вымокшей, как у неё.

До замка дошли довольно быстро. Маг лишь пару раз останавливался для короткой передышки, но с рук Катрин не спускал. Возможно, он использовал какое-то заклинание, придающее дополнительные силы, но девушка не могла бы этого сказать с определённой уверенностью.

Зато Ибарра, без сомнения, применил магию, едва они зашли в незнакомую Катрин комнату второго этажа, обставленную наподобие гостиной, но при этом совсем небольшого размера. Такой выбор стал понятен очень быстро, едва Ибарра мановением руки заставил пылать сложенные в камине дрова. Камин был непропорционально большим для довольно-таки тесного помещения, и потому прогрелось оно очень быстро. Кроме того, маг приказал слугам незамедлительно принести сухую одежду, плед и пунш. Плед — для Катрин, остальное — для

обоих. Ширма позволяла переодеться, не напрягаясь из-за постороннего присутствия, но, впрочем, Ибарра по-джентльменски покинул комнату на то время, пока Катрин облачалась в сухое платье.

Когда оба, периодически чихая и покашливая, сидели в тёплой комнате, Катрин — закутанная в плед, а Орlando — протягивая руки к камину, слуга с невозмутимым видом разлил по бокалам пунш. Отпустив его, маг поднялся с кресла.

— Вам не кажется, что нашей небольшой войне настало время перейти в стадию перемирия? — заметил он, извлекая на свет небольшой пузырьёк, наполненный оранжевой жидкостью.

Должно быть, этот предмет магу принесли вместе с сухой одеждой.

— Вы делаете такое предложение уже в третий раз, — напомнила Катрин. И в ответ на вопросительный взгляд Орlando уточнила: — Первый был, когда вы пригласили меня на «представление», — она особо выделила это слово, — а второй — не далее как сегодня, когда вы предложили покататься на лодке.

— Вы правы, — усмехнулся маг и, откупорив пузырьёк, добавил часть его содержимого в один из бокалов. — Мне следовало быть осторожнее со словами, чтобы не утратить ваше доверие.

Всё это было сказано с иронией и без малейших признаков раскаяния. Ибарра подошёл к Катрин и протянул ей бокал — тот самый, в который только что подлил жидкость неизвестной природы.

— И тем не менее, хотите верить, хотите нет, на сей раз я совершенно искренен, — заверил он. — Возможно, вы согласитесь, что наше противостояние несколько затянулось. К тому же, как недавно выяснилось, оно может привести к малоприятным последствиям.

Он выразительно посмотрел на закашлявшуюся в очередной раз девушку. Та не менее выразительно поглядела на свой бокал.

— Я бы, возможно, и хотела вам поверить, — призналась она. — Однако меня терзает подозрение, что я поплачусь за излишнюю доверчивость, едва выпью вот это.

Маг усмехнулся:

— Если бы я хотел обеспечить вам какую-нибудь неприятность, не стал бы подливать жидкость из пузырька на ваших глазах.

— Возможно. — Катрин повертела бокал в руке. — Или, наоборот, стремились усыпить таким образом мою бдительность.

Орlando рассмеялся:

— Легковерием вы точно не страдаете. Что ж, рассудите сами. Пунш безобиден, его нам с вами налили из одного графина. Что же касается второго компонента...

Взяв со стола так и не закупоренный пузырьёк, маг плеснул себе щедрую порцию оранжевой жидкости.

— Как видите, себе я налил ещё больше, чем вам, вопреки законам гостеприимства. — Подмигнув Катрин, он залпом осушил две трети бокала.

— Не проще было бы объяснить, что вы туда добавили? — поинтересовалась Катрин, подозрительно прищурившись.

— Лекарство, — пожал плечами Орландо. — Средство, которое не позволит вам схватить воспаление лёгких. Я ведь всё-таки маг, — с весёлой хитринкой во взгляде напомнил он.

Ещё немного подумав и поглядев на бокал, Катрин сперва пригубила напиток, а затем, прислушавшись к собственным ощущениям и не обнаружив ничего необычного, отпила половину.

Чихнула и с укоризной уставилась на Ибарру.

— Никакое лечение не действует мгновенно, — развёл руками тот. — Но могу пообещать, что к утру вы думать забудете об этой простуде.

Они ещё немного посидели, греясь и попивая пунш. Атмосфера, как ни странно, была спокойной и даже уютной.

— Скажите, — проговорила Катрин некоторое время спустя, — этот герцог, который хочет захватить трон... Он в самом деле так твёрдо вознамерился взять меня в жёны?

— Видите ли... — промолвил Орландо, отставляя на стол свой бокал, успевший опустеть наполовину во второй раз. — Я не так уж внимательно слежу за политикой, и узнал об этой истории, как и вы, от женщины, которая приходила сюда некоторое время назад.

— Эрталийки? — уточнила Катрин, не запомнившая имени своей собеседницы.

— Именно, — подтвердил маг. — Несмотря на то что она — эрталийка, у меня есть причины ей доверять. Тем не менее, прежде чем оказать ей содействие, я проверил информацию по своим каналам. Ромеро, ясное дело, не распространяется направо и налево о своих планах, но очень похоже на то, что всё сказанное леди Корбетт справедливо.

Девушка слушала внимательно и сосредоточенно, плотно сжав губы.

— Кроме всего прочего, однажды он уже пытался упрочить свои позиции подобным образом, — добавил Орландо. — Только в тот раз речь шла об иностранной принцессе. Он пробовал похитить её, воспользовавшись для этой цели кое-какими магическими средствами. Кстати, именно наша с вами общая эрталийская знакомая и помешала ему это сделать.

— Магическими? — Катрин ощутимо напряглась. — Стало быть, этот Ромеро ещё и маг?

— Не так чтобы маг... — Ибарра брезгливо поморщился. — Скорее лишённый таланта самоучка, нашедший способ паразитировать на силе артефакта. Вам доводилось что-нибудь слышать про Перстень Могущества?

Недоверчиво щурясь, Катрин подпёрла щеку рукой.

— Сказки, — с надеждой прокомментировала она.

— Увы, не совсем, — возразил Ибарра. — А вот беспокоиться вам не о чем, — добавил он, видя, как вытянулось лицо девушки. — Пока вы в моём замке, вам ничто не угрожает.

Сказано это было без ложной скромности, но и без бахвальства; маг просто констатировал факт.

— Хотите сказать, вы сильнее Ромеро? — уточнила Катрин.

— Во-первых, сильнее. — И вновь констатация факта. — Но дело даже не в этом. Вы действительно очень мало знаете о магии, леди Борфор. Одолеть мага в его собственном... логове, — Орландо подмигнул, употребив это слово, — почти невозможно. Фраза о том, что дома и стены помогают, в нашем случае приобретает буквальное значение. Сюда даже проникнуть без ведома хозяина практически нереально. На моей памяти был только один случай удачного вторжения, — сообщил он, отчего-то с весьма довольным видом.

— Значит, всё-таки был? — В голосе девушки отчётливо читалась тревога.

— Я уже принял меры, — заверил Орландо. — Повторить подобное никому не удастся.

— А тем же людям? — не успокаивалась Катрин.

Маг усмехнулся:

— Их вам точно не стоит бояться.

— Вы их убили? — по-своему истолковала эти слова девушка.

Вопрос был задан по-деловому, без сантиментов, исключительно ради получения информации.

— Убийство — не единственный способ избавиться от врагов, — уклончиво ответил Ибарра. Так уклончиво, что Катрин весьма заинтересовало, каким бы оказался развёрнутый ответ.

— Какова же альтернатива? — вместо этого поинтересовалась она.

— В некоторых случаях они становятся союзниками, — пояснил Орландо. Немного подумал и, усмехнувшись, добавил: — И порой оно того стоит.

Часовня и вправду располагалась на самой окраине, в отдалении от маленьких покорёженных домиков, чтобы не сказать — лачуг. С одной стороны лес, с другой — кладбище, с третьей — пустынная дорога. И посреди всего этого — небольшая каменная постройка с арочной дверью и — выше — таким же арочным окном. В самом верху можно было разглядеть ещё одно окошко, круглое.

Я остановилась, заблаговременно найдя убежище возле раскидистого дуба, Нарцисс же последовал к часовне.

Ждать пришлось довольно долго, в особенности учитывая напряжённость ситуации. Больше получаса. Всё это время поблизости от часовни царил тишина. Никто не входил и не выходил. Я потихоньку подобралась поближе. Информации это не добавило. Когда высокая деревянная дверь наконец открылась и вышедший из неё Нарцисс широким шагом направился по пыльной дороге в направлении города, не скрою: я вздохнула с облегчением.

— Ну что? — спросила я, пропустив агента вперёд и нагнав его уже вне зоны видимости часовни.

— То же, что и Антолье, — поморщился он. — Принял меня благосклонно, но не более того. Я уж и так там крутился, и эдак. Молился, фрески рассматривал. Так ничего и не дождался. Разве что убедился, что войска там нет, — усмехнулся он. — Если кто где и прячется, вряд ли больше пары человек.

— Что теперь? — Я подстроилась под его шаг, и мы в едином темпе удалялись от обсуждаемой часовни. — Уходим ни с чем? Будем тянуть за другие ниточки?

— Не совсем, — качнул головой Нарцисс. — Думаю переждать где-нибудь поблизости и наведаться туда этой ночью. Место-то интересное. Надо бы осмотреть.

— Я с тобой.

Небезопасно, конечно, но — работа у нас такая.

— Уверена? — изогнул бровь он.

— Абсолютно, — с беззаботным видом откликнулась я. И, лукаво улыбнувшись, добавила: — Ночные приключения — это как раз по моей части.

В часовню мы возвратились глубокой ночью. Я, как и в первый раз, осталась караулить снаружи, но теперь — близко от входа, чтобы в случае необходимости вовремя предупредить Нарцисса о чужом присутствии. Либо быстро прийти на помощь. Собственно говоря, именно последнее я и сделала, точнее, так мне в первый момент показалось. Услышав раздавшийся из часовни грохот, я ринулась внутрь, держа в одной руке метательный нож, а в другой — кинжал. Но, оказавшись в тёмном помещении с высоким потолком, обнаружила там лишь беззвучно сквернословящего Нарцисса, умудрившегося опрокинуть конструкцию из старых доспехов непонятного назначения.

— Полагаешь, это случайность? — шепнула я, озираясь. Невозможность отслеживать происходящее со всех сторон одновременно заставляла испытывать чувство резкого дискомфорта.

— Не думаю. Уходим, — решил агент и, напоследок оглянувшись, шагнул к выходу.

Видимо, Нарциссу пришла в голову та же мысль, что и мне: он только что напоролся на своеобразную «мышеловку», специально оставленную здесь на случай появления незваных гостей.

Мы вместе поспешили прочь, но, когда до двери оставалось лишь несколько ярдов, под нами внезапно провалился пол... Вернее, как выяснилось впоследствии, перевернулась одна из составлявших его крупных плит. И мы полетели вниз.

Падение было недолгим, результат — болезненным. Оставалось благодарить собственный профессионализм и отработанные до уровня инстинктов навыки. Сгруппироваться удалось, и, несмотря на многочисленные ушибы, ни один из нас, во всяком случае, ничего себе не сломал. Я, правда, слегка поранилась о собственный вылетевший из руки кинжал, но на общем фоне это была мелочь, не стоящая внимания. По-настоящему важным было то, что мы оказались в ловушке, а именно — на дне глубокого колодца. С самого верха сюда проникал свет фонаря. В действительности довольно слабый, на фоне обступавшей нас густой темноты он слепил глаза. Но постепенно мне удалось разглядеть склонившуюся над проёмом фигуру, облачённую в рясу священника.

— Я всё-таки правильно вас заподозрил, — констатировал он, обращаясь, видимо, к Нарциссу. — В нашем нынешнем богоугодном деле важны осторожность и предусмотрительность.

— Давайте поговорим! — крикнул, задрал голову, агент. — Уверен, вас удовлетворят мои объяснения.

— Объяснения не понадобятся, — возразил священник — Приберегите их для того, кто стоит несоизмеримо выше меня. Я ведь сказал: осторожность превыше всего. Живыми вы отсюда не выйдете.

— Уверен, ваших нанимателей заинтересует информация, которой мы обладаем! — предпринял ещё одну попытку Нарцисс.

— У меня нет нанимателей, — равнодушно произнёс священник, распрямляя спину. Фонарь покачнулся в его руке, свет соскользнул на стенку колодца. — Можете кричать. Здесь вас никто не услышит.

Он отошёл и, видимо, нажал на какую-то одному ему известную пружину. Каменная плита возвратилась на своё место. Ловушка захлопнулась.

Первые несколько часов мы перебирали все возможные способы выбраться на свободу. Дюйм за дюймом ощупывали дно и стены, залезали друг другу на плечи, продолжали проверять стены на этом уровне, пытались забраться выше при помощи ножей и кинжалов. Безрезультатно. Колодец был глубоким, каменные стены — отвесными и неподатливыми. Кричать мы тоже пробовали, но, как и следовало ожидать, это не дало результата. Даже если нас и можно было услышать снаружи, часовня располагалась слишком далеко от жилых домов. Непосредственно же сюда заходили редко, и, как видно, по большей части сторонники Ромеро. То есть те, кто помогать нам не станет.

От бурной деятельности вскоре захотелось пить. Чувство жажды нервировало, ибо у нас оказалась при себе лишь одна фляга на двоих, да и та наполнена хорошо если на треть. Еды не было вовсе, но это пугало меньше, поскольку навряд ли нам грозила смерть от голода. Смерть от жажды наступает значительно быстрее.

Устав физически, но, главное, осознав тщетность всех предпринятых попыток, мы сели на дно колодца. Отпили из фляги совсем по чуть-чуть, старательно экономя воду. Оба понимали, что надолго её всё равно не хватит.

На ощупь дно оказалось гладким. Никаких следов чьего-либо здесь пребывания или останков предыдущих жертв. То ли мы первыми удостоились права быть заживо похороненными в этом колодце, то ли тела предыдущих жертв исправно выносили наружу. Ни тот, ни другой вариант не добавлял оптимизма.

Постепенно нами овладевало уныние. Мы привыкли бороться до последнего даже в самых безнадежных ситуациях, но в данном случае все способы борьбы были исчерпаны и признаны негодными. Счёт времени мы потеряли, но его, без сомнения, прошло немало. Вода во фляге успела закончиться, мы вытряхнули в рот самые последние капли. Живот начинало сводить от голода, отчаянно хотелось пить. Сверху по-прежнему не доносилось ни звука, и надежда на то, что нами всё-таки заинтересуются, пусть даже враги, угасала с каждым часом. Вдобавок здесь было холодно, и мы боролись с этой напастью традиционным способом: прижавшись друг к другу, стараясь согреться теплом собственных тел.

Сидя на коленях у Нарцисса, глядя его по щеке, на которой уже пробивалась щетина, я почувствовала, как сердце сжимается от мысли, что он разделит эту участь со мной. Странно, я всегда считала себя слишком эгоистичной для подобных эмоций. Мне казалось, что перед лицом собственной смерти чужая не сможет взволновать меня сильнее. Я и не утверждаю, что

тревожилась за Нарцисса больше, чем за себя, но непосредственно в тот момент мне было невыразимо больно именно из-за судьбы того, к чьей тёплой пока ещё коже я прикасалась.

— Знаешь, если бы смерть одного из нас могла вытащить другого... — еле слышно прошептала я в его ухо. Я хотела продолжить, сказав, что готова была бы отдать свою жизнь, и не покривила бы душой. Но подобные слова вдруг показались столь пафосными и оттого неестественными, что вместо этого пришлось отшутиться: —...То я бы приняла эту жертву.

Нарцисс тихонько рассмеялся и погладил меня по волосам. Стало очевидно, что заменённая в последний момент концовка нисколько его не обманула.

— Ты опоздала, — тихо ответил он. — Я уже успел подумать об этом раньше.

Я прижалась к нему посильнее, он крепче обнял меня в ответ.

— Если хочешь, можешь меня съесть, — щедро предложила я, радуясь, что Нарцисс не может видеть слёз, которыми сопровождалась очередная шутка.

— Отравлюсь, — хмыкнул он, ласково отводя волосы с моего лба. — Такую язву, как ты, есть рискованно.

— На себя посмотри, — парировала я, погладив его по лбу.

Под подушечками пальцев пролегли незнакомые прежде морщинки.

Нарцисс перехватил мою руку, перевернул ладонью вверх и поцеловал.

— Знаешь, Дейзи...

У меня комок встал в горле. Он никогда не называл меня по имени.

— ...Мне до сих пор не довелось тебе сказать... Удобного случая не было...

Я приложила пальцы к его губам и даже надавила сильнее, чем собиралась.

— Не надо, — попросила я, чувствуя, как непрошеные слёзы опять подступают к глазам. Пришлось замолчать и приложить усилие, чтобы взять себя в руки. — Сейчас и так тяжело. А после твоих слов это будет уже слишком.

Он понял и промолчал. Потом, правда, приоткрыл было рот, чтобы что-то сказать, но не успел произнести ни звука: сверху со скрипом сдвинулась каменная плита.

Мы оба вскочили, задирая головы, испытывая смешанные чувства — от пьянящей разум радости до опасения, что из проёма вот-вот польётся кипящая смола. Я пошатнулась и схватилась рукой за стену, лишь теперь понимая, насколько ослабла за проведённые здесь часы... или всё-таки дни?

Свет, от которого мы совершенно успели отвыкнуть, слепил глаза, и я с трудом разбирала силуэт... или два силуэта склонившихся над проёмом людей.

— Ну вот, здесь они! — послышался знакомый голос. — А говорил «Не знаю, не знаю». Как вы там, живы, леди Кобра? — крикнул он в колодец.

— Сколь ни странно, всё ещё да, лорд Ибарра! — крикнула я в ответ.

Точнее сказать, попыталась крикнуть. От слабости и из-за пересохшего горла слова получились тихими, так что не знаю, разобрали их наверху или нет. Но в данном случае это было не слишком важно: факт ответа говорил сам за себя.

— Вот и отлично, — откликнулся маг.

— Оба живы, — констатировали наверху, и я окончательно успокоилась, услышав ещё более знакомый голос. — Так, меньше разговоров. Дейзи, осторожнее: сейчас я спущу вам лестницу.

— Рэм!!!

Я понятия не имела, каким образом эти двое могли оказаться в часовне, но была готова вознести за это благодарную молитву всем богам.

Лестница оказалась верёвочной и доходила почти до самого пола. Когда её закрепили сверху, я начала было подниматься, но почти сразу же остановилась, ощутив сильный приступ головокружения. Пришлось замереть, вцепившись в верёвки, а потом и вовсе спуститься обратно, поскольку от раскачивания лестницы голова кружилась ещё сильнее.

— Кажется, это будет не так просто, как казалось вначале! — вынужденно призналась я.

— Чёрт, я об этом не подумал! — покаянно прокричал сверху Рэм. — Сейчас я спущусь к вам и помогу.

— Не дёргайся, — остановил его Ибарра. — Лучше постой тихо и не мешай сосредоточиться.

Спустя несколько мгновений я оторвалась от пола, ровным счётом ничего для этого не предприняв. словно волна воздуха сама подняла меня и теперь продолжала подталкивать вверх, всё ближе к слепящему свету фонаря. Мне даже подумалось, что, возможно, именно так люди чувствуют себя после того, как умирают. Но я постаралась отогнать эту мысль.

Нарцисс поднимался рядом, точно тем же способом, что и я. Вскоре проём оказался совсем близко, и протянувший мне руку Рэм помог выбраться на каменный пол часовни. И только после того, как Нарцисс оказался рядом, соседняя плита со скрипом сдвинулась на место.

Темноту помещения разгоняли многочисленные свечи, и я поняла, что тут тоже не обошлось без помощи мага: вряд ли кто-то ходил и методично зажигал их одну за другой традиционным способом. Сил на более подробное изучение обстановки пока не было.

Рэм обнял меня радостно, но не слишком крепко, делая скидку на моё состояние.

— Всё-таки свалила на свои плечи больше, чем нужно, — констатировал он при этом.

— У вас нет чего-нибудь попить? — спросила я, подслеповато щурясь.

То ли перепад в освещении оказался чересчур резким, то ли от слабости, но держать глаза открытыми было тяжело.

— Вот ведь Орэнд, кажется, мы и это не продумали, — сокрушённо выругался Рэм. — Так спешили вас разыскать, что взять с собой подобные вещи даже не пришло в голову. У тебя нет воды? — обратился он к Ибарре.

Тот отрицательно покачал головой.

— У меня тоже, — вздохнул Рэм. — Вернее, фляга есть, но там не вода.

Я была готова вылить себе в горло всё что угодно, лишь бы оно было жидким, но маг высказал иную точку зрения на этот счёт.

— Не стоит рисковать, — заявил он. — Сейчас я всё устрою.

Ибарра на миг прикрыл глаза, и мне показалось, что за сегодняшний день ему уже довелось колдовать достаточно, чтобы испытывать чувство усталости. Затем в его руке появилась фляга, наверняка наполненная водой, и все прочие мысли будто смыло из моей головы мощной волной.

Я припала к сосуду, стараясь не глотать слишком жадно, а потом пусть с трудом, но оторвала его от себя, чтобы скорее передать Нарциссу. Получив флягу обратно, выпила ещё, а затем снова вручила ему.

Жажда отступила, и это определённо пошло моему состоянию на пользу. Правда, теперь на первый план вышло чувство голода, но его вполне можно было потерпеть.

— Давно мы здесь? — задала я затем один из вопросов, которые в данную секунду казались первостепенными.

— Больше суток точно, — откликнулся Ибарра. — Остальное зависит от того, когда точно вы сюда попали.

— Вовремя вы нас нашли. — Я прикрыла глаза, стараясь сэкономить силы и одновременно немного расслабиться. — Самим нам идея немножко полетать в голову не пришла.

— Чувство юмора тебя не подводит. — Рэм, расчувствовавшись, притянул меня к себе и обнял. — Орэнд! Дейзи, как же хорошо, что мы успели!

— Да уж, наша Кобра — красавица! — с удовольствием подтвердил Ибарра. — При таких обстоятельствах сохранить присутствие духа — это дорогого стоит. Но в том, что Дейзи Корбетт — необычная женщина, я и не сомневался.

И он по-свойски потрепал меня по плечу.

— Господин маг, — процедил сквозь зубы Нарцисс, — совсем недавно я всерьёз был готов кого-нибудь съесть. Состояние моё, конечно, слегка улучшилось, но не настолько, чтобы я не мог задуматься о подобном снова. Так что очень не рекомендую сейчас меня злить.

Ибарра рассмеялся и демонстративно от меня отстранился, выставив руки ладонями вперёд.

— Молодец, парень! — похвалил Рэм и тоже выпустил меня из объятий, хотя отодвигаться не стал.

— Оба отлично держатся, — согласился маг. — Да ладно тебе, не кипятись! — обратился он к Нарциссу, которого расточаемые конкурентами комплименты совершенно не успокоили. — Дама твоя, конечно, хороша, тут не поспоришь. Но мы с Монтереем оба некоторым образом заняты. Ринопльд обожает свою жену — и это сложно вменить ему в вину: там действительно есть кого обожать. — Ибарра подмигнул Рэму, который, однако же, весьма недовольно поморщился от этих слов. Его недовольство чем-то напоминало раздражение Нарцисса. — Да и я, похоже, с недавних пор пропал для дамского общества... Хотя сам до сих пор не понял, как

это произошло.

— Ты лучше поменьше болтай и достань им какой-нибудь еды, — посоветовал Рэм, по-прежнему немного сердитый на мага за упоминание Аделины.

— «Достань», — передразнил Ибарра. — Что бы такой солдафон, как ты, понимал в искусстве магии.

— Слушай, дитя Орэнда! Не зли меня! — не остался в долгу Рэм.

Ибарра лишь равнодушно отмахнулся и на несколько мгновений сосредоточился. Вскоре в руках его появился кувшин, из которого пахло... куриным бульоном!

— Сразу объедаться чем попало после голодания нельзя, — наставительно сообщил маг.

Рэм лишь скривился его менторскому тону.

Я же почувствовала, как в борьбе за моё внимание желудок уверенно вытесняет мозг. Есть хотелось ужасно, жажда тоже не прошла полностью. Бульон удовлетворял обе потребности одновременно.

Рэм и Ибарра о чём-то тихо переговаривались, пока мы с Нарциссом расправлялись с содержимым кувшина. Когда на дне оставалось лишь немного жёлтой жидкости с плавающими на поверхности каплями жира, мы чуть-чуть посидели неподвижно, просто чтобы отдышаться. Потом я почувствовала, как пальцы Нарцисса сжали моё запястье.

— Ты ведь понимаешь, что после всего этого я точно тебя не отпущу? — тихо и серьёзно спросил он.

Я ответила лишь продолжительным взглядом. Там, внизу, всё было до слёз болезненно, но одновременно предельно просто. Теперь, когда мы возвратились на земную поверхность, многие сложные вопросы снова приобретали актуальность. Но погружаться в них прямо сейчас желания не было.

— Как я понимаю, экипаж мы в такой час, тем более в этой глуши, не снимем, — заметил тем временем Рэм.

— Не беда, телегу у кого-нибудь из местных одолжим, — отозвался Ибарра. — Куда вас будет лучше отвезти? — Этот вопрос был адресован нам с Нарциссом. — Во дворец?

— Лучше к нашему послу, — возразил Рэм. — Так будет надёжнее.

Я переглянулась с агентом. Возражений ни он, ни я не имели.

— Как вы нас нашли? — Из часовни, конечно, пора было уходить, но я не удержалась от вопроса.

Впрочем, сколь ни странно, наши спасители, похоже, никуда особенно не торопились.

— Я прибыл в Эркландию с несколькими ребятами вчера вечером, — принялся рассказывать Рэм. — По официальной версии — чтобы подготовить всё к приезду дяди.

— Его высокопреосвященство собирается в Эркландию? — изумилась я.

— Да, — подтвердил Рэм. — Чтобы от лица Церкви осудить бунтовщиков. Было решено, что это станет самым лучшим противовесом мятежным священнослужителям.

— А для чего ты приехал на самом деле? — продолжила расспросы я, сделав для себя заметку касательно скорого визита кардинала.

— Оказать посильную помощь здешнему гарнизону, если возникнет такая необходимость, — беспечно пояснил Рэм. — Лучше всего было бы прислать полк наших солдат, но ты ведь понимаешь, как к этому отнесётся здешняя власть. Они и слышать не желают ни о чём подобном. А несколько офицеров, приехавших в королевство с иной целью и между делом, заодно, оказавших профессиональную помощь, — такое они принять готовы.

Я улыбнулась. Дипломатическая деятельность никогда не являлась стихией Монтерея-младшего. Неудивительно, что сейчас я слышала в его голосе раздражение.

— Ну так вот, прибыл я во дворец и почти сразу отправился тебя разыскивать. Вернее, начал с твоего напарника, учитывая особенности вашей легенды. Мне это не удалось, и я переключился на тебя, но тоже безрезультатно. Я стал наводить справки, пообщался с нашими друзьями во дворце. Время утекало, а вы всё не появлялись. В общем, поняв, что вы оба на месте не ночевали, а твой напарник вдобавок пропустил встречу с помощником ристонийского посла, я забил тревогу. Куда вы делись, никто не знал, но я был в курсе, что незадолго до исчезновения ты встречалась вот с этим... — Рэм покосился на Ибарру и явно какое-то время подыскивал подходящий эпитет, — ...с этой личностью. — Маг усмехнулся, но больше на «личность» никак не отреагировал. — К тому же мне хорошо известно, что он умеет разыскивать людей, даже если они находятся на большом расстоянии... В общем, я отправился к нему, а дальше... — Рэм сделал небрежный взмах рукой в сторону Ибарры, передавая тому слово.

В очередной раз усмехнувшись, маг продолжил:

— Вы, Кобра, действительно навещали меня незадолго до появления вашего приятеля, и кое-какие следы в доме ещё остались. Так что мне удалось определить ваше местонахождение. Не точно, конечно, но вариантов в этой части города, сами понимаете, не слишком много.

— В общем, магия в сочетании с логическими выводами возымела успех, — заключил Рэм.

— Но даже когда вы добрались до часовни, — всё ещё не могла разобраться я, — как поняли, что мы внизу?

— А в этом нам помогли, — довольно осклабился Ибарра.

— Кто? — непонимающе нахмурилась я.

— Господа! — послышалось откуда-то сверху. — Господа, снимите меня, умоляю!

Мы с Нарциссом синхронно подняли глаза. На стене, размахивая руками и ногами, словно пришипленный, висел священник, более суток назад оставивший нас умирать в каменном колодце.

— Господин маг, пожалуйста, я больше не могу! — взмолился он. — Нет моих сил оставаться в таком положении!

— Нет? — холодно переспросил Ибарра. — Ну, тогда положение можно сменить.

Он сделал вращательное движение рукой, и священник, по-прежнему вися на стене, перевернулся вниз головой.

— А-а-а! — заорал он, схватившись рутами за норвящую опуститься на лицо рясу. — Нет! Отпустите! Не трогайте! Пощадите!

— С чего бы это? — равнодушно осведомился маг. — Ты же бросил людей умирать от голода и жажды. Что уж мне, сыну Орэнда?

Он с усмешкой покосился на Рэма. Сказать по правде, смотреть на Ибарру в этот момент и впрямь было жутковато. Было вполне очевидно, что, если сочтёт нужным, действительно убьёт — и даже лишний раз об этом не вспомнит. Хотя что это я? Никогда не отличалась такой чувствительностью. Не иначе, долгое заточение в крошечной темноте плохо отразилось на душевном состоянии.

— Вниз головой долго не протянет, — флегматично констатировал Нарцисс.

— А что? Надо, чтобы протянул? — с показным удивлением поинтересовался Ибарра.

Нарцисс, прищурившись, поглядел на запаниковавшего священника:

— Может, и не помешает. У него ведь здесь много кто бывает. Серьёзные вещи обсуждаются. Не так ли, святой отец?

Глава 18

Несколько дней спустя лорд Орландо Ибарра выехал из своего замка по делам. Не успела осесть на дороге пыль, поднятая копытами его коня, как скромный гонец постучал в ворота и передал письмо для леди Катрин Борфор.

Катрин прочитала послание в своих покоях, после чего почти сразу стала собираться в дорогу. Много времени сборы не заняли. Смена обуви, наброшенный на плечи плащ да несколько мелких вещей, брошенных в небольшую дамскую сумочку. Через четверть часа девушка уже подходила к воротам. А поскольку в замке она пребывала на положении гостьи, а не узницы, стражники выпустили её без пререканий. Лишь почтительно склонили головы ей вслед, после чего вновь задвинули створки. Они получили распоряжение никого не впускать на территорию замка, однако никакого приказа относительно людей, движущихся в противоположном направлении, у охраны не было.

Вскоре леди Катрин уже тряслась в карете, поджидавшей её неподалёку от замка. По дороге девушка, хмурия брови и закусывая губу, в очередной раз перечитывала полученное недавно письмо. Там было сказано коротко и ясно, что её мать похищена и если леди Борфор желает снова увидеть её живой и невредимой, ей надлежит незамедлительно покинуть резиденцию лорда Ибарры.

Разумеется, девушка отлично понимала, кому и для чего понадобилось применять столь грязные методы. Тем не менее она рассудила, что сейчас, когда на кон поставлена жизнь её матери, нежеланное замужество — меньшее из зол. И потому поступила так, как поступила, оставив лорду Ибарре на память о своём пребывании лишь короткую записку.

А в тот же самый день король Клавдий Эркландский отправился в Лазарет Пяти Источников, чтобы пройти там традиционные процедуры, как делал каждый месяц. По такому поводу охрана на входе в лазарет была усилена. Кроме того, проверенный офицер королевской гвардии расположился непосредственно у двери зала, в котором проводилось «исцеление». Однако кое-кто из лекарей и даже пациентов имел возможность, стоя на втором этаже, наблюдать через плотное стекло за тем, как его величество с помощью двух врачей укладывается в тот самый знаменитый «гроб», при помощи которого проводилось омолаживание.

Зафиксировав крышку «гроба», как требовалось для усиления целебного эффекта, лекари покинули помещение, и зрители тоже постепенно разошлись: смотреть внизу было особенно не на что. Никто из них не знал, что в это самое время к расположившимся снаружи гвардейцам приблизилась Натали Верро.

— Господа! — Рыжеволосая красавица шутливо отсалютовала военным, чрезвычайно порадовав их своим вниманием, и направилась непосредственно к знакомому ей офицеру охраны. — Лорд Кьеро! Вы позволите мне пройти? Его величество просил подождать его в лазарете. Разумеется, я его не побеспокою, — продолжала беспечно щебетать она. — Хочу расспросить пока здешних целительниц о... ну, о некоторых дамских вопросах.

Леди Верро опустила глаза, обворожительно покраснев.

Выражение сурового лица виконта Кьеро заметно смягчилось, и он склонил голову, одновременно подавая своим подчинённым знак пропустить девушку.

— Конечно, миледи, — сказал он и, заложив руки за спину, молча наблюдал за тем, как та входила в лазарет. После чего жестом велел солдатам снова перегородить дверь.

Меж тем Натали Верро и не думала отправляться к целительницам. Удостоверившись в том, что за ней никто не следит, эта дама проследовала напрямик к дверям того зала, где в данный момент в мнимой безопасности находился король.

Офицер, несший здесь караул, тоже был знаком с общительной женщиной. Он улыбнулся леди Верро, однако навстречу не шагнул, чётко следуя инструкции и ни на миг не покидая свой ответственный пост.

— Я так рада вас видеть, мой дорогой! — зашебетала она. — Не беспокойтесь, я знаю, что туда нельзя. Просто подожду где-нибудь в сторонке. Но как же мне было не подойти и не поздороваться с вами!

Приблизившись, леди Натали встала на цыпочки и поцеловала офицера в щёку. Перстень, украшавший указательный палец её правой руки, как бы случайно коснулся его ладони неровным краем крупного камня и царапнул кожу. Экстракт растения, имеющий сильный снотворный эффект, коим было пропитано это безобидное на первый взгляд оружие, попал в кровь, и воин, не успев толком отреагировать на порез, съехал по стене на пол. Убедившись в том, что он крепко уснул (а может быть, и навечно, ибо точно подобрать дозу сумел бы только целитель), леди Верро поманила рукой затаившегося в тени колонны мужчину. Тот пришёл в лазарет вчера, под видом странствующего монаха, и с вечера спрятался в одной из близлежащих комнат, отлично понимая, что сегодня сюда никого не пропустят. Теперь же он, обойдя полулежачего на полу офицера, проскользнул в смежный зал. А леди Верро, задача которой была исполнена, поспешила прочь, дабы на всякий случай обеспечить себе алиби в присутствии целительниц.

После того как эти двое покинули зал, офицер открыл глаза, поднялся на ноги и приготовил оружие, с усмешкой покосившись на украсившую ладонь царяпину. Противоядие он принял заблаговременно, так что никакого действия на его организм экстракт не возымел.

А между тем всего в трёх кварталах от лазарета, в церкви, построенной несколько лет назад на территории монастыря Святого Янталия, всё было готово к церемонии бракосочетания. Даже жених и невеста, герцог Фернан Ромеро и леди Катрин Борфор, уже стояли перед алтарём. Вне всяких сомнений, отношения между ними оставляли желать лучшего, однако для скрепления брачного союза подобные обстоятельства препятствием никогда не являлись.

— Дети мои, мы собрались здесь, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину узами брака...

Монах, проводивший церемонию бракосочетания, то и дело переступал с носков на пятки и обратно, и покачивание, являвшееся результатом этих движений, придавало ему сходство с маятником. Невесте даже подумалось, не пытается ли святой отец воздействовать подобным образом на её рассудок. Впрочем, если и так, то успеха он не добился: сознание леди Катрин оставалось ясным как никогда.

Не особенно прислушиваясь к речам монаха, девушка оглядела полутёмное помещение. Здесь было довольно пусто. Несколько вооружённых мужчин, вне всяких сомнений, военных. Несколько обитателей монастыря. Пара приближённых герцога да служанка, приставленная к ней несколько часов назад, когда её только привезли в обитель. Не слишком роскошная свадьба, что и говорить.

— Фернан Ромеро, согласен ли ты взять в жёны присутствующую здесь Катрин Борфор?

Звучание собственного имени прогремело в ушах невесты, словно гром среди ясного неба, заставив её вздрогнуть. Впрочем, она успела взять себя в руки к тому моменту, когда над алтарём разнеслось, подхваченное лёгким эхом, чёткое и уверенное:

— Да.

— Катрин Борфор, согласна ли ты взять в мужья присутствующего здесь Фернана Ромеро?

Все взгляды устремились на девушку в ожидании традиционного ответа.

— Нет.

Это слово прозвучало ещё более чётко и уверенно, чем недавний отклик жениха.

— Что? — совершенно несолидно выпалил не ожидавший подобного поворота монах.

Всё же, как бы девицы ни относились к перспективе замужества, протест они обыкновенно выражали до того, как оказаться в церкви. Такого, чтобы от брака отказывались непосредственно перед алтарём, на его памяти ещё не бывало.

— Нет, — спокойно повторила Катрин. — Ноу. Найн. Ло. Эй. Охи. Ёк. Эз. Тидак. Бу ши.

— Как это понимать? — гневно спросил Ромеро.

Девушка независимо пожала плечами:

— Так и понимаете. Вы заперли меня здесь в монастыре и велели подготовиться к свадьбе. Вот я и подготовилась.

— Больше никаких приготовлений не предприняли? — мрачно осведомился жених.

— Ну почему же? Кое-что ещё есть, — не отводя взгляда, откликнулась Катрин. После чего сделала знак служанке.

Та послушно передала госпоже специально доставленный мешок. Зачем невесте понадобилось его содержимое, женщина не знала, но со свойственной ей скрупулёзностью подготовила всё необходимое.

— Что это такое? — хмурясь, поинтересовался Ромеро, которого совершенно не радовало столь нетрадиционное развитие брачной церемонии.

— Ловите! — С этими словами Катрин бросила в него извлечённую из мешка... фаршированную курицу. Ромеро инстинктивно ухватил её за ножку.

— Я тщательно подготовилась и выяснила, что вы привыкли получать от девушки отказ именно в такой форме, — сообщила невеста.

Герцог в ярости отшвырнул курицу (двое военных еле успели отскочить в сторону), и тут по часовне раскатился громогласный хохот.

Быстро осмотревшись, лжемонах, на поверку оказавшийся не кем иным, как доверенным лицом герцога Ромеро Грегори Уолфордом, стремительно пересёк зал. Помещение ему было знакомо, так как он успел как следует осмотреть его накануне. К тому же «гроб», красовавшийся напротив двери, трудно было с чем-либо перепутать.

Остановившись возле сундука, в котором возлежал в данный момент ничего не подозревающий король, прислужник герцога ещё раз огляделся. Удостоверившись в том, что больше в зале никого нет, он попытался откинуть крышку. Она не подалась, и Грегори почти сразу заметил замок, призванный держать ящик закрытым по-настоящему плотно. Присев на корточки и чуть-чуть повозившись с устройством, он, к своему немалому удивлению, обнаружил, что заперли Клавдия на совесть.

На то, чтобы долго возиться с замком, у Уолфорда не хватило терпения. К тому же шум мог привлечь внимание как самого короля, так и кого-нибудь из находившихся снаружи лекарей. В сущности, крышка сундука не так уж сильно ему мешала. Сбросив давно раздражавшее монашеское одеяние, Грегори взял в каждую руку по припасённому заранее пистолю. Поднёс первый из них туда, где, по его расчётам, должна была находиться голова Клавдия. И спустил курок.

Звука выстрела никто не услышал. Не напрасно на выданном Уолфорду оружии было установлено редкое магическое приспособление, пропитанное силой, которую его хозяин черпал отныне из своего перстня. Это устройство приглушало звуки, позволяя произвести выстрел, не наружная тишины.

Быстро избавившись от первого пистоля, Уолфорд переложил в правую руку второй и снова выстрелил, на сей раз — королю в грудь. Криков из ящика не доносилось, из чего убийца заключил, что первый выстрел оказался смертельным.

Радостно выдохнув, он склонился над крышкой, в которой его стараниями появилось две дыры, намеренный окончательно убедиться в успешном исходе предприятия. И тут в зале погас свет.

Окон в самом зале не было, а магический гаситель разом потушил все свечи. На верхнем же этаже, часть которого отделялась от зала лишь стеклом, некто успел закрыть ставни. Тонкие полоски света всё же пробивались в помещение, и темнота не была кромешной, но к ней необходимо было привыкнуть. Сжав меч в одной руке и нож в другой, Уолфорд завертел головой, прислушиваясь и напрягая глаза, силясь скорее вернуть себе способность видеть.

— Ну как, пострелял? — насмешливо спросил откуда-то сверху женский голос. — Доволен? Говорят, это хорошо расслабляет.

— Кто здесь? — крикнул Уолфорд, покрепче сжимая рукояти.

— Какая разница, кто? — рассудительно ответили из-под потолка. — Главное, что ты арестован.

— По какому праву? — Он задрал голову, пытаясь ориентироваться на голос.

— Именем короля Клавдия Эркландского, — последовал торжественный ответ.

Уолфорд криво усмехнулся.

— Клавдия Эркландского уже нет в живых, — откликнулся он. — А пожелает ли арестовывать меня новый король — большой вопрос.

— С чего ты это взял? — удивился голос. — Клавдий Эркландский в полном порядке и в данный момент занимается государственными делами.

Занервничав, Уолфорд склонился над сундуком, благо худо-бедно привыкшие к темноте глаза позволяли разглядеть близлежащие предметы. Не тратя времени на бессмысленную возню, он попросту сбил замок при помощи рукояти меча. И распахнул крышку.

В «гробу» никого не было. Не веря своим глазам, он принялся шарить по сундуку руками, чуть ли не забравшись внутрь, но пальцы нащупывали лишь пустоту да древесину. Сверху послышался холодный издевательский смех.

— Но все же видели, как Клавдий ложился в этот чёртов гроб! — в отчаянии воскликнул Уолфорд. — И крышка всё это время была закрыта!

— Справедливо, — согласился женский голос. — Тебе когда-нибудь доводилось бывать в цирке, Уолфорд? Видел, как фокусник кладёт в ящик какой-нибудь предмет, потом немного «колдует» над ним для видимости, снова открывает... а там уже пусто? Или лежит что-то совсем другое?

Понимание пришло к неудавшемуся цареубийце практически сразу.

— Двойное дно, — выдохнул он.

— Bravo, — хмыкнули сверху. — С такими умными зрителями, как ты, невыносимо скучно.

— Циркачка... — процедил осенённый догадкой Уолфорд.

— Рада, что ты меня помнишь. Не скрою, я тоже неоднократно вспоминала тебя за это время.

Резко выхватив из-за пояса ещё один пистоль, мужчина прицелился и выстрелил в дно сундука.

Вряд ли из такого поступка стоило делать выводы об умственных способностях, скорее, это был жест отчаяния.

— Напрасно тратишь пули, — объявили из-под потолка. — Уж лучше бы ты в меня пальнул. Можешь не утруждаться: короля здесь нет. Он уже далеко от лазарета.

— Как он мог отсюда уйти?

Теперь Уолфорд точно знал, куда смотреть: приспособившиеся к скудному освещению глаза без особого труда выхватывали женский силуэт на одной из балок.

— Мимо источников, — последовал спокойный ответ. — Они ведь подземные, разве ты не знал? Их нашли в пещере, над которой затем и был построен лазарет. А из этого зала к источникам ведёт узкий тоннель. Его прорубили специально, чтобы удобнее было ходить за целебной водой. Как раз над проходом сегодня и установили сундук.

— Кто нас продал? — процедил сквозь зубы Уолфорд. — Как вы могли обо всём узнать?

— Вряд ли «продал» — правильное слово. Но священнослужителю из южной часовни с некоторых пор пришлось очень плотно сотрудничать с властями. Обстоятельства вынудили.

Дверь распахнулась, и в зал шагнул офицер — тот самый, что должен был, по плану заговорщиков, крепко спать на посту.

— Господин Грегори Уолфорд, вы арестованы, — зычным голосом объявил он. — Приказываю немедленно сдать оружие.

Заговорщик этого делать не собирался. Не теряя ни секунды, он метнул нож, а после того, как обладавший отличной реакцией офицер благополучно увернулся, ринулся на него с мечом.

И в этот момент я прыгнула.

Когда я свалилась ему на спину и вцепилась обеими руками в шею — не с целью задушить, а чтобы банально удержаться на месте, — Уолфорд потерял равновесие и упал на пол. Я — вместе с ним. Началась ожесточённая борьба. Преимущество, которое дала мне внезапность, позволяло лишить его сознания, но это не входило в мои планы. Поэтому мы боролись, пока офицер, подбежав, не склонился над нами и не сумел прижать лезвие клинка к горлу Уолфорда. После этого я смогла подняться на ноги и обезоружить арестованного.

— Грегори Уолфорд, личный помощник герцога Фернана Ромеро, — произнесла я после того, как офицер позволил заговорщику встать. — На вашем счету убийство по меньшей мере двенадцати человек. Вы помогли своему хозяину в распространении на территории Эркландии и соседних королевств сиреневого порошка. Торговля, благодаря которой лорд Ромеро изрядно умножил своё состояние. На вашем счету попытка похищения ристонийской принцессы, а теперь также покушение на Клавдия Второго, короля Эркландии. Вы арестованы и будете препровождены в тюрьму. Вашу дальнейшую судьбу решит королевский суд.

— Вы так полагаете? — хмыкнул Уолфорд.

Полагаю, он имел в виду моё самое последнее утверждение.

— Не могли бы вы оставить нас одних? — обратилась я к офицеру передавая ему изъятое у

арестованного оружие.

Тот весьма удивился такой просьбе.

— Вы уверены? — с сомнением уточнил он.

Я утвердительно кивнула.

— Этот человек очень опасен, — напомнил офицер, смерив пристальным взглядом арестованного, явно довольного нынешним развитием событий. — Вас не должно вводить в заблуждение то, что он безоружен. Есть люди, на многое способные и без клинков. К тому же нет гарантии, что при обыске мы не пропустили какую-нибудь деталь.

— Я всё это понимаю, господин офицер. — Я поблагодарила его за заботу подбадривающей улыбкой. — И тем не менее мне необходимо переговорить с ним без свидетелей. Это не займёт много времени.

Гвардеец поджал губы, но на сей раз промолчал, сочтя, что уже высказал все аргументы, а окончательное решение остаётся за мной. Именно я стояла во главе данной операции. Помешкав ещё немного, он покинул зал, чтобы, вне всяких сомнений, остаться караулить непосредственно за дверью.

— Вы правильно поступили, отослав этого глупца, — по-свойски, даже развязно, обратился ко мне Уолфорд. — В его голове не умещается ничего, кроме прямых приказов, но мы-то с вами видим ситуацию лучше. Думаю, вы отлично понимаете, что мне нечего делать в тюрьме. Вы ведь представляете другое государство? Попав в руки эркландских властей, для эрталийцев я буду потерян. А я обладаю информацией, которая, вне всяких сомнений, заинтересует ваше правительство. Поверьте, я знаю многое. И буду готов поделиться этими знаниями — на определённых условиях. И первое из них — незамедлительный отъезд за пределы Эркландии. Ну же! — добавил он в ответ на мой пристальный взгляд. — Я могу быть полезен для ваших хозяев, и вы отлично это понимаете.

— Понимаю, — проговорила я, распрямляя спину. Я действительно понимала. Истины в его словах было немало. Такой пленник и вправду полезен. — По-хорошему я действительно должна бы доставить тебя в Эрталию. Но знаешь что? Ты пытался бежать.

Сперва Уолфорд не понял смысл моих слов. Возможно, так и не успел понять. Мой метательный нож, за долю секунды снятый с пояса, вонзился в грудь помощника Ромеро, погрузившись в плоть по самую рукоять. Кобра всегда отдаёт долги. Уолфорд, как подкошенный, рухнул на пол.

Хохот оборвался, и лишь после этого присутствующим удалось увидеть смеявшегося. Справа от алтаря, буквально из ниоткуда, возник Орландо Ибарра.

— Получил свой ответ? — осведомился он, обращаясь к герцогу.

От недавней смешливости не осталось и следа. Взгляд мага был каким угодно — яростным, полным решимости, жаждущим отмщения, обещающим смерть, — но никак не весёлым.

— Свадьба не состоится, — подытожил Ибарра, и его слова прозвучали как приговор.

Чей именно, было понятно без слов. Ромеро попытался схватить за локоть Катрин, дабы

использовать её в качестве живого щита, но девушка успела отойти на несколько шагов, прежде чем швырнуть в него курицу, и теперь, воспользовавшись этим расстоянием, сумела ускользнуть. А дальше между ними встал маг.

Впрочем, нельзя сказать, что Ромеро отчаялся или испугался. Напротив, распрямив спину и высоко подняв голову, он взялся за перстень, который носил на среднем пальце левой руки, губы скривились в слабой улыбке, словно обещая весьма неблагоприятный для Ибарры исход этой встречи.

Маг, со своей стороны, тоже был далёк от чувства страха. Презрительно скривившись, он занял позицию напротив своего врага, широко расставив ноги.

— Из моего дома женщин не похищают, — с нескрываемой угрозой в голосе процедил он.

Конечно, Ибарре пришлось бы нелегко, будь он вынужден одновременно бороться как с обладающим Перстнем Могущества герцогом, так и со всеми его сторонниками. Но вскоре после появления мага в часовню ворвались семеро вооружённых мужчин. В первый момент они мало чем отличались на вид от присутствовавших на церемонии монахов. Но стоило каждому из них переступить порог часовни, как наложенная Ибаррой иллюзия спала, и становилось очевидно, что никакого отношения к обитателям монастыря вбежавший не имеет. Зато мечи и кинжалы обнаруживались у всех.

Правда, сражаться сторонникам мага пришлось не только с воинами Ромеро, но и кое с кем из монахов. Некоторые святые отцы оказались вооружены посохами и были совсем не прочь поразмяться. Что бы сказали на этот счёт боги, которым они служили, оставалось неизвестно. Именно с двумя такими монахами и столкнулся первым делом Нарцисс.

Меж тем воцарившийся в часовне хаос, казалось, никак не коснулся Фернана Ромеро и Орландо Ибарры. Эти двое по-прежнему стояли один напротив другого, практически не шевелясь. Между ними шла борьба не на жизнь, а на смерть, и дешёвое представление им было ни к чему. Поэтому не было ни огненных шаров, ни жалящих противника молний, ни страшных чудовищ, разевающих огромные пасти, ни бестелесных призраков, протягивающих к противнику дрожащие руки. Только двое мужчин, застывших, будто их ноги вросли в пол. И взгляды, которые переплелись так, что, кажется, и захочешь — не отведёшь.

Атаки Ромеро были значительно менее разнообразными и изощрёнными, чем действия Ибарры, ведь герцог не успел поднатореть в магическом искусстве. Зато он компенсировал этот недостаток недюжинной, почти неограниченной силой, которую черпал из своего перстня. В итоге ему удавалось благополучно отражать удары противника и наносить собственные.

До поры до времени. Ибарра почувствовал, как начал уставать, и это означало, что необходимо действовать, и действовать быстро. Собрав все силы в кулак, маг нанёс по противнику сокрушительный, как ему казалось, удар. Ромеро посерел лицом, но удар отразил. Ибарра поспешил выставить защиту от ответного выпада, мысленно кляня противника на чём свет стоит. Почти ничего не умея, этот мерзавец всё-таки держался, прячась за силой перстня, будто за крепостной стеной. Перед глазами плясали круги, и оставалось лишь надеяться, что герцогу сейчас не лучше. Ничего. Любую броню можно пробить.

Сделать вид, будто очередной удар нацелен противнику в голову. «Промахнуться». Магическая энергия уходит в потолок. Ох, до чего её жаль: не так ведь и много осталось. Но это было необходимо. Зато Ромеро успел сосредоточиться на отражении ложного выпада, в то время как

Ибарра, собрав самые последние силы — а может быть, и шагнув за их грань, — нанёс новый, более мощный удар герцогу в грудь.

Фернан Ромеро покачнулся, сжимая в руке Перстень Могущества, на который сделал ставку в этой игре. Быть может, в последний момент он успел пожалеть о том, что, положившись на артефакт, выступил против одного из сильнейших магов. Кто знает? Секунду спустя герцог замертво рухнул на пол часовни.

Ибарра стоял, едва дыша. Опереться было не обо что, и все силы уходили на то, чтобы не упасть следом за недавним противником. Внезапно стены часовни завибрировали. Откуда-то сверху посыпалась каменная крошка. Потом всё стихло, но опытные люди не испытывали доверия к этой тишине. Им было очевидно: часовня не выдержала магического поединка. Возможно, роковую роль сыграл ложный удар Ибарры, в ходе которого колдовская сила, пройдя мимо мнимой цели, задела потолок. Разбираться в причинах было сейчас бессмысленно. А вот действовать следовало быстро.

— Все наружу, скорее! — крикнул Нарцисс, по счастью являвшийся одним из тех самых обладающих опытом людей.

Его послушались. Монахи, воины и слуги, сторонники как герцога, так и Ибарры, из тех, кто мог ещё держаться на ногах, бросились к выходу. По пути помогали раненым, не разбираясь в том, кто на чьей стороне сражался пять минут назад. Сам Нарцисс схватил за руку Катрин и потянул девушку к двери, заодно поторапливая совершенно дезориентированную служанку. Та непрерывно что-то причитала себе под нос, но послушно бежала рядом.

Ещё немного — и они оказались снаружи. Удостоверившись в том, что женщины остановились на безопасном расстоянии от готового рухнуть здания, Нарцисс огляделся. Сосчитал своих эркландских коллег. Попытался найти глазами Орlando Ибарру — и не нашёл.

— А где маг? — крикнул он, обращаясь к любому, кто услышит.

— Не знаю! — первым откликнулся один из воинов Ромеро.

Следом пожал плечами гвардеец короля. И ещё один. Монах — из тех, что даже не думали вступать в драку, — покачал головой, давая понять, что тоже Ибарру не видел. Катрин вскрикнула и приложила руку к губам, осознав, что означает это общее неведение.

Но Нарцисс понял всё ещё раньше. Громко чертыхнувшись, он ринулся обратно, под своды часовни.

Быть может, окажись сейчас среди соратников агента Кобра, она попыталась бы его остановить. А может, и нет, ведь как-никак Орlando Ибарра спас и её жизнь, не только жизнь Нарцисса. Так или иначе, Кобры здесь не было, и никто не помешал Джозефу Кантри сделать то, что он считал нужным и в чём не раскаялся бы впоследствии независимо от обстоятельств.

Все замерли, напряжённо следя за дверью. Секунда. Вторая. И вдруг земля задрожала. Ещё несколько мгновений затишья... А затем потолок всё-таки обвалился.

Светопреставление длилось не более минуты. Потом были крики, беготня, кашель от поднявшейся в воздух пыли. Люди решились ринуться внутрь — кто через дверь, кто через образовавшийся в стене проём. Вообще по большей части каменные стены выстояли, по-прежнему обрамляя то, что раньше было часовней. Даже потолок обвалился лишь местами,

местами же продолжал держаться благодаря колоннам и всё тем же стенам. Однако внутри царил хаос. Обвалившиеся балки, обломки камней и древесины, опрокинувшиеся скамьи, пыль, всё ещё кружащая в воздухе.

Там, где совсем недавно стоял Ибарра, образовался небольшой завал. Но маг лежал у стены, в более безопасном месте, куда, по-видимому, успел увести его Нарцисс. Едва увидев Орландо, Катрин вскрикнула и бросилась к нему, начисто игнорируя все препятствия. Чуть не поскользнувшись на выпавшей из канделябра свече, она даже не замедлила бег. Остановилась, лишь достигнув цели, и осторожно опустилась на колени.

Маг дышал, это было видно сразу. На его теле красовалось несколько свежих царапин, силы были на исходе, но в остальном, насколько Катрин могла судить на первый взгляд, он не пострадал.

— Вы... Да вы... — выдохнула она, когда он открыл глаза.

Другие слова в голову никак не приходили.

— На себя посмотрите, — усмехнулся Ибарра. По интонации можно было подумать, что они снова находятся в безопасности его замка. Вот только голос звучал настолько слабо, что Катрин стало не по себе. — Как можно было от меня сбежать... Вот правильно я вас сначала запер...

— Я с раненым спорить не хочу! Но потом ещё припомню вам эти слова! — пригрозила девушка.

— А я припомню вам ту записку, — не остался в долгу маг. — Чёрт побери, Катрин! — выдохнул он затем. — Вы так меня напугали!

— В таком случае вам придётся на мне жениться, — со слабой улыбкой сообщила девушка.

Остаётся лишь гадать, повлияли ли эти слова на состояние мага, но после того, как Катрин замолчала, он почти сразу потерял сознание.

— Ты это видишь?

Хорошо сложенная женщина, светлые волосы которой были собраны в пучок, коснулась руки только что въехавшего на территорию монастыря мужчины. Он буквально выпрыгнул из кареты на ходу и ринулся к часовне, едва увидев, что с ней произошло. Женщина же успела подбежать сюда чуть раньше, со стороны одной из монастырских построек. Сочтя, что Катрин Борфор уже угодила в ловушку, Фернан Ромеро не настаивал на том, чтобы её мать, Элизабет Тентон, продолжали удерживать взаперти.

— Вижу, — мрачно кивнул герцог Борфор, глядя на свою дочь, которая стояла на коленях подле мага.

— Ты знаком с этим мужчиной?

— Не слишком близко. Но знаю, кто это такой. И репутация его оставляет желать лучшего.

— Их надо поженить, — решительно объявила Элизабет, начисто проигнорировав его слова про репутацию.

— С какой ещё стати? — нахмурился герцог.

— Ты что, не видишь, как она себя ведёт? — всплеснула руками мать Катрин. — Склонилась над ним, плачет, шутками подбадривает! Да его хватать надо! Она на моей памяти столько женихов отшила. С её характером и в старых девах недолго задержаться!

— Ничего, с моим приданым не задержится, — буркнул Борфор.

Бывшая любовница подняла на него в высшей степени раздражённый взгляд:

— Ты мне про куплю-продажу, а я тебе — про семейное счастье. Давай-ка, как придёт в себя, бери его в оборот.

Герцог возвёл очи к небу, которое, ввиду отсутствия потолка, можно было увидеть теперь прямо над головой:

— Он поправлять здоровье будет по меньшей мере неделю.

— Вот и хорошо, — деловито отозвалась Элизабет. — Вот пока окончательно не поправил, сопротивляться в полную силу не может, надо его обработать.

— Да с какой радости я стану его обрабатывать?! — возмутился Борфор. — Ты хоть знаешь, что он — бабник, каких мало? А также большой любитель вина и холостяцких вечеринок?

— Отлично, самое то, — в предвкушении потёрла руки женщина. — Как раз из таких самые лучшие мужья и получают.

— Он — человек опасный и далеко не самый благочестивый, — продолжал настаивать герцог. — Способен на крайне неоднозначные поступки.

— А мы люди простые, торговые, — с сарказмом откликнулась Элизабет. — Нам, знаешь ли, с грязными методами дело иметь не в новинку. Не то что вам, аристократам да политикам.

— В конце концов, он — маг! — выдал свой последний козырь Борфор. — Дитя Орэнда, разве не так ты считаешь?

Женщина поглядела на предполагаемого зятя, поджав губы.

— У каждого свои недостатки, — констатировала она наконец.

Пока подобным образом решалась судьба Орландо Ибарры, мало кто обратил внимание на агента Джозефа Кантри, лежащего без сознания с глубокой кровоточащей раной в боку.

Глава 19

Я сидела, низко опустив голову и слушала, как потрескивают дрова в разожжённом специально для нас камине. Небольшая, тёмная комната располагалась в удалённой части королевского дворца и, когда мы сюда пришли — вернее, когда сюда доставили Нарцисса, — выглядела весьма сиротливо. Теперь агент лежал на старой односпальной кровати и беззвучно шевелил губами, пребывая не то во сне, не то в забытии.

Через открытое окно в комнату проник запах гари. Кое-какие беспорядки в городе всё-таки случились, и бунтовщики успели сжечь несколько зданий. К счастью, их быстро удалось угомонить — успех, которому, несомненно, поспособствовали прибывшие из Эрталии офицеры.

Кроме того, кардинал Монтерей, своевременно приехавший в Эркландию, выступил перед подданными короля Клавдия, осудив бунтовщиков от лица Церкви и призвав горожан к соблюдению законов.

Я положила руку Нарциссу на лоб. Горячий. Жар никак не желал спадать, несмотря на все наши старания. Время от времени Нарцисс приходил в себя, внятно отвечал на вопросы, даже пытался шутить, но я знала, что он угасает. По словам лекаря, ему оставалось не больше двух дней. Слишком тяжёлые раны получил агент, когда обвалился потолок часовни. У меня не было причин не доверять тому лекарю, и тем не менее я отыскала другого. Хоть это и было непросто, учитывая последние события, в результате которых резко возросла потребность в целителях. Слова второго лекаря не слишком отличались от диагноза первого. При таких ранениях медицина бессильна. Крепитесь.

Этим я и занималась. Крепилась. Поправляла подушку. Давала лекарства. Болтала, пытаюсь поднять Нарциссу настроение, когда он открывал глаза. Он что-то отвечал, улыбался через силу. Потом взгляд его снова затуманивался, глаза закрывались. И я сидела, чувствуя, что осталась одна. А потом вздрагивала, понимая, что пока нас ещё двое, но совсем скоро я действительно останусь в одиночестве.

И на глаза наворачивались слёзы. Я уже махнула на них рукой. Хотят течь, пускай текут. Сдерживать их я устала. Главное — быть в норме, когда Нарцисс приходит в себя.

Всё повторяется. Недавно я уже сидела вот так, склонившись над раненым, и ничего не в силах была изменить. Перед глазами очень чётко всплыло лицо Волка. Тогда было больно. Сейчас — ещё больнее. И ощущение собственной беспомощности, к которому я не привыкла и с которым так плохо умею справляться.

— Не успел...

Слова едва слышно слетели с губ Нарцисса. Я встрепенулась, вгляделась в его лицо. Нет, глаза по-прежнему закрыты. Бредит. Или разговаривает во сне. Как разобраться, где проходит граница? И что он имеет в виду? Что не успел спасти мага? Но это он как раз сделал. Не успел выбежать из часовни? Да, скорее это.

— Совсем девчонка...

Судорожно сглотнув, я погладила его по волосам и по вспотевшему от жара лбу. Кажется, он успокоился, во всяком случае, дыхание стало более ровным.

Я была неправа. Сейчас, в свои последние часы, в пограничном состоянии между сном и явью, Нарцисс вспоминал не последние события, а то, что случилось много лет назад и навсегда зацепило душу. Девочку, которая погибла, как казалось агенту, по его вине. Та, которую он не успел спасти, когда задержался, повстречав в городе друга. Эта история многое определила в его судьбе и не отпускала даже теперь.

Я резко подняла голову. Есть одна вещь, которую я всё-таки могу для него сделать.

— Я скоро вернусь, — шепнула я, хотя он и навряд ли мог меня слышать. И поспешила прочь из комнаты.

Кардинала я отыскала именно в той части дворца, где и предполагала, и, на моё счастье, он

был один. Впрочем, на тот момент я была настроена столь решительно, что вряд ли меня бы смутило даже общество самого эркландского короля.

— Ваше высокопреосвященство! — Я обратилась к нему прямо с порога. — Прошу вас, не могли бы вы уделить мне несколько минут?

Монтерей внимательно оглядел меня сверху вниз, и я запоздало сообразила, что выгляжу не самым подходящим образом. Волосы растрёпаны, одежда наверняка помята, макияж давно не обновлялся, и хорошо ещё, если краска не потекла по лицу вместе со слезами. Но что-то менять было поздно, поэтому я даже не стала пытаться.

— Слушаю тебя, дочь моя, — откликнулся кардинал, дойдя взглядом до моих туфель, и лишь после этого возвратившись к лицу.

Следуя его знаку, я вошла в комнату. Садиться не стала: во-первых, я пришла без приглашения, а во-вторых, необходимо было спешить. Я не знала, сколько у нас осталось времени.

— Ваше высокопреосвященство, — усилием воли я заставила себя перестать теребить собственную юбку и решительно подняла голову, — вправе ли я считать, что сделала что-то полезное на благо своей страны?

Монтерей, чуть склонив голову набок, вопросительно поднял брови в ожидании продолжения.

— Да, дочь моя, — тем не менее дал он ответ.

— Я хочу обратиться к вам с просьбой. — Я очень надеялась, что в моих словах прослеживается логика, хотя полной уверенности при царившем в голове хаосе не было. — Лишите меня всех наград и регалий. Пусть мне не выплатят ни гроша за мою службу в Эркландии. Только, пожалуйста, согласитесь сделать то, о чём я сейчас попрошу.

Брови кардинала поднялись ещё выше, однако больше ничто в его виде не выдавало удивления. Сердитым он тоже не выглядел, как минимум пока. Скорее ему было любопытно.

— Судя по столь длинному предисловию, эта просьба достаточно необычна, — заметил Монтерей. — Итак, в чём же она заключается?

— Исповедуйте одного человека! — выпалила я. — Это некий Джозеф Кантри, он лежит здесь, во дворце, и... умирает.

Сердце громко стучало. Я отлично понимала, насколько неподобающе звучала моя просьба, но всё равно не отступила ни на шаг и не опустила глаз.

По лицу кардинала невозможно было прочесть его реакцию.

— Насколько я понимаю, это Джозеф Кантри, также известный под именем Нарцисс? — уточнил Монтерей.

— Именно так. — Я не стала пытаться скрыть очевидное.

— И ты хочешь, — неспешно, даже вкрадчиво проговорил он, — чтобы я, кардинал, глава духовенства Эрталии, оставил все государственные дела и лично исповедовал человека, который даже не имеет дворянского титула? Более того, служит тайным агентом другого

королевства?

— Дружественного королевства, — с напором уточнила я.

— Чужого королевства, — не принял моей поправки Монтерей. — Сегодня дружественное, завтра может стать враждебным. Итак, правильно ли я понял твою просьбу?

— Да, ваше высокопреосвященство, — подтвердила я.

И дальше будь что будет.

— Хорошо, — сказал кардинал, не тратя ни секунды на размышление. Чем поверг меня в состояние шока, невзирая на царившую в голове неразбериху. — Это может быть даже занятно.

И он, не дожидаясь моей реакции, вышел из комнаты. Я поспешила следом, чтобы показать ему путь.

Больше всего меня сейчас пугало, что, когда мы дойдём до места, Нарцисс окажется в забытьи и кардинал не пожелает ждать. Но нет, приблизившись к кровати, я увидела, что глаза раненого открыты. Монтерей опустился на стул, который прежде занимала я. Сама же я покинула комнату, так как присутствовать при исповеди запрещено, да и, мягко говоря, непорядочно. Тем не менее далеко уходить я тоже не собиралась; осталась дежурить за дверью.

Времени, как мне казалось, прошло немало. Беспokoясь о состоянии Нарцисса, я решила слегка приоткрыть дверь.

Услышала слабый голос агента. Слов не разобрала, однако, судя по всему, исповедь ещё не закончилась, и я уже собиралась повторно закрыть дверь, когда услышала ответ кардинала:

— Ну что ж, сын мой. Я отпущу тебе грехи. Но с одним условием.

От удивления я расширила глаза так, что они едва не вылезли из орбит. Признаюсь откровенно, хоть я и служу кардиналу Эрталии, меня нельзя назвать по-настоящему благочестивым человеком, и на исповедь я не ходила уже достаточно давно. Но неужели ход этого таинства изменился так сильно, что теперь священник, отпускающий умирающему грехи, ставит ему при этом какие-то условия?!

Предполагаю, что сам Нарцисс удивился не меньше моего, но ничего не сказал, или, во всяком случае, я этого не услышала. Зато без труда разобрала дальнейшие слова Монтерея, который, не мешкая, озвучил своё условие.

— Выживи, — жёстко сказал он, вставая со стула. Но отходить пока не спешил и, глядя агенту прямо в лицо, продолжил: — Выживешь — и я отпускаю тебе все грехи. Начинай с чистого листа. Умрешь — не обессудь. То, что будет происходить с тобой на том свете, меня не интересует. Будешь разбираться с архангелами своими силами.

Произнеся короткую молитву, он развернулся и направился к двери. Я даже не попыталась спрятаться, ошалело взирая на главу эрталийской церкви. Лишь инстинктивно отступила назад, предоставляя ему возможность выйти из комнаты.

— Значит, так, — обратился ко мне Монтерей, быстрым шагом шествуя по коридору. Разумеется, мне ничего не оставалось, кроме как, оставив свой пост, поспешить за ним. —

Сейчас ты оправляешься к лорду Ибарре. Ему тоже несладко пришлось в часовне, но, полагаю, он уже пришёл в сознание. Пойдёшь к нему и попросишь лекарство для своего подопечного.

— Но лекари сказали, что никакое средство не поможет... — попыталась возразить я, хотя в душе уже затеплилась надежда.

Она всё сильнее разгоралась с каждой секундой, и приходилось сдерживать её практически силой, чтобы впоследствии не разочароваться вдвойне.

— Лекари знают своё дело, — и не подумал спорить кардинал. — А маги знают своё. Однажды лорд Ибарра уже помог человеку, с ранением которого не справлялись целители. Вот, кстати, и Ринольд. — Проследив за взглядом Монтерей-старшего, я действительно увидела поднимающегося по ступенькам Рэма. «Ринольд» было его настоящим именем, в то время как «Рэм» в действительности являлось прижившимся среди его окружения сокращением: Ринольд Этьен Монтерей. — Можешь расспросить его о подробностях. Мне же пора возвращаться к делам государственной важности.

— Ваше высокопреосвященство, только один вопрос! — задержала его я. — Вы знаете, где находится сейчас Орландо Ибарра? В своём замке?

Мысль о том, что дорога в резиденцию мага займёт много часов, заставляла сердце сжиматься от страха. Сумею ли я вернуться вовремя? А ведь именно сейчас, благодаря поданной кардиналом надежде, у меня появилось что терять.

— Нет. — Монтерей-старший отчего-то усмехнулся краешками губ. — В данный момент лорд Ибарра проходит лечение в резиденции герцога Борфора. Это недалеко отсюда, ваш путь займёт меньше получаса. Возьмите себе кого-нибудь из солдат гарнизона в провожатые.

И он продолжил шагать по своим делам, в то время как я, отстав, присоединилась к Рэму.

Мы действительно застали Ибарру во дворце лорда Борфора. Маг, которому явно осточертело лежать в постели, принял нас с радостью. Узнав, что мы пришли по делу человека, спасшего лорду Орландо жизнь, герцог, Катрин и приятная женщина, оказавшаяся её матерью, также отнеслись к нам с большой теплотой. Узнав о цели нашего визита, Ибарра хмыкнул и без малейших возражений занялся изготовлением зелья. На этот процесс ушло около получаса. Получив флакон, мы незамедлительно распрощались и поспешили в королевский дворец.

К вечеру Нарциссу уже стало лучше.

Эпилог

Я шла по узким городским улицам достаточно быстро, чтобы производить впечатление целеустремлённого, спешащего по своим делам человека, но и не слишком быстро, чтобы никто не подумал, будто я спасаюсь бегством. Хотя в некотором смысле дело обстояло именно так.

Поворот, ещё один, затем ещё. Тупик, заставивший меня вернуться немного назад и зашагать вдоль выкрашенного в светло-зелёный цвет забора. Эркландскую столицу я знала неплохо, но всё-таки похуже, чем ристонийскую. Идти же напрямую к цели я опасалась и предпочла немного покружить, дабы удостовериться в том, что меня никто не преследует.

К счастью, моросящий дождь позволял накинуть на голову капюшон, не вызывая подозрений. Хотя, если говорить откровенно, при иных обстоятельствах редкие крупные капли не заставили бы меня прибегнуть к помощи плаща. Солнце то и дело выглядывало из-за туч, словно стремилось успокоить меня прикосновением тёплых лучей. Вот только успокаиваться я была пока не готова.

Часы на площади пробили полдень. Это было слышно даже в тех закоулках, по которым я предпочитала перемещаться, и я сделала вывод: пора. Слежки как будто не было, и я, не сбавляя темпа, зашагала к храму. Высокая деревянная дверь с массивными металлическими кольцами, арочные окна, треугольная крыша и башни с двух сторон от основной части здания. Не главная городская церковь, но и не заброшенная часовня на окраине. Просто обычный храм в обычном городском районе. Оптимальный способ не привлечь лишнего внимания. Так мы, во всяком случае, рассудили.

По плану мы с Нарциссом должны были подойти к церкви более-менее одновременно, но с разных сторон, как будто эта встреча — чистой воды случайность. И лишь затем, если вокруг всё будет чисто, вместе войти внутрь. Со святым отцом всё было договорено заранее.

Трудно сказать, кому из нас первому пришла в голову мысль о женитьбе, но после всего случившегося за последнее время мы оба знали, что придём в храм и станем рука об руку перед алтарём, чего бы нам это ни стоило. А цена обещала стать высокой, в этом тоже сложно было усомниться. Тайные агенты Ристонии и Эрталии. Каждый из которых знает о политике своего королевства несколько больше, чем допустимо для подобного брака. И получаса не проходило без того, чтобы у меня в голове чётко не прозвучали слова кардинала: «Чужого королевства. Сегодня дружественное, завтра может стать враждебным». Скорее всего, наш поступок будет расценен как предательство. Более того, как государственная измена. И вряд ли в случае, если о бракосочетании узнают, нас ожидает суд. Скорее, несчастный случай или внезапное нападение разбойников.

Отчасти именно по этой причине мы решили пожениться здесь, в Эркландии. На нейтральной территории, в непростое для страны время, когда у политиков хватало более важных дел, чем слежка за простыми агентами. Ведь с попытки заговорщиков захватить власть успело пройти всего две недели. Кроме того, не следовало пренебрегать тем фактом, что мы находились сейчас в одной стране. Как знать, возможно, в будущем добраться друг до друга, не привлекая постороннего внимания, окажется слишком непросто.

Вот и он. Я с облегчением выдохнула, заметив впереди мужскую фигуру, закутанную, как и я, в тёмный плащ. Встретившись у ведущих к двери ступеней, мы молча взяли за руки и вместе поднялись на порог.

Капюшоны скинули, лишь оказавшись под защитой храмовых стен. Распахнув плащ, Нарцисс вручил мне жёлтый цветок, который, по-видимому, сорвал по пути.

— Кажется, ты любишь одуванчики? — подмигнул он.

Я беззвучно засмеялась. Да, было дело. Девушка, собиравшая цветочки и лишь поэтому, совершенно случайно, оказавшая помощь при аресте Паромщика и его подельника. Впрочем, причина могла быть и в другом. На языке цветов одуванчик — символ счастья и верности.

Я стала искать глазами священника, но поражённо уставилась на двух совсем других мужчин, приближавшихся к нам с чрезвычайно довольными лицами.

— Хотели скрыть от нас такое событие?

Я почувствовала, как Нарцисс с силой сжал мою руку. Вряд ли от Рэма и Ибарры, шествовавших сейчас по проходу между скамьями, исходила реальная угроза, но слишком уж неожиданным оказался такой поворот.

— Нехорошо забывать старых друзей! — наставительно, но широко улыбаясь, заявил маг.

— Как вы узнали? — изумилась я.

— У нас свои способы добывать информацию, — усмехнулся Ибарра.

— Мои поздравления! — сказал Рэм и обнял меня, но так, по-братски.

Маг, однако же, не преминул пихнуть его в бок.

— Я бы на твоём месте не злил людоеда! — напомнил он и расхохотался. — Поздравляю! — сказал он затем.

— Спасибо.

— Как видишь, со всеми это рано или поздно случается, — подмигнул Рэм.

— Начинаю верить в эту истину, — хмыкнул Ибарра, думая, кажется, о чём-то своём.

— Ладно, не будем оттягивать церемонию.

С этими словами Рэм отошёл в сторону, чтобы освободить нам путь. Но ещё прежде, чем он успел отступить, из-за их с магом спин послышался голос, знакомый настолько, что я оцепенела, забыв, как дышать:

— Это верно. Негоже затягивать с венчанием.

Теперь и маг передвинулся ближе к скамьям, и мы увидели в проходе ещё двоих мужчин. Кардинал в своей традиционной тёмно-бордовой сутане, а рядом с ним — Кэмерон Этли. Я даже не знала, что последний прибыл в Эркландию.

Дыхание давалось с трудом, руки и ноги словно налились свинцом. На моё лицо упала тень, и я поняла, что Нарцисс шагнул вперёд, частично прикрывая меня от внезапно обнаружившихся здесь людей. Даже вытянул в мою сторону руку в защитном жесте.

— Что с нами будет? — прямо спросил он.

И вновь по лицу Монтерея невозможно было прочитать ровным счётом ничего. Однако мне показалось, что в глазах Кэмерона Этли промелькнуло что-то, похожее на понимание, быть может, даже сочувствие. Тем не менее первым заговорил именно кардинал.

— Как лицо духовное я, конечно же, отрицательно отношусь к тайным брачным союзам, — строго произнёс он. — Как руководитель я также не одобряю подчинённых, скрывающих от меня столь значимые поступки. Как государственный муж... — он сделал небольшую паузу, — ...как государственный муж я не могу не признать существенных преимуществ этого шага.

Я нахмурилась, отчаянно силясь понять смысл последних слов. Уголки губ кардинала приподнялись в едва заметной улыбке, и это придавало больше надежды, чем ускользающий смысл сказанного.

— Преимущества? — лаконично переспросил Нарцисс.

Кардинал неспешно зашагал в сторону алтаря, и это заставило нас последовать за ним. Как мне показалось, основной целью такого манёвра было отдаление от посторонних ушей, говоря точнее — от ушей Орландо Ибарры.

— Мы с лордом Этли уже давно обсуждали целесообразность создания в Эркландии... скажем, некоего ведомства, в котором служили бы подданные как Ристонии, так и Эрталии, на благо обоих государств. Обстановка в Эркландии весьма нестабильна, поэтому за ней необходимо внимательно следить и в некоторых случаях... немного направлять.

— Как вы понимаете, такое ведомство кто-то должен возглавить, — перехватил инициативу Этли. — Из политических соображений крайне важно, чтобы выбор главы не перетянул чашу весов в пользу одного из наших королевств. Мы с его высокопреосвященством полагаем, что вы двое отлично подойдёте на эту роль.

Мне всё ещё не верилось в столь благополучный исход нашего предприятия, которое трудно, пожалуй, было назвать иначе, чем авантюрой. И всё-таки я почувствовала, как рукам и ногам возвращается гибкость и свобода движений. С губ сам собой сорвался вздох облегчения. Этли уже откровенно улыбался. Даже лицо кардинала утратило свою молчаливую бесстрастность.

— Не тряхнуть ли мне стариной? — задумчиво проговорил он, когда мы остановились около алтаря.

Я не сразу поняла, что именно имеется в виду, — должно быть, потому, что слишком уж невероятным казался единственно возможный смысл слов Монтерея-старшего. Однако священник, всё это время молча ожидавший нашего приближения, отступил в сторону, почтительно склонив голову. Краем глаза я заметила озорную улыбку, заигравшую на устах Рэма. Они с Ибаррой также приблизились к месту проведения церемонии и остановились на небольшом отдалении, возле передней скамьи. Хмыкнув, словно его тоже позабавило собственное решение, кардинал шагнул на место священника.

Мы с Нарциссом переглянулись. Возражений ни один из нас не имел, да и, положив руку на сердце, кто бы стал их слушать, эти возражения? Впрочем, противиться предложению кардинала было бы глупо. Кто в здравом уме откажется от шанса быть обвенчанным первым лицом церкви влиятельной державы? Тем более речь шла о человеке, которого я чрезвычайно ценила и уважала, пусть именно эти чувства и заставляли меня прежде опасаться его вердикта.

— Что ж..

Я полагала, что кардинал воспользуется книгой, которую здешний священник любезно оставил для него открытой на нужной странице. Однако Монтерей даже не взглянул на текст. И это невзирая на то, что, готова поспорить, с момента, когда он в последний раз проводил подобную церемонию, прошло много лет. Обычно служители церкви его уровня венчают разве что особ королевской крови, но наш король женился более двадцати лет назад, а его сын, принц Рикардо, был пока ещё холост.

— Братья и сёстры, мы собрались здесь, чтобы соединить этого мужчину и эту женщину священными узами брака. Брак есть нерушимый союз, скрепляемый пред ликами богов, чтобы двое могли идти по жизни рука об руку, пока смерть не разлучит их. Венчание — событие не редкое, однако истинно счастливый брак, в котором муж и жена шагают друг с другом в ногу, не опережая и не отставая, не сворачивая и не спотыкаясь по дороге, есть явление почти

исключительное. Одни называют подобное везением, другие — подарком богов. Будем же молиться о том, чтобы заключаемый в эти минуты союз стал именно таким исключением. Джозеф, именуемый также Нарциссом, согласен ли ты взять в жёны присутствующую здесь Дейзи?

Агент посмотрел на меня и легонько сжал мою руку.

— Да.

— Дейзи, именуемая также Коброй, согласна ли ты взять в мужа присутствующего здесь Джозефа?

Фамилии кардинал умышленно опускал.

— Да.

— Пред ликами богов и в присутствии свидетелей, немногочисленных, но достойных, объявляю вас мужем и женой.

Мне всё ещё не верилось, что это действительно произошло. Но факт оставался фактом. Церемония завершилась, и мы с Нарциссом действительно стали семьёй — поворот судьбы, на который мы оба перестали рассчитывать много лет назад. К этой мысли ещё предстояло привыкнуть.

— Мои поздравления! — Этли протянул Нарциссу руку для пожатия, и тот с радостью её принял.

— Ну а теперь это событие надо отпраздновать! — с видом знатока заявил Рэм.

— Мы можем отправиться в резиденцию эрталийского посла, — заметил кардинал.

— Почему же эрталийского? — изогнул брови Этли. — В ристонийском посольстве будет ничуть не хуже.

— Всё ясно, — делано вздохнув, заявил Ибарра. — Едем ко мне в замок, на нейтральную территорию!

— Нейтральная территория — это, конечно, неплохо, но не слишком ли далеко она находится? — усомнился в целесообразности такого решения Этли.

— Возможно, — подтвердил маг. — Но по такому случаю я немного ускорю наше перемещение.

И он заговорщицки подмигнул.

В гости к Ибарре отправились на двух каретах. Нам как молодожёнам предоставили ехать вдвоём. Хотя подозреваю, что подлинная причина заключалась в другом: просто во время поездки во втором экипаже обсуждались политические вопросы, для наших с Нарциссом углей не предназначенные. Впрочем, на это мы были совершенно не в обиде. Смущало другое.

— Орэнд! И зачем Ибарра пообещал ускорить путешествие? — простонал Нарцисс, не без труда отрываясь от моих губ.

Я понимающе кивнула, поправляя платье. Корсаж к этому моменту был приспущен, открывая

вид на корсет.

— Думаю, испытывать судьбу не стоит, — признала я.

Это стоило немалых трудов, поскольку рука Нарцисса уже принялась блуждать по моей ноге, всё выше поднимая юбку. По телу пробежала очередная волна дрожи.

— Я сказала: «Нет!» — сквозь зубы напомнила я, кладя руки ему на плечи, чтобы оттолкнуть.

Никто не знал, как скоро мы прибудем на место. Быть может, путешествие займёт добрый час, а может быть, пять минут. Пойди разберись в методах и возможностях этого мага. На самого Ибарру и Рэма я бы ещё махнула рукой, но запереться в карете от Эстли и кардинала, заставив их ждать себя по прибытии, — это был бы перебор.

Нарцисс отлично понимал, что я права, но, поскольку я приняла на себя роль блюстителя порядка, отчего было не поспорить?

— Ты понимаешь, что любая наша семейная ссора ставит под угрозу сотрудничество двух государств? — вкрадчиво поинтересовался он. — Так что отныне ты во всём должна со мной соглашаться. Это твой долг не как жены, а как подданной Эрталии.

— Это ты должен отныне во всём соглашаться со мной! — возразила я. — Иного Ристония тебе не простит.

— Моя страна не настолько жестока, — отрезал Нарцисс. — Кстати, Дейзи, хотел попросить тебя об одной мелочи.

Я вопросительно изогнула бровь.

— Во время семейных скандалов постарайся бить посуду.

— Дорогой, ты так волнуешься, что, кажется, пропустил слово «не», — ласково проворковала я. — Ты ведь хотел сказать «НЕ бить»?

— Нет, я хотел сказать именно «бить», — не принял мою поправку он. — Денег на новый сервиз нам всегда хватит. А вот бесконечно менять двери, утыканные ножами, — это процесс накладный и, главное, чересчур трудоёмкий.

Я попыталась ответить на выпад интеллигентно — затрепиной, но в этот момент карета дёрнулась, и я легонько ударилась головой о боковую стенку.

— Ну вот, уже экипаж ломаешь, — укоризненно вздохнул Нарцисс, одновременно аккуратно ощупывая мою макушку. — А он, между прочим, чужой.

— Во всяком случае, он не является собственностью ни Эрталии, ни Ристонии, — поддела супруга я. — Так что о международном конфликте речи не идёт.

Вместо того чтобы ответить очередной колкостью, Нарцисс устремил задумчивый взгляд в окно.

— Думаю, ни Эрталию, ни Ристонию мы не увидим теперь достаточно долго, — проговорил он, пальцем стирая со стенки невидимую пыль.

Я кивнула, положив руку ему на плечо. Не так чтобы самой мне было всё равно, но, во всяком случае, у меня не оставалось в Эрталии семьи.

— Твоя мать будет сильно переживать из-за того, что ты переехал в другую страну? — спросила я, тоже отбросив шутливый тон.

Нарцисс, натужно улыбнувшись, покачал головой.

— Будет, конечно, но, надеюсь, не слишком сильно. — Его улыбка стала более естественной. — Она будет счастлива, что я женился, тем более — на тебе, — подмигнул он. — Это чувство перевесит. К тому же я и раньше не слишком часто бывал дома. Мог исчезнуть в любой момент и на произвольный срок. Приезжать время от времени, думаю, я смогу и теперь, так что... — он пожал плечами, — ...не так уж и велика будет разница.

— При желании они могут перебраться в Эркландию, — заметила я. — Наверняка это реально будет устроить.

— Возможно, — кивнул Нарцисс. — Хотя я не убеждён, что они этого захотят.

Вспомнив Леану, я поняла, почему он так говорит. Наверняка его мать предпочтёт и дальше жить своим домом, поддерживая привычный уклад и вращаясь в обществе знакомых людей, где она чувствует себя как рыба в воде.

— И тем не менее всё могло быть гораздо хуже.

И снова я поняла, что он имеет в виду. Если бы нам пришлось скрывать правду, а возможно, и вовсе бежать в какую-нибудь далёкую, всеми забытую страну, вряд ли бы мы смогли в скором времени увидеть кого-либо из своих друзей и близких.

— Мне показалось, что лорд Эстли наблюдал за нами с каким-то... пониманием, что ли? — припомнила я.

— Думаю, да, — подтвердил Нарцисс. — Видишь ли, в своё время он женился не совсем на той женщине, которую готов был одобрить его сюзерен, герцог Альмиконте. Точнее сказать, совсем не на той.

— Ты говоришь о леди Инессе Эстли? — спросила я с некоторым удивлением: уж очень гармоничной казалась сейчас эта пара.

— Тогда — Инессе Антего, — кивнул Нарцисс. — Поскольку герцог видел в ней своего рода политического противника, думаю, лорд Эстли тоже готов был к любому развитию событий. Но всё завершилось наилучшим для всех образом.

— Иногда так бывает.

Настал мой черёд задумчиво посмотреть в окно.

Мы вновь находились в том самом зале для гостей, где не так давно меня впервые принял Орландо Ибарра. Только на сей раз зал использовался по назначению. Гости переходили с места на место, держа в руках бокалы с вином и время от времени принимая закуски у обходивших их — то есть нас — лакеев. Нет, длинный стол тоже был накрыт, я даже не солгу, сказав, что он ломился от блюд. Однако просидели мы за ним недолго. Всё же наша компания

была малочисленной и состояла из представителей слишком разных сословий и стран. Это не делало её неприятной, и всё же, когда мы вышли из-за стола и стали свободно передвигаться по залу, обстановка сделалась менее напряжённой.

— Этой информацией мне следовало поделиться чуть позже, однако, полагаю, в данных обстоятельствах некоторая поспешность с моей стороны будет оправдана, — заявил, приблизившись к нам с Нарциссом, Кэмерон Этли. — Не думаю, что король упрекнёт меня в том, что я сообщил вам это в день вашей свадьбы. Так вот, его величество Анри Пятый уже подписал указ о присвоении Джозефу Кантри дворянского звания.

— Благодарю вас, милорд. — Нарцисс склонил голову, приложив руку к груди, как и было положено в подобных случаях.

— Вы этого, без сомнения, заслужили, — уже значительно менее официальным тоном произнёс Этли и похлопал Нарцисса по плечу. Тот тоже позволил себе более раскованную (я бы даже сказала, мальчишескую) улыбку.

Сейчас, когда беседа утратила официозность, лорд Кэмерон повернулся ко мне и, всё ещё обращаясь к Нарциссу, насмешливо добавил:

— Как-никак, ваша супруга — графиня. О чём недвусмысленно заявила в нашем присутствии всего несколько месяцев назад. А нам необходимо соответствовать своим жёнам.

Я сочла правильным опустить взгляд и закусить губу, всем своим видом демонстрируя, что испытываю чувство неловкости. Это казалось неплохим способом компенсировать излишнюю наглость, проявленную при упомянутой графом встрече.

— Это была всего лишь временная мера, — скромно призналась я.

— Ну отчего же? — Кардинал Монтерей, как это нередко случалось, приблизился к нашей компании столь бесшумно, что о его присутствии мы догадались, лишь услышав в непосредственной близости его голос. — Жизненный опыт учит нас, что именно временным мерам бывает порой труднее всего дать обратный ход. А в данном случае никто не собирается даже предпринимать подобных попыток. Так что ваш титул, графиня Корбетт, — он произнёс это имя с причитающимся соответствующему статусу почтением, в противовес недавнему сарказму Этли, — так и останется за вами.

— Вот это я понимаю, свадебные подарки! — зычным голосом объявил присоединившийся к нам маг.

— Ну, с учётом того, какую невесту вы себе выбрали, лорд Ибарра, у вас тоже весьма неплохие шансы получить аналогичный подарок, — заметил Этли.

Хозяин замка, разумеется, уже был дворянином, и титул у него тоже имелся. Стало быть, аналогичный подарок в его случае подразумевал чрезвычайно серьёзное повышение статуса. Что ж, невеста — признанная дочь и наследница герцога, занимающая к тому же одно из первых мест в очереди на трон. Понятное дело, подобное просто не может не отразиться на статусе её будущего мужа.

— Признаться, я не вполне уверен, кто там кого выбрал, — хмыкнул Ибарра.

У меня сложилось такое впечатление, что сия неуверенность мага не слишком расстраивала; скорее, он находил в ней нечто забавное.

— Сначала я был уверен, что выбор сделал я, — внёс необходимые объяснения он. — Потом стало казаться, что первый ход всё-таки был за Катрин. А вот в последние дни впечатление стало складываться такое, будто наша помолвка — плод кропотливой работы её родителей.

— В подобных обстоятельствах самое главное — это предоставить каждому думать, будто инициатива принадлежит именно ему, — посоветовал Этли. — Все будут довольны, а вы добьётесь своего.

— Потому я ни с кем и не спорю, — махнул рукой Ибарра. — Но в своё логово из резиденции герцога перебрался при первой подвернувшейся возможности.

Я ожидала, что Рэм воспользуется этой дискуссией, дабы как-нибудь поддеть мага, но обнаружила, что он вообще не слушает наш разговор. Монтерей-младший стоял у окна и думал о чём-то своём, вглядываясь в характерную палитру закатного неба.

— Что-то не так? — тихо спросила я, подойдя к другу и положив ему руку на плечо.

— Пора возвращаться домой, — твёрдо заявил он в ответ, отворачиваясь от окна. — Я отсутствовал достаточно долго. Аделина волнуется.

— Она знает, что беспорядки закончились и ты вне опасности, — мягко заметил, приблизившись, его дядя. — Я ежедневно отправляю послания в Эрталию и позаботился о том, чтобы её держали в курсе событий. Уверен, ты тоже неоднократно ей писал.

— Писал, но это не одно и то же, — поморщился Рэм. — Она осталась одна с ребёнком, к тому же ей совсем не так просто прижиться в эртальском светском обществе, как она демонстрирует напоказ. Она не так давно к нам переехала, и многое ей по-прежнему непривычно. А поскольку здесь действительно стало спокойно, там я нужнее.

— Вот ведь что любовь делает с людьми! — насмешливо воскликнул Ибарра. — Ты мне лучше скажи, хотя бы одна колода карт у неё осталась?

— Осталась, конечно, с чего бы нет?

Рэм хмурился: всякий раз, когда маг упоминал Аделину, это вызывало его явное неудовольствие.

— В таком случае тебе радоваться надо, — заметил Ибарра, полностью проигнорировавший мрачное настроение собеседника. — К моменту, когда вернёшься в Эрталию, твоё состояние увеличится вдвое, а то и втрое.

— С состоянием у меня и так всё в порядке, — оборвал его Рэм.

— Вам, лорд Ибарра, легко говорить, ведь вы находитесь у себя дома, — неожиданно поддержал Монтерея-младшего Этли. А может быть, он просто стремился не допустить ссоры. — А мне вот тоже пришлось оставить за границей жену и двоих детей, и можете не сомневаться, никто из этих троих от такого поворота событий не в восторге. Впрочем, когда я вернусь, станет ещё хуже, — задумчиво добавил он. — Король Анри подумывает о том, чтобы устроить брак своей дочери. И если кандидат в женихи не понравится Инессе... пиши пропало.

Этли безнадежно махнул рукой. Не знаю точно, что означали его слова. Имел ли он в виду, что в случае такого неодобрения можно поставить крест на свадьбе, или скорее намекал на

будущую напряжённость в собственных семейных отношениях? Хотя, если судить по взгляду, который он бросил в сторону кардинала, картина вырисовывалась ещё более интересная. Не исключено, что вся эта речь была произнесена лишь с одной целью: уведомить Монтерей-старшего о намерениях ристонийского монарха.

Однако раздумывала я об этом недолго. У меня был собственный вопрос, который я хотела задать кардиналу. И, увидев, что Монтерей-старший отдалился от прочих гостей, я устремилась к нему:

— Ваше высокопреосвященство, могу я кое-что у вас спросить?

— Да, дочь моя, — откликнулся кардинал, повернувшись в мою сторону.

Сформулировать вопрос было непросто, и всё-таки я постаралась.

— На том этапе, когда вы впервые отправили меня в Ристонию для сотрудничества по делу Паромщика-Малонго... Вы уже знали тогда, что создадите эркландское ведомство совместно с лордом Этли?

«И что вам понадобятся для этой цели два агента?» — но столь очевидное продолжение вопроса я не стала произносить вслух.

Кардинал ответил пристальным взглядом прищуренных глаз.

— Скажи мне, Дейзи, — это был день нарушенных правил, и потому я не слишком удивилась, услышав собственное имя, — как ты полагаешь, почему Лавар взял тебя на службу?

— Потому что видел моё выступление и обратил внимание, что я метко бросаю ножи и хорошо держу равновесие на канате, — отбарабанила я.

— Не совсем. Это была причина вашей первой встречи. Но при всех твоих неординарных цирковых способностях вторая встреча могла и не состояться.

— Почему же в таком случае она состоялась? — с интересом спросила я.

О подобных вещах агенту крайне редко говорят напрямую.

— Благодаря тому качеству, на которое Лавар обратил внимание во время вашего первого разговора. Он отметил, что ты проницательна. Лавар вообще прекрасно разбирается в людях. Надеюсь, ты будешь поддерживать с ним связь даже теперь, когда вы перестанете работать вместе. Он очень привязан к своим агентам, хотя не всегда это показывает.

— Я, безусловно, буду поддерживать с ним связь, но... — Потребовалось немного храбрости, чтобы позволить себе следующее замечание. — Ваше высокопреосвященство, а как же насчёт моего вопроса?

— Я уже ответил на него.

Коротко улыбнувшись, Монтерей направился в сторону расположившегося неподалёку Рэма, привычно перебирая чётки.

Лакеи вновь принялись обходить нас с откупоренными бутылками вина, а также с запасными бокалами на случай, если кто-нибудь пожелает сменить напиток.

— За молодожёнов! — торжественно объявил Ибарра, когда всё было готово.

Тост приняли с удовольствием. Под массивным каменным потолком зазвенели хрупкие бокалы.

— И всё-таки вы двое чуть было не влезли сегодня в большую авантюру, — тише, но одобрительно заметил маг.

Мы с Нарциссом переглянулись, вспоминая свои не самые радужные утренние чувства. Кто бы сомневался!

— Брак — это всегда авантюра, — неожиданно вступился за нас Этли. — Особенно с женщинами определённого типа. Вот он знает. — Граф отсалютовал бокалом Рэму.

— И тем не менее, — Этли улыбнулся, по очереди окинув взглядом племянника кардинала, Ибарру и Джозефа, — оно того стоит.

И руки снова взметнулись вверх, и зазвенели, сталкиваясь, бокалы.